

STUDII – ИССЛЕДОВАНИЯ – RESEARCHES

Михаил Видейко, Татьяна Гошко, Мария Видейко, Татьяна Бондаренко

Расписная керамика на поселениях трипольской культуры этапа VI-II на Днепре

Key words: Trypillia Culture, Dnieper, painted pottery, BI-II stage.

Cuvinte cheie: Cultura Tripolie, Nipru, ceramică pictată, etapa BI-II.

Ключевые слова: Трипольская культура, Днепр, расписная керамика, этап VI-II.

Mykhail Videiko, Tatiana Hoshko, Mariia Videiko, Tatiana Bondarenko

Painted pottery from Trypillia Culture sites BI-II stage at Dnieper

Excavations of Trypillia Culture sites of stage BI-II on the Dnieper began more than 120 years ago. Different researchers attributed them either to the Penezhkov-Shcherbanevka group, then to the Bug-Dnieper type, or to the East Trypillia Culture united together quite different sites - from Klischev on the Southern Bug and Vesely Kut in the Gorny Tikich up to Trypillia on Dnieper. The most noticeable are these differences in the set and quantity of painted ware, the study of which, in our opinion, may allow us to reconstruct in more detail the structure of this part of the cultural community of Cucuteni-Trypillia. Among the important tasks, which we need to study, are: the systematization and publication of painted pottery, the analysis of its distribution over the sites, as well as the clarification of the features of its technology. The studies of painted ceramics from such settlements as Trypillia, Shcherbanevka, Veremye, Kolomiyitsiv Yar allows not only to offer their periodization, but also to substantiate the previously expressed assumptions about the presence here in the second half of the 5th millennium BC, at stage VI-II of the local group that stands out from other sites at Southern Bug and the Bug-Dnieper interfluve.

Mykhail Videiko, Tatiana Hoshko, Mariia Videiko, Tatiana Bondarenko

Ceramica pictată din cadrul aşezărilor culturii Tripolie, etapa BI-II de pe Nipru

Săpăturile arheologice în cadrul aşezărilor culturii Tripolie, etapa BI-II de pe Nipru au început acum mai bine de 120 de ani. Atribuirea acestora de diferiți cercetători fie la grupul Penezhkov-Shcherbanevka, fie la varianta Hugo-Nipreană, fie la cultura Tripolie de Est a unit situri destul de diferite – de la Klishcheva de pe Bugul de Sud, la Veselyi Kut din bazinul Gorni Tikich și până la Tripolie. Aceste diferențe se observă cel mai bine în colecția și numărul de vase pictate, studiu cărora, în opinia noastră, ne permite reconstituirea mai detaliată a structurii comunităților culturale de tip Cucuteni-Tripolie. Printre cele mai importante sarcini se numără sistematizarea și publicarea ceramicii pictate, analiza distribuției sale pe situri, precum și elucidarea particularităților tehnologice de producere. Analiza ceramicii pictate din aşezări precum Tripolie, Shcherbanevka, Veremye, Kolomiytsiv Yar, oferă nu doar o eventuală periodizare a acestora, dar și fundamentarea unor ipoteze, anterior menționate, cu privire la prezența aici a unui grup local, în a doua jumătate a mileniului 5 î.Hr., în etapa I-II, care ieșe în evidență pe fundalul altor aşezări din zona Bugului de Sud și din interfluviul Bug-Nipru.

Михаил Видейко, Татьяна Гошко, Мария Видейко, Татьяна Бондаренко

Расписная керамика на поселениях трипольской культуры этапа VI-II на Днепре

Раскопки поселений трипольской культуры этапа VI-II на Днепре начались более 120 лет тому назад. Отнесение разными исследователями их то к пенежковско-щербаневской группе, то к Буго-Днепровскому варианту, то к Восточнотрипольской культуре объединяло вместе довольно разные памятники – от Клищева на Южном Буге и Веселого Кута в бассейне Горного Тикича до Триполья. Наиболее заметны эти различия в наборе и количестве расписной посуды, изучение которой, на наш взгляд, может позволить реконструировать более детально структуру этой части культурной общности Кукутень-Триполье. Среди важных задач – систематизация и публикация расписной керамики, анализ ее распределения по памятникам, а также выяснение особенностей технологии ее изготовления. Изучение расписной керамики с таких поселений, как Триполье, Щербаневка, Веремье, Коломийцив Яр позволяет не только предложить их периодизацию, но и обосновать высказанные ранее предположения о наличии тут во второй половине V тыс. до н.э., на этапе VI-II локальной группы, выделяющейся на фоне других поселений Побужья и Буго-Днепровского междуречья.

Начиная с этапа VI трипольской культуры именно расписная керамика служит для исследователей наиболее точным датирующим материалом для трипольских поселений. Ее изучение также открывает возможности для выделения локальных вариантов (локально-хронологических групп), выяснения вопросов относительно их происхождения, связей, вероятных миграций древнего населения. На Среднем Днепре известно несколько групп памятников, где, в отличие от остальной территории распространения культурного комплекса Кукутень-Триполье преобладают традиции изготовления посуды с углубленной орнаментацией или вообще неорнаментированной, при этом количество находок расписной керамики относительно невелико. Речь идет в первую очередь о таких группах, как щербаневская, чапаевская, коломийщинская, лукашовская. Первая из перечисленных (а в нее, кроме прочих, входит эпонимный памятник) – наиболее древняя и наименее изученная, насчитывает всего около десятка памятников.

Для решения вопросов относительно происхождения, периодизации, связей щербаневской группы расписная керамика, характеристике и изучению которой посвящено это исследование, представляет особый интерес. Долгое время ее изучение было осложнено небольшим количеством находок, лишь немногие из которых были опубликованы. Раскопки, проведенные в 2003-2018 гг. значительно пополнили коллекцию расписной керамики. Есть возможность восстановить набор форм, оценить из распространение по отдельным поселениям, изучить орнаментацию. Параллельно продолжены начатые ранее исследования технологии изготовления расписной посуды на базе местного сырья, в том числе методами экспериментальной археологии. Это приближает нас к решению

поставленных выше вопросов.

История исследований

Первые находки расписной керамики из района поселений Веремье-Щербаневка-Триполье (рис.1) относятся к 1896 г. [Khvoika 1901, tabl. XXVIII]. Во время раскопок 1897 г. в Веремье В. Хвойка отмечал, что расписная керамика (роспись красного цвета с обводкой черным или коричневым/черным цветом по оранжевому ангобу) составляла порядка 10% находок. Среди них упомянута находка расписанного биноклевидного сосуда. Там же найдены два сосуда, по-видимому содержавшие черную и красную краски [Khvoika 2006, 55-57, tabl. XXVIII, 1].

В описании раскопок у Триполья упомянуты находки расписной керамики преимущественно вблизи реки [Khvoika 2006, 63]. Ее зарисовки, на которых представлен сосуд со стилизованными изображениями змей (сюжет типичный для красной росписи с тонкой черной обводкой), сохранились в полевом дневнике исследователя [Videiko 2016]. Наличие расписной керамики в Щербаневке отдельно

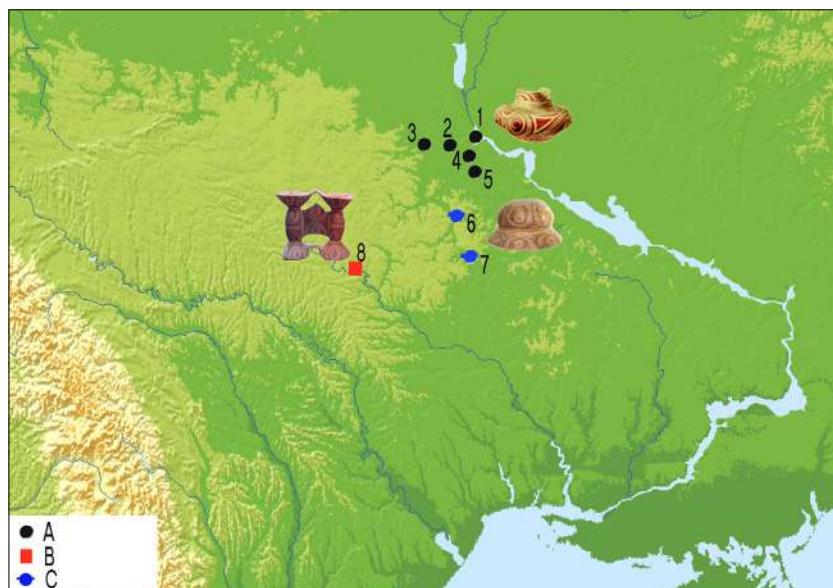

Рис. 1. Карта поселений трипольской культуры этапа BI-II между Южным Бугом и Днепром: А. Поднепровье: 1 – Триполье; 2 – Щербаневка; 3 – Коломийцив Яр; 4 – Долина; 5 – Веремье; В. Междуречье Южного Буга и Днепра: 6 – Шкаровка; 7 – Веселый Кут; С. Южный Буг: 8 – Клищев.

Fig. 1. Map of Trypillia Culture sites BI-II stage between Southern Bug and Dnieper: А. Dnipro area: 1 – Tripol'e; 2 – Scherbanivka; 3 – Kolomiitsiv Jar; 4 – Dolina; 5 – Verem'a; В. Dieper- Southern Bug interfluve: 6 – Shkarovka; 7 – Veselyi Kut; С. South Bug: 8 – Kliachev.

не обозначено [Khvoika 2006, 63]. Кроме того, В.Хвойка упомянул раскопки поселения у с. Долина, где были найдены материалы, близкие к обнаруженным на перечисленных выше поселениях. К сожалению, большинство находок так и не были опубликованы.

Как видим, лишь несколько образцов расписной керамики «культуры А» были опубликованы В. Хвойкой. Позднее именно они входили практически во все наборы иллюстраций, посвященные этим памятникам. После В. Хвойки в XX веке только В. Козловская раскапывала памятники «культуры А» в Поднепровье, исследовав в 1925 г. яму на поселении в Веремье, где также были найдены фрагменты и один развал расписного сосуда [Kozlovs'ka 1926a, 52-53]. Исследовательница подтвердила количественные оценки числа находок расписной керамики (около 10%), а также опубликовала результаты химического анализа ее фрагментов, изготовленных из белой крошащейся глины и плохого обжига [Kozlovs'ka 1926b].

Интерпретируя результаты раскопок, четыре исследованные им поселения В. Хвойка отнес к «культуре А» (Триполье, Веремье, Щербаневка, Долина), причем находки расписной керамики послужили для него одним из оснований считать эту культуру «более развитой», и, следовательно, более поздней, чем «культура В» [Khvoiko 1901, 808].

При создании периодизации трипольских поселений Т.С. Пассек, которая в 20-е годы работала с коллекциями В. Хвойки и В. Козловской в Киеве, опубликовала несколько фрагментов расписной керамики из Триполья, один из них впервые [Passek 1935, tabl. X]. Позднее она сопоставляла находки из комплексов «культуры А» с материалами с поселения Коломийщина II отнеся их к выделенному ей этапу ВII, задействовав в таблицах иллюстраций находки В. Хвойки, добавив к ним фрагмент кубка [Passek 1949, 55, ris. 34 - первая колонка].

Т.Г. Мовша в 1971 г. оставила Щербаневку, Веремье, Триполье в этапе ВII, синхронизировав с Владимировкой и отнеся к фазе Кукутень AB2. Проиллюстрирован раздел был все тем же расписным сосудом из раскопок В. Хвойки. В то же время новым стало отнесение их к Щербаневской локально-хронологической группе, а также утверждение о прямом

переселении «трипольских племен» из бассейна Южного Буга [Movsha 1971, 175-177, ris. 46]. С другой стороны исследовательница утверждала, что «большинство образцов расписной керамики местные» [Movsha 1985, 122].

Учитывая то обстоятельство, что и Т.С. Пассек и Т.Г. Мовша имели доступ к коллекциям В. Хвойки, можно предположить, что наиболее выразительные фрагменты расписной керамики из раскопок поселений «культуры А» были ими задействованы.

Е.В. Цвек, исследовавшая расположенные южнее поселения этапа VI-II (Шкаровка, Веселый Кут, где количество расписной посуды составило, по ее подсчетам от 3 до 5%) пришла к заключению о том, что они отличаются от памятников, которые раскапывал В. Хвойка, хотя и относятся к одной, выделенной ей «Восточнотрипольской культуре, являясь одним из ее вариантов [Tsvek 2006].

Выделив переходный этап VI-II Н.М. Виноградова отнесла к нему Веремье, Щербаневку, Триполье отнеся к «Буго-Днепровскому» варианту вместе с Клищевым, Веселым Кутом и другими известными к тому времени поселениями междуречья, раскопанными Е.В. Цвек. Расписную керамику этого варианта она охарактеризовала на примере коллекции из Клищева (перечислив при этом такие формы, как кубки, грушевидные сосуды с высоким горлом сфероконическим тудовом, миски, шлемовидные крышки, амфоры, биноклевидные сосуды), но поместила в иллюстрации прорисовки фрагмента бинокля и расписного сосуда. Среди стилей росписи упомянуты стиль δ^{1a} – красная по белому фону с обводкой черным или только красным, а также отмечено, что «большинство сосудов расписано в стиле δ^{1a} [Vinogradova 1983, 66-72, ris. 18].

Сравнивая находки из Поднепровья с расписной керамикой из раскопок поселений этапа VI-II, в первую очередь Клищева на Южном Буге, стало возможным определить набор форм для древних изделий (рис. 2). В то же время для дальнейшей интерпретации находок приднепровских поселений количество материала, с которым работали исследователи, было явно недостаточно. Однако долгое время в регионе поселения этапа VI-II не привлекали внимания исследователей.

форма	Культура Триполье	Щербаневка	Веремье	Долина	Коломийцив Яр
A					
	●	●		●	●
	●	●	●		●
	●	●	●		●
	●	●	●	●	●
	●	●	●	●	●
	●	●		●	
	●	●			●
		●		●	

Рис. 2. Встречаемость форм расписной керамики на трипольских поселениях этапа BI-II Поднепровья.

Fig. 2. Distribution of painted pottery forms at Trypillia Culture sites, stage BI-II on Dnieper.

Новые находки расписной в регионе относятся уже к началу XXI в., когда были проведены раскопки в Долине (2003), Триполье (2003, 2018), Коломийцевом Яре (2006-2007, 2016) [Videiko 2006; Videiko, Burdo, 2007; Videiko et al. 2017; 2018; 2019]. Большинство находок 2003-2018 гг. представляют собой фрагменты различных сосудов (рис. 3-8). И хотя при раскопках поселения Коломийцев Яр среди остатков жилищ были обнаружены и развалы (рис. 3), однако в большинстве случаев сохранность росписи плохая (рис. 3-8). И все же полученная в результате этих раскопок коллекция позволяет дополнить и уточнить картину, составленную ранее на основе изы-

сканий В. Хвойки и В. Козловской, а также лучше понять, части каких именно сосудов были ими найдены.

Характеристика расписной керамики с поднепровских поселений

Группа керамики с расписным орнаментом представлена фрагментами различных сосудов, в том числе полусферических мисок, кубков, амфорок, сфero-конических сосудов (в том числе довольно крупных), грушевидных сосудов, шлемовидных крышек, горшков, биноклевидных сосудов (рис. 2). Роспись во всех случаях нанесена красной краской по белой поверхности или желто-коричневому ангобу. В сломе эта керамика – белого или разных оттенков коричневого или красного цветов.

Миски полусферические – сосуды в виде усеченной полусфера, диаметром по венчику от 12 до 16 см, представлены фрагментами, в том числе и с полным профилем (рис. 4,1-3). Роспись нанесена красной краской, по-видимому – с обеих сторон. Фрагменты мисок известны из публикации «культуры А», а также поселений Долина и Триполье.

Кубки – сосуды небольших (до 10 см высоты) размеров, с округлым туловом и прямым венчиком (рис. 4,4-9). На сохранившихся фрагментах видны следы треугольников и лент из параллельных тонких линий, нанесенных краской красного цвета, что позволяет определить наличие «лицевой» схемы росписи (рис. 4,4-5,7,9). Такие фрагменты найдены на поселении Триполье. Среди известных материалов «Культуры А» кубки такого типа представлены фрагментами.

Амфорки представлены фрагментами, в том числе с ручками. Сохранились следы росписи, состоявшей из широких красного цвета линий и лент, составленных из узких полос – остатки орнаментальной «лицевой» композиции (рис. 5,1,3,5). Они найдены во время раскопок в Триполье и на поселении Коломийцев Яр. Кроме того фрагменты аналогичных амфорок есть на рисунках В. Хвойки с изображениями находок из раскопок 1897 г. у с. Триполье

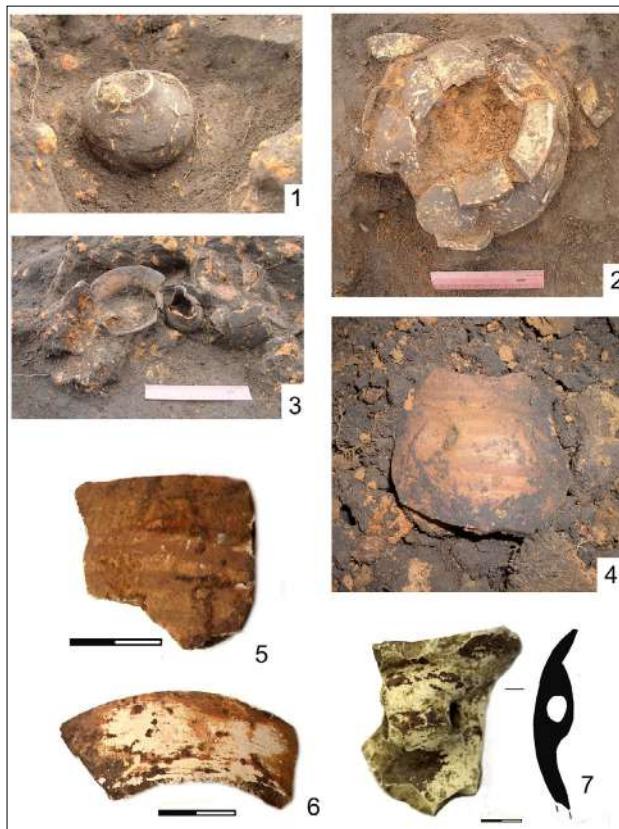

Рис. 3. Найдки расписной керамики на поселении Коломийців Яр: 1-4 – находки развалов сосудов в процессе раскопок остатков построек в 2006 году; 5-7 – подъемный материал.

Fig. 3. Finds of painted pottery at Kolomiitsiv Iar site: 1-4 – painted vessels between remains of burnt houses; 5-7 – surface finds.

[Videiko 2016, ris. 15, 3,6], а также на таблице с находками 1896 г. из Веремья (рис. 5,6). Кроме того есть амфорки с орнаментом в виде стилизованных изображений змей красным с черной обводкой (рис. 5,2). Такие композиции более характерны для крупных сферо-конических сосудов (рис. 6-7).

Сфера-конические сосуды представлены фрагментами практически со всех поселений и частью развала крупного сосуда из Триполья (рис. 6-7). Роспись наносили на верхнюю часть сосуда, выше перегиба. На небольших сосудах композиция была составлена из лент или полей с использованием широких линий в сочетании с расположенным параллельно тонкими (рис. 6,5-10; 7,1). Роспись на таких сосудах, как правило, монохромная – красной или темно-коричневой краской. Другая орнаментальная композиция включает элементы в

виде «листьев», вероятно являющихся стилизованными изображениями змей. Контуры такого орнамента выполнены тонкими линиями черного цвета с заполнением полей красной краской (рис. 6,1-3). Части такого большого сосуда найдены в Триполье в 2018 г. Фрагменты их широко представлены на рисунках В. Хвойки с изображениями находок из раскопок 1897 г. у с. Триполье [Videiko 2016, ris. 15, 1,4], а также опубликованы им как материалы «Культуры А» [Khvoiko 1901, tabl. XXVIII, первые четыре позиции сверху].

Грушевидные сосуды – сосуды с туловом шарообразной формы, плоским дном и венчиками разной высоты (рис. 8,1-8). Известны с различных поселений – кроме Долины. Отметим, что сосуд из Веремья (рис. 8,8) был неод-

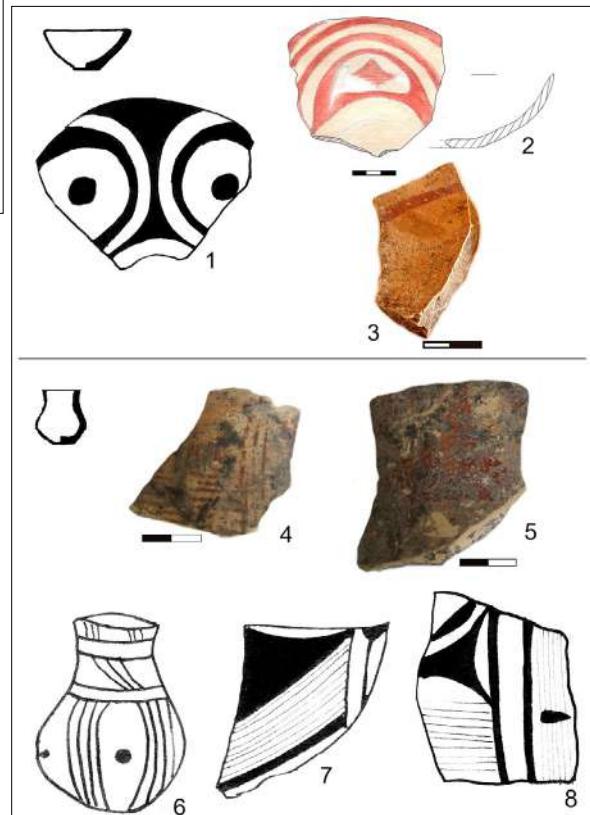

Рис. 4. Образцы расписной керамики с трипольских поселений этапа VI-II Поднепровья по формам сосудов: 1-3 – миски полусферические (1 – by V. Khvoika; 2 – Tripol'e; 3 – Dolina); 4-9 – кубки (4-5 – Tripol'e; 6-8 – by V. Khvoika).

Fig. 4. Samples of painted pottery from Trypillia Culture sites at Dnieper region by forms: 1-3 – semi-spherical bowls (1 – by V. Khvoika; 2 – Tripol'e; 3 – Dolina); 4-9 – goblets (4-5 – Tripol'e; 6-8 – by V. Khvoika).

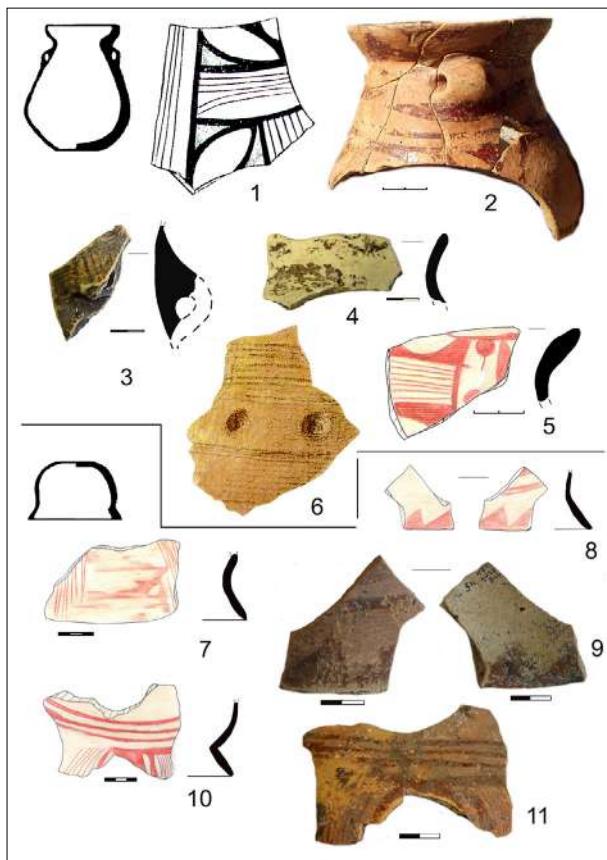

Рис. 5. Образцы расписной керамики с трипольских поселений этапа VI-II Поднепровья по формам сосудов: 1-5 – амфоры (1 – с рисунков В. Хвойки; 2, 4, 5 – Триполье; 3 – Коломийцив Яр; 6 – Веремье, с рисунка В. Хвойки 1896 г.); 7-11 – шлемовидные крышки (7-11 – Триполье).

Fig. 5. Samples of painted pottery from Trypillia Culture sites at Dnieper region by forms: 1-5 – amphoraes (1 – by V. Khvoika; 2, 4, 5 – Tripol'e; 3 – Kolomiitsiv Iar; 6 – Verem'a, from V. Khvoika colour paint, 1896; 7-11 – helmet-like covers (7-11 – Tripol'e).

нократно опубликован в зеркальном отражении, нами использована цветное изображение из таблицы находок 1896 г., выполненной В. Хвойкой. Роспись выполнена в один цвет, преимущественно красный, иногда – темно-коричневый. Орнаментальные композиции типа «лицевых» (рис. 8,6-7), иногда из кругов, соединенных широкими лентами (рис. 8,8).

Шлемовидные крышки обычно идут в комплекте с грушевидными сосудами. Они представлены фрагментами венчиков и частями тулов, иногда удается собрать часть профиля (рис. 5,7-11). Орнаментальные композиции, нанесенные красной краской, состояли из широких линий и, возможно, треугольных

элементов. Фрагмент шлемовидной крышки с росписью, вероятно, происходящей Триполья воспроизведен в рисунках В. Хвойки [Videiko 2016, ris. 15, 2].

Горшки – сосуды с округлым туловом и невысокой горловиной, отогнутой наружу (рис. 2; 3,5). Определимые фрагменты встречаются довольно редко, зафиксированы для поселений Триполье и Коломийцив Яр (рис. 3,5). Роспись нанесена в один цвет – красной или темно-коричневой краской.

Биноклевидные сосуды – довольно редкая находка. За все время раскопок обнаружены части такого сосуда на поселении Веремье – раскопки В. Хвойки (рис.8,9-11). Роспись бихромная (красная с черной обводкой), орнаментальная композиция – стилизованные изображения змей.

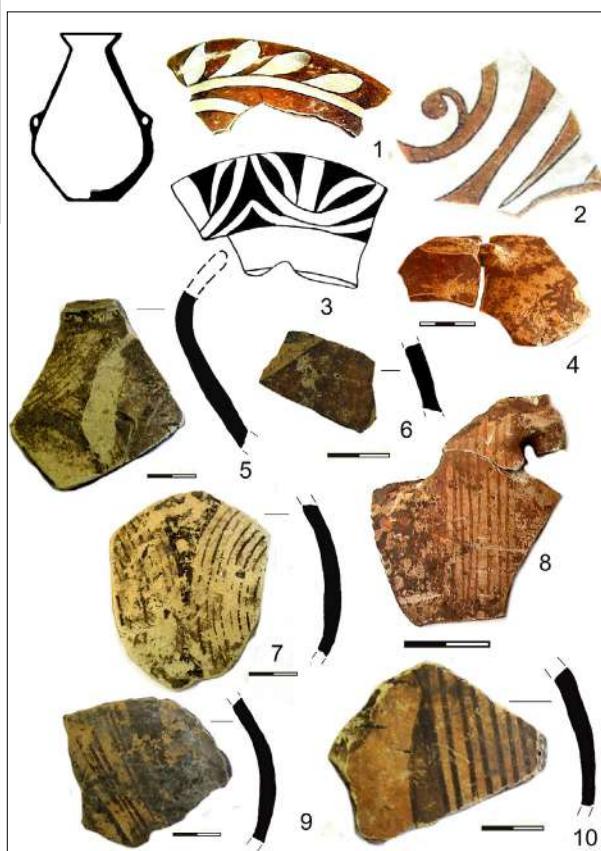

Рис. 6. Образцы расписной керамики с трипольских поселений этапа VI-II Поднепровья по формам сосудов: 1-10 – сфероконические сосуды (1-3 – с рисунков В. Хвойки; 4 – Долина; 5-10 – Коломийцив Яр).

Fig. 6. Samples of painted pottery from Trypillia Culture sites at Dnieper region by forms: 1-10 — spheric-conical vessels (1-3 – by V. Khvoika; 4 – Dolina; 5-10 – Kolomiitsiv Iar).

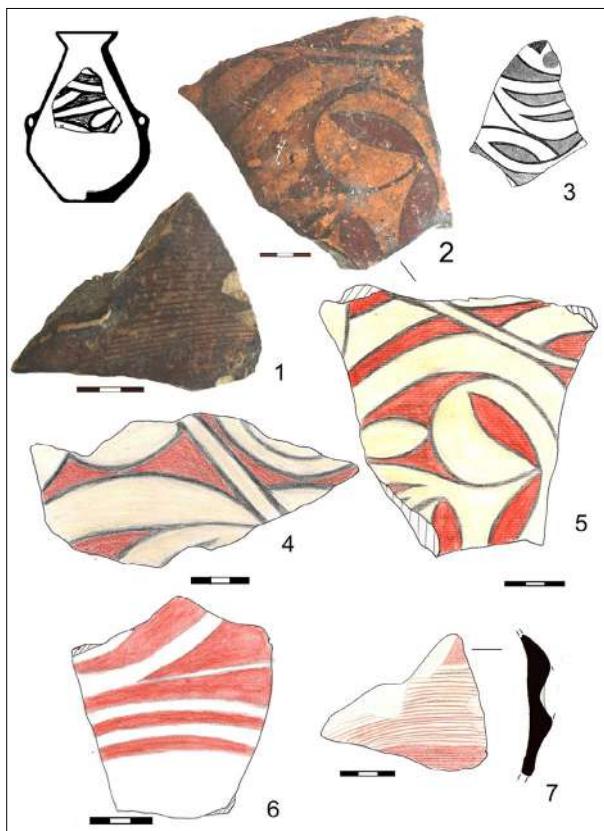

Рис. 7. Образцы расписанной керамики с трипольских поселений этапа VI-II Поднепровья по формам сосудов: 1-7 – сфероконические сосуды (3 – с рисунков В. Хвойки; 1, 2-7 – Триполье).

Fig. 7. Samples of painted pottery from Trypillia Culture sites at Dnieper region by forms: 1-7 – spheric-conical vessels (3 – by V. Khvoika; 1, 2-7 – Tripol'e).

Расписная керамика. Технологический аспект

Проведенное ранее исследование возможности использования местного сырья для изготовления расписанной керамики показало, что местные ресурсы вполне позволяли наладить его производство. Предположение, что эту керамику изготавливали на месте, ранее подтверждено анализами местной мергелистой глины и формованной массы, изготовленной на ее основе, а также красного пигмента. Экспериментально установлено, что темно-красный пигмент изготовлен из железистых конкреций, которые встречаются в белой (мергелистой) глине. Этот пигмент наносился на необожженную поверхность сосуда и закреплялся на нем обжигом. Таким образом, на месте можно было найти как глину, так и сырье для получения пигментов для ангобов разного цвета. Откры-

тым до недавнего времени оставался вопрос о рецептах изготовления красок, в первую очередь основы – связующих для них.

Установлено, что темно-красный пигмент закреплен обжигом. Повторить такой же эксперимент со смешанной глиняной массой не удалось, спекания не происходило. На исследуемом фрагменте под микроскопом хорошо видно, что частицы обоих пигментов как бы склеенные и местами отслаиваются от поверхности пластичными чешуйками. Был сделан предварительный вывод о том, что на сосуде с бихромной росписью оба пигмента закрепля-

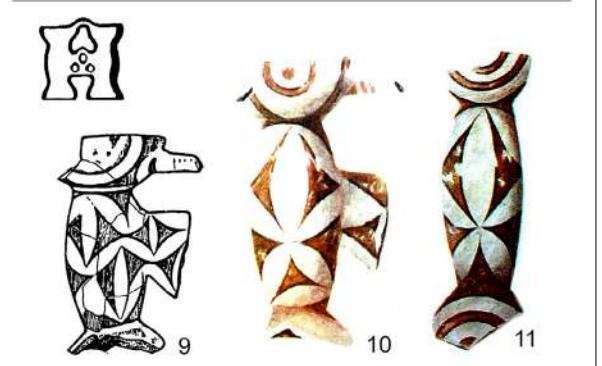

Рис. 8. Образцы расписанной керамики с трипольских поселений этапа VI-II Поднепровья по формам сосудов: 1-8 – грушевидные сосуды (1 – Веремье, раскопки В. Козловской [Kozlovs'ka 1926b]; 2, 4, 5 – Коломицив Яр; 6, 7 – с рисунков В. Хвойки; 8 – Веремье, с рисунка В. Хвойки 1896 года); 9-11 – биноклевидные сосуды (1-3 – Веремье: 1 – рисунок В. Козловской – находка из раскопок В. Хвойки; 2-3 – цветные рисунки В. Хвойки).

Fig. 8. Samples of painted pottery from Trypillia Culture sites at Dnieper region by forms: 1-8 – pear-like vessels (1 – Verem'ye [Kozlovs'ka 1926b]; 2, 4, 5 – Kolomyitsiv Yar; 6, 7 – by V. Khvoika; 8 – Verem'ye, from V. Khvoika colour paint, 1896); 9-11 – binocular vessels (1-3 – Verem'ye: 1 – by V.Kozlovs'ka – excavated by V. Khvoika; 2-3 – colour paintings by V. Khvoika).

Рис. 9. Исследование технологии изготовления расписной керамики: 1-3 – образцы с поселения Триполье, краска с которых была изучена; 4 – растение пригодное для добычи основы для красок – молочай (по Т. Гошко); 5 – образец изготовленной с применением пигментов и молочая черной краски; 6-7 – образцы экспериментальных изделий.

Fig. 9. Investigations of the painted pottery technology: 1-3 – explored samples of painted pottery from Tripol'e; 4 – *Euphorbia*, photo from Trypillia area (by T. Goshko); 5 – sample of prepared black paint; 6-7 – samples of experimental pottery.

лись на поверхности при помощи связующих веществ.

По более ранним результатам исследования И.П. Красникова расписной керамики из Триполья [Krasnikov 1931, 11], темно-бурый пигмент изготовлен из болотной руды, так как содержит марганец. Анализ орнамента на рентгенофлуоресцентном спектрометре подтвердил присутствие марганца в составе бурого пигмента. То есть в составе пигмента есть болотная руда (лимонит?).

В качестве связующих были испробованы желток и белок яйца и абрикосовая камедь, традиционно применяющиеся в живописи. Оказалось, что белок меняет черный цвет пигмента на серый. Желток и камедь показали великолепные результаты. Но все еще оставался нере-

шенным вопрос, какое связующее на сосуде с бихромной росписью – желток или камедь?

Анализ бурого пигмента с фрагментов керамики с поселения Триполье (рис. 9,1) методом молекулярного спектрального анализа в инфракрасной области спектра электромагнитного излучения на микроскопе-спектрометре Nicolet iS10 FT-IR проведен в лаборатории Киевского НИИ судебных экспертиз. Полученные спектры дали основания сделать выводы, что соединительные материалы состоят исключительно из растительных компонентов: древесины хвойных пород, сока листьев молочайных растений и сахарозы. Следует напомнить, что использование угля (или кости) в черных пигментах на керамике с некоторых поселений Кукутень в северо-восточной Молдавии уже было обнаружено ранее [Constantinescu et al. 2007, 287]. Кроме того в спектре обнаружены следы сока молочайных растений.

Установлено, что соединительные материалы, ставшие основой для разведения пигмента, состояли исключительно из растительных компонентов, среди которых древесина хвойных, сок листьев молочайных растений и сахароза.

Сок молочайных растений был вполне доступен трипольскому населению. И в настоящее время на территории поселения у Триполья и в его окрестностях произрастает молочай – *Euphorbia* (рис. 9,4). Как известно, все его разновидности этого растения содержат в достаточно большом количестве едкий сок, напоминающий молоко. Из измельченных листьев молочая было добыто необходимое количество сока. Уголь был выжжен из древесины сосны и растерт в порошок. Оба компонента смешаны. Для большей пластичности ангоба были добавлены обожженная охра и коричневая глина (рис. 9,5).

Однако полученный таким образом пигмент крошился после высыхания. Только после того, как смесь была проварена, мы получили положительный результат. Проваренный ангоб мягко ложился на керамическую по-

верхность и после высыхания не обсыпался. Были изготовлены реплики сосудов и статуэток трипольской культуры (рис. 9,6-7). Поверх росписи положен воск, чтобы уберечь орнамент от смывания водой.

Обжиг полученных изделий продолжительностью в 8 часов был проведен в построенном по трипольским образцам двухъярусном гончарном горне. Что интересно, воск изменил цвет поверхности сосудов на более темный (рис. 9,6-7).

На данный момент остался нерешенным вопрос связующего вещества, использованного для темно-красного ангоба, что потребует дальнейшего изучения и экспериментов.

Заключение

Систематизация находок расписной керамики из раскопок поселений щербаневской группы этапа VI-II показала, что здесь за 120 лет раскопок обнаружены в целом или фрагментированном виде сотни образцов расписанной керамики. Среди них представлены восемь форм сосудов (полусферические миски, кубки, амфорки, сфероконические сосуды, грушевидные сосуды, шлемовидные крышки, горшки и биноклевидные сосуды), которые хорошо известны на поселениях этого времени, где расписная керамика является основной категорией посуды.

Наиболее полно этот набор посуды представлен для «культуры А», эпонимного памятника и поселения Коломийцев Яр. Как видим, представительность выборки напрямую зависит от масштабов археологических исследований. С другой стороны выборка в целом показывает, что местное население использовало практически полный набор расписанной посуды, сопоставимый с ассортиментом с поселений западных соседей. Это заметно отличает памятники щербаневской группы от поселений типа Шкарковки и Веселого Кута (расположен-

ных к юго-востоку в междуречье Южного Буга и Днепра) (рис. 1), где при большом числе раскопанных жилищ такой набор воспроизвести к настоящему времени не удалось. Подобный полный набор мы можем увидеть лишь в Клищеве [Zaets 1974, ris. 4-5; 7], расположенному к Юго-Западу, на Южном Буге (рис. 1). Там же можно найти аналогии бихромной росписи и специфическим орнаментальным композициям [Zaets 1974: ris. 4-5].

Можно предположить, что полный набор расписанной керамики, включавший довольно крупные формы вроде сфероконических и грушевидных сосудов мог быть в употреблении у населения, которое имело традицию производства и использования такой керамики. Изучение технологии изготовления поднепровской расписанной керамики (наличие в окрестностях поселений сырья для массы, ангобов, связующего вещества) этапа VI-II представил дополнительные аргументы в пользу давних предложений о ее местном производстве.

Результаты исследований могут свидетельствовать о том, что в составе местных общин были переселенцы с западных территорий, вероятно из района Клищева, как ранее предполагала Т.Г. Мовша. Именно там мы находим близкие формы и состав керамики, красок, виды орнамента, стили росписи, что и в Триполье, Щербаневке, Веремье, Коломийцевом Яре. Сравнительное исследование технологий создания керамики на Южном Буге и Поднепровье сможет предоставить дополнительную информацию по этому вопросу.

В то же время разнообразие расписанной керамики с поселений щербаневской группы может отражать разновременность существование этих поселений. Новые исследования помогут предоставить более надежные материалы для изучения вопросов синхронизации памятников этапа VI-II как внутри региона, так и с поселениями на Южном Буге и к западу от него.

Библиография

- Constantinescu et al. 2007:** B. Constantinescu, R. Bugoi , E. Pantos, D. Popovici, Phase and chemical composition analysis of pigments used in Cucuteni Neolithic painted ceramics. Documenta Praehistorica XXXIV, 2007, 281-288.
Khvoiko 1897: V.V. Khvoiko, Osobistii fond. In: Naukovii arkhiv Institutu arkheologii NAN Ukrayini, fond 2 (ma-

- liunki), 1897, 1-67 // В.В. Хвойко, Особистий фонд. В: Науковий архів Інституту археології НАН України, фонд 2 (малюнки), 1897, 1-67.
- Khvoiko 1901:** V. Khvoiko, Kamennyi vek Srednego Pridneprov'ia. In: Trudy XI Arkheologicheskogo s'ezda v Kieve v 1899 godu (Moskva 1901), tom 1, 730-812 // В. Хвойко, Каменный век Среднего Приднепровья. В: Труды XI Археологического съезда в Киеве в 1899 году (Москва 1901), том 1, 730-812.
- Khvoiko 1904:** V. Khvoiko, Raskopki 1901 g. v oblasti tripol'skoi kul'tury In: Zapiski otdeleniiia russkoi i slavianskoi arkheologii Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva (Sankt-Petersburg 1904), tom 5, vypusk 2, 12-20 // В. Хвойка, Раскопки 1901 г. в области трипольской культуры. В: Записки отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества (Санкт-Петербург 1904), том 5, выпуск 2, 12-20.
- Khvoika 2006:** V.V. Khvoika, Kam'ianii vik Seredn'ogo Pridniprov'ia. In: (red. M.Iu. Videiko) Doslidzhennia trypil's'koi tsivilizatsii u naukovii spadshchini arkheologa Vikentia Khvoiki (Kiiv 2006), chastina 1, 95-104 // В.В. Хвойка, Кам'яний вік Середнього Придніпров'я. В: (ред. М.Ю. Відейко) Дослідження трипільської цивілізації у науковій спадщині археолога Вікентія Хвойки, (Київ 2006), частина 1, 95-104.
- Kozlovs'ka 1926a:** V.E. Kozlovs'ka, Rozkoppi u s. Verem'ii u zhovtni r.1925. In: (red. V.E. Kozlovs'ka) Korotki zvidomlennia VUAK za 1925 rik, vypusk 1 (Kiiv 1926), 51-53 // В.Є. Козловська, Розкопи у с. Верем'ї у жовтні р. 1925. В: (ред. В. Козловська) Короткі звідомлення ВУАК за 1925 рік, випуск 1 (Київ 1926), 51-53.
- Kozlovs'ka 1926b:** V. Kozlovs'ka, Keramika kul'turi A. In: (red. V. Kozlovs'ka) Tripil's'ka kul'tura na Ukrayni, vypusk 1 (Kiiv 1926), 139-157 // В. Козловська, Кераміка культури А. В: (ред. В. Козловська) Трипільська культура на Україні, випуск 1 (Київ 1926), 139-157.
- Krasnikov 1931:** I.P. Krasnikov, Tripol'skaia keramika (tekhnologicheskii etiud). Soobshcheniya GAIMK 3, 1931, 10-12 // И.П. Красников, Трипольская керамика (технологический этюд). Сообщения ГАИМК 3, 1931, 10-12.
- Movsha 1971:** T.G. Movsha Serednii etap trypilskoi kultury In: Arkheologiya Ukrainskoi RSR (Kyiv, 1971), 1, 172-177// Т.Г. Мовша Середній етап трипільської культури. В: Археологія Української РСР (Київ, 1971), 1, 172-177.
- Movsha 1985:** T.G. Movsha, Pozdnii etap tripol'skoi kul'tury. Arkheologia Ukrainskoi SSR 1 (Kiev 1985), 223-255 // Т.Г. Мовша, Поздний этап трипольской культуры. Археология Украинской ССР 1 (Киев 1985), 223-255.
- Passek 1935:** T. Passek, La ceramique tripolienne. In: Bulletin de l'Academie de l'histoire de la culture matérielle (Moskva-Leningrad 1935), 122, 1-165.
- Passek 1949:** T.S. Passek, Periodizatsia tripol'skikh poselenii (III-II tysiacheletiia do n.e.). MIA SSSR 10, 1949, 1-248 // Т.С. Пассек, Периодизация трипольских поселений (III-II тысячелетия до н.э.). МИА СССР 10, 1949, 1-248.
- Tsvek 2006:** O.V. Tsvek, Poselessnia Skhidnotrypil'skoi kul'turi (Korotkii naris)(Kiiv 2006) // О.В. Цвек, Поселення Східнотрипільської культури (Короткий нарис)(Київ 2006).
- Videiko 2006:** M.Iu. Videiko, Materiali iz doslidzhen' trypil's'koi kul'turi na Kiivshchini 2003-2005 rokiv. In: (red. T. Morgun et al.) Okhorona kul'turnoї spadshchini Kiivs'koї oblasti (Kiiv 2006), 21-28 // М.Ю. Відейко, Матеріали із досліджень трипільської культури на Київщині 2003-2005 років. В: (ред. Т. Моргун и др.) Охорона культурної спадщини Київської області (Київ 2006), 21-28.
- Videiko 2016:** M. Videiko, Issledovaniia poselenii Tripol'e. Tyragetia X, 1, 2016, 129-14 // М. Видейко, Исследования поселения Триполье. Тирагетия X, 1, 2016, 129-145
- Videiko, Burdo 2007:** M.Iu. Videiko, N.B. Burdo, Riatuval'ni doslidzhennia v ur. Kolomiitsiv Iar mizh s. Kopachiv ta Pershe Travnia Obukhivs'kogo raionu Kyivs'koї oblasti. In: (red. N.O. Gavriliuk, M.P. Timchenko) ADU 2005-2007 r., 2007, 110-114 // М.Ю. Відейко, Н.Б. Бурдо, Рятувальні дослідження в ур. Коломіїців Яр між с. Копачів та Перше Травня Обухівського району Київської області. В: (ред. Н.О. Гаврилюк, М.П. Тимченко) АДУ 2005-2007 р., 2007, 110-114.
- Videiko et al. 2017:** M. Videiko, R. Ulrau, E. Slesarev, M.M. Videiko, Novye issledovania na poselenii tripol'skoi kul'tury etapa BI-II Kolomiitsiv Iar. Tyragetia XI, 1, 2017, 55-66 // М. Видейко, Р. Улрау, Е. Слесарев, М.М. Видейко, Новые исследования на поселении трипольской культуры этапа BI-II Коломийцев Яр. Тирагетия XI, 1, 2017, 55-66.
- Videiko et al. 2018:** M.Iu. Videiko, N.B. Burdo, R. Ulrau, E. Slesarev, M.M. Videiko, Kh. Tide, V. Tide, Doslidzhennia poselessnia tripil's'koi kul'turi v ur. Kolomiitsiv Iar bilia s. Kopachov 2016 roku. ADU, 2018, 75-78 // М.Ю. Відейко, Н.Б. Бурдо, Р. Улрау, Е. Слесарев, М.М. Відейко, Х. Тіде, В. Тіде, Дослідження поселення трипільської культури в ур. Коломіїців Яр біля с. Копачов 2016 року. АДУ, 2018, 75-78.
- Videiko et al. 2019:** M. Videiko, N. Burdo, E. Slesarev, M. Videiko, Novye issledovania eponimnogo pamiatnika tripol'skoi kul'tury. RA XV, 1, 2019, 65-76 // М. Видейко, Н. Бурдо, Е. Слесарев, М. Видейко Новые исследо-

вания эпонимного памятника трипольской культуры. RA XV, 1, 2019, 65-76.

Vinogradova 1983: N.M. Vinogradova, Plemena Dnistrovsko-Prutskogo mezhdurech'ia v period rastsveta tripol'skoi kul'tury (Periodizatsia, khronologija, lokal'nye varianty) (Kishinev 1983) // Н.М. Виноградова, Племена Днестровско-Прутского междуречья в период расцвета трипольской культуры (Периодизация, хронология, локал. варианты) (Кишинев 1983).

Zaets 1974: I.I. Zaets, Tripol'skoe poselenie Klishchev na Iuzhnom Buge. SA 4, 1974, 180-200 // И.И. Заец, Трипольское поселение Клищев на Южном Буге. СА 4, 1974, 180-200.

Михаил Видейко, доктор исторических наук, заведующий Научно-исследовательской лаборатории археологии историко-философского факультета Киевского университета имени Бориса Гринченко, ул. Тимошенко 13Б, оффис 417, Киев, Украина, e-mail: m.videiko@kubg.edu.ua

Татьяна Гошко, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории археологии историко-философского факультета Киевского университета им. Бориса Гринченко, ул. Тимошенко 13Б, оффис 417, Киев, Украина, e-mail: goshko_t@ukr.net

Мария Видейко, магистр, младший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории археологии историко-философского факультета Киевского университета имени Бориса Гринченко, ул. Тимошенко 13Б, Киев, Украина, e-mail: my.videiko@kubg.edu.ua

Татьяна Бондаренко, магистр, лаборант Научно-исследовательской лаборатории археологии историко-философского факультета Киевского университета имени Бориса Гринченко, ул. Тимошенко 13Б, Киев, Украина, e-mail: tbond@kubg.edu.ua

Ghenadie Sîrbu

Istoricul și istoriografia cercetării siturilor de tip Horodiștea-Gordinești din interfluviul Prut-Nistru

Keywords: The history and historiography, the Horodiștea-Gordinești cultural group, Prut-Dniester interfluve, sites.

Cuvinte cheie: Istorie și istoriografie, grupul cultural Horodiștea-Gordinești, interfluviul Prut-Nistru, așezări.

Ключевые слова: История и историография, культурная группа Хородиштя-Гординешть, Прuto-Днестровское междуречье, поселения.

Ghenadie Sîrbu

The history and historiography of the research of Horodiștea-Gordinești type sites for the Prut-Dniester interfluve.

In this study we aim to review the research history of the Horodiștea-Gordinești type sites in the Prut-Dniester interfluve. After detailed analysis of all data collected from the excavation reports, the repertoires of the archaeological monuments from the Republic of Moldova, elaborated by districts (1993 and partly 2006) as well as by articles, was delimited three stages in the research of these sites: 1 – period between 20s-50s years; 2 – include the period from the end of 50s to the 80s years of the last centuries; 3 – covers the period from 90s to the present. Each stage is presented starting from the character of the discoveries as well as by year when it was detected.

Along of this, the article also addresses the historiography of studying these sites. The accumulated materials served as a basis for the elaboration of several studies and thematic monographs, in which the specialists tried to answer some questions that arose in the work processes. Among the most discussed issues we mention: *the spread area and types of settlements; the type of dwellings and production complexes; periodization; cultural interference with other communities*. From the historiographical analysis of the topic approached by us, we believe that there are still enough essential aspects that define the Horodiștea-Gordinești cultural group, the decipherment of which is still waiting to be solved.

Ghenadie Sîrbu

Istoricul și istoriografia cercetării siturilor de tip Horodiștea-Gordinești din interfluviul Prut-Nistru

În acest articol ne propunem să trecem în revistă istoricul cercetării siturilor de tip Horodiștea-Gordinești din interfluviul Prut-Nistru. După o analiză detaliată a tuturor surselor colectate din rapoartele de săpătură, repertoriile monumentelor arheologice din Republica Moldova, elaborate pe raioane (1993 și parțial 2006), cât și din diverse articole, au fost delimitate trei etape în cercetarea acestor situri: 1 – anii '20-'50; 2 – cuprinde intervalul de la sfârșitul anilor '50 până în anii '80 ai secolului trecut; 3 – cuprinde perioada dintre anii '90 și până în prezent. Fiecare etapă este prezentată pornind atât de la caracterul descoperirilor, cât și pe ani.

De rând cu aceasta, în articol este abordată și istoriografia problemelor apărute în procesul studierii acestor situri. Materialul acumulat pe parcursul celor trei etape de studiere a vestigilor de tip Horodiștea-Gordinești a servit drept bază pentru elaborarea unor studii și monografii tematice, în care specialiștii au încercat să răspundă unor întrebări survenite în procesul de lucru. Printre cele mai discutate probleme amintim: *arealul de răspândire și tipurile de așezări; tipul complexelor de locuit și de producere; periodizarea; interferențe culturale cu alte comunități*. Din analiza istoriografică a temei abordate de noi, credem că se mai mențin suficiente aspecte esențiale ce definesc grupul cultural Horodiștea-Gordinești ale căror decifrare încă își așteaptă rezolvarea.

Геннадий Сырбу

История и историография исследования памятников Хородиштя-Гординештского типа из Прuto-Днестровского междуречья

В данной статье мы намерены рассматривать историю изучения памятников Хородиштя-Гординештского типа из Прuto-Днестровского междуречья. После детального анализа всех накомленных данных собранных из отчетов, регистров археологически памятников Республики Молдова, разработанных по районам (1993 и частично 2006), а также из многочисленных статей, было выделено три этапа исследования данного типа памятников: 1 – промежуток между 20-х-50-х годов; 2 – охватывает интервал от конца 50-х до 80-х годов прошлого столетия; 3 – охватывает промежуток от начала 90-х годов и сегодняшних дней. Все этапы представлены начиная с характера исследуемова материала так и по годам открытия памятника.

Наряду с этим, в статье также рассматривается историография проблем возникших при изучение данного типа памятников. Материалы собраны в течение трех выделенных этапов послужили основой для написание статей и тематических монографий, в которых специалисты попытались ответить на разного рода вопросы, возникшие в процессе работы. Среди наиболее обсуждаемых проблем были: *ареал распространения и тип поселения; типы жилищ и прой-*

звоственных комплексов; периодизация; культурные контакты с другими сообществами. Иходя из историографического анализа затронутой нами темы, полагаем, что есть еще достаточно существенных аспектов которые определяют культурную группу Хородиштя-Гординешть, расшифровки которой все еще ждут своего решения.

Introducere

Sfârșitul mileniului IV î.e.n. este marcat printr-o serie de transformări culturale, tematică dezbatută intens de specialiști. Eforturile depuse în vederea elucidării și aprofundării cunoștințelor în ceea ce privește situația-culturală din perioada menționată, s-au materializat sub forma unei importante archive bibliografice. Interesul nostru este direcționat spre nuanțarea unui tablou în care să fie creionat istoricul studierii vestigiilor atribuite grupului cultural Horodiștea-Gordinești din interfluviul Prut-Nistru¹. Aceasta ne va permite să stabilim nivelul de cunoaștere, rolul și importanța interpretării materialelor acumulate pe parcursul mai multor decenii, precum și delimitarea, pe cât este posibil, a setului de probleme abordate, care în opinia noastră necesită să fie reevaluate și reinterpretate.

Etapele de cercetare și acumulare a materialelor

Monumentele atribuite grupului cultural Horodiștea-Gordinești din regiunea menționată, sunt cunoscute încă de la începutul secolului XX, doar că la acea etapă încadrarea lor cultural-cronologică s-a făcut diferit [Moroșan 1928, 117-121; Ambrojevici 1933, 24-45]. Argumentarea

tipologică fiind realizată abia la începutul anilor '70 [Movsha 1971, 31-54; Zaharuk 1971, 183-186], când T. Movsha a propus pentru acest grup de monumente sintagma *Varianta locală de nord* (în rusă: *Северный локальный вариант*) [Movsha 1971, 35-36, ris. 1]. Tot în această perioadă, Iu. Zaharuk propune ca faciesul să fie denumit de *tip Kasperovsk* [Zaharuk 1971, 183-186]. Mai târziu, V. Dergacev susține că aceste formulări nu sunt potrivite pentru denumirea acestui grup cultural, argumentându-și poziția prin numărul mic de publicații ale materialelor provenite din așezări luate ca etalon [Dergachev 1980, 119]. Vestigiile arheologice recuperate din săpătura întreprinsă în anul 1971 în așezarea de lângă localitatea Gordinești (r-nul Edineț), punctul *Stînca goală*, fiind pus în legătură culturală și cronologică cu cel din cunoscuta așezare Horodiștea-Dealul Mălăiște [Dumitrescu 1945, 127-163; Petrescu-Dimbovița 1950a, 120-121], i-a permis lui V. Dergacev să propună o nouă denumire pentru ansamblul de situri sub sintagmele aduse mai sus, și anume, *mănuște de tip Gordinești* (în rusă: *памятники Гординештского типа*) [Dergachev 1973, 119].

În procesul acumulării de informații, și ulterior analiză a acestora, a contribuit la delimitarea a trei etape în istoricul studierea vestigiilor specifice grupului cultural pus în discuție. Fiecare etapă este prezentată pornind atât de la caracterul descoperirilor, cât și pe ani.

Prima etapă (anii '20-'50). Începutul acestei perioade este legată de activitatea lui I. Moroșan, colecționar de vestigii arheologice, care, fiind preocupat de preistorie, a descoperit în r-nul Edineț un sir de așezări din epoca eneolică, printre care și situl Gordinești-Cariera veche [Moroșan 1928, 117-121; Chetaru et al. 2003, 12-13]. Imediat după al doilea război mondial, explorările regiunilor aferente bazinului superior și parțial de mijloc ale râului Nistru, au condus la descoperirea de noi situri care conțineau și materiale specifice grupului cultura adus aici în discuție. Ulterior, expediția arheologică condusă de T. Passek a identificat și cercetat prin săpături de verificare, așezări pluris-

1. Materialul dat este parte din primul capitol al lucrării de doctorat *Comunitățile Cucuteni-Tripolie târzii din spațiul pruto-nistrean. Grupul cultural Gordinești*, coordonator științific Dr.hab. Oleg Levițki, pe care am susținut-o în anul 2019. Tot în lucrarea de doctorat, după o analiză detaliată a tuturor componentelor culturii materiale specifice grupului de tip Gordinești și căutarea sincronismelor cu alte comunități contemporane aflate în imediata vecinătate am ajuns la concluzia că cultural Horodiștea-Erbiceni, aspectele de tip Kasperovsk/Tsviklovtsi și Holyshev trebuie tratate ca o componentă integră, cu mici diferențe de ordin local, pentru care am propus sintagma *grupul cultural Horodiștea-Gordinești*. Date despre istoricul studierii acestor situri, pentru silvostepa dintre Munții Carpați și râul Prut, le regăsim atât în lucrările semnate de N. Zaharia et al. (1970), M. Dinu (1977) și Gh. Dumitroaia (2000) cât și în Repertoriile siturilor arheologice elaborate pe județ [Chirica, Tănăsache 1985, 1985a; Șovan 2016] precum și Repertoriul Arheologic Național (<http://ran.cimec.ro/sel.asp?descript=volovat-volovat-suceava-situl-arheologic-de-la-volovat-siliste-cod-sit-ran-151139.01>). Iar, pentru partea ucraineană, istoricul studierii siturilor pe care le-am inclus în arealul existens al grupului cultural menționat, este succint abordat de colegul D. Verteletsky, în lucrarea sa de doctorat pe care urmează să o susțină în anul 2021, fapt care ne scutește de repetarea acestor surse.

tratificate, unde a existat și nivelul tripolian târziu, din rândul cărora putem menționa Mereșeuca I-*Cetățuie*, Caterinovca I-*La citadelă*, Socola II, Burzuc I [Passek 1952, 16-18; Passek 1955, 15-29].

Între anii 1953 și 1954, în bazinul râului Ciornea, affluent de dreapta al Nistrului, pe o distanță de 19 km de la localitatea Șoldănești până la gura de vărsare, V. Markevici a cartat 91 de situri, dintre care două conțineau și material arheologic caracteristic grupului cultural Horodiștea-Gordinești – Șoldănești V-*La regie* și Mihuleni I (V)-*La drumul glinjenilor* (Mihuleni III/VII) [Markevich 1955, 131-145].

În anul 1958, continuând cercetările de suprafață în bazinul de mijloc al râului Nistru, V. Markevici, în apropierea localității Vertuijeni (r-nul Camenca), a descoperit un sit cu urme de locuire pe care le-a atribuit fazei finale a eneoliticului, inclus ulterior în literatura științifică ca așezarea Vertuijeni IV [Markevich 1973, 114-115].

Situri cu resturi arheologice contemporane celor enumerate mai sus au fost depistate și în bazinul râului Răut. Pe promontoriul format de confluența râului Ciulucul Mare cu unul din afluenții săi au fost surprinse urmele așezării Bilicenii Vechi II [Bikbaev 1987a, 474; Bicbaev 1993, 18, index 83 BIII-9]. Tot în această regiune, în anul 1958, în apropiere de localitatea Bagrinezți (r-nul Florești), V. Markevici a identificat o așezare cu material arheologic, care la momentul descoperirii a fost atribuit fazei Tripolie CII, fiind introdusă în circuitul științific sub numele de Bagrinezți VI-La movila din hotarul Prajilei [Markevich 1973, 97; Bikbaev 1992].

Cercetările au continuat și pe cursul râului Ciugur, affluent de stânga al râului Prut, s-au soldat cu descoperirea unui sit de pe suprafață căruia au fost colectate vestigii specifice grupului cultural Horodiștea-Gordinești. În surse acest sit este menționat ca Duruitoarea Veche II [Ketraru 1964, 267; Markevich 1973, 68] sau Duruitoarea II [Bicbaev 1993a, 18, index 83 D I-6]. Tot în această zonă, în urma săpăturilor întreprinse în situl din epoca paleolitică – grota Duruitoarea Veche, la diferite adâncimi au fost identificate, fragmente ceramice din câteva epoci, printre care și Tripolie CII, interpretate astfel la acel moment de către autorul săpăturilor [Ketraru 1960; Ketraru 1961].

Recapitulând cele expuse pentru prima etapă, putem spune că harta cu descoperiri atribuite grupului cultural Horodiștea-Gordinești, cuprinde 11 puncte. Trebuie să subliniem că încadrarea

cultural-cronologică a monumentelor cartate a fost efectuată în mare parte doar în baza ceramicii recuperate de la suprafață, deoarece sondaje de verificare s-au făcut numai în așezarea pluristratificată Mereșeuca I-*Cetățuie* [Passek 1952, 16].

A doua etapă (cuprinde intervalul de la sfârșitul anilor '50 până în anii '80 ai secolului trecut). Inițial, cercetările au purtat un caracter de identificare și verificare prin mici sondaje, efectuate în cadrul unor situri noi, atât din bazinul de mijloc al râului Nistru, cât și din regiunile aflate pe cursul superior al râului Prut. Merită menționat că, pe lângă studierea așezărilor, în vizorul specialiștilor au intrat și complexele funerare.

În această perioadă s-au făcut cele mai importante și relevante descoperiri pentru grupul cultural Horodiștea-Gordinești. În mare parte, identificarea monumentelor se datorează activității de teren efectuate de V. Markevici. Pentru început, harta monumentelor a fost completată cu un punct, descoperit în bazinul superior al râului Prut – așezarea pluristratificată Pererîta III-*Zamca*, unde în urma verificărilor de suprafață s-a colectat ceramică specifică grupului cultural analizat [Beilekchi, Byrnia 1969, 173-175; Markevich 1973, 52].

Apoi numărul siturilor a început să crească, în anul 1970 fiind descoperită așezarea Brîneni IV-*Tîrla lui Ștefan* [Markevich 1982] sau *Gîrla lui Ștefan* [Markevich 1987, 293-294]. În rezultatul investigațiilor din 1977 s-a stabilit că din cele cinci straturi culturale documentate în acest sit, unul conține vestigii de tip Horodiștea-Gordinești [Markevich 1982; Markevich 1987, 293].

Tot din anii '70 avem informații despre existența în bazinul râului Răut a trei așezări, localizate în preajma satului Bilicenii Vechi (r-nul Sîngerei) – Bilicenii Vechi VI-*Ripa Dicusărenilor* [Bikbaev 1987a, 475; Bicbaev 1992], Biliceni Vechi VI-*La bostan* și Bilicenii Vechi VIII [Bikbaev 1987a, 475; Bicbaev 1993, 18, index 85 B III-11].

Perieghezele întreprinse pe cursul râului Ciuluc, din preajma satului Mîndrești, s-au soldat cu descoperirea unor situri datând din diferite epoci, iar în punctul *Fabrica de vin* răzleț au fost depistate și fragmente ceramice specifice grupului cultural Horodiștea-Gordinești [Rikman 1975, 98-99; Corman 1993, 10].

Descoperirile făcute în anul 1971 sunt cele mai importante pentru cercetarea acestui grup cul-

tural. Odată cu includerea lor în circuitul științific, vestigile arheologice recuperate din situl Gordinești II-Stînca goală, au servit drept bază pentru cercetarea acestui grupul cultural în silvostepa interfluviului Prut-Nistru [Dergachev 1973, 90-100]. Tot din microzona satului Gordinești avem date despre existența altei așezări – Gordinești III-Cariera [Dergachev 1973, 91].

În anul 1971, în apropiere de localitatea Volodeni (r-nul Edinet) a fost cartat un punct cu vestigii arheologice eneolitice. În literatura de specialitate, situl este cunoscut ca Volodeni III și autorul descoperirilor din start l-a atribuit perioadei Cucuteni A-B/Tripolie BII [Markevich 1973, 62]. Însă, în urma analizei materialului ceramic aflat în fondurile MNIM, s-a reușit identificarea unui nivel de locuire atribuit grupului cultural Horodiștea-Gordinești.

Un an mai târziu, în bazinul superior al râului Prut, I. Borziac a identificat două situri în apropiere de localitatea Fetești, de pe suprafața cărora a fost colectată ceramică atribuită culturii Noua. În urma săpăturilor de salvare întreprinse în 1985, în cadrul așezării Fetești II, pe lângă resturi din perioada târzie a epocii bronzului, au fost depistate și urme de locuire lăsate de comunitățile purtătoare ale tradițiilor de tip Horodiștea-Gordinești [Larina 1986; Roșca, Vilcu 1993, 23, index 142 FI-1; Larina, Sîrbu 2014, 189-199].

Ca rezultat al perieghezelor întreprinse în anul 1972 în preajma satului Valea Adîncă (r-nul Camenca), V. Dergacev a descoperit o așezare cu două nivele de locuire, unul datând din perioada de evoluție a siturilor de tip Horodiștea-Gordinești, iar altul atribuit culturii Noua [Dergachev 1973a, 87]. Menționăm că în unele surse situl este indicat ca Valea Adîncă III [Borziac 1993, 34, index V1.3; Kovalenko et al. 2006, 28].

Lucrările efectuate de expediția arheologică condusă de E. Rikman, în localitatea Costești (r-nul Edinet), s-au soldat cu descoperirea și cercetarea prin săpături, în anul 1974, a unei așezări cu mai multe nivele de locuire. Investigațiile au scos la iveală resturile unui cuptor de ars vase, în interiorul căruia exista ceramică tipică grupului cultural Horodiștea-Gordinești [Rikman, Grosu 1975]. În literatura de specialitate, acest sit este cunoscut diferit: Costești-Sat (Село) [Markevich 1975, 441]; Costești VII [Dergachev 1982, 77-84; Bicbaev 1993, 15-16, index 74 CII-12] și Costești IX [Markevich 1981, 45-46].

În anul 1974, V. Bicbaev a semnalat alte trei situri în podișul Ciuluc-Soloneț. Ca rezultat al investigațiilor de suprafață întreprinse în preajma satului Drăgănești, în punctul Starii deal sau Rădii, a fost identificată o așezare cu mai multe nivele de locuire, care conținea și un strat de cultură cu vestigii arheologice specifice grupului cultural de tip Gordinești [Bicbaev 1992; Bicbaev 1993, 42, index 190 DII-8].

Urmare a explorării terasei râului Ciulucul Mic, în apropiere de localitatea Coșcodeni, a fost depistată o așezare cu vestigii arheologice destul de consistente, care ne permit să-l includem în catalogul cu descoperiri de tip Horodiștea-Gordinești. În literatura de specialitate, situl este cunoscut cu denumirea Coșcodeni I-Măhălaua flămîneni [Bicbaev 1992; Bicbaev 1993, 34-35, index 154 CIII-3].

Pe lângă așezări, în silvostepa dintre râurile Prut și Nistru, încep să fie cercetate și complexe funerare. Primele descoperiri de acest gen au fost făcute în bazinul superior al râului Prut, unde, în urma cercetărilor de salvare întreprinse în zona amenajării lacului de acumulare de la Costești, au fost cercetați o serie de tumuli ridicăți în eneolicul târziu [Demchenko 2007, 195]. Menționăm că toate mormintele ocupau poziția centrală în prima manta: Costești T.1, M.4 [Dergachev 1976; Dergachev 1982, 14-17, ris. 4, 1-6]; Dumeni T.16, 17, 18 [Nikolaeva, Safronov 1976, 472-473].

Recunoașterile arheologice de suprafață întreprinse de O. Larina și Gh. Postică în perimetru comunei Bursuceni (r-nul Sîngerei) s-au finalizat cu identificarea a două situri, amplasate pe un promontoriu al râului Ciulucul Mic. În literatura de specialitate monumentele sunt notate Bursuceni VI și Bursuceni X [Larina, Postică 1990, 262; Bicbaev 1993, 24-25, index 109 BIV-9].

Parcursul istoric în studierea vestigiilor arheologice de tip Gordinești este marcat printr-o altă treaptă, care debutează cu anul 1980. În bazinul superior al râului Prut, au fost efectuate mai multe verificări în perimetru satului Gordinești (r-nul Edinet), iar în cariera de extragere a lutului au fost descoperite urmele unui mormânt. Conform analizei materialului ceramic colectat, complexul a fost atribuit grupului cultural Horodiștea-Gordinești [Manzura, Tel'nov 1992, 118-130].

În același an, expediția condusă de I. Vlașenco a întreprins săpături în situl cu mai multe nivele cultural-cronologice Mereșeuca I-Cetățuie, în urma cărora s-a confirmat existența unui nivel

de locuire eneolicic târziu, cu vestigii arheologice specifice grupului cultural Horodiștea-Gordinești [Vlasenko, Sorokin 1981]. Investigațiile s-au soldat și cu depistarea unui mormânt, în inventarul căruia existau vestigii specifice grupului cultural analizat [Sorokin 1983, 102-111].

În anul 1981, V. Dergacev a întreprins cercetări în situl pluristratificat Cremenciuc-*La grădină*, care s-au soldat cu dezvelirea unor complexe în umplutura cărora exista inventar arheologic caracteristic comunităților de tip Horodiștea-Gordinești [Dergachev 1982a].

Perieghezele întreprinse de V. Markevici în perimetru localității Fetești (r-nul Edinet), au condus la localizarea încă a unui sit, de pe suprafața căruia au fost ridicate materiale specifice grupului cultural analizat de noi. În literatura de specialitate, acesta a fost notat Fetești VI sau Fetești IV-*Husa* [Roșca, Vâlcu 1993, 24, index 145 FI-4; Levițki 2006].

Tot din bazinul superior al râului Prut, deținem informații despre un alt sit, identificat prin periegheză de către O. Levițki, în apropierea localității Berlinți (r-nul Briceni), cunoscut în literatură de specialitate ca Berlinți II-*La monument* [Guchin 1993, 1, index 8. B3.2.; Levițki 2006a].

Ca rezultat al perieghezelor efectuate în bazinul râului Răut, V. Bicbaev a localizat o așezare în preajma satului Sofia (r-nul Drochia), de pe suprafața căreia s-au colectat materiale caracteristice celor analizate de noi, fiind notată ca Sofia II-*La Havana* [Cereteu 1993, 20, index 171]. De asemenea, în bazinul râului Răut, la periferia localității Tăura Nouă (r-nul Sîngerei) a fost descoperit un complex funerar. În procesul amenajării unei construcții gospodărești, a fost dezvelit un mormânt cu materiale specifice grupului cultural Horodiștea-Gordinești. La momentul descoperirii, mormântul a fost atribuit greșit Hallstattului timpuriu, în literatura de specialitate complexul fiind tratat ca necropolă plană din perioada târzie a epocii eneolitice – Tăura Nouă I [Bicbaev 1993, 110, index 476 T-I7; Larina 2003, 62; Bikbaev, Popovich 2016, 7-13].

Un sir de periegheze au fost întreprinse și în bazinul de mijloc al râului Nistru. Ca urmare a acestora, I. Manzura a descoperit la limita satului Bursuc (r-nul Florești) un nou sit arheologic, de pe suprafața căruia au fost ridicate fragmente ceramice specifice grupului cultural Horodiștea-Gordinești, în literatură fiind documentat ca Bursuc II [Terna et al. 2014, 46-48].

În 1988 au fost efectuate săpături arheologice în cadrul grupului tumular dintre satele Sărăteni și Obileni (r-nul Hîncești) [Demchenko 1989]. Pe lângă mormintele din epoca bronzului și din antichitate, au fost dezvelite două morminte (unul central pentru prima manta), în inventarul căruia exista ceramică specifică grupului cultural Horodiștea-Gordinești, deși inițial au fost considerate ca fiind de tip Usatovo [Levițki et al. 1996, 82-83].

Rezultatele obținute pe parcursul acestei perioade au servit drept bază în elaborarea unor lucrări importante pentru eneoliticul est-carpatic. Printre care menționăm Harta monumentelor neolitice și eneolitice din interfluviul Prut-Nistru elaborată de V. Marchevici în 1973, în care sunt incluse monumente atribuite ultimei trepte a perioadei Tripolie CII [Markevich 1973]. Același autor semnează sinteza *Позднетрипольские племена северной Молдавии*, editat în 1981, în care face descrierea unui sir de monumente etalon atribuite perioadei Tripolie CII, localizate în silvostepa interfluviului Prut-Nistru. Materialele analizate au servit drept reper pentru elaborarea unui tabel cronologic, unde sunt delimitate opt etape în evoluția comunităților eneolitice, începând cu faza Caracușeni și terminându-se cu cea de tip Gordinești. Pe lângă aceasta, în lucrare sunt discutate și unele probleme legate de viața socială, economică și spirituală a comunităților eneolitice târzii din spațiul menționat.

O altă lucrare este *Памятники позднего Триполья*, semnată de V. Dergacev și publicată în 1980, în care autorul face o analiză a tuturor grupelor locale din perioada târzie a epocii eneolitice din spațiul cuprins între râurile Prut și Bugul de Sud. De asemenea, au fost abordate aspectele caracteristice siturilor de tip Gordinești, prin stabilirea analogiilor și a sincronismelor cu celelalte variante locale ale marelui complex cultural tripolian târziu, aflate în vecinătate.

A treia etapă (cuprinde perioada dintre anii 1990 și până în prezent). Reprezintă o perioadă importantă în cercetarea siturilor de tip Horodiștea-Gordinești. Majoritatea siturilor au fost descopte și următoarele periegheze, ulterior fiind incluse în Repertoriile monumentelor arheologice din 1993, elaborate pentru fiecare raion în parte. Tot în această etapă, sub conducerea arheologului O. Levițki, au fost întreprinse mai multe campanii de săpătură în așezarea cu mai multe

niveluri cultural-cronologice *Trinca-Izvorul lui Luca*, unde a fost cercetat în întregime stratul cu vestigii ale culturii materiale specifice grupului cultural analizat de noi. Rezultatele obținute au fost reflectate într-o serie de studii publicate de către autorul săpăturilor.

La debutul etapei, în urma unor recunoașteri de suprafață întreprinse de V. Bicbaev în bazinul râului Răut, au fost depistate două situri, care vin să completeze harta siturilor de tip Horodiștea-Gordinești. Deși autorul descoperirilor le-a încadrat cronologic în faza Cucuteni B2b sau B3, conform caracteristicilor tehnologice și stilistice, ceramica colectată de pe aceste situri este specifică grupului cultural analizat de noi. În literatura de specialitate monumentele sunt introduse cu numele de Sloveanca II și Pepeňi II-Pe Podiš [Bicbaev 1992].

Mentionăm că sondaje de verificare au fost efectuate și în bazinul de mijloc al râului Nistru, în situl Tătărăuca Nouă V-Piscul gol. Drept rezultat, a fost stabilit că obiectivul conține trei nivele de locuire, dintre care cel mai târziu aparține perioadei finale a epocii eneolitice. Subliniem că materialul arheologic se încadrează perfect în ansamblul vestigiilor de tip Horodiștea-Gordinești [Sava et al. 1994].

În urma investigațiilor de suprafață în bazinul râului Răut, V. Bicbaev a depistat un alt punct din raza localității Tăura Nouă (r-nul Sîngerei). La periferia de est a satului a fost cartat situl Tăura Nouă II, pe care l-a atribuit fazei Cucuteni-Tripolie C [Bicbaev 1993, index 477, T I-8; Bikbaev, Popovich 2016, 7-13].

Așezarea cu mai multe nivele cultural-cronologice Pocrovca V-Hîrtopul Munteanu a fost descoperită încă din anul 1993 ca rezultat al cercetărilor arheologice în microzona Rudi-Tătărăuca Nouă-Arionești. Cu toate acestea, a fost explorată prin săpături abia începând cu anul 1997, investigațiile continuând până în 2002. În urma acestora, au fost descoperite vestigii arheologice de tip Horodiștea-Gordinești, care, probabil, atestă urmele unei locuirii de scurtă durată. Merită de menționat că investigațiile din anul 1998 s-au soldat cu dezvelirea unui complex funerar de excepție, pe care, în baza vestigilor recuperate din umplutură, autorii săpăturilor, l-au atribuit grupului cultural Horodiștea-Gordinești [Tkachuk et al. 1999].

Lucrările demarate în anul 1993 în vederea completării Repertoriului monumentelor arheologice din r-nul Ungheni, au scos la iveală două așezări,

de pe suprafața căror s-au colectat artefacte arheologice specifice grupului cultural analizat de noi. Monumentele depistate au fost incluse în Repertoriu sub numele de Rezina II-Pe Șes și Rezina IV, ulterior revizuite în anul 1995 [Bicbaev 2006, 44-46].

Un loc aparte a ocupat și cercetarea complexelor funerare în cadrul acestei etape. O deschidere importantă a fost făcută în urma săpăturilor din anul 1997 în situl cu mai multe nivele de locuire Tătărăuca Nouă XV [Larina et al. 1997, 107-109; Wechler et al. 1998, 151-167]. Descoperirea a fost catalogată drept înhumare intramurală și în baza vestigilor recuperate din mormânt, autorul săpăturilor l-a atribuit comunităților de tip Gordinești (ulterior Horodiștea-Gordinești) [Larina 2003, 57-80, ris. 2, 3].

O altă etapă importantă în istoricul studierii vestigilor de tip Horodiștea-Gordinești este cea din anul 2007, când în bazinul de mijloc al râului Nistru cercetările de suprafață au condus la descoperirea și verificarea mai multor situri din diferite perioade istorice, precum și la identificarea unui sit nou, lângă localitatea Socola (r-nul Șoldănești) [Bodean, Ursu 2012, 113-117]. În literatura de specialitate mai figurează informații despre două situri din această regiune. Primul, așezarea Socola I, descoperită de V. Markevici în anul 1954, care, conform unor surse, se află la 1 km spre est de localitate [Markevich 1955, 136], iar în baza altora, în direcție sudică de pădurea din localitatea cu același nume [Markevich 1973, 121]. În ceea ce privește al doilea sit – Socola II, se cunoaște numai că a fost descoperit în 1952 de către expediția condusă de T. Passec, însă detalii despre amplasare nu se cunosc. Atribuirea acestuia comunităților eneolitice târzii, a fost ilustrată prin trei fragmente ceramice, dintre care unul conține impresiuni de șnur [Passec 1955, 23, ris. 3, 16-17]. Ca rezultat al perieghezei efectuate în anul 2012, la o distanță de cca 500 m spre vest de centrul localității, s-au colectat materiale din trei perioade de evoluție a culturii Cucuteni-Tripolie (A-B, CI și CII), iar noul sit a fost inclus în circuitul științific cu numele de Socola III-Stînca Mătușii Mărioara [Țerna et al. 2014, 32-35].

În anul 2007, într-o lutărie aflată la periferia satului Cunicea (r-nul Florești) a fost depistat și cercetat prin săpătură un mormânt de înhumare cu inventar ceramic. Doi ani mai târziu, tot din același loc au fost recuperate câteva recipiente ceramice și oase umane răzlețe, de la un alt mormânt, care erau

dispersate pe fundul și în pereții lutăriei. Analiza vestigiilor arheologice, recuperate din ambele morante, a permis autorilor descoperirii să atribuie situl Cunicea-Dealul Prișansk aspectului local de tip Hordinești [Țerna 2011, 359-376] sau de tip Chirileni [Topal, Tserna 2010, 281-298].

Un alt punct care păstrează urme de locuire lăsate de comunitățile de tip Horodiștea-Gordinești a fost descoperit în anul 2008, în localitatea Pruteni (r-nul Fălești). În raportul de săpătură, situl este indicat ca Pruteni I-Budăi [Vornic et al. 2011].

Astfel, remarcăm că, pe parcursul fiecărei etape de studiere a siturilor de tip Horodiștea-Gordinești, din interfluviul Prut-Nistru, s-au făcut progrese vizibile în acumularea bazei de date, care ne permite să facem o analiză mai detaliată a tuturor aspectelor ce țin de acest grup cultural, în special în ceea ce privește arealul de răspândire, amplasarea și tipurile de așezări. Datele prezentate mai sus provin din 43 de așezări și 10 complexe funerare. Considerăm necesar să menționăm că harta cu așezări de tip Horodiștea-Gordinești din interfluviul Prut-Nistru conține mai multe puncte (60), informațiile despre o serie de așezări nu sunt prezentate în acest compertiment, deoarece se cunosc numai în baza unor cantități mici de ceramică, dar destul de caracteristice, care poate fi luate ca reper de încadrare a siturilor în acest facies [Sîrbu 2019; Sîrbu, Sîrbu 2020].

Istoriografia problemei

Având în vedere complexitatea problemelor analizate de-a lungul timpului, dar și schimbarea sau/și preluarea unor termeni care au revoluționat cercetarea, considerăm necesar ca, înainte de a trece nemijlocit la analiza istoriografiei problemei, să explicăm semnificația unor termeni, utilizati în literatura științifică de specialitate pentru delimitarea perioadei cultural-cronologice, în al cărui interval se încadrează și grupul cultural Horodiștea-Gordinești.

În literatura arheologică publicată în limba rusă, pentru interfluviul Prut-Nistru, este încetășnit termenul de *Tripolie Târziu* (*позднее Триполье*), fiind introdus încă din anii '40 ai veacului trecut, în urma procesului de elaborare a periodizării siturilor tripoliene [Passek 1949]. Termenul a avut ca scop evidențierea specificului materialelor dintr-o anumită subdiviziune taxonomică a masivului cultural Cucuteni-Tripolie, fiind bazat în special pe criteriul

stilistic. V. Dergacev consideră că această sintagmă vine să arate particularitățile proceselor culturale, etnice și sociale, care au avut loc în interiorul comunităților tripoliene în etapa finală de evoluție a acestora. Mai mult, cercetătorul menționat susține că, descifrarea conținutului termenului dat presupune o caracteristică dublă: *una arheologică* – bazată pe generalizarea empirică a clasificării și sistematizării materialelor descoperite și *alta istorică* – care are menirea să le interpreteze din punctul de vedere al parcursului lor în timp [Dergachev 1980, 6].

Pentru literatura arheologică de limbă română este specifică noțiunea de *perioada de tranziție de la eneolicic la epoca bronzului*. A fost formulată în anul 1949 de către M. Petrescu-Dîmbovița pe baza rezultatelor unor săpături efectuate în siturile Stoicanî și Foltești [Petrescu-Dîmbovița 1950, 63]. Această temă a fost abordată și de alții autori în istoriografia românească [Berciu 1960, 71-82; Comșa 1967, 207-221; Morintz, Roman 1968, 45-128; Morintz, Roman 1968a, 553-573; Morintz, Roman 1970, 557-570; Burtănescu 2002, 82]. Chiar și așa, sunt cercetători care pledau pentru ipoteza că perioada de tranziție trebuie inclusă în faza timpurie a epocii bronzului [Vulpe 1995, 18; Vulpe 1997, 42; Vulpe 2001, 214-237; Vulpe 2001a, 421].

O altă părere a fost expusă de N. Ursulescu, care susține că aşa-numita perioadă de tranziție este legată mai mult de structurile societății anterioare, preferând utilizarea termenului de *eneolicic final*, pentru perioada care marchează treapta de trecere spre epoca bronzului [Ursulescu 1986-1987, 72; Burtănescu 2002, 82].

Materialul acumulat pe parcursul celor trei etape de studiere a vestigiilor de tip Horodiștea-Gordinești a servit drept bază pentru elaborarea unor studii și monografii, în care specialiștii au încercat să răspundă unor întrebări apărute în procesul de lucru. Printre cele mai discutate probleme amintim: *arealul de răspândire și tipurile de așezări; tipul complexelor de locuit și de producere; periodizarea; interforente culturale cu alte comunități*.

Problemele legate de *arealul de răspândire* și *tipurile de așezări* reprezintă unele din primele abordări ale specialiștilor în momentul cercetării unei culturi arheologice, iar acest fapt nu este o excepție nici în cazul nostru. În literatura de specialitate, problemele, de regulă, sunt tratate prin prisma câtorva aspecte cum ar fi: zona preferată de comunitățile acestui facies în raport cu locul

ocupat de comunitățile din fazele anterioare; tipul de așezări și numărul lor raportate la situația din etapa anterioară etc.

Astfel, în ceea ce privește arealul, Gh. Dumitroaia era de părere, că printre puținele aprecieri care pot fi făcute, cu o doză mai mare de exactitate, sunt cele legate de situația amplasării așezărilor în teren, unde se observă că acestea ocupau aproximativ toate formele de relief, cu excepția munților [Dumitroaia 2000, 51].

Într-unul din studii, V. Dergacev, analizând arealul în corelație cu factorii socio-economi și climatici, a înregistrat, pentru perioada existenței grupelor/aspectelor eneolitice târzie, o tendință de micșorare a numărului de așezări deschise, și respectiv de creștere a siturilor fortificate, fie natural sau artificial [Dergachev 2007, 35, 41, karta 5, 10]. Totodată, susține că din punctul de vedere al amplasării, comunitățile de tip Horodiștea-Gordinești au păstrat practic același mozaic în popularea spațiului, care a fost caracteristic și populațiilor anterioare – de tip Brînzeni [Dergachev 1980, 119]. Această idee fiind susținută și de alți specialiști [Larina 2003, 66].

Şt. Cucoş, în procesul de definire a tipurilor de așezări eneolitice târzie s-a bazat pe criteriul poziției lor și le-a delimitat în trei variante: înalte, medii și joase, însă pentru niciuna dintre categoriile propuse nu a fost formulată o definiție concretă sau un set de criterii definitorii. Spre exemplu, autorul susține că așezările înalte erau doar cele aflate pe culmile subcarpatice, iar cele de pe terasele superioare au altitudine medie [Cucoş 1999, 32-33].

Preocupat de cercetarea monumentelor de tip Listvin, localizate în interfluviul Styri și Goryni din regiunea de vest a Volyniei, N. Peleshchishin consideră că există un șir de cauze care au condiționat amplasarea așezărilor pe forme de relief dominante. Printre acestea, cea mai importantă este cauza social-economică, care se manifestă prin majorarea numărului de animale în cadrul familiilor patriarchale și care totodată a servit drept impuls pentru izbucnirea unor conflicte între comunități din aceeași zonă [Peleshchishin 1989, 16].

În urma analizei vestigiilor arheologice colectate atât din așezările deschise, cât și fortificate eneolitice târzie din interfluviul Prut-Nistru, V. Markevici a ajuns la concluzia că artefactele descoperite în cadrul acestor două tipuri de așezări sunt identice, lansând ideea că siturile deschise

sunt niște *sateliți* (în limba rusă «с *деминуцем*») ale celor întărite [Markevich 1981, 71].

O altă problemă des abordată în istoriografia epocii eneolitice este legată de *complexele de habitat și de olărie*. *Complexele de habitat* sunt reprezentate prin locuințe, însă, în literatura arheologică informații despre acestea sunt puține și lacunare. Situația este cauzată în mare parte de lipsa cercetărilor exhaustive pe suprafețe mari și devine complicată crearea unei imagini de ansamblu referitoare la forma lor, detaliile de interior și distribuirea în cadrul așezărilor.

Din sursele disponibile, totuși s-a reușit evidențierea a două tipuri de locuințe: *de suprafață și cu baza adâncită* [Dergachev 1980, 52, 120; Chernysh 1982, 227; Movsha 1985a, 239; Larina 1986; Bikbaev 1987; Levițki 1997; Levițki 1997a, 213-274; Larina, Sîrbu 2014, 189-199]. Menționăm că în unele surse sunt evidențiate trei tipuri – *locuințe de suprafață cu platformă, bordeie și semi-bordeie* [Dergachev 1991, 21; Dergachev, Manzura 1991, 13]. Cu toate acestea, în urma analizei mai detaliate, am ajuns la concluzia că unele complexe cunoscute aparțin celor două tipuri de locuințe, însă în cadrul primului tip au fost delimitate două variante: locuințe cu platformă de lut și construcții cu podeaua amenajată din pietre [Sîrbu 2015, 17].

În literatura de specialitate, pentru locuințele de suprafață cu platformă de lut, sau resturi de la ea, sunt utilizate două denumiri. Astfel, în literatura de limbă rusă este întrebuițată sintagma de *platformă de formă redusă (редукционная плоскадка)* [Dergachev 1980, 52, 120; Dergachev 1991, 21; Dergachev, Manzura 1991, 13], iar în cea publicată în limba română – *locuință de tradiție cucuteniană* [Lazarovici, Lazarovici 2007, 313; Alaiba 2007]. Chiar și așa, ambele denumiri ilustrează același tip de complex de locuit, cu resturi de platformă de lut concentrată pe una dintre laturi.

Preocupările pentru siturile de tip Horodiștea-Gordinești, din regiunile de la vest de râul Prut, precum și investigarea prin săpături a așezărilor Horodiștea-Dealul Mălaiște și Erbiceni-Dealul Sărăturii i-au permis lui M. Dinu să facă unele observații stratigrafice puse în legătură cu tipurile de locuințe descoperite. Ca rezultat, cercetătorul menționat delmitează locuințe de formă rectangulară cu pereti acoperiți cu lut amestecat cu resturi organice și locuințe ușoare amenajate din crengi și acoperite cu stuf [Dinu 1977, 5-14].

Multiple discuții s-au dus și în jurul organizării interne a locuințelor în cadrul aşezărilor specifice grupului cultural Horodiștea-Gordinești. Conform datelor acumulate din rapoartele de săpatură, complexele de locuit sunt grupate radial (ex. Trinca-*Izvorul lui Luca*), asemănător celor din cadrul aşezărilor Brînzeni III și Costești IV, care, după părerea lui V. Markevici, reflectă legăturile de rudenie ale familiilor [Markevich 1981, 74-75].

Complexele de olărie sunt reprezentate prin cuptoare de ars ceramică. Descoperirile de acest gen sunt atribuite *tipului de cuptoare cu reverberație*. Conform opiniei lui E. Comșa, acestea oglindesc un evident progres în raport cu cele din perioadele precedente și prezintă mai multe caracteristici arhitecturale inovative. Astfel, în interiorul lor, vasele nu intră în contact direct cu focul, se obține o temperatură mai ridicată (până la cca 900°C) și cel mai important este că modul de ardere poate fi reglat, dobândindu-se culoare roșie, neagră sau cenușie [Comșa 1976, 28].

În funcție de circulația aerului cald în cupitor, cercetătoarea americană L. Ellis a stabilit două modalități de ardere a ceramicii (A și B). În cazul nostru, specifică este varianta B din această tipologie, care constă în obținerea unui tiraj de jos în sus, pentru realizarea unui transfer, pe verticală, a aerului cald din camera de foc în camera de ardere a ceramicii [Ellis 1980, 211-230; Ellis 1984; Ellis 198, 175-191].

În literatura de specialitate sunt expuse diverse păreri privind existența centrelor specializate de olărit. Această idee a fost formulată în urma descoperirii în situl Žvanetz-Lysaia Gora, a unui complex format din trei șiruri de cuptoare, din care s-au păstrat numai șase întregi sau parțial distruse [Movsha 1971a, 230; Buzian, Bilous'ka 2016, 29-36].

Existența centrelor de olărit a dat posibilitatea specialiștilor să reconstituie situația din cadrul diferitor etape de evoluție a complexului cultural Cucuteni-Tripolie din regiunile cuprinse între munții Carpați, la vest și râul Nipru, la est. În cadrul acestor centre s-au produs cantități mari de ceramică pictată, care acopereau atât necesitatea internă, cât și a celor din zonele învecinate. Analizând această situație, E. Comșa a ajuns la concluzia că în cuprinsul anumitor zone comunitățile produceau două tipuri tehnologice de ceramică: prima includea vase, în special de uz comun, care pe lângă elementele standard pentru întreg arealul

culturii Cucuteni-Tripolie, aveau și aspecte specifice locale; a doua cuprinde recipiente de factură fină, cantitativ mai puține, lucrate într-un anumit centru de olărie [Comșa 1976, 31-32].

În ceea ce privește *periodizarea*, problema rămâne încă un deziderat pentru viitoarele cercetări. În determinarea cronologiei, un factor important îl joacă seria de artefacte care reflectă evoluția internă în cadrul unei culturi sau grupe locale. În cazul nostru, din lipsa pieselor de metal, încadrarea cronologică, la prima vedere, este una dificilă și greu de realizat, însă dacă mergem pe criteriul diferențelor în aspectul stilistic de pe ceramică sau al corelării procentuale între ceramică de factură fină și cea grosieră, acest lucru pare a fi acceptat spre finalizare, dar cu multe rezerve.

Problema *interferențelor culturale* ale grupului cultural Horodiștea-Gordinești cu alte comunități contemporane din regiunile învecinate sau mai îndepărtate a fost intens analizată, fiind formulate o serie de opinii. Una din acestea ține de raportul dintre Cultura Amforelor Sferice și grupul cultural menționat. Specialiștii, care se bazează pe elaborările tipologice și cronologice tradiționale, neagă orice contact între comunitățile menționate, considerând că legături mai clare au avut cu purtătorii culturii Funnel Beaker (vaselor cu gâtul în formă de pâlnie), iar Cultura Amforelor Sferice este considerată ca fiind mai târzie [Iarovoï 1984, 70-71; Dergachev 1998, 27-64; Dergachev, Manzura 1991a, 55-58; Schmit 2001-2002, 246, 258]. Comunitățile tripoliene târzii s-au extins și infiltrat considerabil spre vest, în cazuri aparte fiind factorul principal în constituirea culturală și geneza unor facies locale în cadrul culturii Funnel Beaker [Dergachev, Manzura 1991a, 57].

Alți cercetători susțin totuși existența unor contacte între Cultura Amforelor Sferice și faciesurile eneolitice târzii din spațiul est-carpatic, ideea fiind bazată pe descoperirea vestigiilor culturii materiale specifice ambelor comunități în contexte stratigrafice care se succed în aceleași aşezări, ceea ce era considerat un element de sincronism între ambele manifestări culturale [Passek 1949, 222; Sveshnikov 1983, 18], identificând chiar și unele elemente decorative specifice Culturii Amforelor Sferice în ornamentarea ceramică din perioada Tripolie CII [Movsha 1985, 22-31].

Pe lângă opiniile expuse mai sus, mai există și părerea conform căreia purtătorii tradițiilor specifice Culturii Amforelor Sferice erau conside-

rați cuceritori care au distrus moștenirea comunităților Cucuteni-Tripolie [Sulimirski 1970, 166; Zacharuk 1971, 179; Zbenovich 1976, 46].

O alta problemă legată de contactele comunităților Horodiștea-Gordinești cu cele de altă sorginte ține de aşa zisul *fenomen de badenizare* a spațiului cuprins între silvostepa dintre munții Carpați și bazinul de mijloc al râului Nipru, iar punctul final al acestui proces, în opinia cercetătorului ucrainean M. Videiko îl reprezintă grupul cultural Horodiștea-Gordinești [Videiko 2004, 358]. În opinia noastră această idee este lipsită de argumente, mai mult ca atât, materialele aduse ca exemple, în special ceramica, este greșit interpretat, care nu are nimic în comun cu tradiția de modelare și ornamentare caracteristică comunităților de tip Baden.

Concluzii

Trecând în revistă istoricul studierii situri-

lor de tip Horodiștea-Gordinești din interfluviul Prut-Nistru, cele mai multe obiective arheologice au fost cercetate în primele două etape, până la mijlocul anilor '90 ai secolului trecut. Totodată, remarcăm că cercetarea s-a axat, în special, pe așezări, necropolele, foarte probabil din cauza dificultăților de depistare, au fost investigate datorită descoperirilor întâmplatătoare sau ale cercetărilor de salvare. De aceea, considerăm că punerea în circuitul științific a unui studiu exhaustiv nu este doar o necesitate, dar este și o reală posibilitate de a completa cunoștințele privind diverse fațete ale evoluției comunităților preistorice din spațiul estcarpatic la finele mileniului IV î.e.n.

Din analiza istoriografică a temei abordate de noi, credem că se mai mențin suficiente aspecte esențiale ce definesc grupul cultural Horodiștea-Gordinești ale căror descifrare încă își așteaptă rezolvarea.

Bibliografie

- Alaiba 2007:** R. Alaiba, Grupul cultural Horodiștea-Gordinești-Kasperovka, locuințe. In (V. Chirica ed.) Așezări și locuințe preistorice. Structură, organizare, simbol. Simpozion internațional, Iași 10-11 decembrie 2007.
- Ambrojevici 1933:** C. Ambrojevici, L'époque néolithique de la Bessarabie du Nord-Ouest. Contributions à la charte archéologique de la région. Dacia S.N., 3-4, 1933, 24-45.
- Beilekchi, Byrnia 1969:** V.S. Beilekchi, P.P. Byrnea, Materialy k arkheologicheskoi karte Poprut'ia. V sb.: (N.A. Kettraru, V.I. Markevich, A.L. Polevoi) Dalekoe proshloe Moldavii (Kishinev 1969), 171-184 // В.С. Бейлекчи, П.П. Бырня, Материалы к археологической карте Попрутья. В сб.: (от.ред. Н.А. Кетрапу, В.И. Маркевич, А.Л. Полевой) Далекое прошлое Молдавии (Кишинев 1969), 171-184.
- Berciu 1960:** D. Berciu, Perioada de tranziție către epoca bronzului. În: (red. C. Daicoviciu) Istoria României, vol. I, (București 1960), 71-82.
- Bicbaev 1993:** V. Bicbaev, Repertoriul monumentelor arheologice din raionul Sângerei, Republica Moldova. Arhiva MNIM, nr. inv. 34 (Chișinău 1993).
- Bicbaev 1993a:** V. Bicbaev, Repertoriul monumentelor arheologice din raionul Rîșcani, Republica Moldova. Arhiva MNIM, nr. inv. 32 (Chișinău 1993a).
- Bicbaev 2006:** V. Bicbaev, Contribuții la constituirea repertoriului arheologic al raionului Ungheni. Pyretus, nr. 2, 41-51.
- Bikbaev 1987:** V.M. Bikbaev, Otchet Khankautskoi arkheologicheskoi ekspeditsii ob issledovaniakh na mnogosloinom poselenii Khakautsy-I v polevoi sezond 1986 g. Arkhiv NMIM, inv. №258 (Kishinev 1987) // В.М. Бикбаев, Отчет Ханкаутской археологической экспедиции об исследованиях на многослойном поселении Ханкуаты-І в полевой сезон 1986 г. Архив НМИМ, инв. №258 (Кишинев 1987).
- Bikbaev 1987a:** V.M. Bikbaev, Arkh. Selischshe Bilicheny Starye II. V sb.: (ot.red. N.A. Demchenko) Svod pamiatnikov istorii i kultury Moldavskoi SSR. Severnaia zona (Kishinev 1987), 474 // В.М. Бикбаев, Арх. Селище Биличены Старые II. В сб.: (от.ред. Н.А. Демченко) Свод памятников истории и культуры Молдавской ССР. Северная зона (Кишинев 1987), 474.
- Bikbaev 1992:** V. Bikbaev, Investigațiile arheologice de suprafață din anul 1991 (raport științific). Arhiva MNIM, nr. inv. 343 (Chișinău 1992).
- Bikbaev, Popovich 2016:** V.Bikbaev, S. Popovich, Pozdnetripol'skoe pogrebenie u s. Teura Noue (Synzhereiskii r-n, Respublika Moldova). Starozhitnosti stepnogo Prichernomor'ya i Krimu, XIX, 7-13 // В. Бикбаев, С. Попович, Позднетрипольское погребение в с. Тэура Ноуэ (Сынжерейский р-н, Республика Молдова). Старожитности степного Причерномор'я і Криму, XIX, 7-13.
- Bodean, Ursu 2012:** S. Bodean, I. Ursu, Socola – o stațiune pluristratificată a culturii cucuteni-tripolie din bazinul

- nistrului. Revista Arheologică, VIII, 1-2, 113-117.
- Borziac 1993:** I. Borziac, Repertoriul arheologic al raionului Camenca, Republica Moldova. Arhiva MNIM, nr.inv. 7 (Chișinău 1993).
- Burtănescu 2002:** Fl. Burtănescu, Epoca timpurie a bronzului între Carpați și Prut. Cu unele contribuții la problemele perioadei premergătoare epocii bronzului în Moldova. Biblioteca Thracologica XXXVII (București 2002).
- Buzian, Bilous'ka 2016:** G. Buzian, V. Bilous'ka, Pam'ťka tripił'skoi kul'turi Zhvanets'-Lis'a gora: materiali doslidzhen' 1978 r. Zbirnik materialiv arkheologii i fortifikatsiia Ukrainsi, 29-36 // Г. Бузян, В. Білоусько, Пам'ятка трипільської культури Жванець-Лиса гора: матеріали дослідженъ 1978 р. Збірник матеріалів археологія и фортифікація України, 29-36.
- Chernush 1982:** E.K. Chernysh, Pamiatniki pozdnego perioda kul'tury Tripol'e-Kukuteni. V sb.: (ot.red. B.A. Rybakov) Eneolit SSSR (Moskva 1982), 213-231 // Е.К. Черныш, Памятники позднего периода культуры Триполье-Кукутени. В сб.: (от.ред. Б.А. Рыбаков) Энеолит СССР, (Москва 1982), 213-231.
- Chetaru et al. 2003:** N. Chetaru, A. Moraru, N. Răileanu, Nicolae Moroșan. Drama unui savant (Chișinău 2003).
- Chirica, Tănăsachi 1985:** V. Chirica, M. Tănăsachi, Repertoriul arheologic al județului Iași. Vol. I, (Iași 1985).
- Chirica, Tănăsachi 1985a:** V. Chirica, M. Tănăsachi, Repertoriul arheologic al județului Iași. Vol. II, (Iași 1985).
- Cereteu 1993:** I. Cereteu, Repertoriul monumentelor arheologice din raionul Drochia, Republica Moldova. Arhiva MNIM, nr. inv. 18 (Chișinău 1993).
- Comşa 1967:** E. Comşa, Unele date cu privire la sfârșitul perioadei de trecere de la epoca neolitică la epoca bronzului în sud-estul Olteniei (în lumina săptăturilor de la Siliștioara). Studii și cercetări de istorie veche, 18, 2, 207-221.
- Comşa 1979:** E. Comşa, Caracteristicele și însemnatatea cuptoarelor de ars oale din aria culturii Cucuteni-Ariușd. Studii și cercetări de istorie veche și arheologie, 27, 1, 23-33.
- Corman 1993:** I. Corman, Repertoriul monumentelor arheologice din raionul Telenești, Republica Moldova (Chișinău 1993).
- Cucoș 1999:** St. Cucoș, Faza Cucuteni B în zona subcarpatică a Moldovei (Piatra-Neamț 1999).
- Demchenko 1989:** T.I. Demchenko, Otchet o polevykh issledovaniakh Kotovskoi novostroechoi arkheologicheskoi ekspeditsii za 1988 g. U sel Sarateny i Obileny Kotovskogo raiona MSSR. Arkhiv NMIM, inv. №278 (Kishinev 1989) // Т.И. Демченко, Отчет о полевых исследованиях Котовской новостроечной археологической экспедиции за 1988 г. у сел Саратены и Обилены Котовского района МССР. Архив НМИМ, инв. №278 (Кишинев 1989).
- Demchenko 2007:** T. Demchenko, Arkheologicheskie issledovaniia kurganov levoberezh'ia Srednego Pruta (raskopki 1982 I 1984 gg.). Tyragetia s.n., vol. I [XVI], nr. 1, 195-215 // Т. Демченко, Археологические исследования курганов левобережья Среднего Прута (раскопки 1982 и 1984 гг.). Tyragetia s.n., vol. I [XVI], nr. 1, 195-215.
- Dergachev 1973:** V.A. Dergachev, Pozdnetripolskie poseleniya u s. Gordineshty. V sb.: (ot.red. G.F. Chebotarenko) Arkheologicheskie Issledovaniia v Moldavii v 1970-1971 gg. (Kishinev 1973), 90-100 // В.А. Дергачев, Позднетрипольские поселения у с. Гординешты. В сб.: (от.ред. Г.Ф. Чеботаренко) Археологические Исследования в Молдовии в 1970-1971 гг. (Кишинев 1973), 90-100.
- Dergachev 1973a:** V.A. Dergachev, Pamiatniki epokhi bronzy. V: (ot.red. P.P. Byrnia, N.A. Ketraru) Arkheologicheskai kartă Moldavii vyp. 2, (Kishinev 1973a) // В.А. Дергачев, Памятники эпохи бронзы. В (от.ред. П.П. Бырня, Н.А. Кетрару) Археологическая карта Молдавии вып. 3 (Кишинев 1973a).
- Dergachev 1976:** V.A. Dergachev, Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniakh Priprutskoi erspeditii v 1975 g. Arkhiv NMIM, inv. №101 (Kishinev 1976) // В.А. Дергачев, Отчет об археологических исследованиях Припрутской экспедиции в 1975 г. Архив НМИМ, инв. №101 (Кишинёв 1976).
- Dergachev 1980:** V.A. Dergachev, Pamiatniki pozdnego Tripol'ia (Kishinev 1980) // В.А. Дергачев, Памятники позднего Триполья (Кишинев 1980).
- Dergachev 1982:** V.A. Dergachev, Materialy raskopok arkheologicheskoi erspeditii na Srednem Prute (1975-1976 gg.) (Kishinev 1982) // В.А. Дергачев, Материалы раскопок археологической экспедиции на Среднем Пруте (1975-1976 гг.) (Кишинев 1982).
- Dergachev 1982a:** V.A. Dergachev, Otchet o rabotakh Severo-Moldavskoi arkheologicheskoi erspeditii d 1981 g. Arkhiv NMIM, inv. №171 (Kishinev 1982a) // В.А. Дергачев, Отчет о работах Северо-Молдавской археологической экспедиции в 1981 г. Архив НМИМ, инв. №171 (Кишинев 1982a).
- Dergachev 2007:** V.A. Dergachev, O skipetrach, o loshadiakh, o voine. Etiudy v zaschitu migrantsionnoi kontseptsi M. Gimbutas (Sankt-Petersburg 2007) // В.А. Дергачев, О скитецах, о лошадях, о войне. Этюды в защиту миграционной концепции М. Гимбутас (Санкт-Петербург 2007).
- Dergachev, Manzura 1991:** V.A. Dergachev, I.V. Manzura, Pogrebal'nye kompleksy pozdnego Tripol'ia (Kishinev 1991) // В.А. Дергачев, И.В. Манзура, Погребальные комплексы позднего Триполья (Кишинев 1991).

- Dergachev, Manzura 1991a:** V.A. Dergachev, I.V. Manzura, Evropeiskii komponent maikopskoi kul'tury v kontekste vzaimosviazei Tsentral'no i Vostochno-Evropeiskikh obschnosteji. V sb.: Maikopskii fenomen v drevnii Kavkaz b Vostochnoi Evropy (Leningrad 1991a), 55-58 // В.А. Дергачев, И.В. Манзура, Европейский компонент майкопской культуры в контексте взаимосвязей Центрально и Восточно-Европейских общностей. В сб.: Майкопский феномен в древнем Кавказ и Восточной Европы (Ленинград 1991а), 55-58.
- Dergačev 1991:** V.A. Dergačev, Bestattungskomplexe der späten Tripolje-Kultur. Materialien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie. Band 45, (Mainz am Rhein 1991).
- Dergačev 1998:** V.A. Dergačev, Kulturelle und historische Entwicklungen in Raum zwischen Karpaten und Dnepr. Das Karpatenbecken und Die Osteuropäische Steppe. Prähistorische Archäologie in Sudosteuropa. Band 12, München, 27-64.
- Dinu 1977:** M. Dinu, Complexul cultural Horodiștea-Foltești. Contribuția noilor cercetări arheologice la problema perioadei de tranziție de la eneolicic la epoca bronzului din zona est-carpatică a României. Teza de doctor.
- Dumitrescu 1945:** H. Dumitrescu, La station préhistorique de Horodiștea sur la Pruth. Dacia, N.S., IX-X, 127-163.
- Dumitroaia 2000:** Gh. Dumitroaia, Comunități preistorice din nord-estul României. De la cultura Cucuteni până în bronzul mijlociu. Biblioteca Memoria Antiquitatis VII, (Piatra-Neamț 2000).
- Ellis 1980:** L. Ellis, Analysis of Cucuteni-Tripolye and kurgan pottery and the implications for ceramic technology. Journal of Indo-european Studies 8, 1-2, 211-230.
- Ellis 1984:** L. Ellis, The Cucuteni-Tripolye Culture: A Study in Technology and the Origins of Complex Society. British Archaeological Records, International Series 217 (London Oxford 1984).
- Ellis 1987:** L. Ellis, Population growth, food storage and ceramic manufacturing centres in pre-Bronze Age Europe. Bibliotheca Archaeologica Iassiensis I, (Iași 1987), 175-191.
- Guchin 1993:** V. Guchin, Repertoriul monumentelor arheologice din raionul Briceni, Republica Moldova. Arhiva MNIM, nr. inv. 5 (Chisinau 1993).
- Iarovoi 1984:** E.V. Iarovoi, Pogrebal'nyi obriad nekotorykh skotovodcheskikh okemen Srednego Pruta (po materialam raskopo kurganov u s. Korpach). V sb.: (ot.red. I.I. Artemenko) Kurgany v zonakh novostroek Moldavii (Kishinev 1984), 37-75 // Е.В. Яровой, Погребальный обряд некоторых скотоводческих племен Среднего Прута (по материалам раскопок курганов у с. Корпач). В сб.: (от.ред. И.И. Артеменко) Курганы в зонах новостроек Молдавии, (Кишинев 1984), 37-75.
- Ketraru 1960:** N.A. Ketraru, Moldavskaia arkheologicheskia ekspeditsia 1959 goda. Otchet o raskopkakh paleoliticheskoi stoianki v gorode Starye Duruitory. Arkhiv NMIM, inv. №436 (Kishinev 1960) // Н.А. Кетрапу, Молдавская археологическая экспедиция 1959 года. Отчет о раскопках палеолитической стоянки в гrotte Старые Друиторы. Архив НМИМ, инв. №436 (Кишинев 1960).
- Ketraru 1961:** N.A. Ketraru, Moldavskaia arkheologicheskia ekspeditsia 1960 goda. Otchet o rabote paleoliticheskogo otriada. Arkhiv NMIM, inv. №400 (Kishinev 1961) // Н.А. Кетрапу, Молдавская археологическая экспедиция 1960 года. Отчет о работе палеолитического отряда. Архив НМИМ, инв. №400 (Кишинев 1961).
- Ketraru 1964:** N.A. Ketraru, Arkheologicheskie razvedki v doline r. Chugur. V sb.: (ot.red. V.S. Zelenchuk, E.A. Rikman, G.D. Smirnov) Materialy i issledovaniia po archeologii i etnografii Moldavskoi SSR (Kishinev 1964), 255-272 // Н.А. Кетрапу, Археологические разведки в долине р. Чугур. В сб.: (от.ред. В.С. Зеленчук, Е.А. Рикман, Г.Д. Смирнов) Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавской ССР (Кишинев 1964), 255-272.
- Kovalenko et al. 2006:** S.I. Kovalenko, V.S. Sinika, E.F. Taschshi, N.P. Tel'nov, S.A. Fidel'skii, I.A. Chetverikov, T.A. Schsherbakova, Svod arkheologicheskikh pamiatnikov Kamenskogo raiona Pridnestrovskoi Moldavskoi Respubliki (Tiraspol'2006) // С.И. Коваленко, В.С. Синика, Е.Ф. Тащи, Н.П. Тельнов, С.А. Фидельский, И.А. Четвериков, Т.А. Щербакова, Свод археологических памятников Каменского района Приднестровской Молдавской Республики (Тирасполь 2006).
- Larina 1986:** O.V. Larina, Otchet Moldavskoi neoliticheskoi ekspeditsii o rabote 1985 g. Na poseleniakh Fetesh' I i Fetesh' II Edinetskogo r-na. Arkhiv NMIM, inv. №228 (Kishinev 1986) // О.В. Ларина, Отчет Молдавской неолитической экспедиции о работе 1985 г. на поселениях Фетешь I и Фетешь II Единецкого р-на. Архив НМИМ, инв. №228 (Кишинёв 1986).
- Larina 2003:** O.V. Larina, Pozdnetripol'skoe pogrebenie gordineshtskogo tipe na Dnestre. V sb.: (red. E.N. Sava) Interferențe cultural-cronologice în spațiul nord-pontic (Chișinău 2003), 57-80 // О. Ларина, Позднетрипольское погребение гординештского типа на Днестре. В сб.: (ред. Е.Н. Сава) Interferențe cultural-cronologice în spațiul nord-pontic (Chișinău 2003), 57-80.
- Larina, Postike 1990:** O.V. Larina, G.I. Postike, O.B. Larina, Arkheologicheskie pamiatniki u s. Bursucheny. V sb.: (ot.red. N.A. Ketraru) Arkheologicheskie issledovania v Moldavii v 1985 g. (Kishinev 1990), 256-266 // Г.И. Постики, Археологические памятники у с. Бурсучены. В сб.: (от.ред. Н.А. Кетрапу) Археологические исследования

- в Молдавии в 1985 г. (Кишинев 1990), 256-266.
- Larina et al. 1997:** O.V. Larina, K.-P. Vekhler, V.A. Dergachev, S.I. Kovalenko, V.M. Bikbaev, Novye polevyye issledovaniia pamiatnikov mezolita i neolita Moldovy. V sb.: (red. E.N. Sava) Vestigii arheologice din Moldova (Chișinău 1997), 62-110 // О.В. Ларина, К.-П. Вехлер, В.А. Дергачев, С.И. Коваленко, В.М. Бикбаев, Новые полевые исследования памятников мезолита и неолита Молдовы. В сб.: (ред. Е.Н. Сава) Vestigii arheologice din Moldova (Chișinău 1997), 62-110.
- Larina, Sîrbu 2014:** O. Larina, Gh. Sîrbu, Rezultatele investigațiilor arheologice din aşezările Fetești I și II (r-nul Edineț). Revista Arheologică, vol. X, nr. 1-2, 192-202.
- Lazarovici, Lazarovici 2007:** C.-M. Lazarovici, Gh. Lazarovici, Arhitectura neoliticului și epocii cuprului din România. II. Epoca Cuprului (Iași 2007).
- Levițki 1997:** O. Levițki, Raport despre investigațiile arheologice efectuate în obiectivele arheologice de la Trinca, r-l Edineț RM în anul 1996. Arhiva MNIM, nr. inv. 353 (Chișinău 1997)
- Levițki 1997a:** O. Levițki, Şantierul arheologic Trinca (Republica Moldova) (Campania 1995). Cercetări arheologice în aria nord-tracă II (București 1997a), 213-274.
- Levițki 2006:** O. Levițki, Repertoriul monumentelor arheologice din raionul Edineț, Republica Moldova (Chișinău 2006).
- Levițki 2006a:** O. Levițki, Repertoriul monumentelor arheologice din raionul Briceni, Republica Moldova (Chișinău 2006a).
- Levițki et al. 1996:** O. Levițki, I. Manzura, T. Demcenko, Necropola tumulară de la Sărăteni. Bibliotheca Thracologica, XVII (București 1996).
- Manzura, Tel'nov 1992:** I.V. Manzura, N.P. Tel'nov, Problema pozdnetripol'skogo pogrebal'nogo obriada lesostepnoi zony Dnistrovsko-Karpatskikh zemel'. Nekotorye itogi i perspektivy izucheniiia. V sb.: (ot.red. V.I. Grosu) Materialy i issledovanie po arkheologii i etnografii (Kishinev 1992), 118-130 // И.В. Манзура, Н.П. Тельнов, Проблема позднетрипольского погребального обряда лесостепной зоны Днестровско-Карпатских земель. Некоторые итоги и перспективы изучения. В сб.: (от.ред. В.И. Гросу) Материалы и исследование по археологии и этнографии (Кишинев 1992), 118-130.
- Markevich 1955:** V.I. Markevich, Arkheologicheskie pamiatniki v basseine nizhnego techeniiia reki Cherna. Izvestiia Moldavskogo filiala AN SSSR №5 (22), 131/145 // В.И. Маркевич, Археологические памятники в бассейне нижнего течения реки Черна. Известия Молдавского филиала АН СССР №5 (25), 131-145.
- Markevich 1973:** V.I. Markevich, Pamiatniki epokh neolita i eneolita. V: (ot.red. P.P. Byrnia, N.A. Ketraaru) Arkheologicheskaja karta Moldavii vyp. 2, (Kishinev 1973) // В.И. Маркевич, Памятники эпох неолита и энеолита. В: (от.ред. П.П. Бырня, Н.А. Кетрапу) Археологическая карта Молдавии вып. 2, (Кишинев 1973).
- Markevich 1975:** V.I. Markevich, Issledovaniia pozdnetripol'skikh pamiatnikov v Dnistrovsko-Prutskom mezhdurech'ia. Arkheologicheskie Otkrytie v 1974 g., 441-442 // В.И. Маркевич, Исследования позднетрипольских памятников в Днестровско-Прутском междуречье. Археологические Открытие в 1974 г., 441-442.
- Markevich 1981:** V.I. Markevich, Pozdnetripol'skie plemena Severnoi Moldavii (Kishinev 1981) // В.И. Маркевич, Позднетрипольские племена Северной Молдавии (Кишинев 1981).
- Markevich 1982:** V.I. Markevich, Raskopki na poselenii Brynzeny IV (iamai etapa BI) v 1981 g. Arkhiv NMIM, inv. №188 II (Kishinev 1961) // В.И. Маркевич, Раскопки на поселении Брынзены IV (яма этапа BI) в 1981 г. Архив НМИМ, инв. №188 II (Кишинёв 1982).
- Markevich 1987:** V.I. Markevich, Arkh. Selischshe Brynzeny IV. V sb.: (ot.red. N.A. Demchenko) Svod pamiatnikov istorii i kul'tury Moldavskoi SSR. Severnaia zona (Kishinev 1987), 293-294 // В.И. Маркевич, Арх. Селище Брынзены IV. В сб.: (от.ред. Н.А. Демченко) Свод памятников истории и культуры Молдавской ССР. Северная зона (Кишинев 1987), 293-294.
- Morintz, Roman 1968:** S. Morintz, P. Roman, Aspekte des ausgangs de Äneolithikums und der Übergangsstufe zur Bronzezeit im raum det Niederdonau. Dacia, N.S., XII, 45-128.
- Morintz, Roman 1968a:** S. Morintz, P. Roman, Asupra perioadei de trecere de la eneolitic la epoca bronzului la Dunărea de Jos. Studii și cercetări de istorie veche, 19, 4, 553-573.
- Morintz, Roman 1970:** S. Morintz, P. Roman, Cu privire la cronologia perioadei de tranzitie la epoca bronzului în România. Studii și cercetări de istorie veche, 21, 4, 557-570.
- Moroșan 1928:** I. Moroșan, Câteva stațiuni preistorice descoperite în Basarabia de Nord. Revista Științifică V. Adamachi, vol. XIV, nr. 3-4, 117-121.
- Movsha 1971:** T.G. Movsha, O Severnoi gruppe pozdnetripol'skikh pamiatnikov. Sovetskaia Arkheologiia 1, 31-54 // Т.Г. Мовша, О северной группе позднетрипольских памятников. Советская Археология 1, 31-54.
- Movsha 1971a:** T.G. Movsha, Goncharnyi tsentr tripol'skoi kul'tury na Dnestre. Sovetskaia Arkheologiia 3, 228-234 // Т.Г. Мовша, Гончарный центр трипольской культуры на Днестре. Советская Археология 3, 228-234.

- Movsha 1985:** T.G. Movsha, Vzaemovidnosti Tripillia-Kukuteni z sinkhronnimi kul'turami Tsentral'noi Evropi. Arkheologiiia 51, 22-31 // Т.Г. Мовша, Взаимовідносини Трипілля-Кукутені з синхронними культурами Центральної Європи. Археологія 51 1985, 22-31.
- Movsha 1985a:** T.G. Movsha, Pozdnii etap tripol'skoi kul'tury. (ot.red. S.S. Berezanskaia, Iu.G. Kolosov, V.A. Kuts) Arkheologiiia Ukrainskoi SSR, tom I (Kiev 1985), 223-263 // Т.Г. Мовша, Поздний этап трипольской культуры. В сб.: (от.ред. С.С. Березанская, Ю.Г. Колосов, В.А. Крут) Археология Украинской ССР, том I, (Киев 1985а), 223-263.
- Nikolaeva, Safronov 1976:** N.A. Nikolova, V.A. Safronova, Kurgany u s. Dumiany ryiranskovo raiona. Arkheologicheskie Otkrytie v 1975 goda, 472-473 // Н.А. Николаева, В.А. Сафронов, Курганы у с. Думяны рышканского района. Археологическое Открытие в 1975 года, 472-473.
- Passek 1949:** T.S. Passek, Periodizatsiia tripol'skikh poselenii (III-II tys. do n.e.). Materialy i Issledovanie po Arkheologii 10 (Moskva 1949) // Т.С. Пассек, Периодизация трипольских поселений (III-II тыс. до н.э.). Материалы и Исследование по Археологии 10, (Москва 1949).
- Passek 1952:** T.S. Passek, Itogi rabot Tripol'skoi (Dnestrovskoi) ekspeditsii. Kratkie soobshcheniia o dokladakh I polevykh issledovaniakh Instituta Istorii Material'noi Kul'nury, XLV, 3-18 // Т.С. Пассек, Итоги работ Трипольской (Днестровской) экспедиции. Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института Истории Материальной Культуры, XLV, 3-18.
- Passek 1955:** T.S. Passek, Novye dannye o poznetripol'skikh poseleniakh na Dnestre. Izvestiia Moldavskogo filiala AN SSSR №5 (22), 15-29 // Т.С. Пассек, Новые данные о позднетрипольских поселениях на Днестре. Известия Молдавского филиала АН СССР №5 (25) 1955, 15-29.
- Peleschischin 1989:** N.A. Peleschischin, Naselenie zapadnoi Volyni I ego etnokul'turnye sviazi (seredina V – se-redina III tys. do n.e.). Dissertatsiia na soiskanie uchenoi stepeni doktora istoricheskikh nauk (Lvov 1989) // Н.А. Пелещишин, Население западной Волыни и его этнокультурные связи (середина V – середина III тыс. до н.э.). Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук (Львов 1989).
- Petrescu-Dîmbovița 1950:** M. Petrescu-Dîmbovița, Raport asupra săpăturilor arheologice din județele Covurlui și Tutova. Studii și cercetări de istorie veche, I, 1, 57-68.
- Petrescu-Dîmbovița 1950a:** M. Petrescu-Dîmbovița, Date noi asupra înmormântărilor cu ocru în Moldova. Studii și cercetări de istorie veche, II, 1, 110-125.
- Rikman 1975:** E.A. Rikman, Pamiatniki sarmatov i plemen cherniakhovskoi kul'tury. V (ot.red. P.P. Byrnea, N.A. Ketraru) Arkheologicheskaiia karta Moldavii, vyp. 5 (Kishinev 1975) // Э.А. Рикман, Памятники сарматов и племен черняховской культуры. В (от.ред. П.П. Бырня, Н.А. Кетрару) Археологическая Карта Молдавии, вып. 5 (Кишинев 1975).
- Rikman, Grosu 1975:** E.A. Rikman, V.I. Grosu, Otchet ob arkheologicheskikh rabotakh 1974 g. Kosteshtskoi Cherniakhovskoi ertseditsii u s. Kosteshty. Arkhiv NMIM, inv. №93 (Kishinev 1975) // Э.А. Рикман, В.И. Гросу, Отчет об археологических работах 1974 г. Костештской Черняховской экспедиции у с. Костешты. Архив НМИМ, инв. №93 (Кишинев 1975).
- Roșca, Vâlcu 1993:** A. Roșca, V. Vâlcu, Repertoriul monumentelor arheologice din raionul Edineț, Republica Moldova. Arhiva MNIM, nr. inv. 20 (Chișinău 1993).
- Zakharuk 1971:** Ju.M. Zakharuk, Pam'iatki kasperiv'skogo tipu. V sb.: (ot.red. D.Ia. Telegin) Arkheologiiia URSR, Tom 1, (Kiiv 1971), 183-186 // Ю.М. Захарук, Пам'ятки касперівського типу. В сб.: (от.ред. Д.Я. Телегин) Археология УРСР, Том I, (Київ 1971), 183-186.
- Tkachuk et al. 1999:** M. Tkachuk, R. Rabinovich, M. Shchukin, O. Sharov, Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniakh na gorodishche Rud'-La Shantsuri i poselenii cherniakhovskoi kul'tury Pokrovka V v 1998 godu. Chast' II. Arhiva MNIM, nr. №367 „a” (Kishinev-Sankt-Peterburg 1999) // М. Ткачук, Р. Рабинович, М. Щукин, О. Шаров, Отчет об археологических исследованиях на городище Рудь-Ла Шанцурь и поселении черняховской культуры Покровка V в 1998 году. Часть II. Архив НМИМ инв. №367 «а» (Кишинёв-Сант-Петербург 1999).
- Topal, Tserna 2010:** D.A. Topal, S.V. Tserna, Pozdnetripol'skii mogil'nik I poseleniia u s. Kunicha (Floreshtskii r-n, Respublika Moldova). Stratum plus, nr. 2, 281-298 // Д.А. Топал, С.В. Церна, Позднетрипольский могильник и поселения у с. Куничча (Флорештский р-н, Республика Молдова). Stratum plus, nr. 2, 281-298.
- Țerna 2011:** S. Țerna, Aspecte ale cronologiei relative a siturilor tripoliene târzii din spațiul pruto-nistrean în lumina unor noi descoperiri funerare din Republica Moldova. Peuce SN IX, 359-376.
- Țerna et al. 2014:** S. Țerna, S. Popovici, R. Zabolotnii, Noi date despre siturile Tripolye BII/CI, CI și CII din Republica Moldova. MA XXIX-XXX, 31-88.
- Ursulescu 1986-1987:** N. Ursulescu, Contribuția cercetărilor arheologice din județul Suceava la cunoașterea evoluției neo-eneoliticului din Moldova. Suceava, 13-14, 69-74.

- Vlasenko, Sorokin 1981:** I.G. Vlasenko, V.Ia. Sorokin, Otchet drevnerusskoi arkheologicheskoi ershedsitsii o raskopkakh mnogosloinogo poseleniya Mereshevka-Chetetsue v 1980 g. Arkhiv NMIM, inv. №157 (Kishinev 1981) // И.Г. Власенко, В.Я. Сорокин, Отчет древнерусской археологической экспедиции о раскопках многослойного поселения Мерешовка-Четэцуе в 1980 г., Архив НМИМ, инв. №157 (Кишинев 1981).
- Vornic et al. 2011:** V. Vornic, L. Ciobanu, N. Telnov, Raport privind investigațiile arheologice din anii 2008 și 2009 de la Pruteni (r. Fălești). Arhiva MNIM, nr. inv. 527 (Chișinău 2011).
- Vulpe 1995:** Al. Vulpe, Epoca bronzului în spațiul carpato-dunărean. Privirea generală. Comori 17-23.
- Vulpe 1997:** Al. Vulpe, Considerații privind începutul și definirea perioadei timpurii a epocii bronzului în România. În: Timpul istoriei (I). Memorie și patrimoniu. In honorem emeritae Ligiae Bârzu (București 1997), 37-50.
- Vulpe 2001:** Al. Vulpe, Epoca bronzului. Considerații generale. Istoria Românilor. Moștenirea timpurilor îndepărtate, Vol. I., București 2001, 214-237.
- Vulpe 2001a:** Al. Vulpe, Considerations upon the Beginning and the Evolution of the Early Bronze Age in Romania. Lux Orientis. Archäologie zwischen Asien und Europa. Festschrift für Harald Hauptmann. Internationale Archäologie. Studia honoraria Band 12, (Rahden/Westf. 2001a), 419-426.
- Sava et al. 1994:** E. Sava, I. Manzura, M. Tcaciuc, S. Kurciatov, V. Bubulic, R. Rabinovici, C. Mihăilescu, V. Motoc, S. Medeanic, Raport științific despre investigațiile istorico-arheologice efectuate în 1993 în microzona istorico-naturală Rudi-Tatareua Noua-Arionești (raionul Dondușeni). Arhiva MNIM, nr. inv. 346 (Chișinău 1994).
- Sorokin 1983:** V.Ia. Sorokin, Tripol'scoe pogrebenie na mnogosloinom poselenii Mereshovka-Chetetsue. V sb.: (ot.red. N.A. Ketraru) Pervobytnye drevnosti Moldavii (Kishinev 1983), 213-217 // В.Я. Сорокин, Трипольское погребение на многослойном поселении Мерешовка-Четэцуе. В сб.: (от.ред. Н.А. Кетрапу) Первобытные древности Молдавии (Кишинев 1983), 213-217.
- Shmit 2001-2002:** M. Shmit, Iz isledovanii kontaktov mezhdu kul'turami sharovidnukh amfor I pozdnego Tripolia. Stratum plus, nr. 2, 246-259 // М. Шмит, Из исследований контактов между культурами шаровидных амфор и позднего Триполья. Stratum plus, nr. 2, 246-259.
- Sîrbu 2015:** Gh. Sîrbu, Complexele de habitat specifice grupului eneolic târziu de tip Gordinești din silvostepa pruto-nistreană. În: Rezumatele comunicărilor Sesiunii Științifice a Departamentului Istoria Românilor, Universală și Arheologie (Chișinău 2015), 17
- Sîrbu 2019:** Gh. Sîrbu, Comunități Cucuteni-Tripolie târzie din spațiul pruto-nistrean. Grupul cultural Gordinești. Teza de doctor în istorie (Chișinău 2019).
- Sîrbu, Sîrbu 2020:** Gh. Sîrbu, L. Sîrbu, Situri eneolitice târzie de tip Gordinești din interfluviul Prut-Nistru. O abordare generală. În: (eds. A. Melniciuc, B.-P. Niculică, S. Ignătescu, S.-C. Enea) Eternitatea arheologiei. Studii în Onoarea Profesorului Dumitru Boghian la a 65-a aniversare (Cluj-Napoca 2020), 464-495.
- Sulimirski 1970:** T. Sulimirski, Prehistoric Russia: An Outline (London 1970).
- Sveshnikov 1983:** I.K. Sveshnikov, Kul'tura Sharovidnykh Amfor. Arkheologia SSSR, Svod arkheologicheskikh istochnikov, dgesk B1-27 (Moskva 1983) // И.К. Свешников, Культура Шаровидных Амфор. Археология СССР, Свод археологических источников, выпуск B1-27 (Москва 1983).
- Şovan 2016:** O.-L. Şivan, Repertoriul Arheologic al Județului Botoșani. Ediția a II-a. Bibliotheca Archaeologica „Hierasus” Monographica (Botoșani 2016).
- Zaharia et al. 1970:** N. Zaharia, M. Petrescu-Dîmbovița, Em. Zaharia, Așezări din Moldova de la paleolitic pînă în secolul al XVIII-lea (București 1970).
- Zbenovich 1976:** V.G. Zbenovich, Pozdnee Tripole I ego cviaz' s kul'turami Prikarpat'ia i Malopol'shi. Acta Archaeologica Carpathica, Tom XVI, 21-58 // В.Г. Збенович, Позднее Триполье и его связь с культурами Прикарпатья и Малопольши. Acta Archaeologica Carpathica, Tom XVI, 21-58.
- Videiko 2004:** M. Videiko, Late Trypillya and Baden Cultures: Facts and Character of Interaction. Zwischen Karpaten und Ägäis. Neolithikum und Ältere Bronzezeit. Gedernkschrift für Viera Němejcová-Pavúková. Internationale Archäologie 21 (Rahden/Westf. 2004), 355-367.
- Welcher et al. 1998:** K.-P. Welcher, V. Dergačev, O. Larina, Neue Forschungen zum Neolithikum Osteuropas. Ergebnisse der moldawisch-deutschen Geländearbeiten 1996 und 1997. PZ, Band 73, Heft 2, 151-167.

Ghenadie Sîrbu, doctor în istorie, specialist principal Departamentul Management academic și relații externe al Prezidiului AŞM, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, MD-2001 / cercetător științific în cadrul Laboratorului de Thracologie de la Facultatea de Istorie și Litere al USM, str. Alexei Mateevici 60, MD-2009, Chișinău, Republica Moldova, e-mail: ghena.sirbu2014@gmail.com

Надежда Котова, Сергей Махортых, Виктор Джос, Симон Радченко

Каменные погребальные сооружения эпохи энеолита – ранней бронзы в Северном Причерноморье

Keywords: North Black Sea region, Eneolithic, Early Bronze Age; Yamnaya culture; stone burial construction.

Cuvinte cheie: Nordul Mării Negre, eneolic, perioada timpurie a epocii bronzului, cultura Iamnaia, construcție funerară din piatră.

Ключевые слова: Северное Причерноморье; энеолит; ранняя бронза; ямная культура; каменная гробница.

Nadia Kotova, Sergey Makhortykh, Viktor Dzhos, Simon Radchenko

Eneolithic and Early Bronze Age stone burial constructions of the North Black Sea region

Stone burial constructions are appearing in North Black Sea region together with the carriers of Early Eneolithic cultures. Boxes and tombs made of different kind of stone and sometimes painted with ochre are followed with different funerary equipment. They belong to different cultural groups and are constructed during centuries. This issue has been studied previously numerous times, though systematic and complex interpretation of related cultural processes has not been created yet. Lack of radiocarbon dates, poor funerary equipment and frequently highly damaged anthropological remains postpone the creation of more or less distinct attribution of North Black Sea region stone burial constructions. They definitely belong to the different cultural formations and different directions of trends migration across this region – both from East and West. Though the problem is way too complex to be solved in one article, here we are trying to create an approach to the chronological and cultural attribution of stone burial constructions of this region. This attempt is caused by the newly discovered stone tomb near the Kamyana Mogyla. This object is reliably dated to the Early Bronze Age and connected to the Yamnaya archaeological culture.

Nadia Kotova, Sergey Makhortykh, Viktor Dzhos, Simon Radchenko

Construcțiile funerare de piatră din perioada eneolică – bronzul timpuriu din regiunea de nord a Mării Negre

Odată cu apariția purtătorilor culturilor neolitice timpurii pe teritoriul regiunii nordice a Mării Negre, se răspândește un nou tip structuri de funerare – construcțiile de piatră. Camerele mortuare sunt construite din piatră, uneori fiind pictate cu ocru, sunt însoțite de o varietate de inventar și aparțin diferitelor grupuri culturale aflate în acest teritoriu de mult timp. Deși această problemă a atras în mod repetat atenția cercetătorilor, o interpretare sistematică a proceselor culturale asociate cu structurile funerare din piatră nu a fost încă înaintată. Lipsa datelor radiocarbon, insuficiența inventarului funerar și adesea starea fragmentară a resturilor antropologice, nu permit încă soluționarea problemei atribuirii culturale a structurilor de piatră din regiunea de nord a Mării Negre. Totuși, putem afirma apartenența acestora la diferite formațiuni culturale și la diverse direcții în mișcarea tradițiilor din spațiul cercetat – atât din vest, cât și din est. Cu toate că problema abordată este prea vastă și complexă pentru a putea fi tratată într-un singur articol, vom încearca să atribuim cronologic și cultural structurile de piatră din regiune. Noile interpretări se referă la descoperirea recentă a unei camere mortuare lângă Kamyana Mogyla, cert încadrat în epoca bronzului timpuriu.

Надежда Котова, Сергей Махортых, Виктор Джос, Симон Радченко

Каменные погребальные сооружения эпохи энеолита – ранней бронзы в Северном Причерноморье

Вместе с появлением на территории Северного Причерноморья носителей раннеэнеолитических культур на этих землях распространяется новый вид погребальных сооружений – каменные конструкции. Ящики и гробницы, выполненные из камня и иногда расписанные охрой, сопровождаются разнообразным инвентарем, принадлежащим различным культурным группам и бытуют здесь в течение длительного времени. Хотя эта проблема неоднократно привлекала внимание исследователей, системная интерпретация культурных процессов, связанных с каменными погребальными конструкциями, до сих пор не выработана. Недостаток радиоуглеродных дат, скучный погребальный инвентарь и зачастую поврежденные антропологические останки отдаляют окончательное решение вопроса об атрибуции каменных конструкций Северного Причерноморья. Однозначно можно утверждать их принадлежность разным культурным формациям и разным направлениям движения традиций через исследуемую территорию – как с запада, так и с востока. Хотя проблема слишком обширна для того, чтобы решить её в пределах одной статьи, здесь предложена попытка подхода к хронологической и культурной атрибуции каменных конструкций региона. Она связана с недавней находкой наземной гробницы близ холма Каменной Могилы, надежно датированной эпохой ранней бронзы.

Введение

Одна из особенностей культурного ландшафта Северного Причерноморья в эпоху энеолита – раннего бронзового века – распространение захоронений в каменных конструкциях. Несмотря на ряд важных работ, опубликованных по этой теме [Rassamakin 2004; Teslenko 2007; Toshcheyev 2007], проблемы дробного хронологического деления и определения культурной принадлежности каменных погребальных сооружений остаются далекими от своего разрешения. Лишь единичные захоронения имеют радиоуглеродные даты, что при немногочисленном инвентаре и не всегда сохраняющемся скелете усложняет культурную и хронологическую атрибуцию памятников. Данные обстоятельства делают особенно значимыми полные публикации каменных

сооружений, сопровождаемые радиоуглеродными датами, список которых недавно дополнен исследованиями в бассейне р. Молочной, вблизи заповедника Каменная Могила. В данной статье не ставится задача рассмотреть в деталях все каменные сооружения Северного Причерноморья V–III тыс. до н.э. Наша цель заключается во введении в научный оборот нового, хорошо датированного археологического источника и попытке наметить подходы к возможной хронологической и культурной градации каменных конструкций.

Новые погребальные комплексы эпохи ранней бронзы у Каменной Могилы

В 2017 г. под руководством С.В. Махортых исследован участок охранной зоны историко-археологического заповедника Каменная Мо-

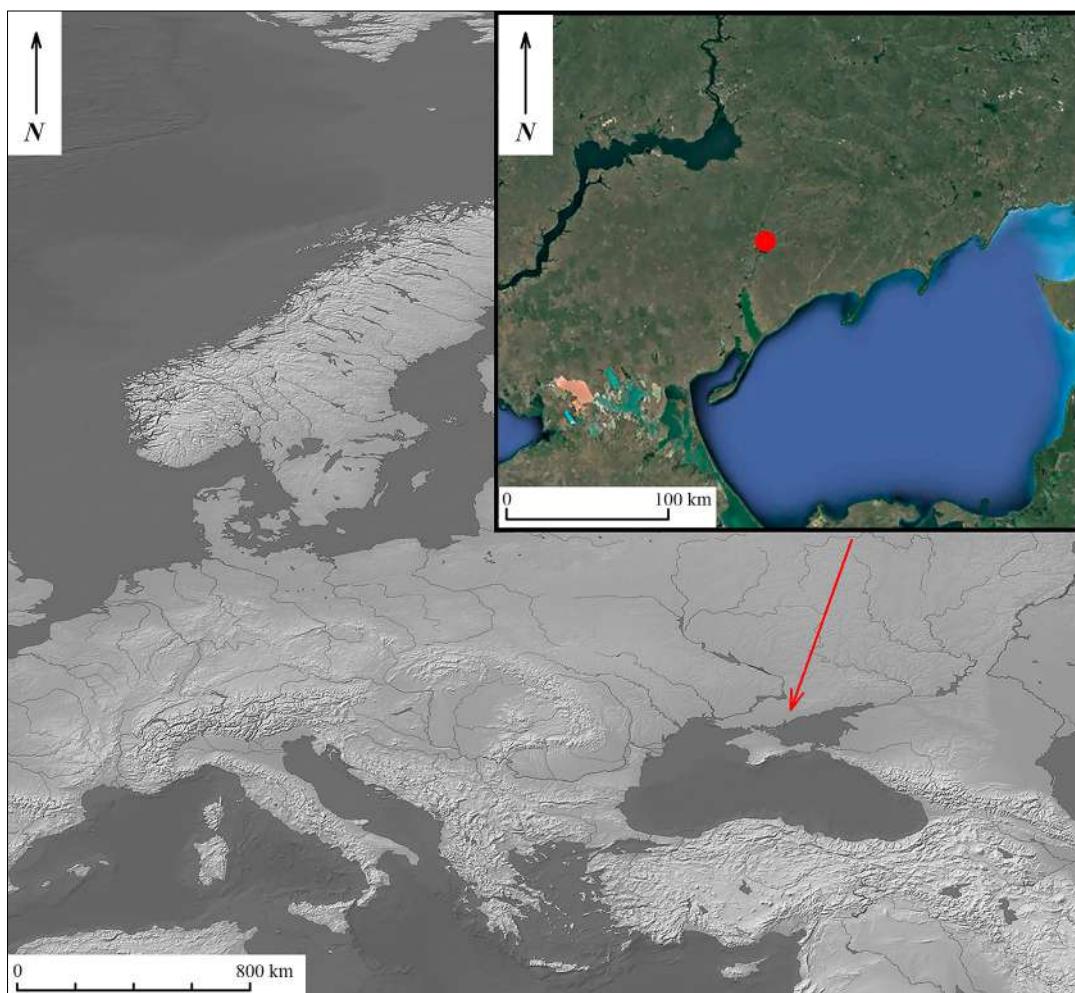

Рис. 1. Каменная Могила на карте Европы и Северного Приазовья.

Fig. 1. Location map of Kamyana Mohyla in Eastern Europe and North Azov Sea area.

гила (рис. 1). Его название согласно учётной документации – «курган 2 – 4461/2 – Зп». Он располагается в 200 м на север от холма Каменной Могилы в пойме правого берега реки Молочной (рис. 2). В результате хозяйственной деятельности поверхность участка поймы была неровной, но следов курганной насыпи прослежено не было. Раскопки проводились без применения техники. Прослежена следующая последовательность почвенных горизонтов: чернозем (мощностью 19-24 см), светло-серый суглинок (35-50 см), коричневый суглинок с дроблеными раковинами (40-60 см) и подстилающий его светлый суглинок. В результате раскопок обнаружены три погребения и ритуальный комплекс (рис. 3). Раннему бронзовому веку принадлежат п. 2 и ритуальный комплекс. Они располагались в нижней части светло-серого суглинка.

Погребение 2 произведено в каменной гробнице. Верхние камни были повреждены при вспашке, что и позволило предположить присутствие здесь археологических объектов. Перекрытие отсутствовало, но оно могло быть разрушено. С его остатками, вероятно, связаны мелкие фрагменты песчаника в верхней части светлого суглинка. Гробница располагалась на древнем горизонте – коричневом суглинке с дробленой раковиной. Измерение её параметров выполнено по трёхмерной фотограмметрической модели, созданной для обеспечения качественной фиксации и изучения объекта. Подробное описание модели и методики её создания опубликовано в [Makhortikh et al. 2020 in print].

Прямоугольная каменная гробница (2,35x1,66 м) была ориентирована на северо-запад – юго-восток (рис. 4). Если учитывать сезонные отклонения солнца, то ориентация гробницы по линии азимута 70°-350° свидетельствует о ее строительстве с ориентацией длинных стен по линии запад-восток в августе или мае. Установленные на ребро длинные

Рис. 2. Ортофотоплан участка охранной зоны заповедника “Каменная Могила” и расположение каменной гробницы.

Fig. 2. Orthoimage of Kamyana Mohyla reserve and location of the stone tomb.

стенки состоят из плит местного каменномогильского песчаника размерами 1,82x0,67x0,31 м и 1,82x0,69x0,33 м. Из-за незначительной углубленности относительно древней дневной поверхности (всего 3-8 см), крупные плиты были подперты камнями меньшего размера (0,5x0,3 м). Восточная и часть западной стенки, вероятно, имели вид кладки из мелкого песчаника, смешанного с илистой почвой.

В юго-западном секторе гробницы располагался вход. С внешней стороны он был перекрыт мелким щебнем, смешанным с глиной. Этот грунт, вероятно, доставили с поселения 1, расположенного рядом с холмом Каменная Могила. Об этом свидетельствует фрагмент керамики второго периода азово-днепровской культуры, найденный среди щебня в центральной части входа (рис. 5,5). Восточные окончания больших плит, образующих длинные стенки, были подработаны и срезаны наискось, что позволяет предполагать существование деревянного заслона. Кроме этого, зафиксировано использование небольших камней для регулирования высоты и

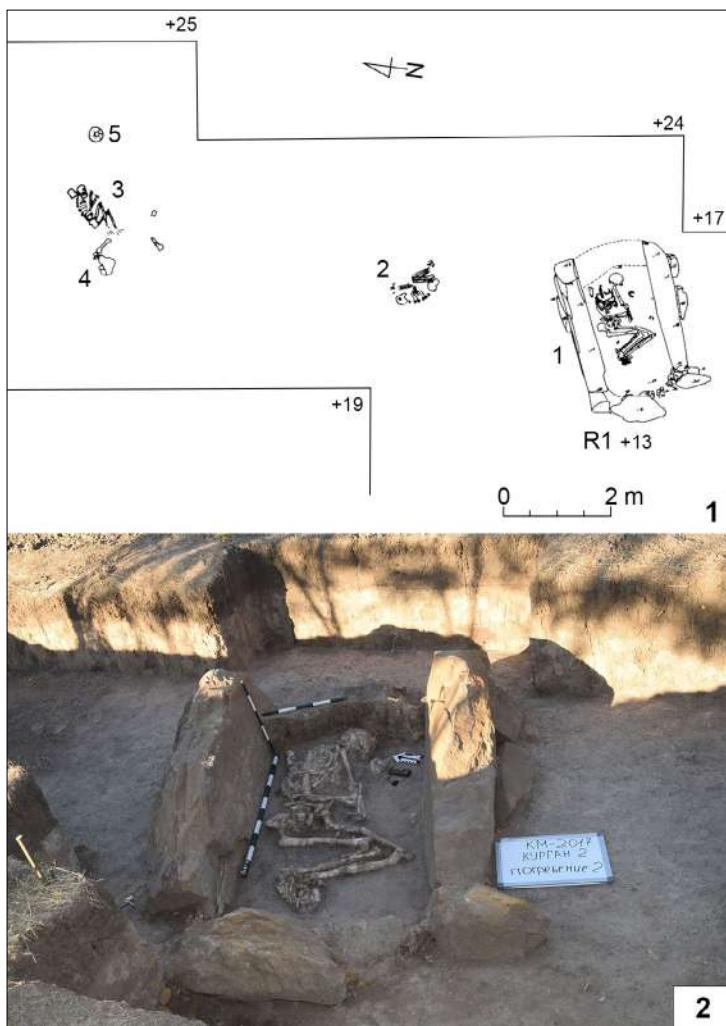

Рис. 3. Гробница у Каменной Могилы: 1 – план исследованного участка; 1 – п. №2; 2 – п. №1; 3 – п. №3; 4 – череп быка; 5 – перевёрнутый сосуд; 2 – каменная гробница.

Fig. 3. Stone tomb nearby Kamyana Mohyla: 1 – plan of excavation trench; 1 – burial No 2; 2 – burial No 1; 3 – burial No 3; 4 – bull's skull; 5 – inverted vessel; 2 – stone tomb.

положения плит. Они располагались под южной плитой и основанием входа.

Скелет лежал в скорченном положении на левом боку, головой на восток с отклонением к северу (рис. 3,2). По определению Л. Литвиновой, костяк принадлежал молодому мужчине, возрастом до 25 лет.

На дне гробницы найдена раковина *Unio*. Среди камней от разрушенного перекрытия обнаружен фрагмент известняка со следами обработки, подтвержденными микроскопическим изучением (рис. 5,1-3). В нем зафиксированы инклузии самородной меди (рис. 5,4), что свидетельствует о неместном проис-

хождении находки. В верхней части заполнения гробницы найдены кости животных. По определению О. Журавлева, это – ребра домашнего быка, грифельная кость и третья фаланга домашней лошади. Рядом с гробницей обнаружены плюсневая кость домашнего быка и грифельная кость домашней лошади.

По костям человека и животного сделаны радиоуглеродные даты. Возраст человека определяется 4116 ± 23 BP (BE-8040.2.1) или 2872-2781 calBC, 95.4%. Ребро домашнего быка из верхней части заполнения гробницы датировано 4142 ± 23 BP (BE-8041.2.1) или 2872-2627 calBC, 95.4%. Общий интервал даты по кости животного и человека составляет 2872-2781 лет calBC, и именно он определяет время захоронения. Калибровка всех публикуемых данных выполнена в OxCal v. 4.3.2 [Bronk Ramsey 2017] по калибровочной кривой IntCal13.

Культовые объекты

Эпохе ранней бронзы принадлежат также два культовых объекта, образующих ритуальный комплекс. На расстоянии 6 м к северу от гробницы обнаружен перевернутый горшок, типичный для керамики ямной культуры региона¹. Он имел примесь песка, плоское дно, невысокий отогнутый венчик и штриховку на внешней и внутренней поверхности. Высота сосуда – 14 см.

Западнее горшка, на расстоянии 1,4 м обнаружены части черепа и кости конечностей молодого быка. Радиоуглеродный анализ определил их возраст 3976 ± 21 BP (BE-8044.4.1) или 2570-2469 calBC, 95,4%.

Похожие по форме сосуды реконструируются для верхних слоев поселений Генералка 2 на острове Хортица в Запорожье [Tubol'tsev, Radchenko 2018] и Михайловка в Херсонской области [Lagodovs'ka, Shaposhnikova, Makarevich

1. В ямную культуру мы включаем только памятники, синхронные верхнему слою поселения Михайловка, а погребения и поселения репинского и рогачикского типа относим к предшествующему культурному образованию.

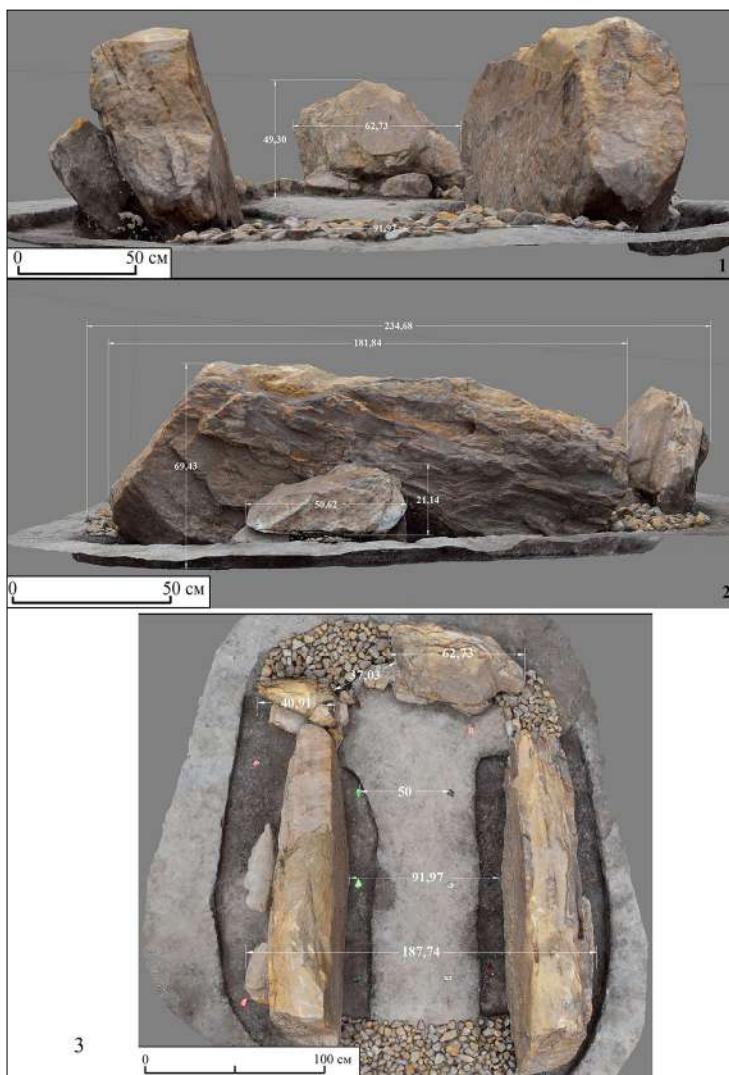

Рис. 4. Гробница у Каменной Могилы: 1 – трехмерная модель с измеренными параметрами, вид спереди; 2 – трехмерная модель с измеренными параметрами, вид справа; 3 – 3D модель, вид с северо-запада.

Fig. 4. Stone tomb nearby Kamyana Mohyla: 1-2 – 3D-model of the tomb and its parameters, cm: front view and right view; 3 – 3D-model, view from north-west.

1960]. Поселение Генералка 2 имеет и близкий возраст – около 3086-2295 calBC [Radchenko, Tuboltsev 2019]. Довольно многочисленные аналогии горшку Каменной Могилы известны в погребениях ямной культуры Украины (рис. 6).

Радиоуглеродные даты п. 2 (2872-2781 calBC) и связанной с ним тризны (2872-2627 calBC), а также ритуального комплекса (2570-2469 calBC) показывают последовательное использование этого места населением эпохи ранней бронзы для захоронения и совершения иных обрядовых действий.

Погребение 2 в системе каменных погребальных сооружений Северного Причерноморья эпохи энеолита – раннего бронзового века

Для поиска аналогий гробнице Каменной Могилы необходимо уточнить используемую терминологию и ключевые признаки. Мы считаем необходимым различать каменные ящики и каменные гробницы. Последние – немногочисленны и отличаются от ящиков наличием входа, который теоретически позволял использовать сооружение для подзахоронений. Другой важный признак – это перекрытие ящика или гробницы насыпью кургана или отсутствие таковой. Третий фактор, который необходимо учитывать при поиске аналогий – расположение ящика/гробницы в яме, на древней поверхности или на насыпи предшествующего кургана.

Древнейшие каменные сооружения

Каменные ящики в междуречье Днепра и Дона появились в эпоху раннего энеолита [Manzura 2000, 245; Teslenko 2007] в погребениях среднестоговской культуры по терминологии Н. Котовой [Kotova 2006], которые также иногда называют новоданиловскими [Telegin et al. 2001] или скелянскими [Rassamakin 2004]. Однако первым в степи применять камень в могильниках стало население второго периода азово-днепровской культуры, сооружая закладки над ямами с коллективными захоронениями: Никольский и Ясиноватский 1 могильники. Эти памятники по уточненным данным датируются 4900-4700 calBC [Kotova 2018, 63] и демонстрируют контакты с балканским населением третьего периода культуры Хаманджия [Kotova 2016], которое сооружало каменные закладки и использовало плиты для частичного обкладывания могил [Bojadziev 2002].

В это же или несколько более позднее время (4700-4300 лет до н.э.) у среднестоговского населения междуречья Днепра и Дона

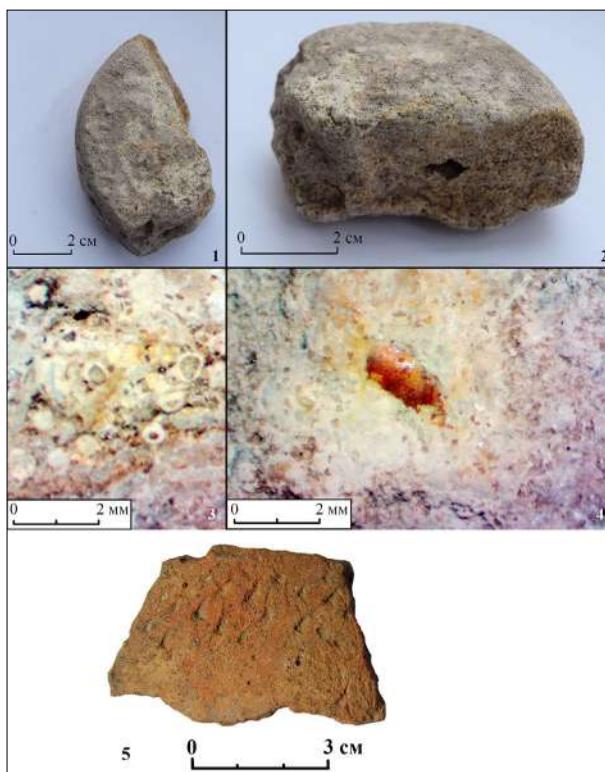

Рис. 5. Находки в гробнице: 1, 2 – фрагмент известняка со следами обработки; 3 – следы обработки на известняке, зафиксированы микроскопически; 4 – фрагмент самородной меди, зафиксирован микроскопически на известняке; 5 – фрагмент лепной керамики второго периода азово-днепровской культуры.

Fig. 5. Objects from the tomb: 1, 2 – processed limestone fragment, 3 – traces of processing, found microscopically; 4 – copper fragment, found microscopically; 5 – pottery fragment from the second phase of Azov-Dnieper culture.

распространяются, кроме каменных закладок, каменные ящики в ямах и частичная обкладка стен погребальных ям плитами. Эти захоронения немногочисленны: пп. 21 и 24 Мариупольского могильника, пп. 1а и 2а Чаплинского могильника, захоронения в Яме и в Луганске (рис. 7,1). Д. Тесленко рассматривает вместе с ними также Хапры (к. 8 п. 1) и Ольховатку (к. 1 п. 4) [Teslenko 2007]. Однако в погребении Ольховатки найдены альчики мелкого рогатого скота, что не типично для захоронений раннего энеолита Приазовья, а с погребением в Хапрах связана посуда константиновской позднеэнеолитической культуры.

Все раннеэнеолитические погребения с каменными конструкциями безкурганы и представлены несколькими видами. По полноте обкладки периметра выделяются: могилы с двумя

плитами в торцевых стенах (Чапли п. 1а, рис. 8, 1); могилы, где плиты или камни положены с трех сторон (Чапли п. 2а, Яма, Луганск, рис. 8, 2,4,5); могилы, где камни оконтуривают весь периметр (Мариуполь, пп. 21 и 24, рис. 8, 3). Сооружения при этом могут состоять из 2-10 крупных плит (рис. 8,1-3) или множества небольших камней (рис. 8,4-5).

Перечисленные вариации находят аналогии в погребениях четвертого этапа культуры Хаманджия и в культуре Варна [Bojadziev 2002], что подтверждает предположение И. Манзуры об их появлении в степи под влиянием этих групп балканского населения [Manzura 2000, 246]. В настоящее время до-

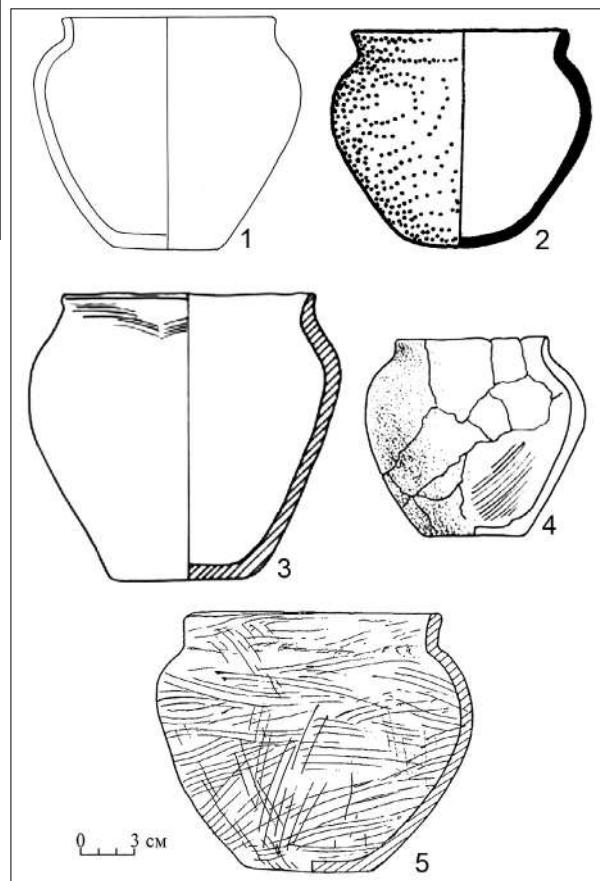

Рис. 6. Керамика ямной культуры: 1 – Каменная Могила, ритуальный комплекс; 2 – Высокое, к. 20 п. 8; 3 – Дубиново, к. 1 п. 13; 4 – курган Солдатская слава, п. 9; 5 – Старая Катериновка к. 30 п. 4 (по Ivanova, Petrenko, Vetchinnikova 2005; Chernykh, Daragan 2014).

Fig. 6. Yamnaya culture pottery: 1 – Kamyana Mohyla, ritual complex; 2 – Vysokoe, kurgan 20 burial 8; 3 – Dubinovo, kurgan 1 burial 13; 4 – kurgan Soldatskaya slava, burial 9; 5 – Staraia Katerinovka kurgan 30 burial 4 (after Ivanova, Petrenko, Vetchinnikova 2005; Chernykh, Daragan 2014).

ступны три радиоуглеродные даты для рассматриваемых погребений: Мариуполь п. 21 (Ki-9478, 6320 ± 70 ВР и Ki-9479, 6370 ± 75 ВР) и Чапли п. 2а (5840 ± 90 ВР, Ki-11079) [Kotova 2006]. Костяк из Чаплинского могильника принадлежал ребенку, что позволяет исключить резервуарный эффект или считать его минимальным. Его возраст – около 4790-4580 гг. до н. э. Дата костяка мужчины старше 30 лет из Мариупольского могильника может быть удрученной резервуарным эффектом.

Средний энеолит

Эта эпоха в степном Поднепровье и Приазовье представлена памятниками дереивской культуры и типа нижнего слоя поселения Михайловка (4300-3650 лет до н.э.) [Kotova 2013, 153]. Из каменных погребальных конструкций для Дереивской культуры в настоящее время известны лишь кромлехи и закладки. Сооружались также наземные гробницы из дерева и дерна (например, Новоалександровский курган, п. 16) [Kotova 2013, 66, 135].

Проблема идентификации нижнемихайловских погребений имеет длительную историю [Rassamakin 2004] и далека от общепризнанного решения. Исследователи выделяют несколько этапов развития этой погребальной традиции, при этом наиболее молодые захоронения синхронны уже среднему слою Михайловки, то есть продолжают существовать после исчезновения эпонимного нижнемихайловского поселения, культура которого трансформировалась в памятники типа среднего слоя Михайловки, принадлежащие к рогачикской культуре [Kotova 2013, 150-152] или раннему этапу ямной культуры [Lagodov's'ka, Shaposhnikova, Makarevich 1960]. Такой подход к изучению погребений был допустим до полной публикации материалов нижнего слоя Михайловки, когда еще оставались предположения, что часть типов сосудов, известных в погребениях, не вошла в первую публикацию поселения, но могла при-

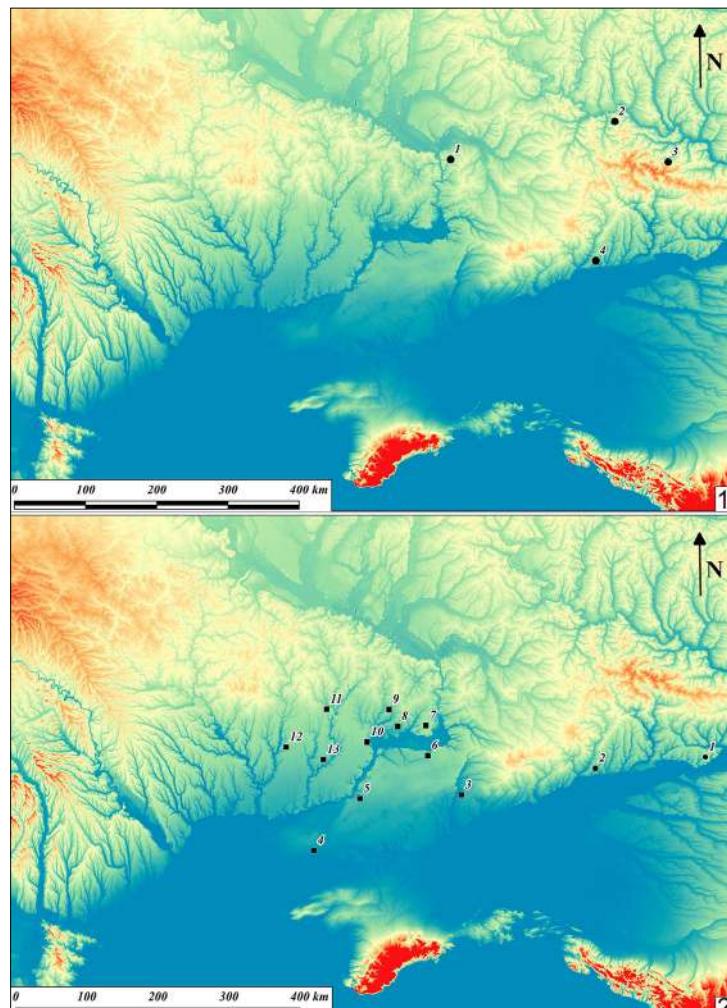

Рис. 7. Карты локализации каменных погребальных конструкций: 1 – каменные ящики в ямах без курганов первой половины V тыс. до н.э.: 1 – Чапли; 2 – Яма; 3 – Луганск; 4 – Мариуполь; 2 – каменные ящики второй половины IV тыс. до н.э.: ● – каменные ящики в ямах под курганами; ■ – каменные ящики на древней поверхности под курганами. 1 – Хапры; 2 – Приморское; 3 – Константиновка; 4 – Скадовск; 5 – Любимовка; 6 – Балки; 7 – Марьевка; 8 – Нагорное; 9 – Богдановский карьер, Завадские Могилы; 10 – Нововоронцовка; 11 – Валовое; 12 – Старогорожено; 13 – Баратовка.

Fig. 7. Distribution maps of stone burial constructions: 1 – stone boxes in pits without kurgans dated to the first half of V millennium BC: 1 – Chapli; 2 – Yama; 3 – Lugansk; 4 – Mariupol; 2 – stone boxes dated to the second half of IV millennium BC: ● – stone boxes in the pits under the kurgans ■ – stone boxes on the surface under the kurgans. 1 – Khapry; 2 – Primorskoe; 3 – Konstantinovka; 4 – Skadovsk; 5 – Lyubimovka; 6 – Balky; 7 – Marievka; 8 – Nagornoe; 9 – Bogdanovskiy quarry, Zavadskie mogily; 10 – Novovorontsovka; 11 – Valovoe; 12 – Starogorozheno; 13 – Baratovka.

существовать в коллекции. Однако, после полной публикации коллекции стало ясно, что

вся ее посуда имеет два определяющих признака: плоскодонность и примесь раковины [Kotova 2013]. Если в захоронении присутствуют сосуды с такими признаками, следует искать параллели по форме и орнаментации в коллекции Михайловки.

В результате, правомерно связывать с нижним слоем Михайловки только четыре погребения, и еще пять захоронений соотносятся с ним предположительно [Kotova 2013, 95]. Среди них отсутствуют погребения в каменных ящиках. Лишь одно безынвентарное п. 12 в кургане г. Скадовска позволяет предположить его принадлежность к нижнемихайловской группе захоронений на основании стратиграфии памятника. Это захоронение произведено в каменном ящике, стоявшем на древнем горизонте. Оно предшествовало раннеямному погребению (по терминологии авторов публикации), которое включало фрагмент керамики с примесью раковины [Evdokimov, Rassamakin 1998]. Керамика с этой примесью присутствует в среднем слое Михайловки и отсутствует в ее верхнем слое. Учитывая датировку среднего слоя (3600-3200/3000 лет до н.э.) [Kotova, Spitsyna 2003], п. 12 Скадовска может принадлежать нижнемихайловской группе или дереивской культуре. В тоже время не исключено, что оно является одним из наиболее древних в рогачикской культуре.

Поздний энеолит и ранний бронзовый век (3500-3000 лет до н.э.)

В IV тыс. до н.э. в бассейне Нижнего Дона на основе традиций дереивского населения под влиянием майкопской культуры сформировалась константиновская культура. С учетом датировки майкопской культуры (3800-3100 лет до н.э. [Kohl, Trifonov 2014, 1578] или 3900-3000/2900 лет до н.э. [Korenevskii 2016, 12], это формирование следует связывать с первой четвертью IV тыс. до н.э. Стратиграфическое положение культурного слоя с константиновскими материалами под слоем репинской культуры на поселении Раздорское 1

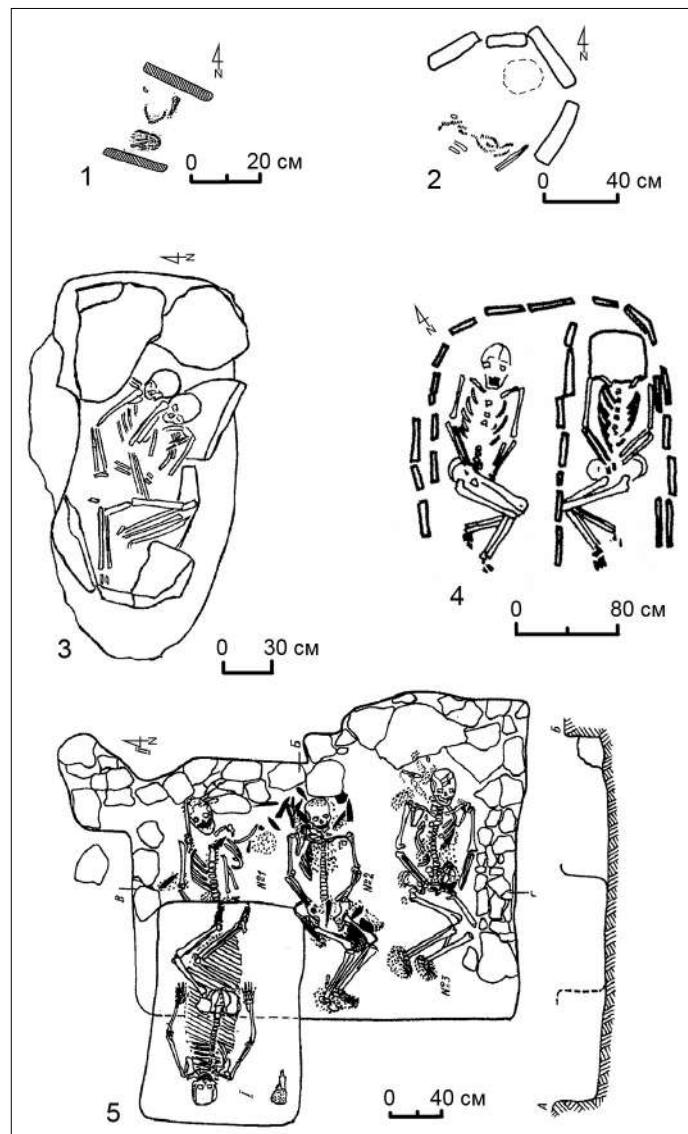

Рис. 8. Каменные погребальные конструкции эпохи раннего энеолита: 1 – Чапли, п. 1а; 2 – Чапли, п. 2а; 3 – Мариуполь, п. 21; 4 – Ямы; 5 – Луганск (по Rassamakin 2004; Kotova 2006).

Fig. 8. Early Eneolithic stone burial constructions: 1 – Chapli, burial 1a; 2 – Chapli, burial 2a; 3 – Mariupol, burial 21; 4 – Yama; 5 – Lugansk (after Rassamakin 2004; Kotova 2006)

[Kiiashko 1994] указывает, что константиновское население было ассимилировано репинским. В целом, репинские памятники Подонья и Подонцовья можно датировать по радиоуглеродным датам и импортам репинской посуды в среднем слое Михайловки (3700/3650-3200/3000 лет до н.э.) [Kotova, Spitsyna 2003]. Имеющиеся материалы допускают существование репинского и отдельных групп константиновского населения в бассейне Се-

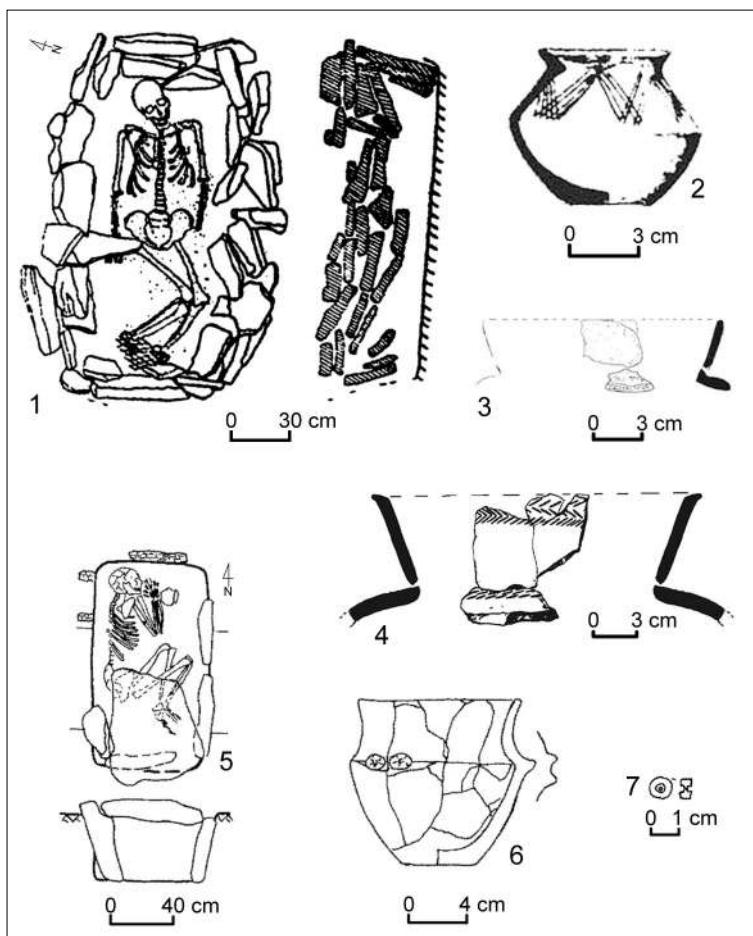

Рис. 9. Погребения эпохи позднего энеолита – раннего бронзового века: 1-4 – Хапры, к. 1 п. 8; 5-7 – Приморское, группа II, к. 4, п. 2 (по Rassamakin 2004; Faifert 2014).

Fig. 9. Late Eneolithic – Early Bronze Age burials: 1-4 – Khapry, kurgan 1 burial; 5-7 – Primorskoe, group II, kurgan 4 burial 2 (after Rassamakin 2004; Faifert 2014).

верского Донца около 3600-3450 лет до н.э. [Kotova 2013, 151]. В связи с этим, финалом существования константиновской культуры на Нижнем Дону можно считать конец третьей четверти IV тыс. до н.э. и определять время бытования культуры в пределах первой-третьей четверти IV тыс. до н.э.

Лишь одно захоронение можно с определенной долей уверенности связать с этой культурой – п. 1 к. 8 Хапры (рис. 9,1), где склонный на спине костяк лежал под курганом в каменном ящике, сооруженном в яме, и был окружен кромлехом [Faifert 2014]. Найденная рядом с кромлехом посуда типична для Константиновки: высокое, слегка желобчатое горло, косо срезанный внутрь и слегка отогнутый

наружу венчик (рис. 9,3-4). Майкопский сосуд с прошитенным орнаментом, обнаруженный около кромлеха, позволяет уточнить датировку захоронения (рис. 9,2). В. Трифонов указывает, что прошитенный орнамент появляется в майкопской культуре во второй половине IV тыс. до н.э. [Trifonov 2014, 281-282]. Таким образом, с учетом общей датировки константиновской культуры, майкопский сосуд из погребения Хапры ограничивает его возраст третьей четвертью IV тыс. до н.э.

По мнению В. Трифонова, с расселением майкопских колонистов в северном и западном направлениях во второй половине IV тыс. до н.э. связано формирование Животиловско-Волчанской группы захоронений [Trifonov 2014]. К этому же времени можно отнести и погребение у с. Константиновка на окраине Мелитополя, где каменный ящик был сооружен на уровне древнего горизонта под курганом. В нем найдены каменный топор, кремневые изделия (включая асимметричный наконечник), а также сосуд с примесью песка, по форме напоминающий майкопскую посуду [Rassamakin 2004].

Вторая половина IV тыс. до н.э. в степном бассейне Днепра и западном Приазовье связана с памятниками рогачикской культуры [Spitsyna 2017]. Они датируются 3600/3550-3200/3000 лет до н.э. [Kotova, Spitsyna 2003] и синхронны памятникам финала Триполья СІ (нижний горизонт среднего слоя Михайловки по импорту керамики Кошиловецкой группы) и Триполью СІІ (верхний горизонт этого слоя). Сосуды типа среднего слоя Михайловки и поселения Нижний Рогачик сопровождают погребения с вытянутыми, скорченными на боку и на спине костяками [Kotova, Spitsyna 1999]. Каменные конструкции, как и ранее, массово представлены закладками и кромлехами, однако, известны и единичные каменные ящики.

К рогачикской культуре можно отнести п. 7 в к. 14 у с. Любимовка (Херсонская об-

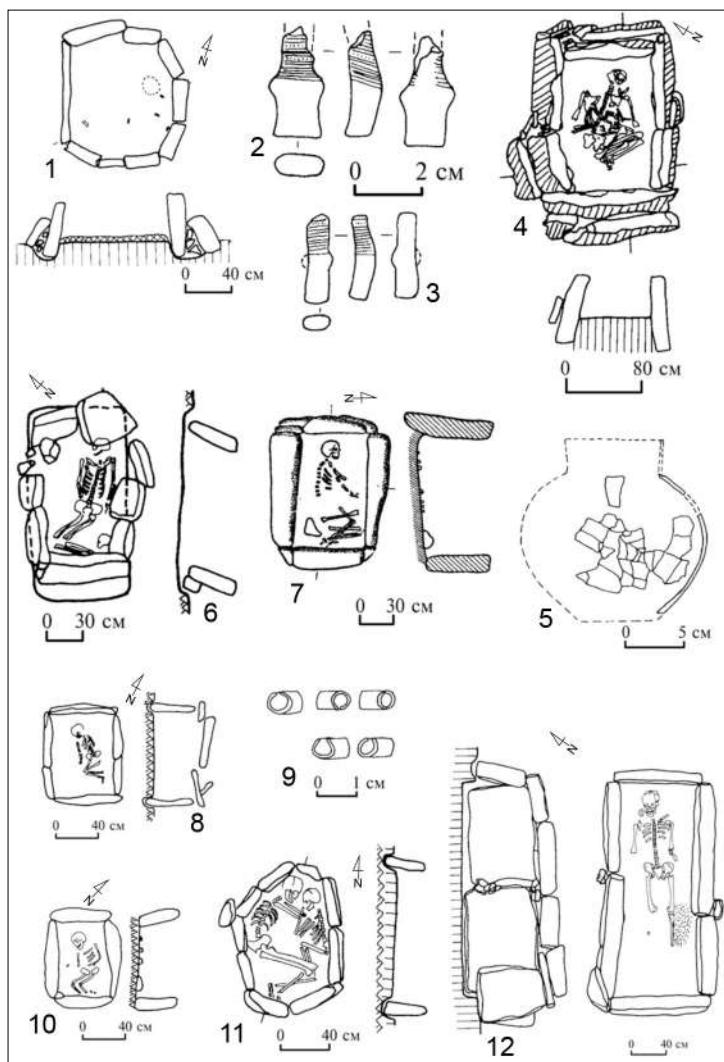

Рис. 10. Погребения второй половины IV тыс. до н.э.: 1-3 – Баратовка, к. 1 п. 17; 4, 5 – Любимовка, к.14 п. 7; 6 – Старогорожено к.1 п. 28б; 7 – Старогорожено к.1 п. 24; 8, 9 – Старогорожено к.1 п. 8; 10 – Старогорожено к.1 п. 9; 11 – Старогорожено к.1 п. 11; 12 – Завадские Могилы к.7 п.1. (по Rassamakin 2004).

Fig. 10. The burials dated to the second half of IV millennium BC: 1-3 – Baratovka, kurgan 1 burial 17; 4, 5 – Lyubimovka, kurgan 14 burial 7; 6 – Starogorozheno, kurgan 1 burial 28b; 7 – Starogorozheno, kurgan 1 burial 24; 8, 9 – Starogorozheno, kurgan 1 burial 8; 10 – Starogorozheno, kurgan 1 burial 9; 11 – Starogorozheno, kurgan 1 burial 11; 12 – Zavadskie mogily, kurgan 7 burial 1 (after Rassamakin 2004).

ласть), где каменный ящик сооружен на древнем горизонте, а на его перекрытии найдены фрагменты двух сосудов (рис. 10,4-5). Один из них содержал примесь раковины, второй – песка [Rassamakin 2004]. Такое сочетание двух традиций в использовании керамических примесей типично именно для среднего слоя Ми-

хайловки [Kotova, Spitsyna 1999, 24].

Довольно широкую датировку можно предполагать и для п. 2 к. 4 у с. Приморское (Донецкая область) [Rassamakin 2004]. Погребенный лежал скорченно на левом боку. Сопровождающий сосуд (рис. 9,6) находит аналогии в поздней трипольской керамике, что определяет возраст захоронения 3500-3000 лет до н.э.

Возможно, разновременные по-гребения рогачикской культуры были исследованы в к. 1 у с. Старогорожено [Rassamakin 2004]. Древнейшими в нем являются пп. 28а и 28б в каменных ящиках на уровне древнего горизонта (рис. 10,6). Костяк в п. 28б лежал скорченно на спине с разворотом на правый бок. Нет достоверной информации о присутствии над ними курганной насыпи, однако зафиксирован кромлех. Погребениям 28а и 28б хронологически близко п. 24 (рис. 10,7). Вопрос о возрасте этих захоронений остается открытым до их радиоуглеродного датирования. Однако их ящики были сооружены на древней поверхности, что не типично для раннего энеолита, где все известные до сих пор каменные сооружения располагались в ямах. В погребениях

среднего энеолита каменные ящики пока не известны. Все эти факты свидетельствуют в пользу принадлежности пп. 28а, 28б и 24 рогачикской культуре.

Следующее за этими захоронениями п. 30 устроено в обычной яме, где скелет лежал вытянуто на спине, что также не противоречит данным о рогачикском погребальном обряде [Kotova, Spitsyna 1999]. За ним следуют пп. 6, 8, 9, 11 в каменных ящиках (рис. 10,8-11), которые тоже следует связывать со второй половиной IV тыс. до н.э. Позднее были впущены ямные захоронения.

Возраст п. 17 к. 1 Баратовки, произведенного в каменном ящике на уровне древнего горизонта (рис. 10,1), определяется статуэтками серезлиевского типа в инвентаре и его стратиграфическим положением после п. 5 с фрагментом усатовского сосуда [Rassamakin 2004, 176].

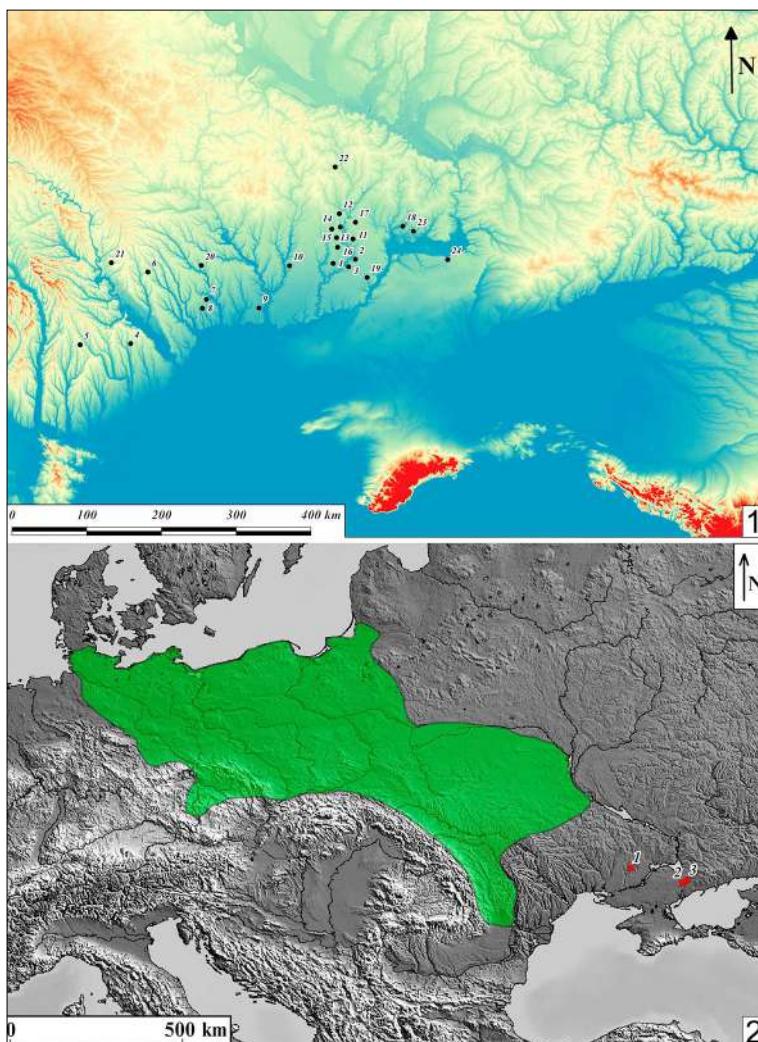

Рис. 11. Локализация каменных погребальных конструкций в первой половине III тыс. до н.э.: 1 – погребения в каменных ящиках под курганами: 1 – Баратовка; 2 – Великоалександровка; 3 – Малая Александровка; 4 – Алаклия; 5 – Татарбунары; 6 – Катаржино; 7 – Санжейка; 8 – Старые Беляры; 9 – Весняное; 10 – Старогорожено; 11 – Староселье; 12 – Моисеевка; 13 – Кривой Рог, Довга Могила, Новокриворожский горно-обогатительный комбинат; 14 – Долгинцево; 15 – Войково; 16 – Зелёный Гай; 17 – Андрусовка; 18 – Шевченково; 19 – Томарино; 20 – Солдатская Слава; 21 – Красное; 22 – Александрия; 23 – Чертомлык; 24 – Балки; 2 – ареал распространения культуры шаровидных амфор (по Szmyt 2010) и наземные каменные гробницы Северного Причерноморья. 1 – Баратовка; 2 – Каменная Могила; 3 – Новопилиповка.

Fig. 11. Stone burial constructions dated to the first half of III millennium BC.: 1 – burials with the stone constructions under the kurgans: 1 – Baratovka; 2 – Velikoaleksandrovka; 3 – Malaya Aleksandrovka; 4 – Alakliya; 5 – Tatarbunary; 6 – Katarzyno; 7 – Sanzheika; 8 – Starye Belyary; 9 – Vesnyanoe; 10 – Starogorozheno; 11 – Staroselye; 12 – Moiseevka; 13 – Krivoy Rog, Dovha Mohyla, Novokrivorozhskiy gorno-obogatitelniy kombinat; 14 – Dolgintsevo; 15 – Voikovo; 16 – Zeleniy Gai; 17 – Andrusovka; 18 – Shevchenkovo; 19 – Tomarino; 20 – Soldatskaya Slava; 21 – Krasnoe; 22 – Aleksandriya; 23 – Chertomlyk; 24 – Balki; 2 – spreading of Globular Amphora culture across Europe (after Szmyt 2010) and North Azov Sea region ground stone burials. 1 – Baratovka; 2 – Kamennaya Mohyla; 3 – Novopilipovka.

Усатовские памятники датированы 3500-3000 лет до н.э. [Petrenko 2013]. Анализ статуэток серезлиевского типа показал, что они связаны со степными захоронениями, синхронными усатовской культуре [Burdo 2018], и сопровождаются вытянутыми и скрученными на спине погребениями в регионе, где в это время были распространены памятники рогачикской культуры. Учитывая стратиграфию кургана, это погребение можно связывать с последней четвертью IV тыс. до н.э.

К рассматриваемому хронологическому периоду относится и небольшая группа вытянутых на спине погребений под курганными насыпями: Богдановский карьер к. 2 пп. 17 и 3; Валовое к. 1 п. 7; Завадские Могилы к. 7 п. 1; Марьевка к. 14 п. 7; Нагорное к. 1 п. 1; Нововоронцовка к. 1 п. 8. Все они выявлены в каменных ящиках, сооруженных на древней поверхности или на вершине энеолитического кургана (Нагорное) [Rassamakin 2004]. Как и вытянутые погребения в ямах, эти захоронения связывают с постмарийпольской или квитянской культурой [Rassamakin 2000]. Однако анализ инвентаря вытянутых подкурганных захоронений показал, что их керамика находит аналогии в поселениях типа Деревики и нижнего слоя Михайловки [Kotova 2013], либо в среднем слое Михайловки и в Нижнем Рогачике [Kotova, Spitsyna 1999], что соответственно связывает их с деревянской или рогачикской культурой. К сожалению, керамика в «ящичных» погребениях отсутствует, и при определении их возраста мы можем руководствоваться только стратиграфией курганов и другими косвенными признаками.

Так, п. 1 к. 7 в группе Завадские Могилы – основное в кургане (рис. 10,12), но вокруг него по кру-

гу расположены еще четыре захоронения вытянуто на спине в обычных ямах. Помимо этого, в его перекрытии использована каменная стела. Такое расположение захоронений и стела в качестве перекрытия типичны для степных памятников ранней бронзы, что заставляет датировать его предъямным временем (конец IV тыс. до н.э.). Вероятно, близкий возраст имеют и пп. 17 и 3 Богдановского карьера, одно из которых сопровождается бронзовым (?) ножом, не известным в материальной культуре дереивского или нижнемихайловского населения.

Погребение из Нововоронцовки можно датировать началом второй половины IV тыс. до н.э., так как следующее за ним впускное захоронение тоже предъямное [Rassamakin 2004].

Погребение у с. Валовое по каменному молотку синхронизируется с памятниками Триполья СП [Rassamakin 2004, 146]. В пользу этой датировки говорит и синхронизация его с п. 5 этого же кургана, тоже лежавшим вытянуто на спине, но в обычной яме. Последнее захоронение сопровождалось деревянным сосудом, не известным в степных захоронениях среднего и раннего энеолита, но встречающимся в ямных погребениях. Это обстоятельство также позволяет считать п. 7 предъямным.

О датировке погребения у с. Марьевка [Rassamakin 2004] эпохой позднего энеолита позволяет судить следующее за ним ямное погребение, а также окраска плит каменного ящика охрой и паз, сделанный в одной из плит. Такие признаки характеризуют ямные погребения первой половины III тыс. до н.э. Возможно, это – зарождение традиции росписи и усложненной подтески стен ящика.

Не исключен позднеэнолитический возраст и погребения у с. Нагорное. Выявленный там ящик сооружен на вершине предшествующего энеолитического кургана. Такое расположения каменных ящиков типично для ямной культуры. С ним связан фрагмент керамики. Судя по тому, что в нем не указана примесь раковины, которая всегда бросается в глаза, этот фрагмент имел примесь песка, что типично для посуды рогачикской культуры.

Интересно территориальное распределение каменных конструкций второй половины IV тыс. до н.э. (рис. 7,2). После тысячелетнего перерыва в сооружении каменных ящиков они по-

являются вновь, но уже под курганами. Ящики в ямах обнаружены только в низовьях Кальмиуса (Приморское) и Дона (Хапры), то есть на востоке рассматриваемого региона. Здесь же локализуется и один из двух костяков, лежавших скорчено на спине (Хапры). В западном Приазовье и степном Поднепровье, на территории рогачикской культуры, фиксируются каменные ящики, соруженные на дневной поверхности, при этом часть костяков в них лежала вытянуто на спине, другая часть – скорчено на боку. Лишь одно захоронение (Старогорожено к. 1 п. 286) выполнено на спине, но с наклоном на правый бок.

Рассматривая вторую волну распространения каменных ящиков, особенно возведенных на древней поверхности, следует упомянуть гипотезу о связи мегалитических сооружений Северного Кавказа с влиянием культуры воронковидных кубков, разрабатываемую А. Резепкиным в течение последних десятилетий [Rezepkin 2012, 94-106]. Именно для этой культуры типичны наземные каменные конструкции с костяками, вытянутыми на спине и скоченными на боку. Ее памятники в Украине занимают бассейны Верхнего Днестра и Западного Буга. Это население тесно контактировало с носителями трипольской культуры этапа С II во второй половине IV тыс. до н.э. [Videiko 2000]. В свою очередь, последние поддерживали тесные контакты с носителями рогачикской культуры, что нашло свое отражение в распространении в степных погребениях каменных топоров и импортной посуды. Зона, в которой прослеживается влияние культуры воронковидных кубков на трипольские традиции [Videiko 2000, fig. 34], располагается не далеко от междуречья Ингула и Днепра, где концентрируются наземные каменные ящики. Будущие исследования ДНК степного населения и сравнение их с ДНК культур Триполья и воронковидных кубков помогут уточнить эту проблему. Но уже сейчас можно отметить, что, если влияние культуры воронковидных кубков и имело место в формировании традиций мегалитических сооружений Северного Кавказа, то шло оно через Нижнее Поднепровье и Крым, а не через северное Приазовье и Нижний Дон (рис. 7,2). К сожалению, скучные публикации вместе с отсутствием радиоуглеродных датировок делают проблематичным полноценный анализ крымских материалов.

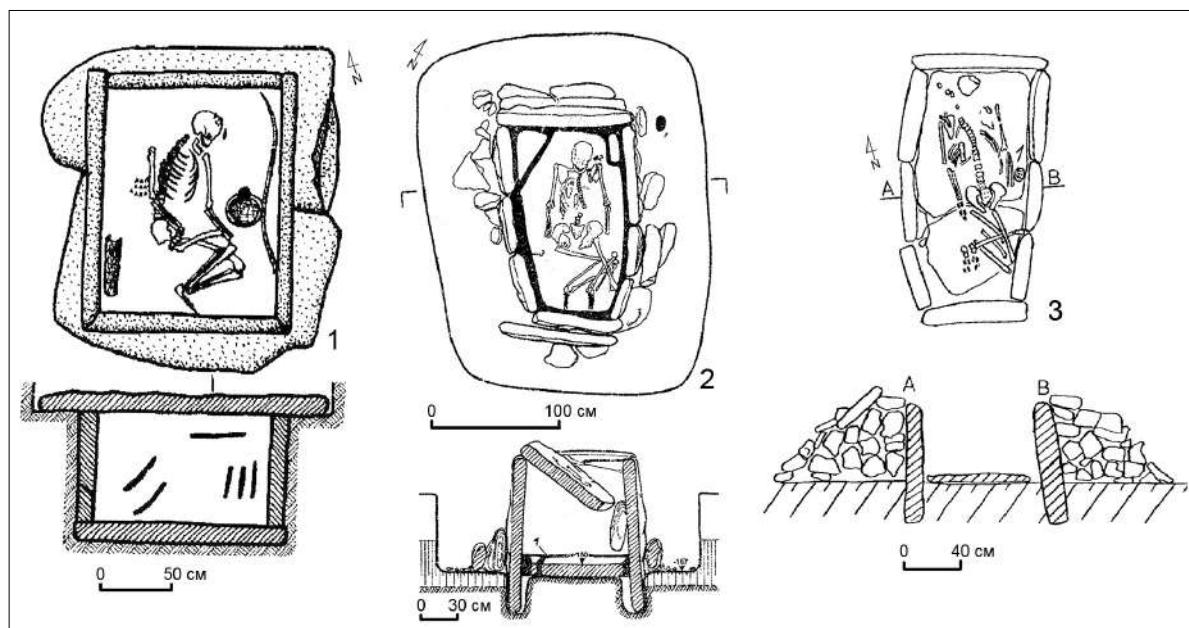

Рис. 12. Каменные погребальные конструкции, типичные для ямной культуры: 1 – Алаклия, к. 33 п. 1; 2 – Томарино, к. 14 п. 5; 3 – Баратовка, к. 1 п. 8 (по Subbotin 1995; Rassamakin, Evdokimov 2010).

Fig. 12. Typical for Yamnaya culture stone funerary constructions.; 1 – Alakliya, kurgan 33, burial 1; 2 – Tomarino, kurgan 14 burial 5; 3 – Baratovka, kurgan 1 burial 8 (after Subbotin 1995; Rassamakin, Evdokimov 2010).

Ранний бронзовый век (3000–2600 лет до н.э.)

Судя по радиоуглеродной дате, именно к этому периоду относится гробница у Каменной Могилы. Погребения с каменными конструкциями в это время становятся особенно многочисленными (рис. 11,1). Ранее большинство из них рассматривалось в контексте кеми-обинской культуры, особенно захоронения в расписных каменных ящиках. В настоящее время исследователи связывают их с ямной культурой. История изучения таких памятников подробно рассмотрена Г. Тощевым [Toshchev 2007]. Эти погребения не включают материалов, которые находят аналогии в поселениях типа хутор Репин и Нижний Рогачик. Зато многочисленны параллели в памятниках, синхронных верхнему слою Михайловки (памятниках ямной культуры, согласно нашей терминологии). Соответственно все эти погребения можно с уверенностью датировать позже 3000 лет до н.э.

Захоронения этого времени можно разделить на несколько групп:

1. Подкурганные погребения в ящиках, поставленных в могильную яму по размеру ящика (рис. 12,1): Северный горно-обогати-

тельный комбинат Кривого Рога к. 1 п. 14; Ново-криворожский горно-обогатительный комбинат к. 2 п. 2; Весняное пп. 3, 5; Алкалия к. 33 п. 1; Санжейка к. 1 п. 1 и др. [Subbotin 1995; Teslenko, Grebennikov 2002; Mel'nik, Steblina 2013].

2. Подкурганные погребения в ящиках, меньше по размеру, чем погребальная яма или котлован, сделанный в более древней насыпи (рис. 12,2): Малая Александровка к. 1 п. 6; Томарино к. 14 п. 5; Шевченково к. 29 п. 3; Староселье пп. 3, 4; Старые Беляры к. 1 п. 14; Катаржино к. 1 п. 1; Татарбунары п. 2 и др. [Shilov 1977; Ivanova, Petrenko, Vetchinnikova 2005; Rassamakin, Evdokimov 2010; Chernykh, Daragan 2014]. Некоторые из каменных ящиков имеют стены, украшенные орнаментом, нанесенным с помощью охры (Катаржино, Томарино и др.).

Кости человека из двух погребений этой группы датированы. Возраст погребения в Старых Белярах составляет 4030 ± 80 BP (Ki-11209), а в Шевченково – 4680 ± 90 (Ki-13869) и 4542 ± 49 BP (Bln-5777). Даты, полученные для последнего погребения, Ю. Рассамакин считает удревненными в результате резервного эффекта, поскольку они противоречат стратиграфии кургана, где п. 3 впущен-

в насыпь 5 вместе с п. 19 и должно иметь близкий возраст. При этом п. 19 датируется тоже неоднозначно: 3965 ± 70 BP (Ki-14719) и 3530 ± 80 BP (Ki-13867) [Rassamakin 2014]. Судя по расположению каменного ящика в большом котловане, сделанном в более древней насыпи, оно действительно должно датироваться первой половиной III тыс. до н.э. и принадлежать ямной культуре. Именно для ямных погребений характерно такое расположение каменных ящиков, не известное среди памятников второй половины IV тыс. до н.э.

3. Подкурганные погребения в ящиках, сооруженных на древнем горизонте или более древней курганной насыпи (рис. 12,3): Андрушовка к. 2 п. 17; Балки, Высокая Могила п. 4 и Балки к. 4 п. 1; Баратовка к. 1 п. 8; Великоалександровский курган, п. 7; Весняное к. 1 п. 2; Войково п. 1; Довга Могила группы Чертомлыка п. 6; Красное к. 1 п. 4; Моисеевка к. 1 п. 4; Солдатская Слава, п. 9; Старогорожено к. 1 п. 1 и др. [Androsov, Mel'nik 1991; Rassamakin 1996; Mozolev's'kii, Pustovalov 1999]. Часть каменных ящиков имеет стены, украшенные орнаментом, нанесенным с помощью охры (Андрушовка, Моисеевка, Старогорожено) или прочерченным линейно-геометрическим рисунком (Высокая Могила).

4. Каменные гробницы, имеющие вход: Новопилиповка к. 11 п. 14 группы Аккермень 1; Баратовка к. 1 п. 6; п. 2 у Каменной Могилы. Все эти сооружения имеют различную конструкцию, общим в которой является наличие входа (рис. 13).

Погребение Новопилиповки авторы раскопок относили к ямной культуре [Viaz'mitina et al. 1960, 116]. Ю. Рассамакин предположил его принадлежность к эпохе энеолита [Rassamakin 2004, 160]. Памятник располагался на противоположном от Каменной Могилы берегу р. Молочной. Гробница сооружена на древнем горизонте, но, в отличие от каменномогильской, была перекрыта насыпью кургана и окружена кромлехом. Она имела пря-

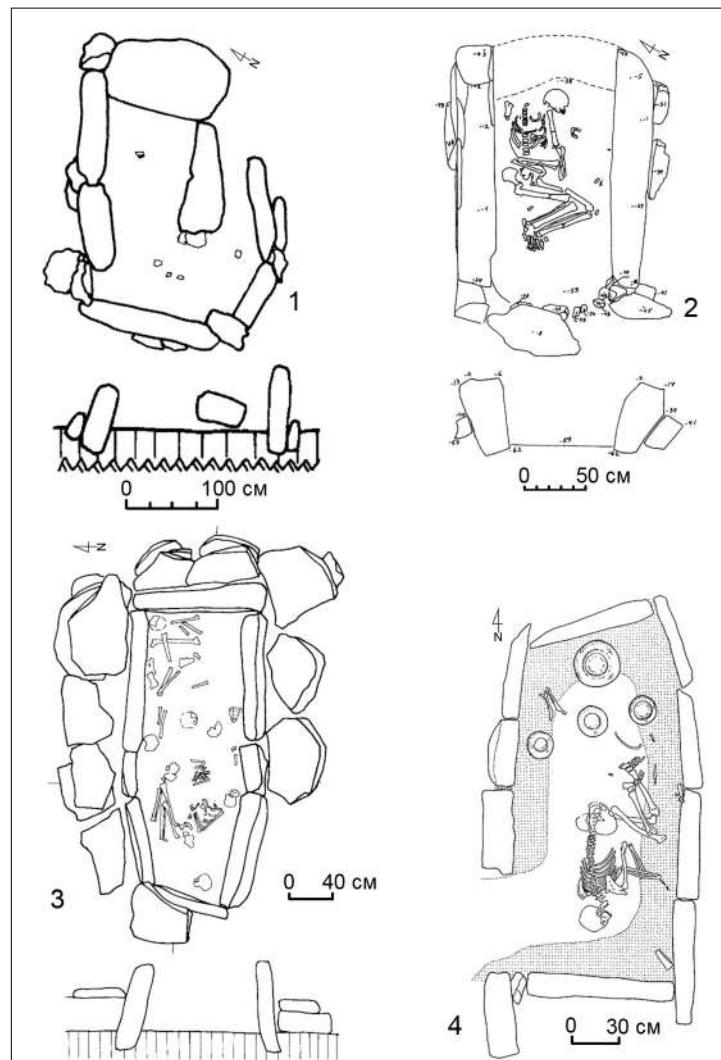

Рис. 13. Каменные гробницы: 1 – Новопилиповка, к. 11 п. 14; 2 – Каменная Могила, п. 2; 3 – Баратовка, к. 1 п. 6; 4 –-Sahryny 1 (по Rassamakin 2004; Szmyt 2010).

Fig. 13. Stone tombs with an entrance: 1 – Novopilipovka, kurgan 11 burial 14; 2 – Kamennaya Mohyla, burial 2; 3 – Baratovka, kurgan 1 burial 6; 4 – Sahryny 1 (after Rassamakin 2004; Szmyt 2010).

моугольную форму и была ориентирована по линии юго-запад – северо-восток (рис. 13,1). Если учитывать сезонные отклонения солнца, то можно предположить, что гробница была ориентирована длинными стенами по линии запад – восток и построена в августе или мае. Внешние плиты покрыты красной охрой. Возможно, с этой гробницей связаны остатки святилища. Таким образом, новопилиповский комплекс отличается более сложным погребальным обрядом и конструкцией, чем каменномогильская гробница. В обоих случаях

в гробнице присутствовали кости домашних животных: в Новопилиповке определены зубы и фрагменты нижней челюсти барана, в погребении у Каменной Могилы – кости быка и лошади. Интересной особенностью обеих каменных гробниц является своеобразный вход, устроенный в их юго-западной части.

Гробница в Баратовке возведена на древнем горизонте [Rassamakin 1996]. Её западная торцевая стенка была ниже верхнего края остальных стен на 30-40 см. Здесь располагалось входное отверстие, перекрытое более высокой плитой, стоявшей под наклоном (рис. 13,3). В гробнице найдено шесть черепов и два целых костяка, которые лежали скорченно на боку головой на юг и были окрашены охрой. Инвентарь представлен куском охры в виде усеченной пирамидки.

Ю. Рассамакин рассматривает захоронение в Баратовке как позднеэнеолитическое [Rassamakin 2004]. С ним не согласна М. Шмит, которая связывает гробницы в Баратовке и Новопилиповке с влиянием культуры шаровидных амфор [Szmyt 2010]. В настоящее время прослеживаются тесные связи степного ямного населения и носителей культуры шаровидных амфор, которые нашли свое отражение в импортной посуде, орудиях труда, конструкциях каменных ящиков [Subbotin 1995; Szmyt 2010; Ivanova, Kos'ko, Vlodarchak 2014].

Гробница у Каменной Могилы позволяет уточнить ряд моментов во взаимоотношениях этих групп населения, пополняя число памятников, имеющих значительное сходство с погребальными сооружениями культуры шаровидных амфор. Так, своеобразно оформленный вход с развернутой плитой в гробнице Каменной Могилы находит аналогию в погребении Sahryn 1 в Польше (рис. 13,4) [Szmyt 2010]. Все три гробницы из степной Украины имеют ориентацию длинных стен по линии восток – запад с учетом сезонных отклонений солнца. Гробница из Польши ориентирована длинными сторонами по линии север–юг. Однако в ней вход располагался в юго-западной части, как у гробниц в Новопилиповке и Каменной Могиле. Вход в баратовской гробнице был с западной стороны.

Благодаря радиоуглеродным датам, наши раскопки близ Каменной Могилы показыва-

ют четкую последовательность комплексов: погребение в гробнице произведено раньше (около 2830-2670 лет до н.э.), чем ритуальный комплекс с типичным ямным сосудом (2570-2469 лет до н.э.). Стратиграфическое положение двух других гробниц степной Украины также указывает на их сооружение в первой половине III тыс. до н.э. Так, в к. 11 у с. Новопилиповка гробница п. 14 предшествовала ямным захоронениям. В кургане у с. Баратовка гробница сооружена позднее, чем п. 17, датирующееся концом IV тыс. до н.э., но она предшествовала ямным захоронениям, включая п. 8 в каменном ящике [Rassamakin 2004, 176]. Таким образом, все три каменные гробницы были сооружены в начале существования памятников ямной культуры.

Выводы

Каменные погребальные конструкции (ящики и закладки) появились в степном Причерноморье в раннем энеолите (первая половина V тыс. до н.э.) в результате тесных контактов с балканским населением, обусловленных необходимостью получения первых металлических изделий. Вслед за носителями культуры Хаманджия и Варна, население среднестоговской культуры в междуречье Днепра и Северского Донца стало использовать каменные плиты для обкладки стен могильных ям. В период среднего энеолита (4300-3650 лет до н.э.) у населения дереивской культуры и нижнемихайловской группы каменные ящики пока не известны, но найдены каменные закладки и кромлехи. Перерыв в сооружении каменных ящиков подтверждается их концентрацией после 3500 лет до н.э. в новом регионе (междуречье Днепра и Ингульца) и в новом варианте – не в яме, как в период раннего энеолита, а на древнем горизонте с последующим сооружением курганной насыпи над ними. Эта традиция появляется у населения рогачикской культуры. Имеет право на существование предположение о возникновении каменных конструкций под влиянием населения культуры воронковидных кубков, обитавшего в бассейне Западного Буга и верхнего Поднестровья. Они поддерживали тесные контакты с представителями трипольской культуры, которые, в свою очередь, были тесно связаны со

степным рогачикским населением. Не исключены и прямые контакты носителей культуры воронковидных кубков со степняками, которые обусловили появление наземных каменных ящиков в правобережном Поднепровье. Возможно, это влияние, идущее через Крым, могло способствовать появлению близких сооружений на Северном Кавказе.

В северном Приазовье во второй половине IV тыс. до н.э. известны лишь два погребения в каменных ящиках, которые были сооружены в яме и перекрыты курганом (Хапры, Приморское). Есть два объяснения их появления:

1. В Нижнем Подонье и бассейне Северского Донца сохранялась непрерывная традиция сооружения таких погребальных сооружений на протяжении V – первой половины IV тыс. до н.э., но такие памятники пока не раскопаны.

2. Каменные ящики в погребальных ямах под курганами появились в северном Приазовье в среде константиновского населения во второй четверти IV тыс. до н.э. под влиянием носителей майкопской культуры. В пользу этой гипотезы свидетельствует существование памятников Животиловско-Волчанского типа, которые демонстрируют проникновение майкопских вещей в Приазовье и Поднепровье именно в указанный отрезок времени.

В начале III тыс. до н.э. традиция использования каменных погребальных ящиков в северном Приазовье затухает вместе с исчезновением майкопско-новосвободненских памятников. Но в степном Поднепровье и северо-западном Причерноморье происходит ее дальнейшее развитие, которое усложняется влиянием культуры шаровидных амфор с их своеобразными гробницами. Так, в указанном ареале ямной культуры распространяются каменные ящики в ямах, сделанных по размеру ящика, не используемые в этом регионе с раннего энеолита. Специфически ямной

чертой следует считать размещение каменных ящиков в большой яме, сделанной с уровня древней поверхности или с предшествующей насыпи. Как местную традицию следует расценивать роспись ящиков, учитывая, что первая окраска охрой стен каменных сооружений появилась в степном Поднепровье уже в конце IV тыс. до н.э. (Марьевка, к. 14 п. 7). В ямной культуре широко используют подгонку плит ящиков с помощью пазов в них, не типичную для предшествовавшего времени.

По мнению М. Шмит, переселение носителей культуры шаровидных амфор в бассейн Западного Буга и формирование восточной группы этой культуры происходит около 3000-2950 лет до н.э., а стабильные контакты с ямниками фиксируются после 2700 лет до н.э. [Szmyt 2010, 203-205]. Наши материалы показывают, что каменные гробницы, наиболее близкие аутентичным погребальным конструкциям культуры шаровидных амфор, появляются в западном Приазовье и степном правобережном Поднепровье около 2850-2750 лет до н.э. (Новопилиповка, Каменная Могила и Баратовка). Возможно, они фиксируют первое проникновение населения культуры шаровидных амфор в степь, и в них были похоронены представители этой культуры или их прямые потомки. Дальнейшее изучение данных древних ДНК позволит уточнить этот вопрос.

Грантовая информация

Мы хотим выразить благодарность Швейцарскому национальному научному фонду за финансирование исследований близ Каменной Могилы в рамках программы SCOPES (грант IZ7320-128248). Исследование также было выполнено при поддержке H2020-MSCA-COFUND, G.A. nr. 754511 – “PhD Technology Driven Sciences: Technologies for Cultural Heritage (T4C) – second call.”

Библиография

- Androsov, Mel'nik 1991:** A. Androsov, A. Mel'nik, Kurgany rannego bronzovogo veka s zoomorfnymi konstruktsiiami. In: (red. I. Kovaleva) Problemy arkheologii Podneprov'ia (Dnepropetrovsk 1991), 35-50 // А. Андросов, А. Мельник, Курганы раннего бронзового века с зооморфными конструкциями. В: (ред. И. Ковалева) Проблемы археологии Поднепровья (Днепропетровск 1991), 35-50.
- Bojadziev 2002:** J. Bojadziev, Die Grabanlagen der prähistorischen Gräberfelder von Durankulak. In: (red. H. To-

- dorova) Durankulak I (Sofia 2002), 71-80.
- Bronk Ramsey 2017:** C. Bronk Ramsey, Methods for summarizing radiocarbon datasets. Radiocarbon 59(2), 2017, 1809-1833.
- Burdo 2018:** N. Burdo, Antropomorfnaia plastika kurgannykh pogrebenii rannego bronzovogo veka v Bugo-Dneprovskom mezhdurech'e i Podneprove. Tyragetia XII, 1, 2018, 97-114 // Н. Бурдо, Антропоморфная пластика курганных погребений раннего бронзового века в Буго-Днепровском междуречье и Поднепровье. Tyragetia XII, 1, 2018, 97-114.
- Chernykh, Daragan 2014:** V. Chernykh, M. Daragan, Kurgany epokhi eneolita-bronzy mezhdurech'ia Bazavluka, Solenoi i Chertomlyka (Kiev-Berlin 2014) // Л. Черных, М. Дараган, Курганы эпохи энеолита-бронзы между речья Базавлуга, Соленои и Чертомлыка (Киев-Берлин 2014).
- Evdokimov, Rassamakin 1998:** G. Evdokimov, Iu. Rassamakin, Dva pozdneeneoliticheskikh mogil'nika na iuge Khersonshchiny. In: (red. O. Shaposhnikova) Novye pamiatniki iamnoi kul'tury stepnoi zony Ukrainskogo (Kiev 1998), 79-92 // Г. Евдокимов, Ю. Рассамакин, Два позднеэнеолитических могильника на юге Херсонщины. В: (ред. О. Шапошникова) Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины (Киев 1998), 79-92.
- Faifert 2014:** A. Faifert, Kurgannye pogrebeniiia rannego bronzovogo veka Nizhnego Podon'ia (Rostov-na-Donu 2014) // А. Файферт, Курганные погребения раннего бронзового века Нижнего Подонья (Ростов-на-Дону 2014).
- Ivanova, Petrenko, Vetchinnikova 2005:** S. Ivanova, V. Petrenko, N. Vetchinnikova, Kurgany drevnikh skotovodov mezhdurech'ia Iuzhnogo Buga i Dnestra (Odessa 2005) // С. Иванова, В. Петренко, Н. Ветчинникова, Курганы древних скотоводов междуречья Южного Буга и Днестра (Одесса 2005).
- Ivanova, Kos'ko, Vlodarchak 2014:** S. Ivanova, O. Kos'ko, P. Vlodarchak, Komponent traditsii kul'tur shnurovoi keramiki. Amfori u pokhovanniakh jamnoi kul'turi pivnichno-zakhidnogo Prichornomor'ya. In: (red. O. Kos'ko, M. Potupchik, S. Razumov) Kompleksi kurgannikh mogil'nikiv naselennia III ta pershoi polovini II tisiacholit do R.Kh. z teritorii Nadnistroianshchini nepodalik mista Lampil' (Poznan 2014), 351-386 // С. Иванова, О. Косько, П. Влодарчак, Компонент традиції культур шнурової кераміки. Амфори у похованнях ямної культури північно-західного Причорномор'я. В: (ред. О. Косько, М. Потупчик, С. Разумов) Комплекси курганних могильників населення III та першої половини II тисячоліть до Р.Х. з території Наддністянщини неподалік міста Ямпіль (Познань 2014), 351-386.
- Kiiashko 1994:** V. Kiiashko, Mezhdu kamnem i bronzoi (Rostov-na-Donu 1994) // В. Кияшко, Между камнем и бронзой (Ростов-на-Дону 1994).
- Kohl, Trifonov 2014:** P. Kohl, V. Trifonov, The prehistoty of the Caucasus: internal development and external interactions. In: (ed. C. Renfrew, P. Bahn) The Cambridge World Prehistory III (7), 2014, 1571-1595.
- Korenevskii 2016:** S. Korenevskii, Problemnye situatsii „post-ubeidskogo perioda” v Predkavkaz'e. Stratum plus 2, 2016, 1-26 // С. Кореневский, Проблемные ситуации «пост-убейдского периода» в Предкавказье. Stratum plus 2, 2016, 1-26.
- Kotova 2006:** N. Kotova, Rannii eneolit stepnogo Podneprov'ia i Priazov'ia (Lugansk 2006) // Н. Котова, Ранний энеолит степного Поднепровья и Приазовья (Луганск 2006).
- Kotova 2013:** N. Kotova, Dereivskaia kul'tura i pamiatniki nizhnemikhailovskogo tipa (Khar'kov 2013) // Н. Котова, Дереивская культура и памятники нижнемихайловского типа (Харьков 2013).
- Kotova 2016:** N. Kotova, The contacts of the Eastern European steppe people with the Balkan population during the transition period from Neolithic to Eneolithic. In: (ed. V. Nikolov, W. Schier) Prähistorische Archäologie in Südosteuropa 30 (Rahden/Westf. 2016), 311-320.
- Kotova 2018:** N. Kotova, Revisiting the Neolithic chronology of the Dnieper steppe region with consideration of a reservoir effect for human skeletal material. Sprawozdania Archeologiczne 70, 2018, 47-66.
- Kotova, Spitsyna 1999:** N. Kotova, L. Spitsyna, Keramika pozdneeneoliticheskikh pogrebenii stepnoi Ukrainskogo i ee analogii v materialakh poselenii. SPPK 7, 1999, 22-31 // Н. Котова, Л. Спицына, Керамика позднеэнеолитических погребений степной Украины и ее аналогии в материалах поселений. СППК 7, 1999, 22-31.
- Kotova, Spitsyna 2003:** N. Kotova, L. Spitsyna, Radiocarbon chronology of the “Middle” layer of the Mikhailovka settlement. BPS 12, 2003, 121-131.
- Lagodovs'ka, Shaposhnikova, Makarevich 1960:** O. Lagodovs'ka, O. Shaposhnikova, M. Makarevich, Mikhalivs'ke poselennia (Kyiv 1960) // О. Лагодовська, О. Шапошникова, М. Макаревич, Михайлівське поселення (Київ 1960).
- Manzura 2000:** I. Manzura, Vladeiushchie skipetrami. Stratum plus 2, 2000, 237-295 // И. Манзура, Владеющие скипетрами. Stratum plus 2, 2000, 237-295.
- Makhortikh et al. 2020:** S. Makhortikh, N. Kotova, V. Dzhos, S. Radchenko, Novi pokhoval'no-ritual'ni kompleksi

- dobí rannoї bronzy poblizu Kam'iannoї Mogili. ADIU 4, 2020 (in print) // С. Махортих, Н. Котова, В. Джос, С. Радченко, Нові поховально-ритуальні комплекси доби ранньої бронзи поблизу Кам'яної Могили. АДИУ 4, 2020 (in print).
- Mel'nik, Steblina 2013:** O. Mel'nik, I. Steblina, Iamna kul'tura seredn'oï techii Ingul'tsa (Krivii Rig 2013) // О. Мельник, І. Стеблина, Ямна культура середньої течії Інгульца (Кривий Ріг 2013).
- Mozolevskii, Pustovalov 1999:** B. Mozolevskii, S. Pustovalov, Kurgan „Dovga Mogila“ z grupi Chortomlika. Kul'turologichni studiï 2, 1999, 116-140 // Б. Мозолевський, С. Пустовалов, Курган «Довга Могила» з групи Чортомлика. Культурологічні студії 2, 1999, 116-140.
- Petrenko 2013:** V. Petrenko, Usatovskaia kul'tura. In: (red. I. Bruiako, T. Samoilova) Drevnie kul'tury severo-zapadnogo Prichernomor'ia (Odessa 2013), 163-210 // В. Петренко, Усатовская культура. В: (ред. И. Бруяко, Т. Самойлова) Древние культуры северо-западного Причерноморья (Одесса 2013), 163-210.
- Radchenko, Tuboltsev 2019:** Causewayed enclosures in Ukraine? A new look at an Early Bronze Age site on the Ukrainian Steppe. Antiquity, 93(369), 2019, 18.
- Rassamakin 2000:** Iu. Rassamakin, Kvityanskaya kul'tura: istoriia i sovremennoe sostoianie problemy. Stratum plus 2, 2000, 117-177 // Ю. Рассамакин, Квятянская культура: история и современное состояние проблемы. Stratum plus 2, 2000, 117-177.
- Rassamakin 2004:** Y. Rassamakin, Die nordpontische Steppe in der Kupferzeit (Mainz 2004).
- Rassamakin 2014:** Iu. Rassamakin, Absoliutnaia khronologija pogrebenii iz kurgana 29 u s. Shevchenkovo. In: (red. V. Chernykh, M. Daragan) Kurgany epokhi eneolita-bronzy mezhdurech'ia Bazavluka, Solenoi i Chortomlyka (Kiev-Berlin 2014), 495-504 // Ю. Рассамакин, Абсолютная хронология погребений из кургана 29 у с. Шевченково. В: (ред. Л. Черных, М. Дараган) Курганы эпохи энеолита-бронзы между речью Базавлука, Соленои и Чертомлыка (Киев-Берлин 2014), 495-504.
- Rassamakin, Evdokimov 2010:** Iu. Rassamakin, G. Evdokimov, Kurgan u s. Tomarino s pogrebeniem v raspisnom kamennom iashchike. MDASU 10, 2010, 100-122 // Ю. Рассамакин, Г. Евдокимов, Курган у с. Томарино с погребением в расписном каменном ящике. МДАСУ 10, 2010, 100-122.
- Rezepkin 2012:** A. Rezepkin, Novosvobodnenskaia kul'tura (Sankt-Petersburg 2012) // А. Резепкин, Новосвободненская культура (Санкт-Петербург 2012).
- Shilov 1977:** Iu. Shilov, Pershii ta chetvertii Starosil'ski kurgani. Arkheologiya 22, 1977, 48-64 // Ю. Шилов, Перший та четвертий Старосільські кургани. Археологія 22, 1977, 48-64.
- Spitsina 2017:** L. Spitsina, Rogachits'ka ta repins'ka kul'turi v koli kul'tur pizn'ogo eneolitu-rann'oï bronzi Skhidnoi Evropi. Arkheologiya 2, 2017, 3-12 // Л. Спіцина, Рогачицька та репінська культури в колі культур пізнього енеоліту – ранньої бронзи Східної Європи. Археологія 2, 2017, 3-12.
- Subbotin 1995:** L. Subbotin, Grobnitsy kemi-obinskogo tipa Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia. RA 3, 1995, 193-196 // Л. Субботин, Гробницы кеми-обинского типа Северо-Западного Причерноморья. РА 3, 1995, 193-196.
- Szmyt 2010:** M. Szmyt, Between West and East. People of the Globular Amphora Culture in Eastern Europe: 2950-2350. BPS 8, 2010.
- Telegin et al. 2001:** D. Telegin, A. Nechitailo, I. Potekhina, Iu. Panchenko, Srednestogovskaia i novodanilovskaia kul'tury eneolita azovo-chernomorskogo regiona (Lugansk 2001) // Д. Телегин, А. Нечитайлло, И. Потехина, Ю. Панченко, Среднестоговская и новоданиловская культуры энеолита азово-черноморского региона (Луганск 2001).
- Teslenko 2007:** D. Teslenko, Ob evoliutsii megaliticheskikh sooruzhenii v Severnom Prichernomore i Priazove. MDASU 7, 2007, 76-85 // Д. Тесленко, Об эволюции мегалитических сооружений в Северном Причерноморье и Приазовье. МДАСУ 7, 2007, 76-85.
- Teslenko, Grebennikov 2002:** D. Teslenko, Iu. Grebennikov, Pogrebeniiia v kamennykh grobnitsakh iz kurgana u s. Vesnianoe na Nikolaevshchine. In: (red. I. Kovaleva) Problemy arkheologii Podneprov'ia (Dnepropetrovsk 2002), 82-90 // Д. Тесленко, Ю. Гребенников, Погребения в каменных гробницах из кургана у с. Весняное на Николаевщине. В: (ред. И. Ковалева) Проблемы археологии Поднепровья (Днепропетровск 2002), 82-90.
- Toshchev 2007:** G. Toshchev, Krym v epokhu bronzy (Zaporozhe 2007) // Г. Тощев, Крым в эпоху бронзы (Запорожье 2007).
- Trifonov 2014:** V. Trifonov, Zapadnye predely rasprostraneniia maikopskoi kul'tury. ISNTSRAN 16(3), 2014, 276-284 // В. Трифонов, Западные пределы распространения майкопской культуры. ИСНЦРАН 16(3), 2014, 276-284.
- Tuboltsev, Radchenko 2018:** O. Tuboltsev, S. Radchenko, Generalka 2 i causewayed enclosures: primery otrazhenii poliarnogo mirovozzreniya drevnego naseleniya Evropy. Stratum plus 2, 2018, 119-148 // О. Тубольцев, С.

Радченко, Генералка 2 и causewayed enclosures: примеры отражения полярного мировоззрения древнего населения Европы. *Stratum plus* 2, 2018, 119-148.

Viazmitina et al. 1960: M. Viazmitina, V. Illins'ka, E. Pokrovs'ka, O. Terenozhkin, G. Kovpanenko, Kurgany bils Novo-Pilipivki i radgospu „Akkermen”. АР УРСР, 8, 1960, 22-135 // М. Вязьмітіна, В. Іллінська, Е. Покровська, О. Тереножкін, Г. Ковпаненко, Кургани біля с. Ново-Пилипівки і радгоспу “Аккермень”. АР УРСР, 8, 1960, 22-135.

Videiko 2000: M. Videiko, Tripolye and the cultures of Central Europe. Facts and the character of interactions: 4200-2750 BC. BPS 9, 2000, 13-68.

Надежда Котова, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии НАН Украины, пр. Героев Сталинграда 12, Киев, 04210, Украина, e-mail: nadja.kotova@hotmail.com

Сергей Махортых, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии НАН Украины, пр. Героев Сталинграда 12, Киев, 04210, Украина, e-mail: kimmeria080@ukr.net

Виктор Джос, заведующий отделом охраны памятников культурного наследия, Национальный историко-археологический заповедник “Каменная Могила”, ул. Заповедная 1, пгт. Мирное, 72350, Мелитопольский район, Запорожская область, Украина, e-mail: viktordzhos@ukr.net

Симон Радченко, Университет Турина, Виа Верди, 8, Турин, 10124, Италия, e-mail: simon.radchenko@gmail.com

Дмитрий Пефтиц

Особенности орнаментации белогрудовской и чернолесской керамики Среднего Поднепровья

Keywords: Middle Dnieper region, Bylohrudovka, Chernoles sites, ceramic vessels, ornamentation.

Cuvinte cheie: regiunea Niprului Mijlociu, aşezări Belogrudovka, aşezări Chernoles, vase ceramice, ornament.

Ключевые слова: Среднее Поднепровье, белогрудовские, чернолесские памятники, керамическая посуда, орнамент.

Dmytro Peftits

Specifics of ornamentation of Belogrudovka and Chernoles ceramic of Middle Dnieper region

The article provides a general description of the ornamentation of the Bylohrudovka and the Chornolissya pottery. On the basis of its comparative analysis, trends in the development of decor techniques, motives and principles for constructing compositions are considered.

Dmytro Peftits

Specificul ornamentului ceramicii Belogrudovka și Chernoles din regiunea Niprului Mijlociu

În articol oferă o descriere generală a ornamenteelor ceramicii aparținând culturilor Belogrudovka și Chernoles. Pe baza analizei comparative, sunt examinate principalele tendințe în dezvoltarea tehniciilor de decor, a motivelor și principiilor de constituire/alcătuire a compozиțiilor.

Дмитрий Пефтиц

Особенности орнаментации белогрудовской и чернолесской керамики Среднего Поднепровья

В статье дана общая характеристика орнаментации белогрудовской и чернолесской керамики. На основе ее сравнительного анализа рассмотрены основные тенденции в развитии техник декора, мотивов и принципов построения композиций.

Переход от финальной бронзы к ранне-железному веку, представленный в Среднем Поднепровье белогрудовскими и чернолесскими памятниками, является одним из наиболее дискуссионных периодов в исследовании исторического наследия этого времени. Материалы зольников, открытые П.П. Куриным в Белогрудовском лесу [Kurinnii 1927], так и не удостоились серьезной публикации, что в некоторой мере определило дальнейшие сложности с культурной идентификацией тех или иных памятников. Актуальной в настоящее время является проблема хронологической позиции раннечернолесского горизонта, усугубившаяся в связи с общей тенденцией к удревнению предскифских древностей в целом. Напомним, что большинство чернолесских памятников относилось исследователями ко второй, поздней фазе культуры. Раннечернолесские комплексы, в небольшом количестве известные в Среднем Поднепровье, достаточно давно и в определенной степени автоматически были отнесены к эпохе поздней бронзы. Уже тогда исследователи подчеркивали несущественность их отли-

чий от белогрудовских, к которым они «тесно примыкают» [Meliukova 1989, 24]. Параллельно возник и стал широко использоваться термин «белогрудовско-раннечернолесские комплексы», появление которого – лучшее свидетельство размытости критериев дифференцирования. В частности, В.А. Ромашко [Romashko 1995, 73], обобщая материалы памятников левобережного Предстепья, отметил трудности культурно-хронологического разделения белогрудовских и раннечернолесских комплексов, причина которых кроется именно в отсутствии существенных различий между ними. Позднее, В.Д. Рыбалова [Rybalova 1999, 331], анализируя датировки памятников днестровского региона, однозначно отождествляла раннее Чернолесье с поздней фазой белогрудовской культуры.

Ключевым моментом этой проблемы является определение хронологической позиции нижнего горизонта Суботовского городища. Если А.И. Тереножкин [Terenozhkin 1961, 56] рассматривал эти материалы как основу для выделения раннечернолесских древностей, то С.С. Березанская отнесла их к позднебелогру-

довскому времени [Berezanskaia 1985, 502]. Новейшей можно считать концепцию Я.П. Гершковича, который определил материалы жилищ Суботова как ранний этап развития белогрудовской-чернолесской культуры [Gershkovich 2016, 206]. Процесс формирования керамического комплекса памятника автор расценивает как результат взаимодействия нескольких разнокультурных компонентов, признавая при этом важную роль местных традиций [Gershkovich 2016, 178].

Безусловно, решение данной проблематики невозможно без полноценного сравнительного анализа всех категорий материальной культуры, и в первую очередь керамического набора. Предварительный анализ материалов коллекций классических памятников белогрудовского и чернолесского горизонтов¹ показал, что степень сохранности их существенно отличается. Так, если белогрудовская керамика частично происходит из углубленных объектов (жилищ, погребений) и соответственно характеризуется значительным числом поддающихся реконструкции форм, то для чернолесских коллекций наблюдается совершенно иная картина. Большинство находок связаны с зольистым заполнением наземных жилищ, вследствие чего они очень фрагментированы. Таким образом, особенности формирования культурного слоя значительно усложняют возможность сопоставления типов и форм керамики. В свою очередь, это повышает роль орнамента как хроноиндикатора и культуроопределяющего элемента. Собственно, данная работа посвящена сравнению систем орнаментации белогрудовской и чернолесской керамики Среднего Поднепровья.

Особой консервативностью отличалось развитие приемов декорирования кухонной керамики. Таковыми являются проколы: отверстия от круглой в сечении палочки, которой продавливали венчик с внутренней сто-

1. Отметим, что в рамках данной работы под белогрудовским горизонтом мы подразумеваем в первую очередь комплексы частично более ранние или синхронные углубленным жилищам Суботовского городища, для которых употребляется термин «раннечернолесский»; под чернолесскими – материалы, синхронные классическим городищам Потясмины и «зольникам» Суботовского, для которых в литературе используется термин «позднечернолесские» или «развитое Чернолесье».

роны, оставляя ободок глины извне (рис. 1,1). Их разновидность – псевдопроколы (не доведенные до конца проколы), которые внешне проявляются выпуклостями выдавленной глины, т. н. «жемчужинами». Относительно массово проколы появились в орнаментации керамики белогрудовского времени, однако их истоки связаны с еще более ранней традицией культур тшинецкого круга [Terenozhkin 1961, 57; Lysenko 2008, 132]. Для чернолесского времени доминирование этой техники считается одним из самых показательных хронологических признаков [Il'inskaia 1975, 144]. Ее развитие проявляется в увеличении количества посудин с проколами и, соответственно, уменьшении процента образцов с неорнаментированным венчиком. Параллельно проколы появляются и на посуде соседних юго-западных культур, где исследователи относили их к «чернолесским приемам» [Levički 1994, 106-107; Kashuba 2000, 296]. Проколы в сочетании с валиком в значительной мере определяют «местный» облик кухонной посуды Среднего Поднепровья как для пред斯基фского, так и для более позднего времени [Il'inskaia 1975, 144-145; Daragan 2011, 389].

Наиболее распространённым типом украшения белогрудовского кухонного горшка был налепной валик, размещенный на максимальном перегибе формы или ближе к ее верхней трети (рис. 1,2-6). В историографии гладкий валик рассматривается как один из хронологических показателей раннего времени, а деформированный различными вариантами вдавлений – чернолесского периода [Terenozhkin 1961, 74; Meliukova 1989, 26; Lysenko 2008, 132]. Однако использование для него приемов деформации проявляется уже на белогрудовской керамике, замещение гладкого деформированным не было одномоментным. Так, показательным является частично деформированный валик, украшенный группами из двух-трех пальцевых вдавливаний, которые чередуются с участками гладкой поверхности (рис. 1,6).

Вариантом этого мотива выступает разомкнутый валик, концы которого заходят друг за друга или свисают вниз, иногда в виде загнутых «волют» (рис. 1,3,5). Он широко представлен среди материалов сабатиновской и последующей белозерской культур [Berezanskaia

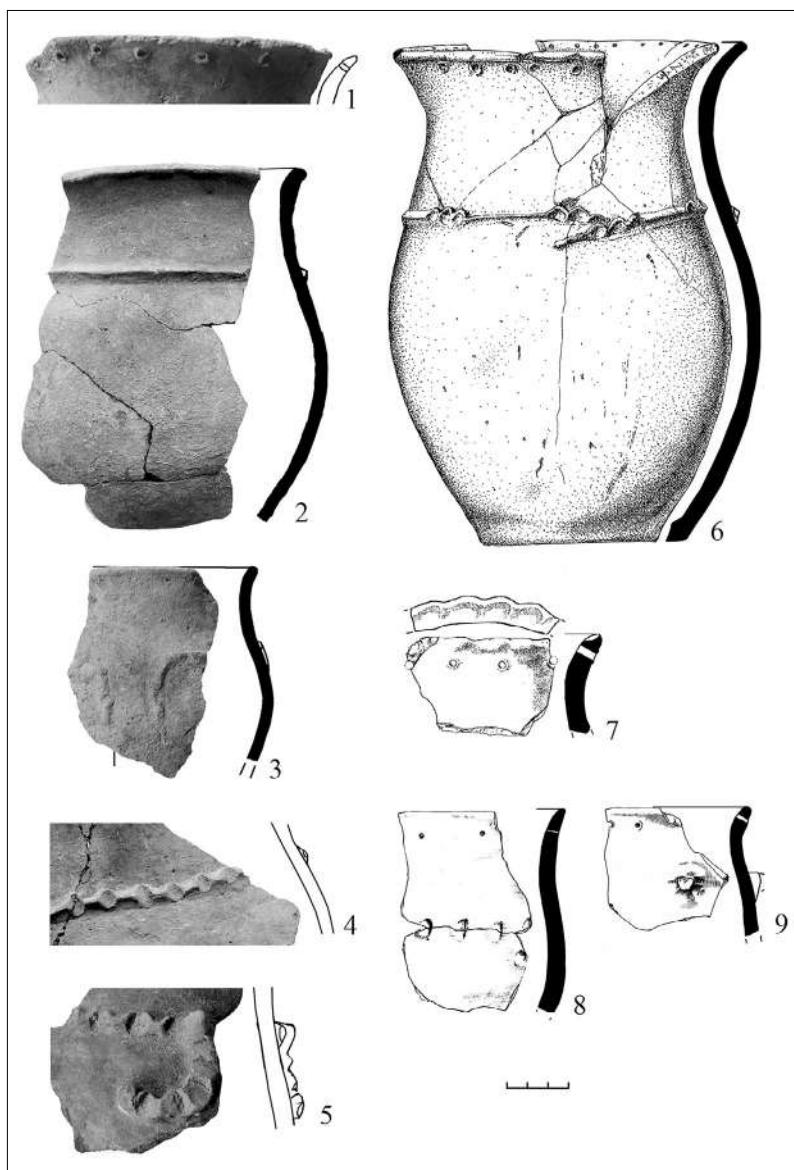

Рис. 1. Орнаментация кухонной посуды: 1, 2 – Суботов, 3 – Великая Андрусовка, 4, 5 – Адамовка, 6 – Печерское-1, 7 – Тясминское, 8, 9 – Калантаевское.

Fig. 1. Kitchen pottery decoration: 1, 2 – Subotov, 3 – Velikaia Andrusovka, 4, 5 – Adamovka, 6 – Pecherskoe-1, 7 – Tiasminskoe, 8, 9 – Kalantaevskoe.

et al. 1986, 96, 135]. О.Г. Левицкий рассматривал разомкнутый валик в раннегальштатских комплексах как белозерский элемент, имеющий прежде всего «северо-причерноморское происхождение» [Levitskii 2002, 190]. Вероятно, лесостепное население заимствовало его еще в белогрудовское время, переняв мотив в целом с присущими ему чертами. Для чернолесских древностей он рассматривается как продолжение местных традиций [Romanchuk 2001-2002,

44-45; Kushtan 2013, 44]. В соседних культурах, в частности, в бондарихинских комплексах Поорелья, наличие орнаментированной в такой манере посуды расценивается как результат белогрудовско-чернолесских влияний [Romashko 1995, 41], а для кухонной посуды сахарнянских памятников его считают «чернолесским приемом» [Kashuba 2000, 295]. Разомкнутый валик перестает использоваться в орнаментации кухонной посуды лесостепного Среднего Поднепровья с началом жаботинского периода.

В чернолесское время расширяется вариативность деформирующих приемов декора – пальцевых вдавливаний, насечек и нарезок (рис. 1,7,8). В частности, в редких случаях они выступают как самостоятельный мотив в виде горизонтального пояса на плечиках горшка (рис. 1,8), вероятно, имитируя деформированный валик [Pokrovs'ka et al. 1971, ris. 5,3]. Иногда ими иногда украшают венчик посудин по краю или с внутренней стороны [Terenozhkin 1961, 73; Kovranenko 1967, 37]. Такое

применение деформированного декора становится более популярным в жаботинское время [Daragan 2011, 389].

В чернолесское время распространяется обычай орнаментировать корпус кухонных горшков небольшими налепными выступами (рис. 1,9). Яркий пример тому – материалы Калантаевского городища, где зафиксировано почти 9% образцов стенок с ними (3,6% от массы орнаментированных фрагментов кухонной керамики). Однако ранние проявления этой традиции известны уже в белогрудовское время [Lysenko 2008, ris. 14,2]. В их распространении на территории лесостепи можно проследить определенную закономерность: обычно они составляют ощутимый процент среди

материалов тех комплексов, где найдены также банковидные посудины карпато-дунайского происхождения [Peftits' 2005, 56]. Типологически и технологически они существенно отличаются от чернолесской кухонной посуды. Исследователи рассматривают их наличие как доказательство присутствия тут собственно носителей гальштатских древностей [Meliukova 1979, 83]. Тюльпановидные горшки с подобной орнаментацией наследуют эти образцы только в общей манере декорирования. Выступы на керамике местного происхождения отличаются меньшими размерами, они грубые и не так тщательно профилированные. Появление такого обычая декора следует расценивать как результат контактов непосредственно с носителями гальштатской традиции.

Подобная ситуация наблюдается на некоторых памятниках Среднего Днестра, где среди материалов культуры Козия-Сахарна попадается определенный процент тюльпановидных горшков с присущей им «чernолесской» орнаментацией. М.Т. Кашуба отмечает, что они существенно отличаются от кухонной посуды не только формой, но и особенностями изготовления – более тонкостенные, с поверхностью серого цвета. Обращает на себя внимание наличие «подражаний» чернолесским горшкам, которые, хотя и имеют типичную для них форму, но по другим характеристикам относятся к раннегальштатским образцам [Kashuba 2000, 295]. В этом отношении ситуации в Среднем Поднепровье и на Днестре довольно схожи, поскольку в основе их лежит усиление межкультурных контактов.

Подытоживая развитие и распространение приемов декорирования кухонной посуды, выделим следующие особенности:

1. Большинство техник известны уже для белогрудовской керамики, их развитие в

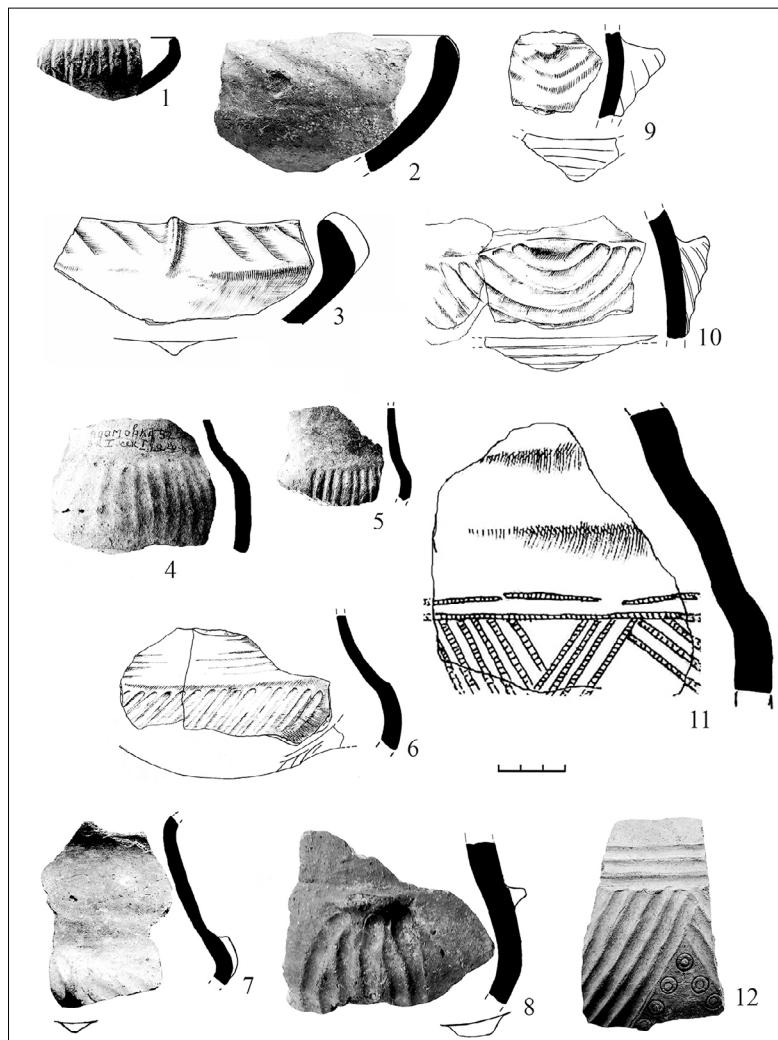

Рис. 2. Каннелированный декор: 1, 4, 5, 7 – Адамовка, 2, 8 – Суботов, 3, 11 – Тясминское, 6, 9, 10 – Калантаевское, 12 – Хрешчатик.

Fig. 2. Channeled decor: 1, 4, 5, 7 – Adamovka, 2, 8 – Subotov, 3, 11 – Tiasminskoe, 6, 9, 10 – Kalantaevskoe, 12 – Khreschatik.

чernолесское время происходило не столько благодаря инновациям, сколько за счет расширения вариантов использования.

2. Истоки приемов декора и их мотивов прослеживаются в местной лесостепной традиции (проколы), степных (валик) и гальштатских культурах (выступы).

Орнаментация столовой посуды более красочна и разнообразна, чем декор кухонных горшков. Изменения в ее развитии от белогрудовского к chernolесскому времени фиксируются, прежде всего, в техниках нанесения декора. Наиболее инновационным среди них выступает каннелированный орнамент, кото-

рый А.И. Мелиукова [Meliukova 1979, 76, 78] в свое время обозначила как одну из типичных примет «общегальштатских» форм и типов отделки посуды. Распространение каннелированного декора происходило как в кругу, собственно, культур Карпато-Дунайского региона, так и на периферии этого мира. Так, на территории лесостепной Украины оно было отмечено для некоторых белогрудовских памятников Поднестровья [Рыбалова 1999, 331]. Во время их исследования были обнаружены фрагменты посуды с каннелированным орнаментом, определенные В.Д. Рыбаловой как типичные для группы Кишинэу-Корлэтень [Rybalova 1999, 338, ris. 5, 3, 5, 7; 6, 1]. Среди находок этого времени на Фастовщине также зафиксирован образец посудины с каннелиюрами [Lysenko 2008, ris. 21]. Вероятно, эти образцы следует рассматривать в качестве отдельных импортов, относительно широкое распространение такого орнамента в лесостепи Днестро-Днепровского междуречья произошло не ранее чернолесского времени. В частности, фрагменты мисок, украшенные каннелированной «лесенкой» (горизонтальный пояс из вертикальных или косых желобков), известны для большинства памятников Потясминья (рис. 2,1-3).

Детально происхождение каннелированного декора для чернолесско-жаботинских комплексов Среднего Поднестровья проанализировала Г.И. Смирнова, убедительно доказав, что он появился в результате контактов с населением группы Гава-Голиграды [Smirnova 1984, 55-57; Smirnova, Kashuba 1988, 27]. Так, косые каннелиюры по краю отличают гавские миски от подобной посуды еще одного представителя каннелированного гальштата – культуры Кишинэу-Корлэтень, для которой типичен орнамент горизонтальными желобками [Smirnova 1990, 24]. В коллекциях Среднего Поднепровья присутствуют миски только с косыми каннелиюрами, что, возможно, также указывает на гавские корни этой традиции. В целом же, подобный декор известен на мисках многих раннегальштатских комплексов, в частности, Бабадаг-I и II, культуры Гава и могильника Сборяново [Morintz 1987, fig. 10, 10, 8; Gumiă 1993, Pl. XXXVI: 6-8; Stoianov 1997, ris. VI, VII].

Если декор каннелированной «лесенкой» является типичным для мисок, то отделка ею профилированных форм касается исключительно посуды среднего размера – кубков и черпаков (рис. 2,4-7). В чернолесских материалах есть фрагменты с подобной орнаментацией, которая близка к находкам с Инсула-Банулуй [Morintz, Roman 1969, fig. 17, 17; 19, 8, 9]. Ближайшей аналогией орнаментации кубка из Адамовки, украшенного косыми каннелиюрами и ребристым выступом (рис. 2,7), видится посудина из горизонта Бабадаг I-II [Morintz, 1987, fig. 10, 6, 11]. Из исследований Суботовского городища происходит фрагмент посудины, украшенный налепным выступом, ниже которого размещены вертикальные каннелиюры (рис. 2,8), с близкой аналогией там же [Morintz, Juganaru 1995, fig. XI, 4].

В орнаментации корчаг в чернолесское время появляется обычай украшать всю горловину горизонтальными каннелиюрами, а налепные выступы – концентрическими полукружьями (рис. 2,9-12). В целостном виде такая композиция представлена на корчаге с Чернолесского городища [Terenozhkin 1961, ris. 43]. Эта комбинация мотивов, как и форма посудины, выступают показательными признаками культуры Гава, где такая посуда появилась еще на ранних этапах формирования [László 1973, 585-598; Morintz 1987, 45-47].

Керамика с каннелированным декором известна во многих чернолесских комплексах, однако часть таких находок можно считать местным подражанием изделиям карпато-дунайской происхождения. Так, для последней типичны широкие каннелиюры, размещенные одна за другой без ощутимых зазоров, придающих поверхности посудины вид гофрированной. В лесостепных комплексах чаще встречается их местная разновидность в виде более узких и углубленных желобков с пробелами между ними (рис. 2,1,5,12). К локальным особенностям также можно отнести обычай комбинировать каннелиюры со штампованным декором, которые используются обычно вместе при размещении в разных орнаментальных зонах. Из материалов Тясминского городища происходят два фрагмента корчаг, конические горловины которых украшены поясом сплошных горизонтальных каннелиюров

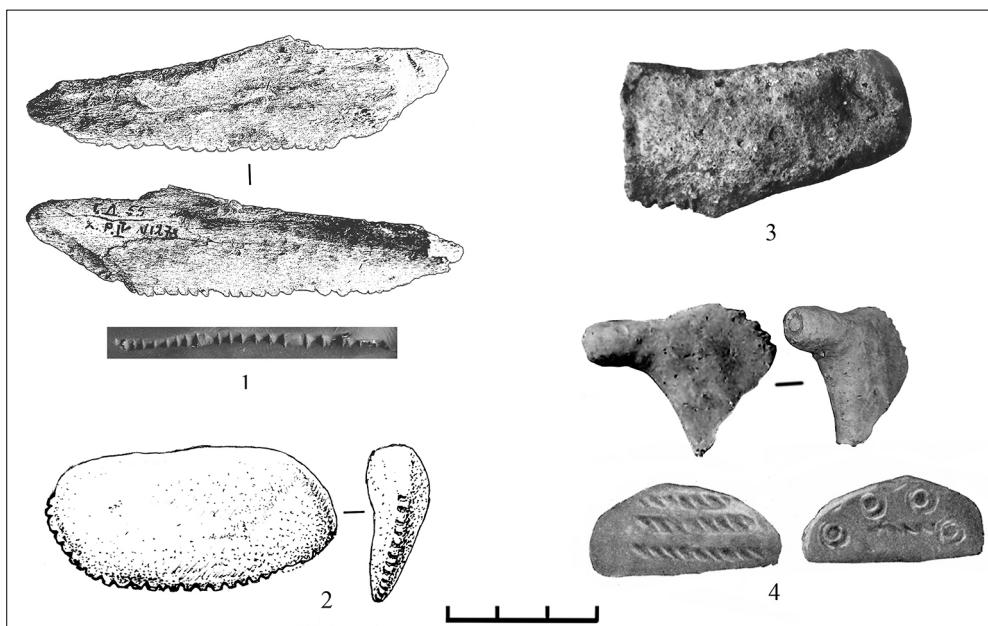

Рис. 3. Инструменты для нанесения штампованного орнамента: 1 – Хухри, 2 – Суботов, 3 – Московская гора, 4 – Плискив-Черниавка.

Fig. 3. Tools for applying stamped ornamentation: 1 – Hukhri, 2 – Subotov, 3 – Moskovskaia Gora, 4 – Pliskiv-Cherniavka.

с расположенными ниже узорами, выполнеными зубчатым штампом (рис. 2,11).

В коллекциях каннелированная керамика представлена относительно слабо – «инкорпорация» ее в местную традицию носила ограниченный характер. По сравнению с другими влияниями Карпато-Дунайского гальштата, прежде всего с распространением техники штампов, она была воспринята лишь частично и не получила широкого распространения. Крайне редкими являются примеры подобной керамики среди чернолесских памятников северного ареала и Левобережья, соответственно ее распространение ограничено преимущественно средней полосой Днестро-Днепровского междуречья.

Такая техника орнаментации как штампы, которая приобрела значительное распространение в лесостепных культурах, является важнейшим хронологическим признаком предскифского времени. Штампованный декор представлен достаточно широким набором приемов орнаментации, который условно можно разделить на две разновидности – зубчатые и фигурные штампы. Такое деление обусловлено не столько различиями формы и нанесением оттисков, сколько особенностями их роли в построении орнаментов. Так, отти-

ски зубчатого штампа, как и прочерченные линии, используются прежде всего для создания геометрических фигур. С их помощью могут быть образованы одни и те же мотивы – зигзаги, треугольники или «паркет». Фигурные оттиски применяли преимущественно как вспомогательные элементы – в ключевых местах узоров, в частности, углах фигур, или для подчеркивания границ композиции.

Находок самих орнаментиров на территории Среднего Поднепровья не много. Фрагмент костяного штампа в виде узкой пластины, на одной из удлиненных сторон которой нанесены параллельные насечки, образующие зубцы, происходит из поселения Хухра в Посулье (рис. 3,1). Автор раскопок, Г.Т. Ковпаниенко, отнесла штамп к материалам чернолесского горизонта памятника [Ковпаниенко 1967, 17, 36, ris. 14,14]. Ближайшей его аналогией является орнаментир из материалов поселения культуры Козия-Сахарна Солончень-Хлиная [Kashuba 2000, ris. XXIX, 22].

Керамических штампов в лесостепных комплексах известно больше. Таковым является инструмент из материалов Суботовского городища (рис. 3,2), представляющий собой овальную пластину с утолщенной спинкой и слегка заостренным краем с мелкими зубчи-

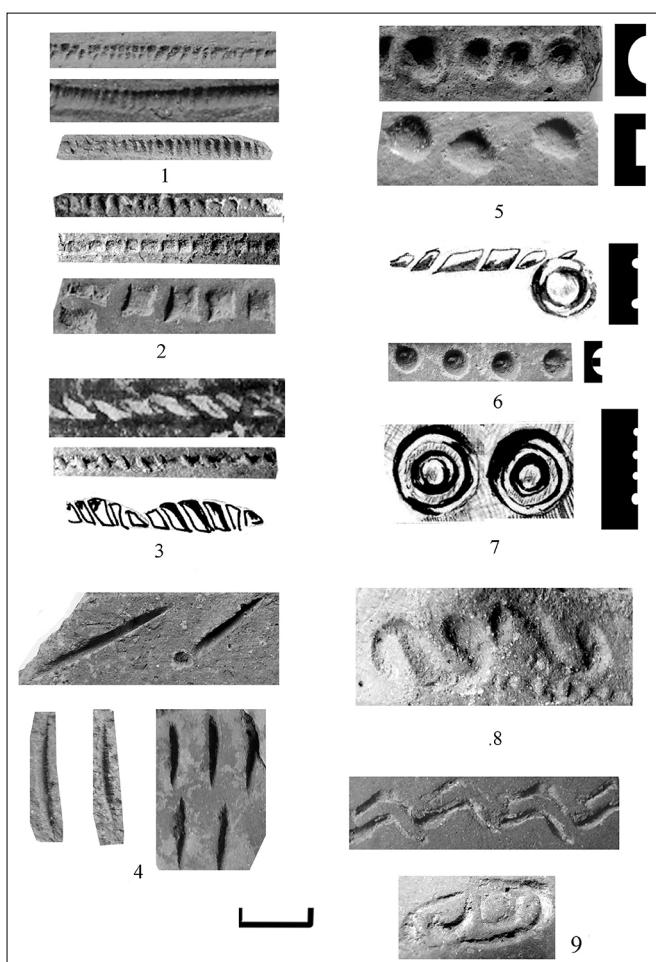

Рис. 4. Разновидности отпечатков штампов.

Fig. 4. Varieties of stamped imprints.

ками [Terenozhkin 1961, 50, ris. 46,4] (рис. 9,2). Подобным ему является фрагмент штампа с Московского городища, рабочая часть которого имеет вид вогнутой дуги с вырезанными острыми зубцами [Terenozhkin 1961, ris. 25,10]². От суботовского экземпляра он отличается наличием ручки (рис. 3,3). Из материалов исследований Плисиков-Чернявки происходит комбинированный (двусторонний) орнаментир, предназначенный для нанесения двух разновидностей оттисков – зубчатых и кольчатых (рис. 3,4). Это более сложный вариант предыдущего инструмента, с кольцевым углублением на конце ручки, которая также служила в качестве штампа [Мовша 1962, 57, 2]. В литературе он ошибочно фигурирует как костяной, но данные дневника и отчета не оставляют сомнений в том, что он керамический. Само изделие, как и вся коллекция исследований Московской горы, отсутствует в фондах ИА НАНУ.

рис. 21:1]. Такие двусторонние изделия – типичная находка для целого ряда культур: Бабадаг, Козия-Сахарна, Инсула-Банулуй и Пшеничево [Morintz, Roman 1969, fig. 7:10; Morintz 1987, fig. 11: 2; Topoleanu, Jugănaru 1995, fig. XV: 3; Icomonu 1997, fig. 5: 3,6; Kashuba 2000, ris. XXVI 1-5, 10; Nichik, Ailinkei 2003]. Керамические штампы объединяет рабочая часть с зубцами выгнутой формы, тогда как у костяных инструментов она прямая.

Важными для понимания изменений, происходивших в развитии техники зубчатого штампа, выступают данные, полученные в ходе исследований Суботовского городища. Сравнение материалов из верхнего (чернолесского) и нижнего (белогрудовского) горизонтов позволило наметить ряд специфических отличий в нанесении орнаментов. Так, в частности, мелкозубчатые отпечатки, которыми были выполнены узоры ранних сосудов, имеют некоторые технические особенности. Они довольно узкие и очень удлиненные, края их часто заходят за пределы геометрической фигуры (рис. 4,1). В то же время, оттиски зубчатого штампа на фрагментах из чернолесского горизонта выглядят более качественно выполненными. Узоры более очерченные, завершенные, оттиски обычно не выходят за их пределы. Возможно, что такие изменения связаны с переходом на использование керамических орнаментиров, свойственных карпато-дунайской традиции. Закругленная рабочая кромка позволяла увереннее контролировать процесс нанесения отпечатков, в отличии от прямых костяных инструментов. Косвенно на это указывает и распространение кроме мелко- и крупнозубчатого, еще и отпечатков «псевдошнурового» штампа, т.н. «торквеса» (рис. 4,2,3), западное происхождение которого не вызывает сомнений [Nichik, Ailinkei 2003, 101].

Наблюдаются отличия и в применении фигурных штампов. Так, для белогрудовской орнаментики практически единственной разновидностью такой техники можно считать плоский штамп. Он представляет собой оттиски в виде удлиненного углубления, немного расширенного в центральной части и суженного на его концах (рис. 4,2). От обычных на-

сечек его отличает более правильная форма и использование в геометрической орнаментации. Такими оттисками обрамляли орнаментальный пояс, использовали их и при нанесении самих мотивов – преимущественно разных вариантов «лесенки» (рис. 5,1; 9,7,8; 11,8,9). Среди материалов Суботовского городища есть фрагменты кухонных горшков, валики которых украшены оттисками плоского штампа, что позволило связать появление такой техники с восточной орнаментальной традицией [Romashko 2013, 185; Gershkovich 2016, 174-175].

В чернолесское время использование плоского штампа прекращается полностью, зато существенно расширяется ассортимент фигурных отпечатков. Отдельные образцы посуды, украшенной оттисками простого кольчатого штампа, присутствуют уже в белогрудовских комплексах [Peftits' 2005, 54]. Хотя это и единичные случаи, они тем не менее известны не только на правобережных памятниках (рис. 5,3,4), но и на левобережных, в том числе и среди материалов бондарихинских поселений [Berezanskaia 1985, ris. 137:16; Romashko 1995, ris. 5:19; Gershkovich 1998, ris. 8:3; Peftits' 2020, ris. 3,3].

Условно все разновидности фигурных оттисков можно разделить на две группы – простые и сложные. Самые простые, и они же наиболее распространенные, это кольчатые (одинарное кольцо) и круглые штампы (рис. 4,5,6), известные на керамике практически всех чернолесских памятников Потясмийни. Известны они и в материалах Киевщины (фрагмент корчаги из поселения у с. Боярка, Печерское-1), Каневщины (Крещатик) и Уманщины (Умань-20) [Terenozhkin 1961, ris. 49,8; Pokrovs'ka et al. 1971, ris. 5, 9, 10; Khraban 1971, ris. 4, 2, 5, 7, 8]. Как правило, ими украшены углы фигур, иногда ряд оттисков обрамляет композицию сверху (рис. 5,5-7).

Подобное применение фигурных оттисков обусловлено традициями культур штампованной керамики, контакты с которыми были главной причиной их распространения в лесостепи [Kashuba 2000, 314; Nichik, Ailinkei

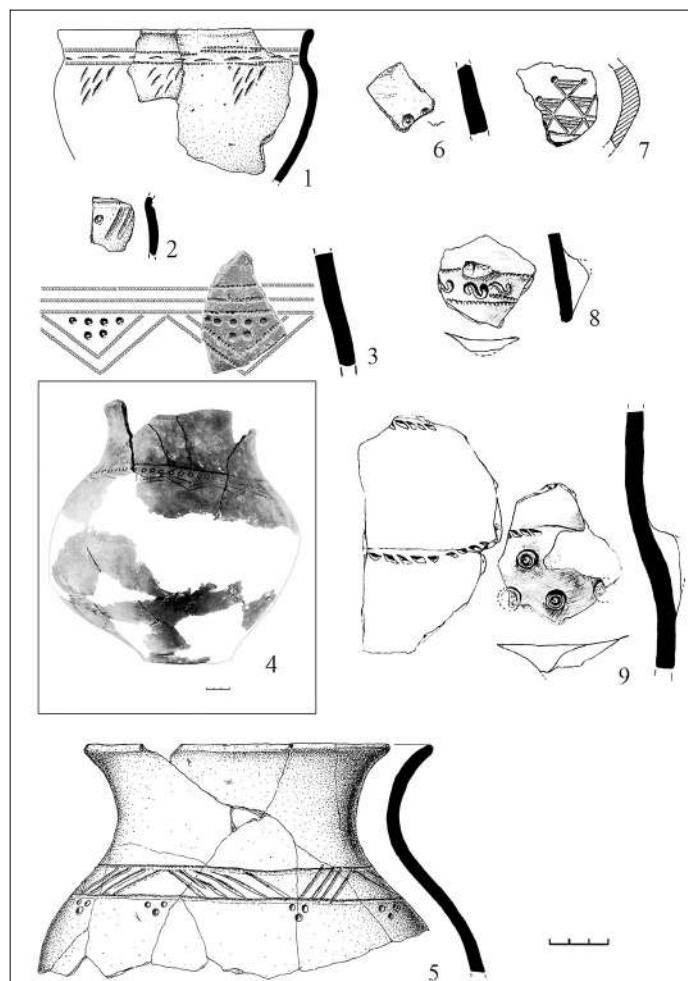

Рис. 5. Лощеная керамика с фигурыными штампами: 1, 2 – Еристовка-2, 3, 4 – Великая Андрусовка, 5, 6 – Печерское-1, 7 – Умань 20, 8 – Калантаевское, 9 – Хрещатик.

Fig. 5. Polished pottery with figured stamps: 1, 2 – Eristovka-2, 3, 4 – Velikaia Andrusovka, 5, 6 – Pecherskoe-1, 7 – Uman’ 20, 8 – Kalantaevskoe, 9 – Khreschatik.

2003]. Так, например, мотив зигзага, выполненный зубчатым штампом, с кольчатыми оттисками на вершинах, является показательным для орнаментов лощеной посуды культуры Козия-Сахарна. Наиболее он популярен для ее западного варианта – памятников типа Козия, где, в свою очередь, продолжает традиции орнаментов керамики группы Пшеничево [Iconomi 1997, fig. 4,1; 6,1]. Укажем, что знаковое для Бабадаг II сочетание кольчатого штампа с зубчатыми оттисками (круг с тангенсом) на нашей территории представлено всего несколькими образцами, самые известные – корчага из кургана №52 возле с. Гуляй-Поле, обломок сосуда из поселения у с. Жванец

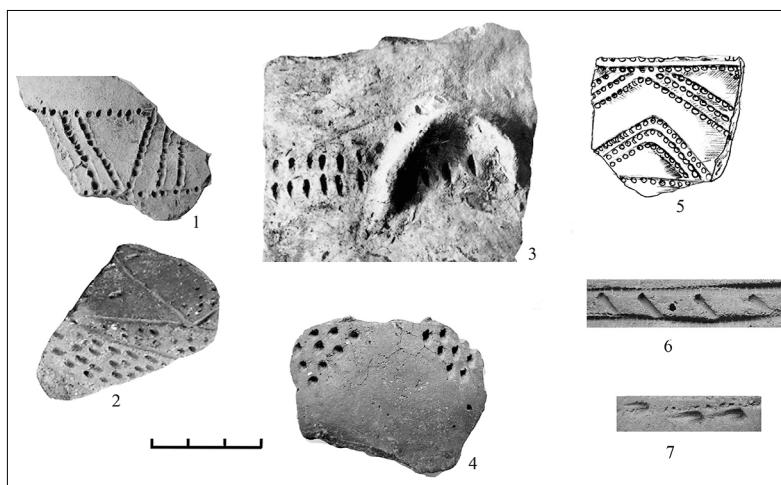

Рис. 6. Накольчатый декор.

Fig. 6. Pointed décor.

[Meliukova 1979, ris. 26,1; 27,1]. Возможно, подобным образом можно трактовать орнамент на фрагменте сосуда из Калантаевского городища (рис. 4,6).

Реже встречаются оттиски S-образного штампа и сложных вариантов кольчатаых (рис. 4,7,8), в частности они представлены в орнаментах лощеной посуды ряда чернолесских памятников (Адамовского, Крещатицкого, Калантаевского, Лубенецкого и Суботовского городищ). Если использование сложных кольчатаых оттисков похоже на применение простых штампов (круглого и одинарного кольчатаого), то S-образные отпечатки иногда образуют отдельные композиции (рис. 7,9-12,15-16,18; 9,10; 11,28).

Можно утверждать, что различные виды фигурных штампов попали на территорию Среднего Поднепровья не одновременно. Например, оттиски штампа в форме кольца с крестом внутри тут фиксируются не ранее жаботинского времени [Daragan 2005, 286]. Подобная ситуация отмечена и для собственно самой культуры Козия-Сахарна, где распространение более редких фигурных штампов (в том числе указанного) связывается с более поздним временем и «другими волнами миграции» [Kashuba 2000, 311]. Привлекает возможность найти определенные закономерности для более четкой датировки комплексов, поскольку распространение этих техник для чернолесских и сахарнянских комплексов имеет определенные хронологические особен-

ности. Так, на посуде некоторых раннесахарнянских поселений отсутствует S-образные и сложные кольцевидные оттиски, их распространение относится уже к позднесахарнянскому времени [Meliukova 1982, 7; Kashuba 2000, 311]. Наличие только самых распространенных типов фигурных штампов – кольчatego и круглого, несколько сближает комплексы Тясминского и Чернолесского городищ с ранними сахарнянскими комплексами. Отметим, что появление в

Поднепровье посуды, украшенной сложными вариантами штампов, связывается с верхними слоями чернолесских городищ, которые частично можно синхронизировать с позднесахарнянским временем [Il'inskaia 1975, 125, ris. 12; Daragan, Kashuba 2008, 64]. Впрочем, вряд ли стоит абсолютизировать подобный признак. Так, материалы Московского городища, которые традиционно оцениваются как сравнительно поздние и среди которых есть образцы посуды, украшенной в позднесахарнянской манере, демонстрируют лишь простые варианты оттисков фигурных штампов.

Хотя в целом традиция фигурных штампов развивалась в русле орнаментики культур штампованной керамики, все же есть и отличительные для местной посуды черты. Например, украшение налепных упоров такими отпечатками на чернолесской посуде отличается от характерной для керамики Козии-Сахарны манеры декорирования (рис. 5,8,9). Свообразным вариантом использования штампов является размещение оттисков группами – по два или больше, в частности в форме отдельной фигуры (треугольник или ромб) (рис. 5,5; 11,7,24). Укажем также, что популярность фигурных штампов различается для разных коллекций. Например, на Тясминском городище ими украшено лишь 4% орнаментированной столовой посуды, а на Калантаевском этот показатель составляет 22%. Несмотря на широкое распространение керамики с фигурными оттисками на территории Среднего Поднепровья, самих орнаментированных комплексов исследуемого периода пока не обнаружено. Един-

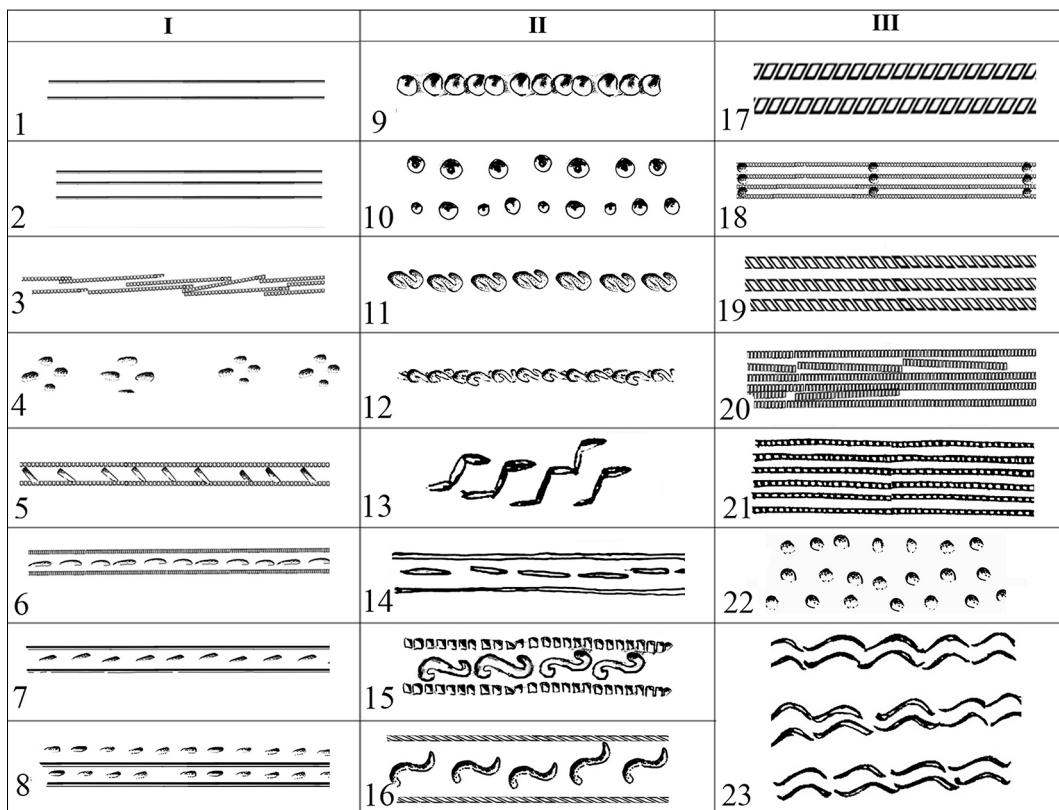

Рис. 7. Мотивы горизонтального пояса (I – белогрудовские, II, III – чернолесские).

Fig. 7. Motives of the horizontal band (I – Belogrudovka, II, III – Chernoles).

ственный образец, который происходит из материалов Плисиков-Чернявки (рис. 3,4), судя по найденной там же керамике, следует относить к жаботинскому времени [Movsha 1962].

Общей чертой белогрудовских и чернолесских орнаментов выступает применение в геометрических узорах накольчатого декора («зерновидные наколы», «зерновой орнамент»). Наколы наносили заостренным или закругленным, изредка затупленным, концом палочки, обычно под углом к поверхности посудины (рис. 6). Значительная часть орнаментов керамики классических белогрудовских памятников (В. Андрушовка, Суботов) содержит такие наколы как в качестве заполнения или обрамления мотивов, так и отдельных фигур (рис. 7,5-8; 9,1-6; 11,5). Такими, в частности, являются треугольники (т.н. «виноградные гроздья») и ромбы, которыми обычно заполняли пространство между основными узорами композиции, реже наколами выстраивали отдельный узор (рис. 7,4; 11,10-13). В чернолесское время их место занимают фигурные штампы. Сами же наколы встречаются значительно реже, как правило, в

заполнения внутреннего пространства фигур, в редких случаях – как отдельный мотив (рис. 6,2,4; 8,20; 11,24). Новым в применение наколов является способ имитации ими зубчатых отпечатков. В этом случае орнаментальный пояс сначала наносили слабыми прорезанными линиями, поверх которых перпендикулярно к поверхности углубляли наколы (рис. 6,1,5). Не исключено, что подобная техника предвосхищает традицию имитации зубчатого штампа с помощью т.н. «щеточки» в раннежаботинское время [Daragan, Kashuba 2008, 47].

В орнаментации белогрудовской посуды часто совмещали прорезанные или штампованные линии с наколами, фигурными отисками, а также налепными элементами (рис. 9,1-8; 10,6-8; 11,4-14). Такой обычай получает свое развитие и в чернолесское время, правда, в некоторых случаях имеет отличия. Например, сочетание техник таким образом, что штампованные линии формируют границы пояса узоров, в то время как сами фигуры исполнены прорезанными линиями (рис. 9,15; 12,12). Подобное «вытеснение» штампованны-

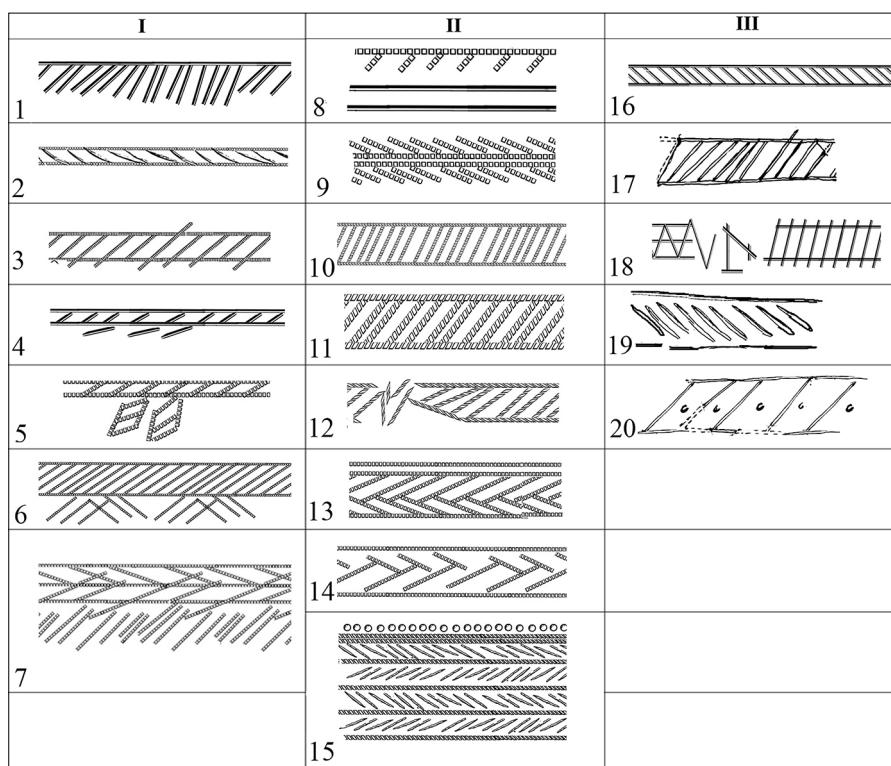

Рис. 8. Мотив «лесенка» (I – белогрудовские, II, III – чернолесские).

Fig. 8. Ladder motif (I – Belogrudovka, II, III – Chernoles).

го орнамента прочерченным более характерно для позднесахарнянской и связанной с ней раннекабинской орнаментикой, в которой она получает более ощутимое распространение [Daragan, Kashuba 2008, 51].

Подводя итоги сравнения техник, используемых в орнаментации белогрудовской и чернолесской лощеной посуды, выделим следующие особенности:

1. Ключевое отличие ранних орнаментов заключается в применении отпечатков мелко-зубчатого и прямого штампов, в то время как в чернолесское время более распространённым становится крупнозубчатый и «псевдошнуровой». Также существенным является включение, пусть и частичное, в местную систему декора каннелюров.

2. Простые разновидности фигурных штампов спорадически появляются уже в белогрудовское время, но относительно массовым явлением они становятся только для орнаментов чернолесской керамики. Иногда они образуют самостоятельные узоры или украшают верхушки фигур, следуя традиции культуры штамповкой керамики.

3. Общим для всей белогрудовской-чернолесской геометрической орнаментации выступает обычай комбинирования различных техник декора в рамках одной композиции.

И наконец, рассмотрим особенности самих мотивов геометрических орнаментов. Ранней чертой можно считать преобладание «открытых» узоров – без ограничивающей снизу линии [Kashuba 2000, 340]. Такой обычай бытует в и дальнейшем, но для чернолесской орнаментации все же более характерны «закрытые» мотивы.

Общие черты проявляются прежде всего в простых мотивах, развивающихся практически без существенных изменений. Это касается различных вариантов узоров в виде горизонтального пояса, усложнение которых в чернолесское время происходило зачастую за счет новых приемов декора (рис. 7,9-23). Таким, например, является вариант из двух сплошных линий, между которыми размещен ряд отдельных элементов. Наиболее простой его вариант – пояс из прочерченных или зубчатых линий, с нанесенными внутри наколами или отпечатками плоского штампа (рис. 5,1;

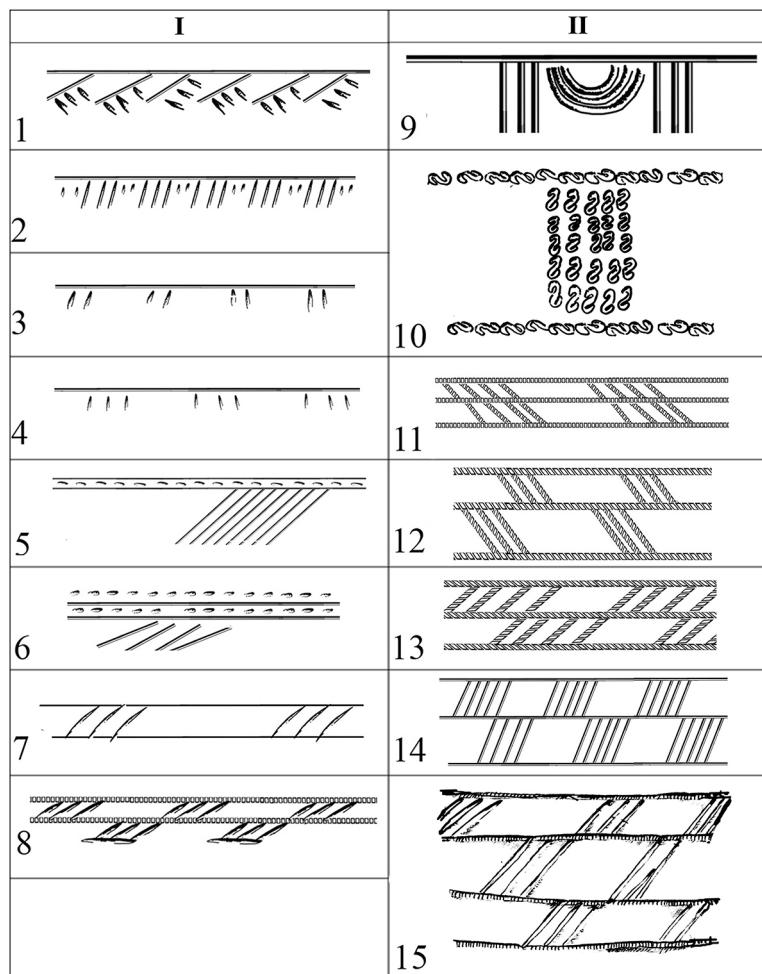

Рис. 9. Мотив «заштрихованные поля» (I – белогрудовские, II – чернолесские).

Fig. 9. Shaded fields motif (I – Belogrudovka, II – Chernoles).

7,5-8,14-16). В чернолесских орнаментах он чаще имеет вид двух линий зубчатых отпечатков, между которыми размещены S-образные или круглые оттиски (рис. 13,12,16,17).

В белогрудовское время одним из наиболее распространённых геометрических мотивов является «лесенка» – полоса параллельных отрезков (рис. 8,1-7). Для его нанесения использовали зубчатые и прочерченные линии, наряду с «открытым» вариантом часто встречается и «закрытый». В чернолесской орнаментации он продолжает существование практически без серьезных изменений, сохраняется и его двухрядный вариант – «елочка» (рис. 8,8-20). Некоторое исключение составляют лишь появление каннелированной «лесенки» (рис. 6,1-7).

Еще один мотив, схожий с предыдущим, это «заштрихованные поля». В белогрудовское время наиболее распространён «открытый» вариант, в нанесении которого часто применялись техники плоского штампа и наколов (рис. 9,1-8). Позже распространён «закрытый» вариант, для нанесения которого применялись все основные приемы декора, кроме канелюра (рис. 9,9-15). Уже в раннее время известен его «шахматный» вариант, который относительно массово вариант появляется только в чернолесской орнаментации (рис. 9,8,12-15).

Такой мотив как «паркет» на позднебронзовой керамике употреблялся преимущественно в «открытом» варианте, особенно массово он представлен в орнаментах столовой посуды Собковки, где зачастую комбинировался с налепными шишеками (рис. 10,1-9). Это сближает ее с посудой раннегальштатских древностей типа Холеркань-Тамэоань-Балта, где он наиболее распространен в прочерченном виде [Vanchugov 1990, ris. 28, 5,7,12; Levički 1997, 216-256]. В данном случае происходит заимствование геометрического мотива в комплексе с налепными элементами, хотя в местном декоре часто вместо прочерченных линий используется мелкозубчатый штамп. В чернолесское время «паркет» наносили как зубчатыми, так и прочерченными линиями (примерно поровну), изредка – наколами (рис. 10,10-20). Также встречается его усложненный вариант – «зеркальный паркет», состоящий из двух рядов, которые обратно симметричны относительно друг друга (рис. 10,21). В отличии от белогрудовских узоров, он использовался почти всегда в «закрытом» варианте, а также редко сочетался с другими типами орнамента, определенное исключение составляют сложные прочерченные композиции на пиксидах и корчагах (рис. 12,6,7).

Общим для геометрической орнаментации лесостепной керамики в формировании мотивов зигзагов и треугольников, является

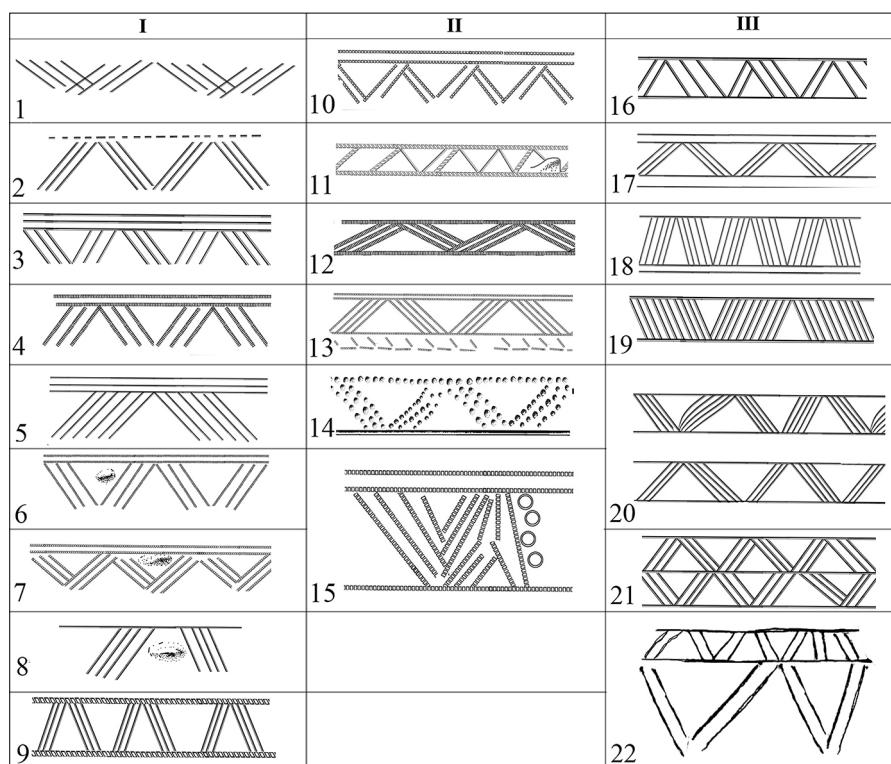

Рис. 10. Мотив «паркет» (I – белогрудовские, II, III – чернолесские).

Fig. 10. Parquet motif (I – Belogrudovka, II, III – Chernoles).

то, что их порою сложно четко разграничить (рис. 11). Для чернолесского времени зигзаг как отдельный узор является более характерным (рис. 11,28-30). Так же и треугольники, в отличии от широких белогрудовских, по форме более близки к прямоугольным (рис. 6,1-3,5-9,18-27). В то же время их заполнение – косая штриховка, «вложенные углы», отпечатки штампов и наколы – идентичны для обоих горизонтов (рис. 11,1-3,5-9,13-17,18-27). Ранние узоры иногда окантованы отпечатками плоского штампа или наколами, этими же техниками созданы треугольники и ромбы, которые иногда заполняют пространство между фигурами (рис. 11,5-9,12,13). В чернолесское время эта традиция исчезает, зато появляются треугольники, ориентированные вверх (рис. 11,25-27). Известны также и новые мотивы, в основе которых лежат более сложные (ромбы) или криволинейные фигуры (концентрические полукружности) (рис. 2,9,10; 12,1-3).

Некоторые распространенные сочетания геометрических мотивов, типичные для белогрудовской орнаментации, продолжают бытовать и позже. Большинство двурядных ком-

позиций сформировано по единой схеме. Так, верхнюю часть составляет горизонтальный пояс, состоящий из разных вариантов горизонтальных линий, «лесенки» или «заштрихованных полей». Ниже – зигзаги или треугольники, ориентированные верхушкой вниз, заштрихованные или заполненные «вложенными углами» (рис. 11,3-6,8-9,19,21-22,29-30).

Особенности геометрических орнаментов белогрудовской керамики, развивавшихся в общей для позднебронзовой орнаментики, подразумевали формирование пояса из одинаковых или сходных фигур, размещенных ритмично вдоль одной оси симметрии. Даже в многорядных композициях в рамках каждого орнаментального уровня соблюдается этот принцип организации узоров. В чернолесское время появляются мотивы, построение которых существенно отличалось от позднебронзовой традиции. К ним относятся разные варианты «шахматных» треугольников, зональные и розеточные орнаменты (рис. 12,3-5,8-13). Наиболее ярко это отличие проявляется в резных композициях пиксид, в которых размещение разных геометрических фигур

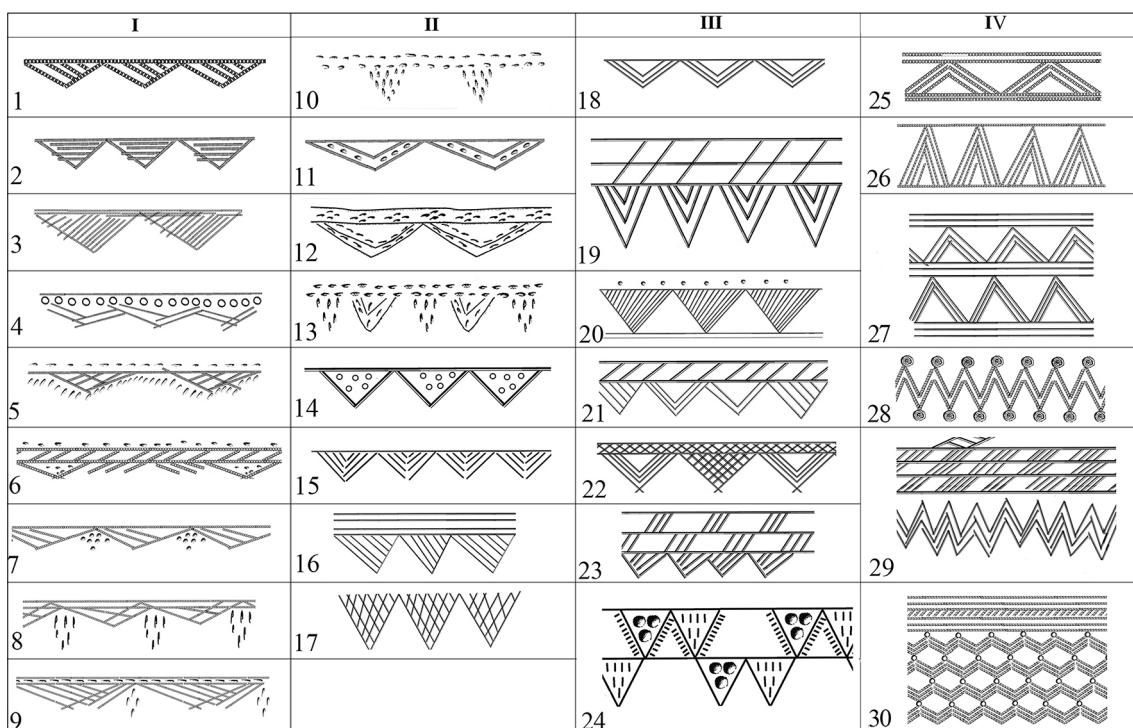

Рис. 11. Мотивы зигзагов и треугольников (I, II – белогрудовские, III, IV – чернолесские).

Fig. 11. Zigzag and triangles motives (I, II, – Belogrudovka, III, IV – Chernoles).

подчинено более сложным типам симметрии (рис. 12,6-7,12-13). Подобные новации появляются в лесостепных комплексах как результат позднесахарнянских влияний, но дальнейшее развитие получают в последующий период.

Таким образом, для развития декора кухонной посуды можно констатировать эволюционный характер изменений, происходивших не столько благодаря инновациям, сколько за счет вариативности и частоты использования уже известных приемов и мотивов. Совершенно иная картина наблюдается в развитии орнаментов лощёной керамики чернолесского времени. Прежде всего замечено уменьшение доли орнаментов из наколов, а также исчезновение техники плоского штампа. Их место занимают фигурные штампы, происхождение которых связано с культурами штампованной керамики. Вместе с этим практически полностью исчезает обычай окантовывать композицию рядами оттисков (наколами, штампами), как и обычай заполнять пространство между ними дополнительными фигурами.

Чернолесская геометрическая орнаментация сохраняет ощутимый запас черт, харак-

терных для позднебронзовой эпохи. Преимущественно это узоры в виде одно- и двурядных орнаментальных поясков, среди которых иногда встречаются «открытые» варианты. Традиционные мотивы (пояс горизонтальных линий, «лесенка», «паркет») становятся более разнообразными прежде всего за счет расширения набора технических приемов – разных типов зубчатых, фигурных штампов и каннелюр, а также их сочетаний. Их усложнение достигается многорядностью самих орнаментов, что в свою очередь расширяет орнаментальный поясок, существенно увеличивая декорированную часть поверхности посудины. Такие мотивы как зигзаги и треугольники ощутимо изменяются под западным влиянием. По ряду особенностей чернолесские орнаменты выглядят все-таки как более свойственные раннекоринфскому времени, в том числе и вследствие применения иных принципов организации узоров, выражавшихся как в усложнении самих фигур, так и в построении композиций.

Ключевым отличием чернолесских геометрических узоров является большая степень гальштатизированности, связанная в первую очередь с распространением традиций куль-

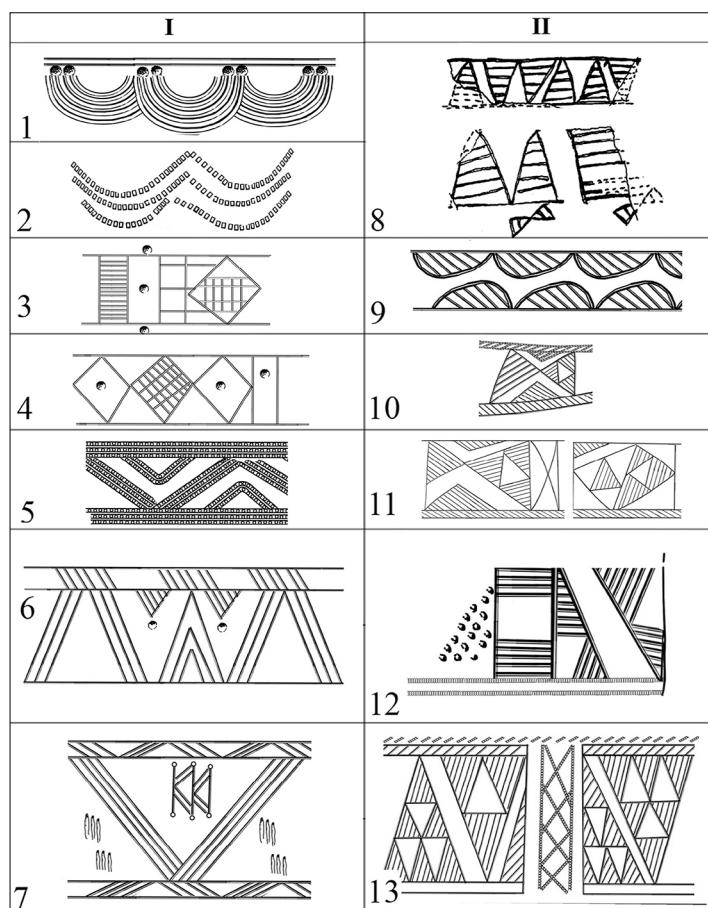

Рис. 12. Редкие мотивы.

Fig. 12. Rare motives.

тур штампованной керамики, а также определенными влияниями каннеллированного гальштата. Все это соответствует первой модели гальштатизации, которая подразумевает распространение влияний на основе инфильтрации части носителей культуры в местную среду [Levitskii, Kashuba 2016, 125-126]. Такой характер процессов подтверждается наличием в чернолесских коллекциях образцов кухонных посудин карпато-дунайского происхождения. В то же время, распространение такой категории керамики как пиксиды, вероятно ритуального предназначения, позволяет предположить, что какая-то часть мигрантов могла быть связана с культовыми практиками. Хотя с полной уверенностью об этом можно утверждать только для следующего, жаботинского периода [Daragan 2011, 760-761].

Белогрудовская геометрическая орнаментация, развивавшаяся в общей тенденции орнаментов поздне-бронзовой эпохи, характеризуется наличием стандартизированного набора приемов декора и мотивов, что определяет ее значительную гомогенность. В чернолесское время такая целостность нарушается, наряду с развитием традиционных техник и узоров появляется большое количество новаций, придающих ей разнообразный вид. На смену времени определенного «канона» в геометрических орнаментах приходит период «творческого поиска», что связано с изменением характера и ритма этнокультурных процессов и знаменует наступление новой – раннегородской эпохи.

Библиография

- Berezanskaia 1985:** S.S. Berezanskaia, Belogrudovskaia kul'tura. In: Arheologiya Ukrainskoi SSR, 1985, 499-512 // С.С. Березанская, Белогрудовская культура. В: Археология Украинской ССР, 1985, 499-512.
- Berezanskaia et al. 1986:** S.S. Berezanskaia, V.V. Otroshenko, N.N. Cherednichenko, I.N. Sharafutdinova, Kult'ury epokhi bronzy na Ukraine (Kiev 1986) // С.С. Березанская, В.В. Отрощенко, Н.Н. Чередниченко, И.Н. Шарафутдинова, Культуры эпохи бронзы на Украине (Киев 1986).
- Daragan 2005:** M.N. Daragan, O finale kultury Pozdnego Chernoles'ia v Sredнем Podneprov'e. In: Na poshanu Sofii Stanislavovni Berezans'koi (Kyiv 2005), 286-296 // М.Н. Дараган, О finale культуры Позднего Чернолесья в Среднем Поднепровье. В: На пошану Софії Станіславовни Березанської (Київ 2005), 286-296.
- Daragan 2011:** M.N. Daragan, Nachalo rannego zhelez'nogo veka v Dneprovskoi Pravoberezhnoi Lesostepi (Kiev 2011) // М.Н. Дараган, Начало раннего железного века в Днепровской Правобережной Лесостепи (Киев 2011).
- Daragan, Kashuba 2008:** M. Daragan, M. Kashuba, Argumenty k rannei date osnovaniia Zhabotinskogo poseleniiia. RA IV, 2, 2008, 40-74 // М. Дараган, М. Кашуба, Аргументы к ранней дате основания Жаботинского

- поселения. RA IV, 2, 2008, 40-74.
- Gershkovich 1998:** Ia.P. Gershkovich, Etnokul'turnye sviazi v epokhu pozdnei bronzy v svete khronologicheskogo sootnosheniia pamiatnikov. AA 7, 1998, 61-91 // Я.П. Гершкович, Этнокультурные связи в эпоху поздней бронзы в свете хронологического соотношения памятников. AA 7, 1998, 61-91.
- Gershkovich 2016:** Ia.P. Gershkovich, Subotovskoe gorodishche (Kiev 2016) // Я.П. Гершкович, Суботовское городище (Киев 2016).
- Gumă 1993:** M. Gumă, Civilizația primei epoci a fierului în sud-vestul României (București 1993).
- Iconomu 1997:** C. Iconomu, Les recherches archeologiques sur le premier age du fer dans le department de Iasi. Resultats et Problemes. In: Premier age du fer aux bouches du danube et dans les regions autor de la mer noire (Tulcea 1997), 119-125.
- Il'inskaia 1975:** V.A. Il'inskaia, Ranneskifskie kurgany basseina r.Tiasmin (VII-VI vv. do n.e.) (Kiev 1975) // В.А. Ильинская, Раннескифские курганы бассейна р.Тисмин (VII-VI вв. до н.э.) (Киев 1975).
- Kashuba 2000:** M.T. Kashuba, Rannee zhelezo v lesostepi mezhdu Dnestrom i Siretom (Kul'tura Kozia-Sakharna). Stratum plus 3, 2000, 241-488 // М.Т. Кашуба, Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом (Культура Козия-Сахарна). Stratum plus 3, 2000, 241-488.
- Khraban 1971:** G.Iu. Khraban, Pam'iatki chornolis'koi kulturi na Umanshchini. Arkheologiiia 2, 1971, 81-87// Г.Ю. Храбан, Пам'ятки черноліської культури на Уманщині. Археологія 2, 1971, 81-87.
- Kovpanenko 1967:** G.T. Kovpanenko, Plemena skifs'kogo chasu na Vorskli (Kyiv 1967) // Г.Т. Ковпаненко, Племена скіфського часу на Ворсклі (Київ 1967).
- Kurinnii 1927:** P.P. Kurinnii, Rozkopi Bilogradivs'kikh mogilopodibnih gorbiv. KZ VUAK za 1926 rik, 1927, 79-83 // П.П. Курінний, Розкопи Білогрудівських могилоподібних горбів. КЗ ВУАК за 1926 рік, 1927, 79-83.
- Kushtan 2013:** D.P. Kushtan, Pivden' Lisostepovogo Podniprov'ia za dobi piznoi bronzi (Donets'k 2013) // Д.П. Куштан, Південь Лісостепового Подніпров'я за доби пізньої бронзи (Донецьк 2013).
- Levițki 1994:** O. Levițki, Cultura hallstattului canelat la răsărit de Carpați. Biblioteca Thracologica VII (București 1994).
- Levițki 1997:** O. Levițki, Complexe tumulare din epoca hallstattiană din Moldova. In: Premier age du fer aux bouches du danube et dans les regions autor de la mer noire (Tulcea 1997), 149-161.
- Levitskii 2002:** O. G. Levitskii, Rannegal'shtatskie obshchnosti i kul'tura Belozerka v Severnom Prichernomor'e – o dialoge mirov. In: Severnoe Prichernomor'e: ot eneolita k antichnosti (Tiraspol' 2002), 180-205 // О.Г. Левицкий, Раннегальштатские общности и культура Белозерка в Северном Причерноморье – о диалоге миров. В: Северное Причерноморье: от энеолита к античности (Тирасполь 2002), 180-205.
- Levitskii, Kashuba 2016:** O.G. Levitskii, M.T. Kashuba, "Gal'shtattizatsiia" Karpato-Dnestrovskogo regiona: mi-gratsia naseleniya ili kul'turnye vliianiia. ADIU 2(19), 2016, 124-139 // О.Г. Левицкий, М.Т. Кашуба, «Гальштаттизация» Карпато-Днестровского региона: миграция населения или культурные влияния. АДІУ 2(19), 2016, 124-139.
- Lysenko 2008:** S.D. Lysenko, Belogrudovskii gorizont Malopolovetskogo arheologicheskogo kompleksa na Kievshchine. RA 4, 2008, 100-134 // С.Д. Лысенко, Белогрудовский горизонт Малополовецкого археологического комплекса на Киевщине. RA 4, 2008, 100-134.
- Meliukova 1979:** A.I. Meliukova, Skifia i frakiskii mir (Moskva 1979) // А.И. Мелиукова, Скифия и фракийский мир (Москва 1979).
- Meliukova 1982:** A.I. Meliukova, Novye dannye o keramike tipa Sakharna-Soloncheny v Moldavii. KSIA179, 1982, 3-12 // А.И. Мелиукова, Новые данные о керамике типа Сахарна-Солончены в Молдавии. КСИА 179, 1982, 3-12.
- Meliukova 1989:** A.I. Meliukova, Kult'ury predskifskogo perioda v lesostepnoi zone. In: Step'i evropeiskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia (Moskva 1989), 16-29 // А.И. Мелиукова, Культуры предскифского периода в лесостепной зоне. В: Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время (Москва 1989), 16-29.
- Morintz 1987:** S. Morintz, Noi date și probleme privind perioadele hasllstattiană timpurie și mijlocie în zona istro-pontică (Cercetările de la Babadag). TD VIII, 1987, 39-71.
- Morintz, Roman 1969:** S. Morintz, P. Roman, Un nou grup hallstattian timpuriu în sud-vestul României-Insula-Banului. SCIV 20, 3, 1969, 393-424.
- Morintz, Juganaru 1995:** S. Morintz, G. Juganaru, Raport privind săpăturile arheologice efectuate în sectorul V al așezării hallstattiene de la Babadag (1991-1992). Peuce 11, 1995, 177-202.
- Nichik, Ailinkei 2003:** A. Nichik, S. Ailinkei, K voprosu o tekhnike naneseniiia shtampovannogo dekora na rannegal'shtatskoi loshchenoi stolovoi keramike Karpato-Dunaisko-Pontiiskogo regiona. Ukrainskii keramologichni zhurnal 1, 2003, 97-107 // А. Ничик, С. Айлинкэй, К вопросу о технике нанесения штампованного декора на раннегальштатской лощеной столовой керамике Карпато-Дунайско-Понтийского региона.

Український керамологічний журнал 1, 2003, 97-107.

Peftits' 2005: D.M. Peftits', Figurni shtampi v ornamentuvanni chornolis'koї keramiki Sered'noї Naddniprianshchini. Magisterium 20, 2005, 53-58 // Д.М. Пефтиць, Фігурні штампи в орнаментуванні чорноліської кераміки Середньої Наддніпрянщини. Магістеріум 20, 2005, 53-58.

Peftits' 2020: D.M. Peftits', Keramichni kompleks poseleñnia dobi pizn'oї bronzi Eristivka II. Sivershchina v istorii Ukraïni, 2020, 86-91 // Д.М. Пефтиць, Керамічний комплекс поселення доби пізньої бронзи Єристівка II. Сіверщина в історії України, 2020, 86-91.

Pokrovs'ka et al. 1971: E.F. Pokrovs'ka, V.G. Petrenko, G.T. Kovpanenko, Poseleñnia VIII-VII st. do n.e. pobлизу s. Hreshchatik na Kanivshchini (Cherkas'kii raion). Arkheologiiia 2, 1971, 94-109 // Е.Ф. Покровська, В.Г. Петренко, Г.Т. Ковпаненко, Поселення VIII-VII ст. до н.е. поблизу с. Хрестатик на Канівщині (Черкаський район). Археологія 2, 1971, 94-109.

Rybalova 1999: V.D. Rybalova, Dva poselenia predskifskogo vremeni na Levoberezhie Srednego Dnestra i nekotorye problemy belogrudovskoi kultury (po materialam razvedki Iugo-Podol'skoi ekspeditsii v 1953-1954 gg.). Arkheologicheskie vesti 6, 1999, 321-343 // В.Д. Рыбалова, Два поселения предскифского времени на Левобережье Среднего Днестра и некоторые проблемы белогрудовской культуры (по материалам разведки Юго-Подольской экспедиции в 1953-1954 гг.). Археологические вести 6, 1999, 321-343.

Romanchuk 2001-2002: A.A. Romanchuk, Kul'tura Sakharna-Solonchen' i vozniknovenie ornamentirovannogo gal'shtata. Stratum plus 3, 2001-2002, 8-117 // А.А. Романчук, Культура Сахарна-Солонченъ и возникновение орнаментированного гальштата. Stratum plus 3, 2001-2002, 8-117.

Romashko 1995: V.A. Romashko, Pozdnii bronzovy vek v pogranich'e lesostepi i stepi Levoberezhnoi Ukrayny (Dnepropetrovsk 1995) // В.А. Ромашко, Поздний бронзовый век в пограничье лесостепи и степи Левобережной Украины (Днепропетровск 1995).

Romashko 2013: V.A. Romashko, Zakliuchitel'nyi etap pozdnego bronzovogo veka Levoberezhnoi Ukrayny (po materialam boguslavsko-belozereskoi kultury) (Kiev 2013) // В.А. Ромашко, Заключительный этап позднего бронзового века Левобережной Украины (по материалам богуславско-белозерской культуры) (Киев 2013).

Smirnova 1984: G.I. Smirnova, O formirovaniii pozdnechernolesskoi kultury na Sredнем Dnestre. ASGE 25, 1984, 43-60 // Г.И. Смирнова, О формировании позднечернолесской культуры на Среднем Днестре. АСГЭ 25, 1984, 43-60.

Smirnova 1990: G.I. Smirnova, Pamiatniki tipa Kishinev-Korlaten' v Dnistro-Siretskom mezhdurech'e i gruppa Belegish II v Jugoslavskom Podunav'e. ASGE 30, 1990, 20-33 // Г.И. Смирнова, Памятники типа Кишинев-Корлатень в Днестро-Сиретском междуречье и группа Белегиш II в Югославском Подунавье. АСГЭ 30, 1990, 20-33.

Smirnova Kashuba 1988: G.I. Smirnova, M.T. Kashuba, O dvukh lokal'nykh gruppakh kultury pozdnego Chernoles'ia na Sredнем Dnestre. ASGE 29, 1988, 18-28 // Г.И. Смирнова, М.Т. Кашиба, О двух локальных группах культуры позднего Чернолесья на Среднем Днестре. АСГЭ 29, 1988, 18-28.

Stoianov 1997: T. Stoianov, Mogilen nekropol ot rannozheleznata epokha «Sborianovo» I (Sofia 1997) // Т. Стоянов, Могилен некропол от ранножелезната епоха «Сборяново» I (София 1997).

Terenozhkin 1961: A.I. Terenozhkin, Predskifskii period na Dneprovskom pravoberezhie (Kiev 1961) // А.И. Тереножкин, Предскифский период на Днепровском правобережье (Киев 1961).

Topoleanu, Jugănaru 1995: F. Topoleanu, G. Jugănaru, Așezarea de tip Babadag de la Niculițel – „Cornet” (Județul Tulcea). Săpăturile de salvare efectuate în 1988. Peuce XI, 1995, 203-229.

Vanchugov 1990: V.P. Vanchugov, Belozerskie pamiatniki v Severnom Prichernomor'e (Kiev 1990) // В.П. Ванчугов, Белозерские памятники в Северном Причерноморье (Киев 1990).

Дмитрий Пефтиц, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела истории и археологии Национального заповедника «Киево-Печерская Лавра», ул. Лаврская 9, 01015, Киев, Украина, e-mail: filoktet18@gmail.com

Arsen Harutyunyan

The Inscriptions of the Church Utensils of Tatev Monastery (Republic of Armenia, Region of Syunik)

Keywords: Tatev Monastery, inscription, plate, donator, vardapet, master, stamp-mark.

Cuvinte cheie: mănăstirea Tatev, inscripție, platou, donator, vardapet, meșter, ștanță.

Ключевые слова: Татевский монастырь, надпись, тарелья, даритель, вардапет, мастер, печать.

Arsen Harutyunyan

The Inscriptions of the Church Utensils of Tatev Monastery (Republic of Armenia, Region of Syunik)

The written sources of the history of famous spiritual and cultural center of Tatev monastery of medieval Armenia (at present in the Syunik region of Republic of Armenia) aren't only the epigraphs and colophons of manuscripts, but also the inscriptions of various church artefacts. Some of them are kept in the History museum of Armenia and were studied at the beginning of 1960's yet. 10 inscribed copper plates kept in the Tatev monastery didn't deserve of special attention till today. The inscriptions of plates, which are dated to second half of the 18th century are short memories, in which are testified the names of donators, the monastery which received donations and the clagymans who moved the items. The plates are remarkable with its round stamp-marks of masters or workshops, which are kept on the external side of the bottom and are decorated with crosses, almonds and floral ornaments. At present 2 of them are exhibited in the newly-opened museum of Tatev monastery.

Arsen Harutyunyan

Inscriptii comemorative pe vesela bisericeasca a mănăstirii Tatev (Republica Armenia, regiunea Syunik)

Izvoare scrise pimare ale renumitului centru spiritual și cultural al Armeniei medievale – mănăstirea Tatev (azi în regiunea Syunik, Republica Armenia), sunt nu numai texte epigrafice și inscripții comemorative pe cărțile manuscrise, dar și inscripții pe o varietate de veselă cu character religios. O parte a acestor obiecte se păstrează în Muzeul de Istorie a Armeniei și a fost studiată încă la începutul anilor 60 ai secolului trecut, dar 10 platouri din aramă aflate în mănăstire au rămas în afara atenției cercetătorilor. Textele gravate pe platouri, care datează din a doua jumătate a secolului XVIII, prezintă scurte inscripții comemorative în care sunt documentate numele donatorilor, a celor care au recepționat donația, sau al preoților care au transmis obiectul. Platourile sunt valoroase și prin prezența în partea exterioară a bazelor a ștanțelor de formă cruciformă, de migdale sau florale a meșterului sau atelierului producător. Două dintre ele sunt expuse în muzeul recent deschis în incinta mănăstirii Tatev.

Арсен Арутюнян

Памятные надписи церковной утвари Татевского монастыря (Республика Армения, область Сюник)

Письменными первоисточниками знаменательного духовного и культурного центра средневековой Армении, Татевского монастыря (современная область Сюник Республики Армения), являются не только данные эпиграфики и памятные записи рукописных книг, но и надписи на разнообразных предметах церковной утвари. Некоторая часть этих предметов хранится в Музее истории Армении и изучалась еще в начале 1960-ых, однако находящиеся в храме 10 медных тарелей с памятными надписями не удостаивались особо внимания исследователей. Гравировки на датируемых второй половиной XVIII века тарелях являются краткими памятными надписями, в которых засвидетельствованы имена дарителей, принимающих дар монастыря, передающих предмет священнослужителем. Тарели примечательны сохранившимися на внешней стороне основания крестообразными, миндалевидными или исполненными в виде цветка округлыми печатями (знаками) мастера-медника либо данной мастерской. Два из этих предметов в настоящее время выставляются в музее, открытом недавно при Татевском монастыре.

Historical overview

Tatev monastery is one of the most famous spiritual and cultural centers of medieval Armenia (fig. 1), where according to legend during the preaching of Christianity was martyred Yevstheus who was a pupil of St. Thaddeus the Apostle (Smbatean 1930, 278). According to historiographer Stepanos Orbelyan, since 4-5th centuries

on the same place there was a church, which was built of dull and uncut stones, where shivered not many monks (Orbelean 1861, 148). Becoming the seat of the Syunik episcopate from the end of the 8th century Tatev monastery obtained new estates through purchases and donations, such as villages, farms, lands etc. In 848 the prince of Syunik Philipe adjacent to the old church built one nave basilica

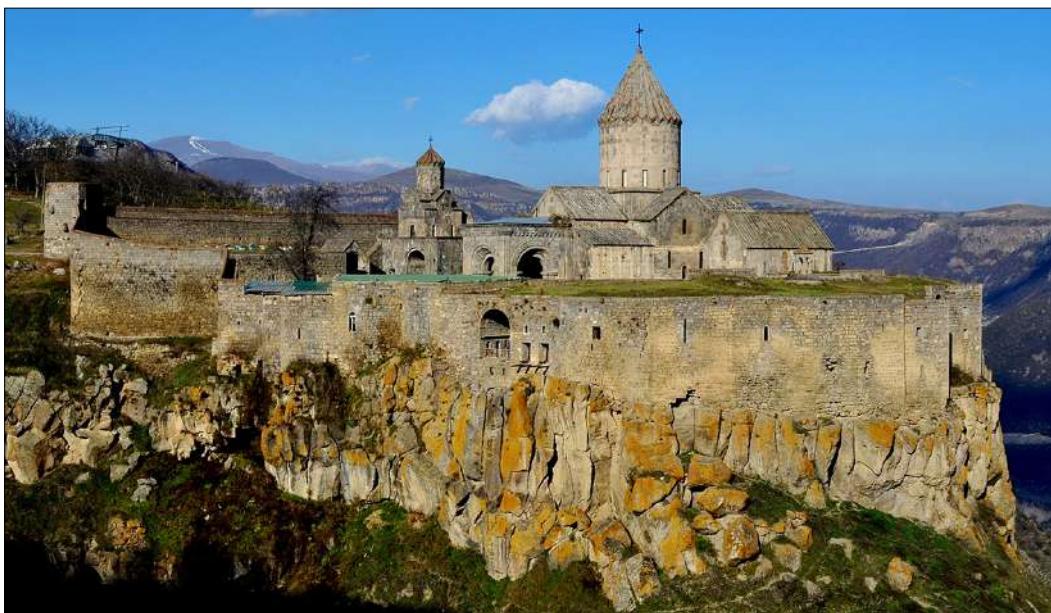

Fig. 1. The general view of Tatev monastery from south-west (2015)

church of St. Gregory the Illuminator (Orbelean 1861, 154). At the end of the 9th century on the place of old church was built the general temple of St. Paul and St. Peter (895-906) by initiative of Bishop Hovhannes and with the help a group of princes of Syunik (Orbelean 1861, 162-163; Yakobsson 1947, 304). It should be noted, that Armenian king Smbat I Bagratuni, catholicos Havhannes V Draskhanakerttsi, as well as a visible princes and spirituals of Syunik participated in the solemn opening of the temple (Orbelean 1861, 165). In 930 by initiative of Bishop Hakob Dvinetsi of Syunik and by masters probably invited from Italy the walls of temple are painted (Manukyan 2015, 317). The study of preserved details of frescoes turned that they are pictorially typical in Western European art (Thierry 1968, 242; Durnovo 1979, 148).

Tatev monastery, which became educational and writing center since 9th century was more famous in the 14-15th centuries, when by initiative of Hovhan Vorotnetsi and Grigor Tatevatsi was faunded high school-university in the monastery. During this period a numerous manuscripts are copied in this scriptorium, scribes of which are pupils of the local school (Gevorgian 2003, 156-170). Tatev didn't lose its former glory and importance in the 17-18th centuries too. During the reign of Movses Tatevatsi (1629-1633) and future catholicoes the monastery continued to be active, having about 500 members of monastic congrega-

tion. The construction of the monastic, economic and other auxiliary buildings, which are attached to the fortress, testifies about a large congregation of monastery (Ter-Movsisyan 1938, 20-21).

The written sources of the monastery

The reliable sources of the history of monastic complex are colophons of manuscripts and about 300 epigraphs¹, which are kept on the ancient walls of the monastic buildings and other monuments – khachkars (cross-stones) and tombstones. Besides them for the study of the history of the 17-18th centuries of abovementioned religion center is remarkable also the collection of the church inscribed utensils (pix-cover, silver cross, ephod, incense box, stole, cymbals, plate, chasuble, chalice etc.), most of which were moved to the History museum of Armenia during the Soviet period. Previously they were studied and published by the researcher of museum Yevgine Musheghyan. In the catalog of inscribed church artefacts of the museum's collection there are 28 different utensils and other items from Tatev monastery, the earliest of which is a wooden door of the St. Gregory the Illuminator church, which is dated to 1253. Other items, which dedicated to the Tatev monastery are mostly dated to the 18th

1. Only 93 epigraphs from Tatev monastery are published in the 2nd volume of "Corpus of Armenian Epigraphs" (Barkhudaryan 1960, 13-39). Earlier 146 epigraphs are published by Archbishop Mesrop Magistros Ter-Movsisyan (Ter-Movsisyan 138, 44-53).

Fig. 2. a-b. The plates, which are exhibited in the newly-opened museum of Tatev monastery (2019)

century (Musheghyan 1964). It is interesting, that according to inscription of one of the silver blessing cross, in 1751 it was dedicated to the St. Astvatsatsin church of Tatev's Mets (Big) hermitage («ի դրւոն Դարձելու Մեծ անսպասին, որ է Ար. Սասուածածնա»), in memory of mahtesi² Dovlat and Ohan (Musheghyan 1964, 71₄₅). According to another inscription of the silver clasp of chasuble, in 1768 it was dedicated to the St. Minas church of Tatev village («...ես Դարձելոյ զեղին Ար. Մինասայ Եկեղեցնւ»), in happy memory of Margar's son Khosrov, who was from Aghandz village (Musheghyan 1964, 150₂₈₄).

It should be noted, that property dedicated to the monasteries and churches (manuscript, curtain, utensils etc.) was usually inscribed³. The main reason was the expectation of donators to deserve for mentioning and their soul's salvation, due to which regardless of the type of subject, the written "formula" of mentioning is almost the same. (Harutyunyan 2019, 319-320). The nice proof of this are numerous

copper plates discovered in the basement of Etchmiadzin printing house in 1896, 1613 of which had Armenian inscriptions (Hakobyan 1990, 81). In the inscriptions of the copper utensils of the Armenian Ethnographic museum of Sardarapat, for expectation of memory the donators dedicated different donations to the St. Hakobants monastery of Jerusalem, St. Astvatsatsin church of Etchmiadzin, St. Step'anos church of Arzakan (Kotayk region of Republic of Armenia), St. Sargis church of Khoy town (at present in Iran), St. Grigor of Masiros village (province of Van, in Turkey) (Harutyunyan, Babajanyan 2019, 1424, 145-148₁₁₋₁₄). According to another inscription, which is preserved on the copper pitcher in the museum of St. Astvatsatsin church of Budapest, it was dedicated to the St. Hakob church of Opum village (Opyun, province of Diarbekir, in Turkey) (Harutyunyan, Khudanyan 2016, 145₁₄).

The collection of the copper plates of Tatev monastery

During our archaeological and epigraphical investigations of Tatev monastery and surrounding monuments (since 2014) turned out that in monastery are kept the collection of inscribed copper plates which were dedicated to the monastery in the second half of the 18th century by different donators. Those are 10, 2 of which since October 2019 are exhibited in the newly-opened museum of monastery⁴ (fig. 2a, b).

2. Mahtesi title means the pilgrim who went to the tomb of Christ in Jerusalem.

3. In general, the material of museums rich in inscribed samples of household and church artefacts is more or less known to science from different exhibitions (also in abroad) and published catalogs (Ghazaryan 1984; Hovhannisyan 1997; Ayvazyan et al. 2007; Poghosyan et al. 2008; Tokmajian 2016). In separate exhibits are also rich the collections of Hermitage museum (Saint Petersburg), the Catholicosate of Cilicia of Antelias, the Armenian patriarchates of Jerusalem and Constantinopol, the museum of primacy of Aleppo, the museum of St. Astvatsatsin church of Budapest and other spiritual-cultural centers.

4. After renovation of the previously stud, which attached to the northern entrance of the fortress of monastery and aux-

The epigraphist Grigor Grigoryan in his archival materials also mentioned about inscribed plates collection of Tatev monastery. According to him the plates are 6 and were found in 1980. Grigoryan deciphered the inscriptions of plates, 2 of which aren't in our collection. One of them was dedicated to the Tatev monastery in memory of some Sargis, another in memory of mahtesi Grigor, both are dated 1776.

a. Յ[Ի]Շ[Ա]Տ[Ա]Կ Է ՍԱՐ[Գ]ԻՒԻՆ, Ի Դ[ՈՒ]ՌՆ ՏԱԹԵՒՈՒ ՎԱՆԻՑՆ, ԶԵՌԱՄԲ ՕՎԱԷՓ Վ[Ա]ՐԴԴ[Ա]ՊԵՏԻՆ, ԹՎ[ԻՆ] ՈՒԻԵ.-ԻՆ (1776):

In memory of Sargis, to the Tatev monastery, by Vardapet (Archimandrite) Ovsep' in 1776.

b. Յ[Ի]Շ[Ա]Տ[Ա]Կ Է Ս[Ա]Հ[ՏԵՍ]Ի Ի ԳՐԻԳՈՐԻՆ, Ի Դ[ՈՒ]ՌՆ ՏԱԴԷՈՒ ՎԱՆԻՑ, ԶԵՌԱՄԲ ՕՎԱԷՓ Վ[Ա]ՐԴԴ[Ա]ՊԵՏԻՆ, ԹՎ[ԻՆ] ՈՒԻԵ. (1776):

In memory of mahtesi Grigor, to the Tatev monastery, by Vardapet Ovsep' in 1776⁵.

There is a one plate from Tatev monastery in the collection of History museum of Armenia, which undoubtedly was a part of the same group.

c. Յ[Ի]Շ[Ա]Տ[Ա]Կ Է ԱԿՈԲԻՆ, Ի Դ[ՈՒ]ՌՆ Ը[Ն] ՏԱԴԵՒՈՒ ՎԱՆԻՑ, ԶԵՌԱՄԲ ՕՎԱԷՓ Վ[Ա]ՐԴԴ[Ա]ՊԵՏԻՆ, ԹՎ[ԻՆ] ՈՒԻԵ. (1776) (Musheghyan 1964, 141₂₄₆).

In memory of Akob, to the Tatev monastery, by Vardapet Ovsep' in 1776.

Vardapet Ovsep', whose name was evidenced at the end of the abovementioned inscriptions was a legate or one of the clergymans of Tatev monastery, who for some reason went to another place (perhaps a city), where the donators, mentioned

iliary buildings of the western part of the same fortress some halls have been turned into museum, where are exhibited some khachkars (cross-stones) of yard, one of the copper bells named after Stepanos Orbelyan, the copies of the manuscripts written in Tatev monastery and other cultural values. The coordination of the exhibits of the museum was carried out with our consultation by Priest Sevak Saribekyan, the director of the "Ruben Sevak" art museum of Mother See of Holy Etchmiadzin, to whom I would like to express my gratitude for the opportunity to study the objects and to take photos.

5. Epigraphist Grigor Grigoryan of happy memory planned to compile an additional volume of "Corpus of Armenian Epigraphy" containing the epigraphs of historical Syunik, which remained incomplete but were preserved – the letters reduced by the carver and restored by us are indicated.

in the inscriptions, sent with him the plates to the Tatev monastery as a gift. The uniformity of inscriptions and identity of dates testified about the donations, which carried out by the residents of the same settlement, by which dictation were compiled the inscriptions too⁶. There are a numerous examples not only about donations of plates, but also about manuscripts, old printing books, covers, dressing etc., which were dedicated to the monasteries or churches by legates or clergymans. On different occasions being in the Armenian colonies and enjoying the trust and sympathy of the local people legates or clergymans moved the donations to the St. Etchmiadzin or other Armenian famous spiritual center (in this case to the Tatev monastery). For that reason, the names of legates or clergymans transferring the donations, sometimes were mentioned on the donated artefacts (Malkhasyan 2011, 13, 52, 54, 58, 69 etc.).

Unlike to our assumption Yevgenie Musheghyan the title of vardapet, which are mentioned at the end of inscriptions, considered as a copper-smith. According to some inscriptions of plates from History museum of Armenia she wants to substantiate the idea, according to which in the 18th century the copper-smiths, who acted mostly in Tokhat⁷, were called as a vardpet, varpet or vardapet. For instance, Musheghyan mentioned the names of masters Ohan, Agheksandr and Ghazar⁸, who acted in Tokhat noticing that on the own plates inscriptions Agheksandr was remembered as a varpet, vardpet and vardapet (Musheghyan 1964, 6). So, in this context the word "ձեռամբ" (by) means not "dedicated by", but "ձեռամբ շինեցու" (made by). For instance, the inscription of the binding of Gospel of silver-plated of Grigor Tuments is the following. «Յիշատակ է արծաթապատ Աւետարանս Տիրամայր Արք. Աստվածածնին, շինեցաւ ձեռամբ խօճայ Թումենց Գրիգորին. ամէն, թվին ՈՒԺԷ».

6. Our colleague, expert in Arabic Mihran Minasyan prompted us about this version (11. 07. 2020).

7. The centers of copperworks in the 18-19th centuries were also Kesaria, Sebastia, Kars, Van, Jugha, Yerznka, Aleksandropol (at present Gyumri), where the copper-smiths made household and church utensils satisfying the several requirements of population (Poghosyan et al. 2008, 11).

8. During the repair works of old Apartments of catholicos of St. Etchmiadzin carried out the archaeological excavations (by N. Hakobyan), at which time was found a copper plate with the name of Ghazar Vardapet (Harutyunyan 2016, 68₄₃).

(1768)» (Malkhasyan 2011, 36-37) (This silver-plated Gospel in memory of Tiramayr (Holy Mother of God) St. Astvatsatsin church, which made by khoja (merchant) Tuments Grigor, in 1768).

In our opinion, both in epigraphs and in metal items inscriptions the word "vardapet" mostly is abbreviated, such as վրդ (vrdt), վրդպտ (vrdpt), վրպտ (vrpt), which according to content we can decipher as a "vardapet" (archimandrite). Perhaps, the reason of this confusion is a not correct decipherment, according to which Yevgine Musheghyan the clergymans mentioning in the inscriptions considered as masters of utensils. Moreover, in the inscriptions of household and church utensils known to us, the masters usually didn't mention themselves by name, but they were satisfied only with the master's stamp-marks, which are preserved on the bottoms of plates or sometimes with the stamp-marks containing the abbreviated name of masters (Harutyunyan, Babajanyan 2019, 145¹⁰).

Compiling the inscriptions of plates, the engraver used ligatures and abbreviations which are typical in epigraphs. The vowel contractions are

mentioned with small horizontal particles. For example, due to that trick turned out that Ovsep' is mentioned as a vardapet, because there are small particles in the place of two a (ui) letters. By the same way also are mentioned the letters of date. The beginning and the end of the inscriptions are mentioned with similar vegetal ornaments. More interesting are stamp-marks of masters, which are stamped on the external side of plate's bottoms. On the plates mentioning the name of Ovsep' Vardapet there are round stamps, which are decorated with crosses, according to which we can be assumed that they are the personal stamp-marks of the same master (fig. 3a-c). Other 4 plates are made by two different masters, 2 of them there are stamps with almonds, another 2 with the floral ornaments (fig. 4a-c).

Two plates from our collection have a uniform inscriptions so below we will present only 8. The similar shaped wares present shallow plates or bowls with a proto-conical profile, having a low ring-form bottom and a pronounced flat rim. The bowls are coated with a tin layer, occasionally worn out. The simple decoration consists of engraved linear ornaments. The bowls bear master's

Fig. 3 a-c. The stamp-marks of masters decorated with crosses.

Fig. 4 a-c. Other stamp-marks of masters.

or workshop's stampmarks on the external side of the bottom. Considering the similarity of these

wares we will present only their sizes, technical condition and decipherment of inscriptions. One

1. Copper plate, diameter 17 cm, diameter of bottom 10 cm, height 3.5 cm.

Condition – The body of plate is gap from bottom. It is inclined.

Inscription – On the external side of rim, carved and convex letters, 1 line.

Յ[Ի]Շ[Ա]Տ[Ա]Կ է ԳՐԻԳՈՐԻ ՈՐԴԻ ՂՈՒԿԱՍ, Ի Դ[ՈՒ]ՌՆ ՏԱԹԵՒՈՒ ՎԱՆԻՑ,
ՌԱՄԻՆ. (1775):

In memory of Grigor's son Ghukas, to the
Tatev monastery, in 1775.

In collection there is a one plate with the same inscription too. In fact, that the inscription was compiled by two severel engravers. At first was an only convex part, which was later used in the text of the carved inscription. Two different writing and time of inscriptions usually are considered the memories of first and second donators (Musheghyan 1964, 6), while in this case there isn't second name, so owner of plate Grigor's son Ghukas it was dedicated to the Tatev monastery in 1775, accordingly, the date and name of the monastery were added on the plate as a monastery, which received the donation.

2. Copper plate, diameter 19 cm, diameter of bottom 10.5 cm, height 5 cm.

Condition – The body of plate is gap from bottom. It is inclined. The tin layer partly eroded.

Inscription – On the rim, carved letters, 1 line.

Յ[Ի]Շ[Ա]Տ[Ա]Կ է ԱՐՈՒԹԲԻՆԻ, ՍՐՓՈՒԿԻՆ, Ի Դ[ՈՒ]ՌՆ ՏԱԹԵՒՈՒ ՎԱՆԻՑ,
ԶԵՌԱՍՎ ՕՎԱԷՓ Վ[Ա]ՐԴ[Ա]ՊԵՏԻՆ, ԹՎ[ԻՆ] ՌԱՄԻՆ. (1776):

In memory of Arutin, Srp'uk, to the Tatev monastery, by Vardapet Ovsep', in 1776.

It is possible that Arutin and Srpuk (perhaps it is the wheedling form of the name Srbuhi) are spouses. In the abovementioned period we couldn't find Ovsep' Vardapet, who acted in the Tatev monastery. As for the Etchmiadzin's legation in the second half of the 18th century, that two persons by that name are mentioned, one of which was appointed a legate in India in 1767 and died in 1772 (Khachatryan 2004, 96), so earlier than the date of inscription and second, who was appointed a leader of diocese of Russia and legate by Simeon Yerevantsi catholicos in 1773 was the Hovsep' Arghutyan (Khachatryan 2004, 117). It is difficult to say whether Ovsep', who was testified in the inscriptions of Tatev's plates, belongs to the same Arghutyan. It should be noted that Vardapet Ovsep', who was mentioned in the inscriptions couldn't be legate but some clargyman who received the plates as a donation during his trip.

3. Copper plate, diameter 16.5 cm, diameter of bottom 8.5 cm, height 3.5 cm.

Condition – The bottom is gap. It is transformed.

Inscription – On the rim, carved letters, 1 line.

Յ[Ի]Շ[Ա]Տ[Ա]Կ ՕՎԱՆԷՍԻՆ, Ի Դ[ՈՒ]ՌՆ ՏԱԹԵՒՈՒ ՎԱՆԻՑՆ,
ԶԵՒԱՄԲ ՕՎԱԷՓ Վ[Ա]ՐԴՎ[Ա]ՊԵՏԻՆ, ԹՎ[ԻՆ] ՈՒԻԵ.-ԻՆ (1776):
In memory of Ovanes, to the Tatev monastery, by Vardapet Ovsep' in 1776.

4. Copper plate, diameter 17.5 cm, diameter of bottom 9.5 cm, height 4 cm.

Condition – The artefact is transformed and inclined. The tin layer partly eroded.

Inscription – On the rim, carved letters, 1 line.

Յ[Ի]Շ[Ա]Տ[ԱԿ] Է ՊԵՏՐՈՍԻՆ, Ի Դ[ՈՒ]ՌՆ ԹԱԹԵՒՈՒ ԱՌԱՔԵԼՈՒՆ, ՈՒԻԵ.-ԻՆ (1776):
In memory of Petros, to the T'ate (T'ateu) Apostle, in 1776.

It is very interesting evidence about the name of T'ate Apostle, which is connected to the above-

mentioned Yevstateus, who was martyred in that place, so this inscription confirms the legend. On the north-east of the monastery is preserved a dilapidated chapel named after St. Yevstateus. According to previously abbot of monastery Bishop Artak Smbatyan, this chapel, as a sanctuary, at present hasn't importance for the pilgrims (Smbatean 1930, 279).

5. Copper plate, diameter 17 cm, diameter of bottom 10 cm, height 3.5 cm.

Condition – Satisfactory, the tin layer partly eroded.

Inscription – On the rim, carved letters, 1 line.

Յ[Ի]Շ[Ա]Տ[Ա]Կ Է ՍԻՄՈՆԻՆ, Ի Դ[ՈՒ]ՇՆ ՏԱԹԵՒՈՒ ՎԱՆԻՑՆ,
ԶԵՌԱՍՄ ՕՎՍԵՓ Վ[Ա]ՐԴ[Ա]ՊԵՏԻՆ, ԹՎ[ԻՆ] ՌԱՄԻԵ.-ԻՆ (1776):
In memory of Simon, to the Tatev monastery, by Vardapet Ovsep' in 1776.

6. Copper plate, diameter 18.5 cm, diameter of bottom 10 cm, height 3.5 cm.

Condition – The rim about 4 cm is cut, as a result of which the inscription is damaged.

Inscription – On the rim, carved letters, 1 line.

Յ[Ի]Շ[Ա]Տ[Ա]Կ Է ՏԱԼԻԹԵՔԻՆ, ՍԱՐԳԻՍԻՆ, Ի Դ[ՈՒ]ՇՆ ՏԱԹԵՒՈՒ ՎԱՆԻՑՆ,
ԶԵՌԱՍՄ ՕՎ[ՍԵՓ ՎԱՐԴԱՊԵԴ]ԵՏԻՆ, ԹՎ[ԻՆ] ՌԱՄԻԵ.-ԻՆ (1776):
In memory of Talite, Sargis, to the Tatev monastery, by Vardapet Ovsep' in 1776.

Mentioned in the inscription Talite and Sargis perhaps are also spouses. The name Talita several times was testified in written sources of the 12-15th centuries and later it is rarely (Acharyan 1962, 135).

7. Copper plate, diameter 18.5 cm, diameter of bottom 10 cm, height 3.5 cm.

Condition – The bottom is transformed.

Inscription – On the rim, carved letters, 1 line.

Յ[Ի]Շ[Ա]Տ[Ա]Կ Է ՏԻՐԱՑՈՒ ԱՐՈՒԹԻՒՆ, Ի Դ[ՈՒ]ՇՆ ՏԱԹԵՒՈՒ ՎԱՆԻՑՆ,
ՉԵՌԱՄԲ ՕՎԱԷՓ Վ[Ա]ՐԴՎ[Ա]ՊԵՏԻՆ, ԹՎ[ԻՆ] ՌԱՒԻԵ.-ԻՆ (1776):

In memory of sacristan Arutin, to the Tatev monastery, by Vardapet Ovsep, in 1776.

8. Copper plate, diameter 18 cm, diameter of bottom 10.5 cm, height 3 cm.

Condition – Satisfactory.

Inscription – On the external side of rim, carved and convex letters, 1 line.

Յ[Ի]Շ[Ա]Տ[Ա]Կ Է ՇՆԱԹԱՂՑԻ ՖՈԱՆԿՈՒԼԻ ՈՐԴԻ ԱՐՈՒԹԻՒՆ, Ի Դ[ՈՒ]ՇՆ ՏԱԹԵՒՈՒ:

In memory of Shnataghtsi Frankul's son Arut, to the Tatev monastery.

of them is dated 1775, others 1776 and one undated.

In collection there is a one plate with the same inscription too. The artefact hasn't correct date, but according to paleographic features it was also we can date to the 18th century. This inscription was also compiled by two engravers and carved part was added during the donation. Mentioned in inscription Shnatagh (or Shinatagh) village is evidenced in the new list of the tax-paying villages of Tatev monastery (Alishan 1893, 209). There are famous clergymans from this village. Bishop Hovhannes Shnataghtsi built economic buildings of monastery in the 17th century and at the beginning of 18th century Bishop Minas Shnataghtsi rebuilt

northern fortress of the same monastery and adjacent studs (Yakobson 1947, 305). At present that village is a Lernashen community of Sisian region (Hakobyan et al. 1988, 578).

Summarizing our research dedicated to the inscribed plate's collection of Tatev monastery, it should be mention the following.

The donation of plates to the Tatev monastery directly testifies the fact that this religion center functioned and had large congregation in the second half of the 18th century too. The donators wishing to deserve mentioning, besides placing khachkars in the church walls and being mentioned nominally adjacent to the carved crosses, donated as well manuscripts, bookstands, bindings,

curtains, dressing and other artefacts to the sanctuaries, among them is the church and household utensils of monastic congregation. At the request

of donators are compiled the inscriptions on them, many of which passed to us as a nice evidences of the former large congregation of monasteries.

Bibliography

- Alishan 1893:** Gh. Alishan, Sisakan. Topography of Province of Syunik (Venice 1893) (in Armenian).
- Acharyan 1962:** H. Acharyan, Dictionary of Armenian Personal Names, v. V (Yerevan 1962) (in Armenian).
- Ayvazyan et al. 2007:** Saint Armenia: History and Culture, from Biblical Armenia to the end of 18th century, Catalog of Exhibition, Edited by H. Ayvazyan, A. Grigoryan, A. Banuchyan, A. priest Karapetyan (Yerevan 2007) (in Armenian).
- Barkhudaryan 1960:** “Corpus of Armenian Epigraphy”, v. II, the Regions of Goris, Sisian and Ghap’an, by S. Barkhudaryan (Yerevan 1960) (in Armenian).
- Durnovo 1979:** L. Durnovo, Essays on the Fine Arts of Medieval Armenia (Moscow 1979) // Л. Дурново, Очерки изобразительного искусства средневековой Армении (Москва 1979).
- Gevorgian 2003:** A. Gevorgian, The Art of Miniature of Vayots Dzor and Vorotan of 13-17th centuries (Yerevan 2003) (in Armenian).
- Ghazaryan 1984:** Treasures of Etchmiadzin, Edited by M. Ghazaryan, photos by P. Poghosyan (St. Etchmiadzin 1984) (in Armenian).
- Hakobyan et al. 1988:** T. Hakobyan, S. Melik-Bakhshyan, H. Barseghyan, The Dictionary of Toponyms of Armenia and Surrounding Regions, v. II (Yerevan 1988) (in Armenian).
- Hakobyan 1990:** P. Hakobyan, The Epigraphs of Etchmiadzin by decipherment of Galust Ter-Mkrchyan, “Culture” journal, 1990, N 2-3, pp. 80-88 (in Armenian).
- Hovhannisyan 1997:** Treasures of Armenian Church. Exhibition in the state museum of the Moscow Kremlin, by N. Proto-Archimandrite Hovhannisyan, translated by Kh. Zeytlyan (Moscow 1997) (in Armenian).
- Harutyunyan 2016:** A. Harutyunyan, Vagharshapat, Monasteries and Epigraphic Inscriptions (St. Etchmiadzin 2016) (in Armenian).
- Harutyunyan, Khudanyan 2016:** A. Harutyunyan, H. Khudanyan, The Inscriptions of the Museum Utensils of St. Astvatsatsin Church in Budapest, “Historical-Philological Journal”, 2016, N 2, pp. 137-151 (in Armenian).
- Harutyunyan, Babajanyan 2019:** A. Harutyunyan, A. Babajanyan, Metalwork Items with Inscriptions from the Collection of the Armenian Ethnography Museum in Sardarapat, “Sedrak Barkhudaryan – 120” Collection of Scientific Articles, Edited by G. Sargsyan, A. Harutyunyan (Yerevan 2019) pp. 139-151 (in Armenian).
- Harutyunyan 2019:** Kh. Harutyunyan, The Colophons of the Armenian Manuscripts (Yerevan 2019) (in Armenian).
- Khachatryan 2004:** A. Archimandrite Khachatryan, The Legation in the Armenian Church (10-19th centuries) (St. Etchmiadzin 2004) (in Armenian).
- Malkhasyan 2011:** A. Malkhasyan, The Metal Double Bindings of St. Etchmiadzin (St. Etchmiadzin 2011) (in Armenian).
- Manukyan 2015:** S. Manukyan, The frescoes of Tatev (930), “Genesis Forest” Collected articles in memory of Felix Ter-Martirosov, Edited by Z. Hakobyan, L. Mikayelyan (Yerevan, 2015), pp. 296-325 // С. Манукян, Фрески Татева (930 г.), “Роща Рождения” Сборник статей, посвященный памяти Феликса Тер-Мартиросова, редакторы З. Акопян, Л. Микаелян (Ереван, 2015), с. 296-325.
- Musheghyan 1964:** Catalog of Museum Collections, v. I, The Artefacts with Armenian Inscriptions, by Y. Musheghyan (Yerevan 1964) (in Armenian).
- Orbelean 1861:** Step’anos Orbelean, The History of Sisakan, by M. Emin (Moscow 1861) (in Armenian).
- Poghosyan et al. 2008:** Catalog of Hakob Djelalian’s Donations, by S. Poghosyan, S. Papikyan, A. Asatryan, Z. Tsaturyan, A. Djelalian, Edited by K. Aristakesyan, (Yerevan 2008) (in Armenian and in English).
- Smbatean 1930:** A. Bishop Smbatean, The Short History of Tatev Monastery, “Tatev” Yearbook of Literature and Art, Aleppo-Syria, 1930, pp. 276-350 (in Armenian).
- Ter-Movsisean 1938:** M. Magistros Archbishop Ter-Movsisean, The Monastic Buildings and Churches of the Three Armenian Big Monasteries: Tatev, Haghartsin, Dadi (Jerusalem 1938) (in Armenian).
- Thierry 1968:** N. et M. Thierry, Peintures Murales de Caractere Occidental en Armenie: Eglise Saint-Pierre et

Saint-Paul de Tatev (début du Xe siècle), “Byzantion”, vol. 38, N 1, 1968, pp. 180-242.

Tokmajejan 2016: The Kalemkiarians. Ayntab, Damascus, Aleppo, by H. Tokmajejan (Yerevan 2016) (in Armenian).

Yakobson 1947: A. Yakobson, From the History of Armenian Medieval Architecture, III. Tatev Monastery, “Soviet Archaeology”, v. IX, (Moscow-Leningrad 1947), pp. 303-328 // А. Якобсон, Из истории Армянской средневековой архитектуры. III. Татевский монастырь, “Советская археология” т. IX, (М-Л 1947), с. 303-328.

Arsen Harutyunyan, candidate of historical sciences, senior researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography NAS Republic of Armenia (Yerevan, Charents str. 15) and at the “Matenadaran” – Institute of Ancient Manuscripts after Mesrop Mashtots (Yerevan, Mashtots ave., 53), e-mail: ars.vimagrget@gmail.com

MATERIALE ȘI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVEYS

Мария Лобанова, Дмитрий Киосак

Поселение Шамраи и некоторые вопросы межкультурных контактов в Среднем Побужье на этапе Кукутень А-Триполье В1

Key words: Cucuteni A-Trypillia B1, Southern Buh region, pottery Cucuteni C, intercultural relations.

Cuvinte cheie: Cucuteni A-Tripolie B1, regiunea Bugului de Sud, ceramica Cucuteni C, relații interculturale.

Ключевые слова: Кукутень А-Триполье В1, Побужье, керамика Кукутень С, межкультурные связи.

Mariia Lobanova, Dmytro Kiosak

The settlement of Shamrai and some issues of intercultural contacts in the middle Pobuzhia at the stage Cucuteni A-Tripolye B1

The paper treats a ceramic complex of the settlement of Shamrai (Odesa region, Ukraine). The site belongs to Sabatynivka group of Trypillia B1. The studied material reflected distant contacts with bearers of "Steppe Eneolithic", early Skelia stage of Seredny Stog culture, as well as Gumelnita culture. There are some painted potsherds of Cucuteni A in the collection too.

Mariia Lobanova, Dmytro Kiosak

Așezarea Shamrai și unele aspecte ale contactelor interculturale din zona Bugului mijlociu în etapa Cucuteni A-Tripolye B1

În articol se analizează complexul ceramic din aşezarea Shamrai (regiunea Odesa, Ucraina). Situl aparține grupului Sabatynivka al culturii Tropolie, etapa B1. Materialul cercetat reflectă existența unor contacte interculturale cu purtătorii „Eneoliticului de stepă”, etapa timpurie de tip Skelia a culturii Seredny Stog, precum și cu cei ai culturii Gumelnița. De asemenea, în colecție există și vase pictate de factură Cucuteni A.

Мария Лобанова, Дмитрий Киосак

Поселение Шамраи и некоторые вопросы межкультурных контактов в Среднем Побужье на этапе Кукутень А-Триполье В1

В работе рассматривается керамический комплекс поселения Шамраи (Одесская область, Украина). Памятник относится к сабатиновской группе памятников Триполья В1. Исследованный материал содержит следы контактов с носителями «степного энеолита» раннего скелянского этапа среднестоговской культуры и культурой Гумельница. Также в коллекции присутствует расписная посуда Кукутень А.

Введение

Сабатиновская группа памятников, расположенная в Среднем Побужье – самый восточный анклав Триполья В1, в котором систематически встречается расписная керамика. При этом, в своеобразной материальной культуре этого локального образования имеются и свидетельства разнообразных и отдаленных контактов с иными синхронными обществами [Burdo, 2015]. Поэтому, материалы этой группы играют важную роль в определении природы и пределов влияния прикарпатского центра культурогенеза, связанного с поселениями Кукутень А.

Количество памятников Кукутень А-Триполье В1 Среднего Побужья за последние годы значительно пополнилось [Peresunchak 2012; 2014].

Известные исключительно по подъемному материалу либо по результатам шурfovок, они уже представлены в исследовательских работах и позволяют развить проблему локальных групп памятников [Burdo 2015; Saile et al. 2016a; 2016b; 2016c]. Поселение Шамраи расположено в этом же микрорегионе, лишь в 3 км к северо-западу от известного поселения Березовская ГЭС и в 14 км от эпонимного памятника локальной группы Триполья В1 – Сабатиновки 1. Шурфовки Шамраев принесли необычный материал для изучения.

История изучения памятника

Благодаря исследовательской деятельности А.С. Пересунчака, краеведа, учителя Завальской общеобразовательной школы (пгт Завале, Кировоградская область, Украина)

в 1998-м году было выявлено поселение Кукутень А-Триполье В1 Шамраи [Peresunchak 2012, 151; 2014, 174]. Поселение расположено на землях с. Осички Савранского района Одесской области в 2,2 км от моста в пгт Завалье через р. Южный Буг [Kiosak 2019, 339].

Территория поселения покрыта лесными насаждениями и находится на крутом склоне относительно высокого берега Южного Буга [Peresunchak 2014, 174]. На сегодняшний день памятник находится под угрозой уничтожения в связи со строительными работами.

В период 2011-2017-х гг. поселение исследовалось Подольско-Причерноморской археологической экспедицией Одесского Национального Университета имени И.И. Мечникова и Одесского археологического музея Национальной Академии Наук Украины. Результаты работ – небольшая коллекция подъемного материала и из двух зачисток на дорогах вокруг насаждений. Распространение находок отмечалось на площади 160x120 м [Kiosak 2016, 228].

Впервые общая информация о поселении была опубликована непосредственно А.С. Пересунчаком – автором открытия [Peresunchak 2012, 151; 2014, 174]. Поселение было представлено в контексте новых открытых памятников в Побужье. Отмечалась его локализация и была приведена краткая информация об особенностях находок (керамика с большим количеством ракушки в примеси, кремневые орудия, куски обожженной глины) [Peresunchak 2014, 174].

Рассматривая памятники Среднего Побужья и их локальные варианты, Н.Б. Бурдо предложила расширить понимание сабатиновской группы памятников (памятники типа Сабатиновка 1, памятники типа Березовская ГЭС) и внесла в этот список памятники, открытые А.С. Пересунчаком, в том числе и поселение Шамраи [Burdo 2015, 14, tabl. 2]. В работе рассматривались основные характеристики и особенности материального комплекса памятников сабатиновского типа. В частности, было предложено выделить четыре категории керамики, которые присутствуют в комплексах рассматриваемой группы памятников. Данные категории отличаются орнаментацией (хотя отмечена и распространенная морфология орнаментированных сосудов), обработкой по-

верхностей, а также составом теста, из которого изготовлены сосуды.

Следует отметить, что, несмотря на известность памятников Сабатиновка 1 и Березовская ГЭС, в литературе отсутствует статистическая информация о коллекциях, и, собственно, коллекции не являются полностью опубликованными и доступными широкому научному сообществу [Dobrovols'kii 1941; Passek 1949; Dobrovols'kii 1952; Chernysh, Masson 1982].

Так называемое «степное влияние» – дискуссионная проблема в трипольеведении [Danilenko, Shmaglii 1972; Manzura 2000; Govedarica 2004; Kotova 2004; Manzura 2005; Kotova 2008; Petrenko 2009]. Памятники Побужья занимают определенное место в источниковом базе этой дискуссии. Исследователи поднимают вопрос контактов и обменов населения Кукутень А-Триполье В1 с населением культур степного энеолита. Данная тема рассматривалась с самых первых этапов введения памятников типа Сабатиновка 1 и Березовская ГЭС в научный оборот [Danilenko, Shmaglii 1972; Chernysh, Masson 1982, 198, 204; Burdo 2015, 21-22; Kiosak 2016]. Например, Н.Б. Бурдо, анализируя материалы из Сабатиновки 1 и Березовской ГЭС, отмечала присутствие немногочисленных фрагментов с примесью ракушки, но, по её мнению, подобная характеристика не является основанием для рассмотрения их в качестве импортов [Burdo 2015, 22]. Выразительная керамика с примесью ракушки в тесте стала основой для рассмотрения проблемы контактов Кукутень-Триполье Среднего Побужья со степными энеолитическими культурами («степное влияние») и в недавних работах [Kiosak 2016]. Д.В. Киосаком отмечалась интересная выборка керамики и были проведены параллели с материалами скелянской культуры и второго этапа среднестоговской культуры [Kiosak 2016, 228]. Также Д.В. Киосаком были опубликованы радиоуглеродные даты поселения, которые охватывают период 4322-4243 calBC (1σ) и 4331-4184 calBC (2σ) [Kiosak 2019, tabl. 7-1].

Объекты

Во время разведочных работ Одесского Национального Университета имени И.И. Мечникова и Одесского археологического музея На-

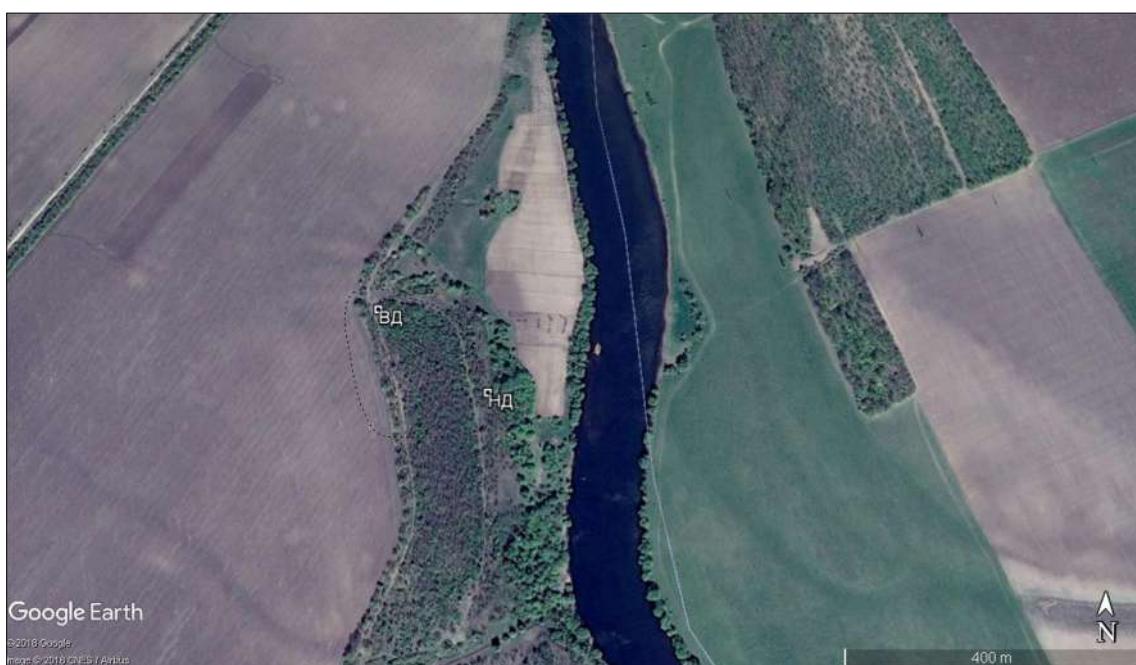

Рис. 1. Шамраи. Пунктиром выделена предположительная площадь поселения. ВД – зачистка при верхней дороге, НД – зачистка при нижней дороге.

Fig. 1. Shamrai. The dotted line is the estimated area of the settlement. ВД – trench at the upper road, НД – trench at the lower road.

циональной академии наук Украины. на поселении были произведены две зачистки (рис. 1).

На месте зачистки «Верхняя дорога» предварительно были найдены фрагменты красноглиняной керамики, фрагменты обмазки. Одно скопление было расчищено. В результате были выявлены остатки площадки. Зачистка была законсервирована.

Зачистка «Нижняя дорога». На крутом склоне, прямо на дороге, было обнаружено компактное (1,5x3 м) скопление фрагментов керамики и обмазки. Обмазка и фрагменты керамики встречались и в осыпях краев дороги. Здесь на поверхности собраны многочисленные обломки керамики, костей, ракушки, отдельные кремневые изделия. Все вещи, без сомнения, происходят из одного объекта, разрушенного строительством дороги, возможно, хозяйственной ямы. Хоть они и были перемещены с первичного места залегания, их численность и компактность залегания оставляют мало сомнений в том, что их можно объединить в один комплекс при анализе.

Керамический комплекс

Коллекция керамических находок с по-

селения включает в себя результаты зачисток на дороге и подъёмный материал. Подробно рассмотрены и обработаны приемами статистического анализа материалы из зачисток (график 1).

Зачистка «Нижняя дорога»

Выборка из зачистки «Нижняя дорога» составляет основную часть коллекции керамических находок поселения Шамраи. Как отмечалось выше, в контексте сабатиновской группы памятников и других локальных вариантов этапа Кукутень А-Триполья В1, Н.Б. Бурдо выделила 4 основные категории керамики: I. керамика с углубленной орнаментацией; II. керамика с рельефно-пластичным декором («кухонная»); III. керамика без орнаментации; IV. расписная керамика [Burdo 2015, 18; 2018, 21]. Неизбежным недостатком исследования коллекции поселения Шамраи является её малочисленность, фрагментированность сосудов, а, следовательно, в большинстве случаев, невозможность реконструкции морфологии сосудов. В данном случае основная работа, кроме редких исключений будет опираться на состав теста и орнаментацию фрагментов. Ниже рассмотрена коллекция Шам-

График 1. Сравнительная таблица керамического комплекса поселения Шамраи. Зеленые колонки – материалы из зачистки «Верхняя дорога». Светло-зелёные колонки – материалы из зачистки «Нижняя дорога».

Graph 1. Comparison table of the ceramic complex from the Shamrai settlement. Green columns are materials from the “Upper Road” trench. Light green columns are materials from the “Lower Road” trench.

раев и ее составляющие сквозь призму обобщенной структуры керамического комплекса поселений Триполья В1 по Н.Б. Бурдо.

С точки зрения орнаментации наибольшей группой является коллекция фрагментов сосудов со штампом, который часто дополнен каннелюрами (график 1). Для сочетания квадратного штампа и каннелюров часто используется горизонтальная композиция (рис. 2,4-5), а в сочетании с круглым штампом, каннелюры чаще образуют разнообразные кри-волинейные формы, концентрические круги (рис. 2,6). Также на сосудах этапа В1 распространено украшение каннелюров лощением. [Palaguta 2016, 67, 143]. Подобная техника прослеживается на семи фрагментах рассматриваемой выборки (рис. 2, 4-5). Рассмотренные фрагменты находят аналогии на памятниках Сабатиновка 1 и Березовская ГЭС [Burdo 2015, ris. 3, 2, 11, 13-17, 20; Palaguta 2016, ris. 82, 4-5, 9-11, 13-14, ris. 83, 2, 4-5].

Сосуды этой группы изготовлены из хорошего отмученного теста жёлтого и тёмно-

серого цветов с примесью известняка, шамота и, иногда, кварцита.

Отметим интересный фрагмент небольшого кубка со сферическим туловом и отогнутым наружу небольшим венчиком (рис. 2,4). Это черепок тонкостенного столового сосуда, изготовленный из глины жёлтого цвета, примеси в составе теста которого не прослеживаются. Диаметр венчика – 5 см. Сосуд орнаментирован квадратным штампом в сочетании с каннелюрами в виде горизонтальных и диагональных, относительно венчика, линий и маленьими овальными ямками на каннелюрах. На венчике сосуда имеется небольшое ушко. По поверхности всего фрагмента прослеживаются остатки лощения.

Фрагменты столовых сосудов данной коллекции также орнаментированы углубленными линиями (рис. 2,1-3,8). Пять из них – части слегка отогнутых венчиков с углубленным орнаментом, в том числе и на его срезе (средняя ширина сечения – 3 мм) (рис. 2,1). Три черепка – с заполнением белой пастой в углубле-

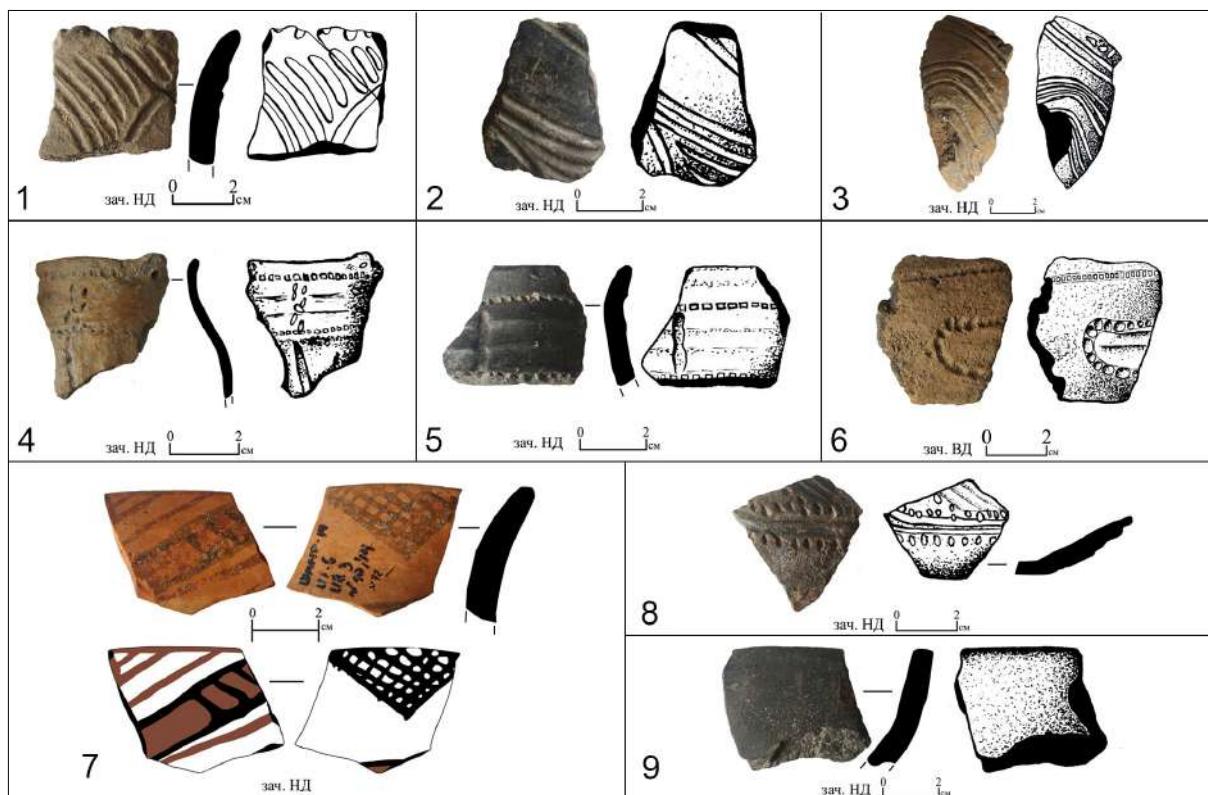

Рис. 2. Фрагменты столовой посуды с поселения Шамраи.

Fig. 2. Fragments of the table ware from the settlement Shamrai.

ниях. Кроме того, в комплексе имеется часть стенки из глины тёмно-серого цвета с остатками красной краски в углублениях (рис. 2,8). Орнаментальная композиция на некоторых сосудах была дополнена лощением. Два фрагмента украшены в том числе в композиции с каннелюрами (рис. 2,8). Сосуды изготовлены из теста жёлтоватого и серого цветов с примесью известняка и хорошо перетёртого шамота. Орнаментация выборки аналогична материалу сабатиновской группы памятников [Burdo 2015, ris. 2, 6, 15-16, 24; Peresunchak 2015, ris. 3-4; Palaguta 2016, ris. 82, 8, ris 83, 3].

Группу «кухонной» керамики предлагаем разделить аналогично схеме, предложенной Н.Б. Бурдо. В её работе «кухонная» керамика относится к отдельной категории с двумя группами [Burdo 2015, 20-22].

К первой группе относятся толстостенные сосуды с грубой примесью в тесте. В рассматриваемой нами коллекции из зачистки «Нижняя дорога» к данной группе можно отнести два черепка: фрагмент дна толстостенного сосуда с примесью кварцита и шамота и

часть стенки сероглинняного сосуда с ямкой.

Ко второй группе «кухонной» керамики относятся обломки сосудов с большим количеством ракушек в тесте. Для описания выборки керамики, состоящей из десяти орнаментированных фрагментов, прежде всего, следует отметить основные характеристики керамики степного энеолита, а именно среднестоговской культуры. Н.С. Котова в своей работе [Kotova 2006] подробно описала особенности данной культуры. Для орнаментации керамики (её восточного варианта) характерным является прочерченный орнамент, с дополнением в виде наколок, ямок и коротких гребенчатых оттисков [Kotova 2006, 94]. Прямо срезанные венчики у такой керамики – наиболее распространенный тип, часто с орнаментом который наносился на данный срез. Керамика западного варианта культуры имеет похожие характеристики с керамикой восточного варианта. Известны сосуды (исключительно горшки) второго и третьего этапов культур [Kotova 2006, 108-109]. Распространенной для западного варианта является штриховка на внеш-

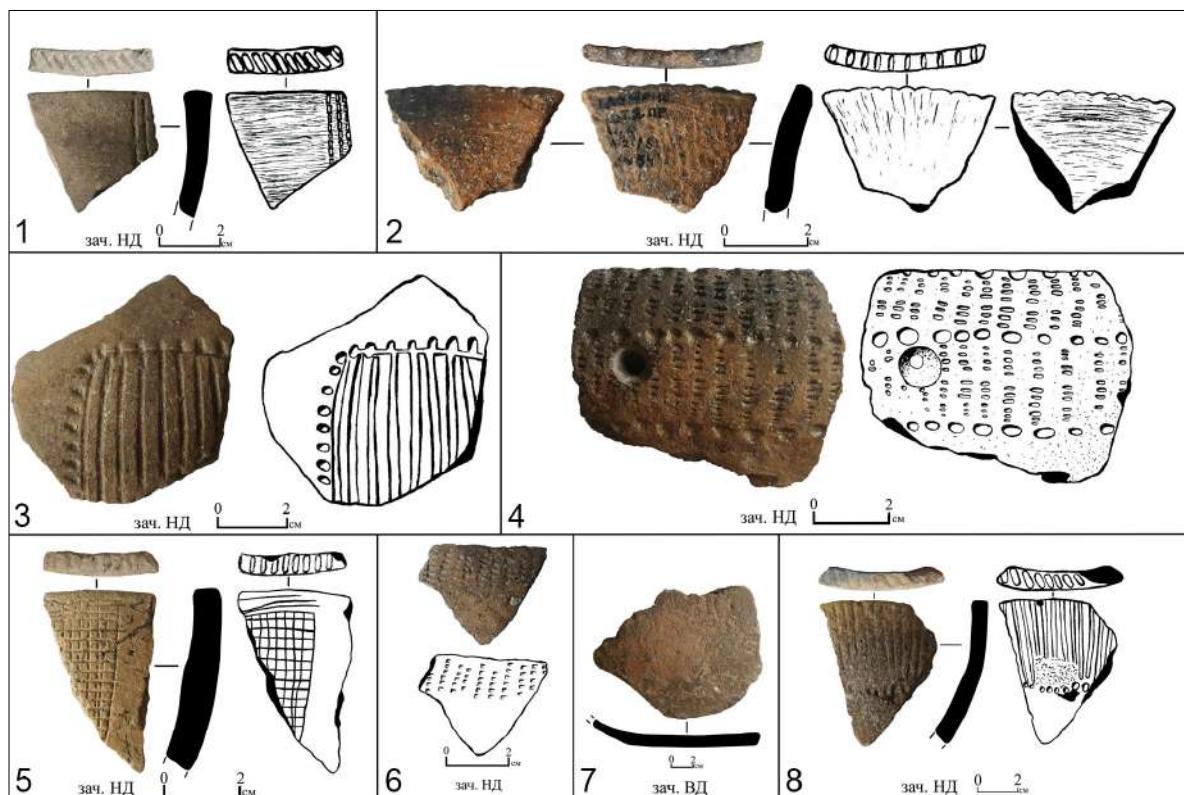

Рис. 3. Фрагменты сосудов с примесью ракушки в тесте с поселения Шамраи.

Fig. 3. Fragments of the shell-tempered pottery from the settlement Shamrai.

ней поверхности сосудов [Kotova 2006, 109].

В комплексе зачистки имеются фрагменты разных форм и орнаментаций. Например, части венчиков сосудов, вероятно, полусферической формы с вышеупомянутым прямо срезанным венчиком и сосудов открытой формы со слегка отогнутым венчиком наружу. Все типы венчиков в комплексе – с насечками (углублениями) на его срезе. Некоторые фрагменты – с ярко выраженным следами заглаживания («расчесывания»), которые проявляются горизонтальными и, реже, вертикальными линиями (рис. 3,1-2). Аналогии этому способу обработки поверхности можно найти среди керамических комплексов культур степного энеолита. Предлагаем рассмотреть данные артефакты подробнее.

Два фрагмента декорированы штампом в виде коротких гребенчатых оттисков (рис. 3,4,6). Один из них – часть стенки сосуда с гребенчатым штампом, рядами круглых ямок и круглым отверстием (рис. 3,4). Данный фрагмент изготовлен из глины серого цвета с примесью ракушки. Н.С. Котова отмечала, что

орнамент (в среднестоговской культуре) наносился либо на венчике, либо на верхней части сосуда [Kotova 2006, 94, 109]. Следовательно, данный фрагмент может быть обломком верхней части сосуда, скорее всего крутого племеника. Орнаментальные соответствия можно найти среди вариантов композиций углубленного орнамента на поселениях Раздольное и Александрия (рис. 3,3) [Kotova 2006, ris. 32, 2, ris. 33, 5, ris. 42, 2]. Интересным является венчик сосуда с прочерченным орнаментом (рис. 3,5). Черепок украшен прочерченными линиями в виде «сеточки» и насечками по самому срезу венчика. Аналогии такому декору, но на сосуде другой формы, встречаются в третьем слое памятника среднестоговской культуры Стрильча Скеля [Kotova 2006, ris. 17, 7]. Интересным также является прямо срезанный венчик сосуда с вертикально нанесенным штампом, овальными диагонально расположенным углублениями на срезе и остатками заглаживания по поверхности снаружи и внутри, с примесью песка в тесте (рис. 3,1). Отметим, что у последних двух рассматриваемых

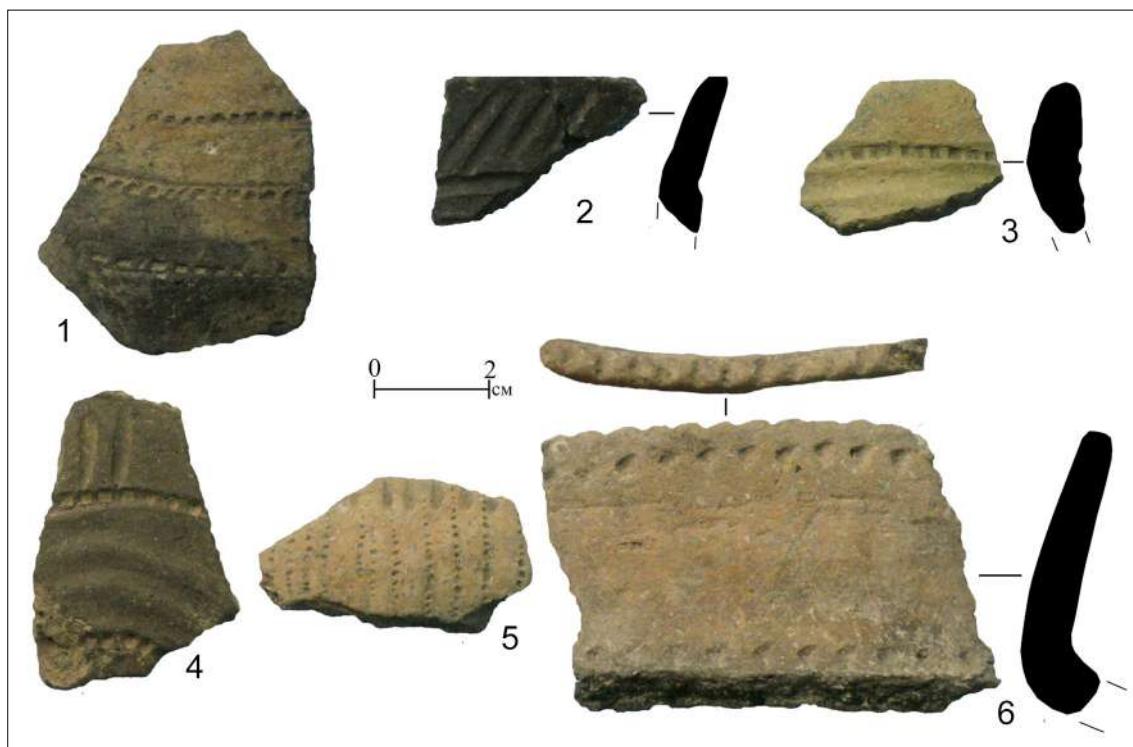

Рис. 4. Фрагменты керамики из коллекции подъёмного материала А.С. Пересунчака.

Fig. 4. Pottery fragments from the O.S. Peresunchak's surface material collection.

фрагментов сосудов хоть и присутствует примесь ракушки, но она не так выражена как у других сосудов из этой выборки.

Ряд выразительных черепков с похожей орнаментацией, обработкой поверхностей и примесью в тесте происходят и из выборки подъемного материала, собранного А.С. Пересунчаком в районе зачистки у «нижней дороги» (рис. 4,5-6).

Наибольшей по количеству категорией керамического материала являются неорнаментированные черепки столовых сосудов из хорошо подготовленного теста. Из представленного материала выделяется только один фрагмент венчика прямой формы с остатками лощения. Остальные находки – высоко или средне фрагментированные (до 5x5 см) части сосудов без орнаментации. Подобные изделия у Н.Б. Бурдо относятся к немногочисленной категории III керамического материала [Burdo 2015, 22]. К сожалению, в коллекциях такого типа, где на памятниках исследовано небольшое количество объектов, либо собран исключительно подъемный материал, данная категория керамики является самой сложной

для анализа ввиду отсутствия целых форм сосудов. Нельзя исключать, что другие части суда, несли на самом деле орнамент.

Расписная керамика – самая малочисленная категория посуды в памятниках Среднего Побужья этапа В1. Её наличие в керамических коллекциях – одна из особенностей сабатиновской группы памятников. Этот элемент их комплекса рассматривался в ряде исследований [Burdo 2015, 22-23; 2018, 29; Palaguta 2016, 143].

В наборе находок из зачистки «Нижняя дорога» имеются четыре фрагмента сосудов, изготовленных из теста красного цвета. Три из них – фрагменты венчиков (один слегла отогнутый наружу) и фрагмент стенки размером до 5x5 см. Подробно будет рассмотрен оставшийся фрагмент – слегка отогнутый наружу венчик, вероятно кубка, с росписью с двух сторон (рис. 2,7).

На внешней стороне, на верхней части венчика, имеется роспись чёрной краской в виде треугольника, заполненного сеткой. В нижней же части, имеется бихромная роспись в виде линий черного и тёмно-красного цветов. Остатки лощения прослеживаются по

всему пространству фрагмента. Орнамент с внешней стороны находит аналогии на поселении Друцы 1. Расписная керамика данного поселения орнаментирована разными вариантами подобных «сеток». Хотя орнаментальный элемент очень похож на обоих поселениях, в Друцах 1 «сетка» не встречается в позиции на сосуде, подобной черепку из Шамраев [Palaguta 2016, ris. 35, 10]. На внутренней стороне его венчика – бихромная роспись чёрной и тёмно-красной красками в виде диагональных линий и «лестницы». Похожую композицию можно найти в подробном каталоге З. Максим-Калмар и Л. Тарча, а именно – категории EG [Maxim-Kalmar, Tarcea 1999, fig. 421]. В комплексе памятника Трушешть-Цугуэта (Trušești-Țuguetă) подобная схема орнамента встречается на кубках с высокой шеей, ярко выраженным плечиками и одинаковым диаметром венчика и донышка [Maxim-Kalmar, Tarcea 1999, 649]. Исследователями отмечалось преобладание в побужских памятниках кубков или горшков с росписью [Burdo 2015, 23; Palaguta 2016, 143].

Особенного внимания заслуживает фрагмент венчика миски (рис. 2,9), который был найден в третьем условном горизонте снятия. Фрагмент изготовлен из хорошо отмученного теста тёмно-серого цвета в срезе, с хорошо измельчённой минеральной примесью и шамотом. На сосуде сохранились остатки лощения на внешней и внутренней сторонах. Подобные характеристики и типы сосудов могут соответствовать материалу культуры Гумельница [Subbotin 2013, 102]. В обобщающей статье для региона Северного Причерноморья, Л.В. Субботин выделяет семь основных типов мисок. Описываемому фрагменту соответствует тип широко открытой миски с уплощенно-полусферической формой. Соответствия таким сосудам известны на поселении Болград [Subbotin 2013, ris. 39, 11]. Тут многочисленны схожие миски открытой формы, без орнаментации. Также аналогичные миски представлены в работе В.С. Бейлекчи, посвященной публикации материалов поселения Вулканешть II [Beilekchi 1978, ris. 48, 9]. Предоставленная там сравнительная таблица профилей мисок содержит подобные формы [Beilekchi 1978, ris. 76].

Зачистка «верхняя дорога»

Найдены из зачистки «Верхняя дорога» содержат несколько интересных фрагментов сосудов, несмотря на свою немногочисленность. Выборка разделена на две технологические группы.

К группе столовой посуды можно отнести два черепка средней фрагментации (до 5x5 см) из глины жёлтого цвета с примесью хорошо растертого песка и шамота, орнаментированные штампом и каннелюрами (рис. 2,6).

Кухонная посуда представлена (14,5x11,2) фрагментом дна и придонной части сосуда из жёлтой глины и примесью ракушки (рис. 3,7). Важной для рассмотрения выступает морфология сосудов в комплексах керамики, особенно, с ярко выраженной примесью ракушки. Рассматриваемый фрагмент дна – плоский. Данный тип, хоть и присутствует в комплексах среднестоговской культуры, но не является самым распространенным, как для западного ареала культуры [Kotova 2006, 108], так и для восточного [Kotova 2006, 94]. Также в коллекции имеются три фрагмента «кухонных» сосудов без орнаментации с примесью грубого шамота в тесте.

Подъемный материал

Следующая выборка не является репрезентативной и не подлежит статистическому анализу, но позволяет дополнить картину керамического материала поселения Шамраи. В коллекции находок отсутствуют неорнаментированные фрагменты сосудов. В подъемном материале имеются фрагменты посуды с характерной орнаментацией для рассматриваемой нами группы памятников: углубленный орнамент (рис. 4,2,4); штамп и каннелюры в горизонтальной и криволинейной композициях (рис. 4,1,3-4), орнаментированная керамика с примесью ракушки (рис. 4,5-6). Последний тип орнаментации в данной коллекции представлен интересными фрагментами. Первый – орнаментирован вертикальным гребенчатым штампом (рис. 4,5), похожим на выше упомянутый сосуд с зачистки «Нижняя дорога» (рис. 3,4). Второй – фрагмент венчика с углублённым орнаментом, в том числе и на срезе (рис. 4,6). Его профиль находит аналогии в комплексах степных энеолитических культур [Kotova 2006, ris. 3, 15].

Дискуссия

Керамический комплекс поселения Шамраи, несмотря на его немногочисленность, является интересным для исследования. Ранее памятник определен, как относящийся к этапу Кукутень А-Триполье В1 в системе сабатиновской локальной группы памятников. Несмотря на недолгие исследования памятника, были найдены материалы, которые позволяют определить дату поселения [Kiosak 2019, 340].

Керамический комплекс Шамраев включает в себя фрагменты, находящие аналогии на других памятниках Среднего Побужья (Сабатиновка 1, Березовская ГЭС, Тополи). Преобладающей является первая категория керамики – керамика с орнаментом, включающим вариации углубленных линий, штампов и канелюров, как и на других поселениях типа Сабатиновка 1.

Разнообразие второй группы «кухонной» керамики – особенность рассматриваемой коллекции. Степное влияние на данную группу памятников рассматривалось ранее в контексте памятников Сабатиновка 1 и Березовская ГЭС [Danilenko, Shmaglīi 1972].

Данная тема для поселения Шамраи также становилась предметом отдельного исследования [Kiosak 2016].

Керамика второго типа категории II по Н.Б. Бурдо из рассматриваемого поселения выразительна не только благодаря примеси ракушки. На некоторых фрагментах присутствует орнаментация и техника, аналогии которым можно найти в побужских керамических комплексах Кукутень-Триполье (прямоугольный штамп, углубленные линии, углубленные сечения на венчиках), на других, орнаментация типичная для степных энеолитических культур (прочерченный орнамент, гребенчатый штамп, выполненный коротким орнаментиром). Формы венчиков и орнаментации находят соответствие среди керамических комплексов среднестоговской культуры на ее скелянском этапе. Высокая фрагментация сосудов не дает реконструировать полностью их форму, в частности донышек сосудов, которые крайне необходимы для поисков аналогий в степном материале. В комплексе есть только один фрагмент плоского дна. Данный тип сосуда редок в комплексах среднестоговской культуры, где более распро-

странены сосуды с острым или круглым дном. Отметим, что в выборке присутствуют и другие «степные» особенности: гребенчатый штамп, прямо срезанные венчики с орнаментацией на срезе, прочерченный орнамент. Такие элементы декора известны в комплексах памятников западного (Стрильча Скеля, третий слой) и восточного (Раздольное) вариантов.

Хронология Шамраев касается известной проблемы датировки Кукутень А-Триполья В1. Серии конвенционных дат, полученных в киевской лаборатории, охватывают промежутки времени значительно более ранние чем диапазоны, установленные по датам из других лабораторий [Rassamakin 2012; Gaskevich 2014]. Однако, не вызывает сомнений внутренняя когерентность обеих серий дат. Поэтому в качестве реперов относительной хронологии им вполне можно доверять. С этой точки зрения, памятники сабатиновской группы поселений (Березовская ГЭС и Сабатиновка 1, [Burdo 2003]) получили датировки в киевской лаборатории синхронные хронологии стоянок раннего этапа среднестоговской культуры, также датированных в упомянутой лаборатории – Стрильча Скеля (4464 ± 73) и Раздольное (4668 ± 92 ; 4481 ± 94) [Kotova 2006, tabl. 14]. Поэтому, вероятны и их взаимные контакты.

Новая дата Шамраев получена принципиально иным методом – ускоренной массспектрометрии и потому не может сравниваться с датами, введенными в научный оборот ранее. При этом, она полнее отражает абсолютную хронологию памятника – 4322–4243 лет до н.э являясь наиболее вероятным периодом его существования.

Расписная керамика – самая малочисленная категория посуды во всех комплексах памятников Среднего Побужья сабатиновского типа. В настоящей работе рассматривались фрагменты красноглиняных сосудов без остатков росписи. В коллекции также присутствует один фрагмент венчика с росписью, аналогии к которой можно найти на поселениях Друцы 1 и Трушешть-Цугуята (*Trušeşti-Tuguieta*). Данные памятники относятся к этапу Кукутень А. Полихромная роспись (мандровый и спиральный орнаменты, на ленте белого цвета, окаймленной черными линиями и штриховкой красными линиями [Palaguta

2016, 143]), которая неоднократно отмечалась как распространенная на памятниках Кукутень А-Триполье В1 [Vinogradova 1983, 95; Burdo 2015, 22-23; Palaguta 2016, 143], не до конца соответствует найденному фрагменту из-за отсутствия на нем белой ленты.

Контакты поселений Кукутень А-Триполье В1 с культурой Гумельница подтверждались как и археологическими материалами, так и синхронностью радиоуглеродных дат [Palaguta, Starkova 2018, 101].

Наличие материалов этой культуры в коллекции может показать еще одно направление взаимосвязей населения Среднего Побужья.

Выводы

Следовательно, изучение небольшой коллекции поселения Шамраи может показать перспективы исследований памятников Среднего Побужья, недавно введенных в научный оборот. В комплексе имеется материал, схожий с коллекциями известных поселений Сабатиновка 1 и Березовская ГЭС. Несомненно, интересными являются контакты с разными культурами (Кукутень, Гумельница, Среднестоговская культура). Фрагменты сосудов с примесью ракушки в тесте – наиболее разнообразны на Шамраях, чем где бы то ни было в комплексах памятников Среднего Побужья. Сложностью в изучении этих памятников в первую очередь выступает отсутствие полностью опубликованных материалов исследований поселений Сабатиновка 1 и Березовская ГЭС и малоизученность новых поселений (известны результаты разведок и шурфовок).

Представляется важным тот факт, что характер обработки поверхностей и обжига керамики со «степными влияниями» из коллекции Шамраев значительно отличается от классической посуды типа Кукутень С, известной на поселениях Триполья В2-С1 [Burdo 2016]. Последняя находит непосредственные аналогии в материалах последующих «стоговского» этапа среднестоговской культуры и дереивской культуры среднего энеолита (в понимании Н.С. Котовой [Kotova 2006, 39, 41]). «Степной компонент» керамического комплекса Шамраев датируется выразительно раньше и находит четкие соответствия в скелянской посуде среднестоговской культуры. Этот факт, подтвержденный

и наблюдениями по другим памятникам (Сабатиновка 1, Березовская ГЭС, Тополи, Каменное-Завалье 1) позволяет рассмотреть вопрос о взаимосвязях между трипольскими общинами и группами подвижных скотоводов степи в диахронной перспективе. Можно предполагать, что объем, интенсивность и характер подобных связей отличались на разных этапах их развития. Поэтому неправомерно переносить выводы, полученные при изучении поздней керамики типа Кукутень С на весь массив свидетельств о «степных» влияниях на керамический комплекс Кукутень-Триполья.

Лишь в 2 км на север от Шамраев находится поселение Каменное-Завалье 1 [Peresunchak 2012, 150]. Оно принесло близкую по составу коллекцию находок, которая также датируется Трипольем В1 и, видимо, относится к сабатиновской локальной группе. Геомагнитной съемкой и последующим шурфованием на памятнике выявлено два полукольцевых рва, ограничивающих жилую зону с напольной стороны [Saile et al 2016c; Kiosak 2019]. В подъемном материале и, в меньшей мере в шурфах, собрана выразительная выборка бифасиальных кремневых наконечников метального вооружения. Как рвы, так и наконечники метательного вооружения относят к доказательствам милитарного характера отношений трипольцев и степняков [Dergachev 2007]. Интересно непосредственное соседство свидетельств «военного» контакта и «мирного» взаимодействия, представленных в материалах Каменного-Завалья 1 и Шамраев, соответственно. Такая картина показывает неоднозначность, многогранность и динамичность трипольско-степных контактов, которые развивались и менялись с течением времени, возможно, и в реальном историческом масштабе – на протяжении жизни одного-двух поколений около 4250 г. до н.э.

Благодарности

Работы на поселение Шамраи были проведены в рамках практики студентов Одесского Национального Университета имени И.И. Мачникова, в которой активное участие принял и автор открытия Александр Пересунчак. Интерпретация данных были сделаны в рамках программы EC Horizont 2020 и гранта Maria Kuri-Skladowska №891737.

Библиография

- Beilekchi 1978:** V.S. Beilekchi, Rannii eneolit nizov Pruta i Dunaia (Gumelnitskie poselenii Vulkaneshty II i Lopatsika v iuzhnoi chasti Moldavskoi SSR) (Kishinev 1978) // В.С. Бейлекчи, Ранний энеолит низов Прута и Дуная (Гумельницкие поселения Вулканешты II и Лопатика в южной части Молдавской ССР) (Кишинев 1978).
- Burdo 2003:** N.B. Burdo, Novye dannye dlja absolutnoi datirovki neolita i rannego eneolita na territorii Ukrayiny. Stratum plus, 2003, 431-446 // Н.Б. Бурдо, Новые данные для абсолютной датировки неолита и раннего энеолита на территории Украины. Stratum plus, 2003, 431-446.
- Burdo 2015:** N. Burdo, Mesto pamiatnikov sabatinovskogo tipa v strukture kul'turnogo kompleksa Kukuten'-Tripol'e. MASP 13, 2015, 11-26 // Н.Б. Бурдо, Место памятников сабатиновского типа в структуре культурного комплекса Кукутень-Триполье. МАСП 13, 2015, 11-26.
- Burdo 2016:** N.B. Burdo, Keramika tipa „Kukuten' C” v keramicheskikh ansamblakh kul'turnogo kompleksa Kukuten'-Tripol'e (Postanovka problemy i kratkaia istoriografiia). Tyragetia X, 2016, 7-38 // Н.Б. Бурдо, Керамика «типа Кукутень С» в керамических ансамблях культурного комплекса Кукутень-Триполье (Постановка проблемы и краткая историография). Tyragetia X, 2016, 7-38.
- Burdo 2018:** N.B. Burdo, Struktura i sotsial'nye modeli kul'tury Kukuten' A – Tripol'e BI. Stratum plus 2, 2018, 17-34 // Н.Б. Бурдо, Структура и социальные модели культуры Кукутень А – Триполье BI. Stratum plus 2, 2018, 17-34.
- Chernysh, Masson 1982:** E.K. Chernysh, V.M. Masson, Eneolit Pravoberezhnoi Ukrayiny i Moldavii. In: (red. V.M. Masson, N.Ia. Merpert) Eneolit SSSR. Arkheologija SSSR (Moskva 1982), 165-320 // Е.К. Черныш, В.М. Массон, Энеолит Правобережной Украины и Молдавии. В: (ред. В.М. Массон, Н.Я. Мерперт) Энеолит СССР. Археология СССР (Москва 1982), 165-320.
- Danilenko, Shmaglia 1972:** V.M. Danilenko, M.M. Shmaglia, Pro odin poverotnii moment v istorii eneolitichnogo naselennia Pivdennoi Evropi. Arkheologija 6, 1972, 3-20 // В.М. Даниленко, М.М. Шмаглій, Про один поворотний момент в історії енеолітичного населення Південної Європи. Археологія 6, 1972, 3-20.
- Dergachev 2007:** V.A. Dergachev, O skipetrakh, o loshadiakh, o voine (Sankt-Petersburg 2007) // В.А. Дергачев, О скіпетрах, о лошадях, о войне (Санкт-Петербург 2007).
- Dobrovolskii 1941:** A.V. Dobrovolskii, Poselenie tripol'skoi kul'tury v s. Sabatinovka na Iuzhnom Buge. MASP 13, [1941] 2016, 270-282 // А.В. Добровольский, Поселение трипольской культуры в с. Сабатиновка на Южном Буге. МАСП 13, [1941] 2016, 270-282.
- Dobrovols'kii 1952:** A.V. Dobrovols'kii, Pershe Sabatinivs'ke poselennia. Arkheologichni pam'iatki URSR IV, 1952, 78-88 // А.В. Добровольський, Перше Сабатинівське поселення. Археологічні пам'ятки УРСР IV, 1952, 78-88.
- Govedarica 2004:** B. Govedarica, Zepterträger - Herrscher der Steppen. Die frühen Ockergräber des Äneolithikums im karpaten-balkanischen Gebiet und im Steppenraum Südost- und Osteuropas (Mainz 2004).
- Gaskevich 2014:** D.L. Gaskevich, Problemi radiovugletsevogo datuvannia bugo-dnistrovskoi neolitichnoi kul'turi. Arkheologija 4, 2014, 3-17. // Д.Л. Гаскевич, Проблеми радіовуглецевого датування буго-дністровської неолітичної культури. Археологія 4, 2014, 3-17.
- Kiosak 2016:** D. Kiosak, „Stepovii vpliv” ta pam'iatki tipu Sabatinivka 1 (za materialami poselennia Shamrai). Starodavne Prichenomor'ia XI, 2016, 226-232 // Д.В. Кюсак, «Степовий вплив» та пам'ятки типу Сабатинівка 1 (за матеріалами поселення Шамраї). Стародавнє Причорномор'я XI, 2016, 226-232.
- Kiosak 2019:** D.V. Kiosak, Krem'iani industrii rannozemlerobskikh suspil'stv Karpato-Dniprovs'kogo regionu: sotsial'nii kontekst ta organizatsiia virobnitstva (Odesa 2019) // Д.В. Кюсак, Крем'яні індустрії ранньоземлеробських суспільств Карпато-Дніпровського регіону: соціальний контекст та організація виробництва (Одеса 2019).
- Kotova 2004:** N.S. Kotova, First cattle-breeders of the steppe Ukraine (the mesolithic-early eneolithic). In: Nomadism and pastoralism between Vistula and Dnieper (Neolithic, Eneolithic and Bronze Age) (Poznan 2004).
- Kotova 2006:** N.S. Kotova, Rannii eneolit stepnogo Podneprov'ia i Priazov'ia (Lugansk 2006) // Н.С. Котова, Ранний энеолит степного Поднепровья и Приазовья (Луганск 2006).
- Kotova 2008:** N.S. Kotova, Early Eneolithic in the Pontic Steppes (Oxford 2008).
- Maxim-Kalmar, Tarcea 1999:** Z. Maxim-Kalmar, L. Tarcea, Analiza matematică și statistică a ceramicii și plasticiei civilizației Cucuteni de la Trușești-Țuguieta. In: (M. Petrescu-Dîmbovița, M. Florescu, A.C. Florescu) Trușești: monografie arheologică (București - Iași 1999), 647-673.
- Manzura 2000:** I.V. Manzura, Vladeiushchie skipetrami. Stratum plus 2, 2000, 237-295 // И.В. Манзура, Владеющие скіпетрами. Stratum plus 2, 2000, 237-295.

- Manzura 2005:** I.V. Manzura, Steps to the Steppe: or, how the North Pontic Region was Colonised. Oxford Journal of Archaeology 24(4), 2005, 313-338.
- Palaguta 2016:** I.V. Palaguta, Tripol'skaia kul'tura v nachale razvitoogo perioda (BI): otnositel'naia khronologija i lokal'nye variandy pamiatnikov (Kiev 2016) // И.В. Палагута, Трипольская культура в начале развитого периода (БІ): относительная хронология и локальные варианты памятников (Киев 2016).
- Palaguta, Starkova 2018:** I.V. Palaguta, E.G. Starkova, Problems of the relative chronology of the Tripolye-Cucuteni and neighbouring cultures in the Balkan-Carpathian area: 14C dates and archaeological materials. In: (ed. E.N. Nosov et al.) Principles and Methods of Dating in Archaeology (Neolithic – Middle Ages) (Saint Petersburg 2018), 97-123.
- Passek 1949:** T.S. Passek, Periodizatsiia tripol'skikh poselenii. MIA SSSR 10 (Moskva-Leningrad 1949) // Т.С. Пасек, Периодизация трипольских поселений. МИА СССР 10 (Москва-Ленинград 1949).
- Peresunchak 2012:** O.S. Peresunchak, Novi tripil's'ki poselennia na Pivdennomu Buzi. In: (ed. V.V. Otroshchenko) Zemledel'tsi i skotovody Drevnei Evropy. Problemy, novye otkrytiia, gipotezy (dopolnennoe izdanie) (Kiiv-Sankt-Petersburg 2012), 149-159 // О.С. Пересунчак, Нові трипільські поселення на Південному Бузі. В: (ред. В.В. Отрощенко) Земледельцы и скотоводы Древней Европы. Проблемы, новые открытия, гипотезы (дополненное издание) (Київ-Санкт-Петербург 2012), 149-159.
- Peresunchak 2014:** O.S. Peresunchak, Pam'iatki arkheologijii v raioni Serednoi techii r. Pivdennii Bug. Vistnik ONU. Ser. Geografichni ta heologichni nauki 19, 2014, 170-176 // О.С. Пересунчак, Пам'ятки археології в районі Середньої течії р. Південний Буг. Вістник ОНУ. Сер. Географічні та геологічні науки 19, 2014, 170-176.
- Peresunchak 2015:** O.S. Peresunchak, Poseleannia trypilskoi kultury Topoli. MASP 13, 2015, 155-158. // О.С. Пересунчак, Поселення трипільської культури Тополі. МАСП 13, 2015, 155-158.
- Petrenko 2009:** V.G. Petrenko, Problema „Tripol'e i Step” i pamiatniki eneolita – rannei bronzy Severo-Zapadnogo Prichenomor'ia. MASP 11, 2009, 10-38 // В.Г. Петренко, Проблема «Триполье и Степь» и памятники энеолита - ранней бронзы Северо-Западного Причерноморья. МАСП 11, 2009, 10-38.
- Rassamakin 2012:** Y. Rassamakin, Absolute chronology of Ukrainian Tripolian settlements. In: (ed. F. Menotti, A. Korvin-Piotrovsky) The Tripolie culture giant-settlements in Ukraine. Formation, Development and Decline (Oxford and Oakville 2012), 19-69.
- Saile et al. 2016a:** T. Saile, M. Dębiec, M. Posselt, S. Țerna, D. Kiosak, Zur Bandkeramik zwischen Pruth und Südlichem Bug. PZ 91, 2016, 1-15.
- Saile et al. 2016b:** T. Saile, M. Posselt, M. Debiec, D. Kiosak, T. Tkachuk, Prospections magnetometriques sur des sites de la culture Cucuteni – Trypillia sur le course du Dniestre et du Boug de Sud. In: (ed. C. Preoteasa, C.-D. Nicola) Cucuteni culture within the European Neo-Eneolithic context. Proceedings of the International Colloquium “Cucuteni-130”. 15-17 October, Piatra Neamt, Romania. In memoriam dr. G. Dumitroaia (Piatra-Neamt 2016), 581-596.
- Saile et al. 2016c:** T. Saile, M. Posselt, M. Dębiec, D. Kiosak, T. Tkachuk, Zwei Magnetometerprospektionen auf ukrainischen Fundstellen des Cucuteni-Tripolje-Komplexes an Dnijestr und südlichem Bug. Archäologisches Korrespondenzblatt 46, 2016, 465-477.
- Subbotin 2013:** L.V. Subbotin, Kul'tura Gumelnitsa: Bolgradskii variant. In: (ed. I.V. Bruiako, T.L Samoilova) Drevnie kul'tury Severo-Zapadnogo Prichernomoria (Odessa 2013), 85-114 // Л.В. Субботин, Культура Гумельница: Болградский вариант. В: (Отв. ред. И.В. Бруяко, Т.Л. Самойлова) Древние культуры Северо-Западного Причерноморья (Одесса 2013), 85-114.
- Vinogradova 1983:** N.M. Vinogradova, Plemena Dnistrovsko-Prutskogo mezhdurech'ia v period rastsvera tripol'skoi kul'tury (periodizatsiia, khronologija, lokal'nye variandy) (Kishinev 1983) // Н.М. Виноградова, Племена Днестровско-Прутского междуречья в период расцвета трипольской культуры (периодизация, хронология, локальные варианты) (Кишинев 1983).

Мария Лобанова, аспирант, Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова, Дворянская, 2, Одесса, 65026, Украина, e-mail: lbnvmsh@gmail.com

Дмитрий Киосак, кандидат исторических наук, доцент, Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова, Дворянская, 2, Одесса, 65026, Украина, e-mail: dkiosak@ukr.net

DISCUTII – ДИСКУССИИ – DISCUSSIONS

Анна Кисленко

Предметы импорта в позднесарматских памятниках Буджака

Keywords: Late Sarmatian culture, items of import, Budzhak.

Cuvinte cheie: Cultură sarmatică târzie, articole de import, Budjak.

Ключевые слова: позднесарматская культура, предметы импорта, Буджак.

Anna Kyslenko

Import items in the Late Sarmatian monuments of Budzhak

The article is devoted to identifying the percentage of imported products found in the Late Sarmatian burials of Budzhak. Cataloging of such items is not the goal of the work, therefore not all the array of funerary monuments was involved in the study, but only not robbed and not destroyed complexes. In the graves under study, the items of import are presented in the following categories: earthenware, metalware, glassware, brooches, ornaments. The result of the study was the identification of the disproportionality of the ratio of categories of import items in the graves located in the area of direct contact with the Roman provinces and cities of the Northern Black Sea region. And the statement about the mass character of such a category of items of import and funeral inventory as beads was reflected in the materials of the Late Sarmatian burials of Budzhak.

Anna Kyslenko

Obiecte de import în monumentele sarmatice târzii din Budjak

Articolul este dedicat identificării procentului de produse importate găsite în sărcinile Sarmate târzii ale lui Budjak. Catalogarea unor astfel de obiecte nu este scopul lucrării, de aceea nu a fost implicată toată gama de monumente funerare în studiu, ci numai complexe care nu au fost jefuite și nu distruse. În mormintele studiate, elementele de import sunt prezentate în următoarele categorii: faianță, articole metalice, sticlă, broșe, ornamente. Rezultatul studiului a fost identificarea disproportionalității raportului dintre categoriile de articole de import în mormintele situate în zona de contact direct cu provinciile și orașele romane din regiunea Mării Negre de Nord. Iar declarația despre caracterul masiv al unei astfel de categorii de obiecte de import și de inventar funerar ca margele a fost reflectată în materialele sărcinilor Sarmate târzii ale lui Budjak.

Анна Кисленко

Предметы импорта в позднесарматских памятниках Буджака

Статья посвящена выявлению процентного соотношения импортных изделий, найденных в позднесарматских погребениях Буджака. Каталогизация таких предметов не является целью работы, поэтому к исследованию был привлечен не весь массив погребальных памятников, а лишь не грабленные и не разрушенные комплексы. В исследуемых погребениях предметы импорта представлены следующими категориями: глиняная, металлическая, стеклянная посуда, фибулы, украшения. Результатом исследования стало выявление непропорциональности соотношения категорий предметов импорта в погребениях, расположенных в области непосредственного контакта с римскими провинциями и городами Северного Причерноморья. А утверждение о массовости такой категории предметов импорта и погребального инвентаря как бусы нашло свое отражение и в материалах позднесарматских погребений Буджака.

Введение

Традиционно к категориям импорта относятся: глиняная, металлическая, стеклянная посуда, фибулы, украшения, культовые предметы, строительные материалы, оружие, конская упряжь, медицинские инструменты, другие импортные изделия (например, ткани).

В исследуемых позднесарматских погребениях Буджака предметы импорта представлены следующими категориями: глиняная, металлическая, стеклянная посуда, фибулы, украшения.

Целью работы является не каталогизация категорий предметов импорта, а прослеживание их процентного соотношения. Поэтому в исследовании будет учитываться не весь массив погребальных памятников, а лишь не ограбленные и не разрушенные комплексы, так как в результате разрушения и ограбления часть погребального инвентаря могла бы исчезнуть из комплекса.

Источниковую базу составили 134 позднесарматских комплекса (табл. 1), происходящих с территории Буджака (совр. Арцизский, Белго-

род-Днестровский, Беляевский, Болградский, Килийский, Ренийский, Татарбунарский р-ны, Одесская обл., Украина). Из них не ограбленными оказались 57 (42,5%) и ограбленными 77 (57,5%) погребения.

Не ограбленные комплексы были проанализированы относительно содержания предметов импорта среди погребального инвентаря. Анализ выявил, что 36 (63,2%) погребений являются импортосодержащими, а 21 (36,8%) – без предметов импорта.

Предметы импорта представлены следующими категориями:

1. Глиняная посуда

1.1. Амфоры

Светлоглиняная амфора из комплекса Градешка к. 9, п. 1 [Gudkova, Redina 1999, 180]. Высота – 38 см, диаметр венчика – 6 см. На сосуде имеются два дипинти, расположенные противоположно.

Амфора танаисского типа высотой 32 см, верхняя часть которой отбита в древности – Градешка к. 26, п. 1 [Gudkova, Redina 1999, 184].

Фрагменты стенок позднеримских и узкогорлых светлоглиняных амфор из комплексов могильника Семеновка к. 2, п. 4 и к. 19, п. 1 [Dzigovskii 1981, 120], соответственно.

1.2. Краснолаковые сосуды

1.2.1. Миски

Краснолаковая миска из комплекса Алкалия к. 28, п. 1 [Subbotin, Dzigovskii 1990a, 15] с плавно загнутым внутрь венчиком, конически сужающимся к низу туловом и кольцевым поддоном (рис. 1,1). Высота – 8 см, диаметр венчика 16,5 см, диаметр дна – 6,5 см, диаметр поддона – 1 см.

Крупная гончарная красноглиняная коническая миска на кольцевом поддоне с округло загнутым вовнутрь венчиком (рис. 1,2) из комплекса Васильевский к. 24, п. 1 [Subbotin, Dzigovskii 1990c, 13]. Высота – 16 см, диаметр венчика – 22,4 см, дна – 9 см.

Гончарная полусферическая красноглиняная миска на невысоком кольцевом поддоне, с широким рельефным венчиком загнутым вовнутрь и частично оттянутым наружу (рис. 1,3) из комплекса Дивизия к. 2, п. 1 [Subbotin, Dzigovskii 1990b, 3]. Высота – 13,5 см, диаметр венчика – 32 см, диаметр дна – 9,5 см.

Гончарная красноглиняная миска усеченно-конической формы с цилиндрически выделенным и слегка вогнутым дном (рис. 1,4) из комплекса Дивизия к. 7, п. 1 [Subbotin, Dzigovskii 1990b, 7]. Венчик утолщен и резко отогнут вовнутрь, образуя с туловом сосуда снаружи острое ребро. Высота миски – 10 см, диаметр венчика – 20 см, ребра – 24 см, диаметр дна – 9 см.

Гончарная красноглиняная миска на кольцевом поддоне (рис. 1,5) из комплекса Кубей к. 3, п. 1 [Subbotin, Dzigovskii 1990c, 16]. Высота – 5,7 см, диаметр венчика – 21,5 см, диаметр поддона – 11 см.

Гончарная красноглиняная миска (рис. 1,6) из комплекса Кубей к. 8, п. 1 [Subbotin, Dzigovskii 1990c, 17]. Высота – 8,7 см, диаметр венчика – 2,3 см, диаметр дна – 9,2 см.

1.2.2. Кувшины

Одноручный красноглиняный кувшин с отогнутым венчиком, биконическим туловом с округленными боками и кольцевым поддоном (рис. 1,7) из комплекса Алкалия к. 28, п. 1 [Subbotin, Dzigovskii 1990a, 15-16]. Его горло по периметру украшено валиком. Высота сосуда – 18,6 см, диаметр венчика – 10 см, диаметр дна – 6,9 см.

Гончарный красноглиняный одноручный сосуд с шаровидным туловом на невысоком кольцевом поддоне и с отогнутым венчиком (рис. 1,8) из комплекса Васильевский к. 14, п. 1 [Subbotin, Dzigovskii 1990c, 6]. Высота сосуда – 9,4 см, диаметр венчика – 6,4 см, диаметр турова – 8,9 см, диаметр поддона – 3 см.

Гончарный красноглиняный одноручный кувшин на кольцевом поддоне, с высоким горлом и плавно отогнутым венчиком (рис. 1,9) из комплекса Дивизия к. 2, п. 1 [Subbotin, Dzigovskii 1990b, 3]. Поверхность его ручки разделена посередине вертикальным желобком. Высота кувшина – 20 см, диаметр венчика – 9,5 см, диаметр выпуклых боков – 15 см, диаметр дна – 6,7 см.

Гончарный одноручный кувшин на кольцевом поддоне из комплекса Дивизия к. 6, п. 3 [Subbotin, Dzigovskii 1990b, 5]. Высота сосуда – 15 см, диаметр венчика – 10 см, боков – 14,5 см, дна – 7 см (рис. 1,10).

Гончарный краснолаковый одноручный кувшинчик с округлым туловом из комплекса Холмское п. 22 [Gudkova, Fokeev 1984, 19]. Округлый венчик резко отогнут наружу. Вы-

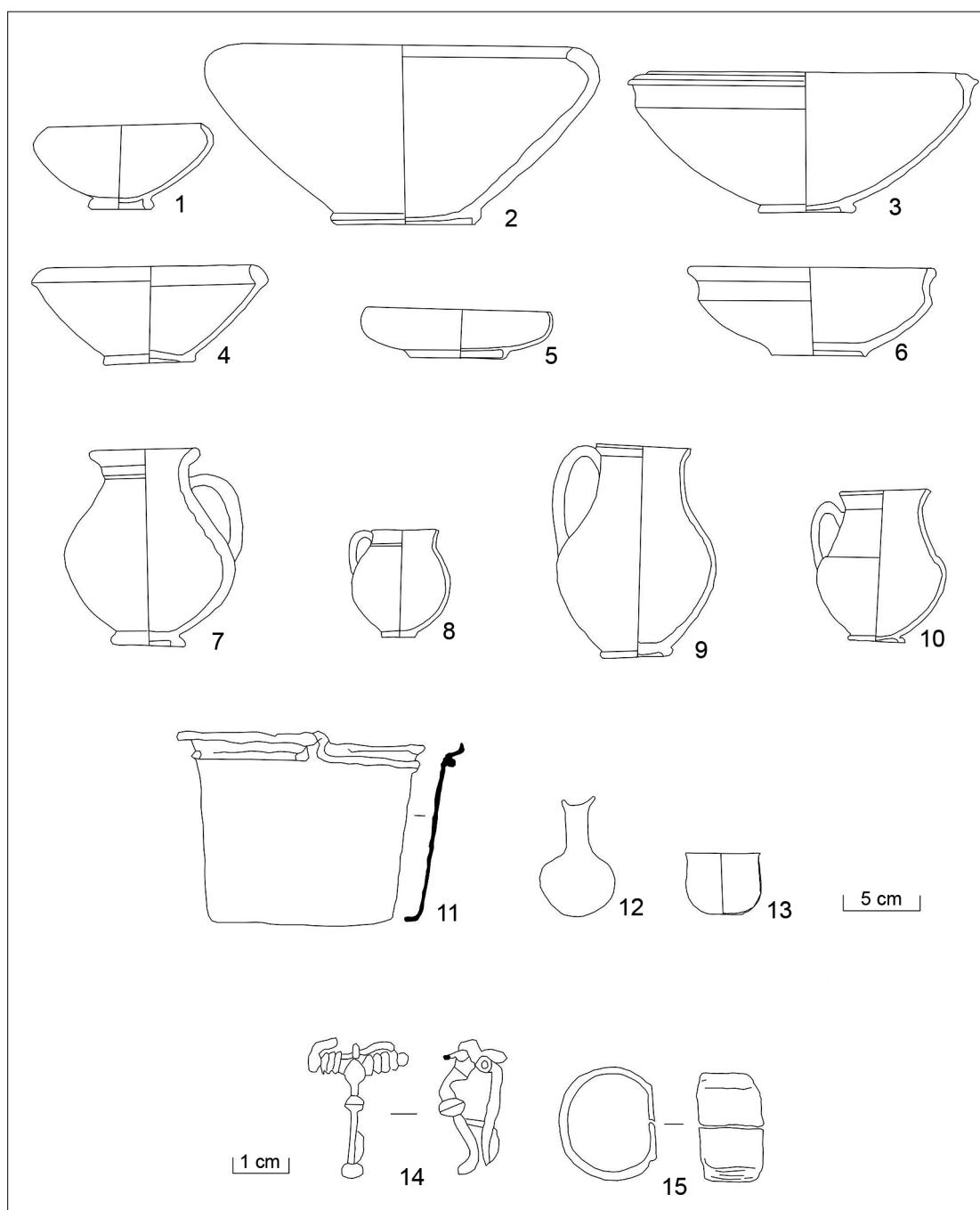

Рис. 1. Находки: 1-6 – миски, 7-10 – кувшины, 11 – ситула, 12 – бальзамарий, 13 – кубок, 14 – фибула, 15 – перстень.

Fig. 1. Finds: 1-6 – bowls, 7-10 – jugs, 11 – situla, 12 – balisamarium, 13 – cup, 14 – fibula, 15 – ring.

сота сосуда – 8 см, диаметр венчика – 6 см. Дно не сохранилось.

2. Категория металлической посуды представлена бронзовой ситулой (рис. 1,11) с железными дужкой и ободком, который стягивает устье и образует петли для крепления ручки, из комплекса Градешка к. 9, п. 1 [Gudkova, Redina

1999, 180]. Ситула имеет такой же, как у типа Этгерс 42, железный обруч вокруг шейки для крепления железной дужки, но иной корпус [Simonenko 2011, 49].

3. Стеклянная посуда

3.1. Бальзамарии

Бальзамарий (тип Айсингс 6), из светло-

зеленого стекла с шаровидным корпусом и цилиндрическим горлом (диаметр – 1 см) (рис. 1,12), найденный в комплексе Маяки к. 3, п. 6 [Patokova et al. 1982, 132, 134].

Бальзамарий с высокой узкой шейкой цилиндрической формы и конусообразным туловом из стекла с голубым оттенком, найденный в комплексе Приморское к. 1, п. 53 [Dzigovskii 1980, 91]. Дно с округлыми краями, слегка поднято в центральной части. Высота – 13,8 см, диаметр венчика – 2,6 см, диаметр дна – 4,6 см. С одной стороны его тулово было деформировано при изготовлении.

3.2. Кубки

Стеклянный кубок (тип Эггерс 213), из прозрачного беловатого стекла округлой формы со слегка отогнутым наружу венчиком (рис. 1,13), обнаруженный в комплексе Грачешка к. 26, п. 1 [Gudkova, Redina 1999, 184]. В верхней части имеет две гравированные линии. Высота – 6 см, диаметр венчика – 7,5 см, диаметр дна – 4,5 см.

4. Категория **фибул** представлена единственным экземпляром – это бронзовая одночленная сильно профилированная фибула (рис. 1,14) западного типа (Кропотов 10-I-1) [Kropotov 2010, 227], которая была найдена в комплексе Семеновка к. 11, п. 1 [Dzigovskii 1981, 117].

5. Украшения

5.1. Бусы и пронизи

1. 40 стеклянных бисеринок и 18 различных бусин: пять черных призматических шестигранных из стекла и агата, длиной 1,2–1,4 см, шириной 1 см; три белые (из мела?): 12-гранной формы, длиной 1 см, таблетковидная, диаметром 0,7 см, и округло-уплощенная, диаметром 0,8 см; одна призматическая 6-гранная из сердолика, длиной 1,2 см; три трубчатых из красного коралла, длиной 0,9 см, диаметром 0,35 см; две округло-уплощенные янтарные; три 12-гранные из голубого стекла, длиной 1 см; одна уплощенная из зеленого стекла, орнаментированная белыми колечками – Васильевский к. 1, п. 1 [Subbotin, Dzigovskii 1990c, 3-4].

2. 30 стеклянных бусин короткоцилиндрических форм, диаметром 0,3 см, и, пре-

имущественно, в виде неправильных параллелепипедов с окатанными краями, длиной 0,5-0,7 см – Васильевский к. 11, п. 1 [Subbotin, Dzigovskii 1990c, 6].

3. 38 стеклянных бусин: пять округло-сплюснутых, размером 0,6x0,5 см; 27 короткоцилиндрических и округлых, диаметром 0,3–0,5 см; шесть четырехгранно-призматических – Васильевский к. 14, п. 1 [Subbotin, Dzigovskii 1990c, 6-7].

4. 16 круглых и короткоцилиндрических бусинок из разноцветного стекла – Васильевский к. 14, п. 4 [Subbotin, Dzigovskii 1990c, 7].

5. 22 бусины: девять таблетковидных из синего стекла; две трубчатые из коралла; одна белая (мел?) округло-спаренная; 10 стеклянных округлых – Васильевский к. 14, п. 6 [Subbotin, Dzigovskii 1990c, 8-9].

6. Округлая халцедоновая бусина (диаметр 2,8 см) и девять стеклянных бусинок различных форм – Васильевский к. 23, п. 1 [Subbotin, Dzigovskii 1990c, 12].

7. Девять округлых и одна таблетковидная синяя стеклянные бусинки; призматическая и 14-гранная бусинки из сердолика; две 14-гранные бусинки из горного хрусталя – Васильевский к. 24, п. 1 [Subbotin, Dzigovskii 1990c, 13].

8. Стеклянная синяя таблетковидная бусина и 700 стеклянных цилиндрических и параллелепипедных бусинок с окатанными краями и гранями – Васильевский к. 27, п. 1 [Subbotin, Dzigovskii 1990c, 15].

9. Бусы и бисер из разноцветного стекла – Дивизия к. 2, п. 1 [Subbotin, Dzigovskii 1990b, 4].

10. Стеклянная округлая бусина (диаметр – 1,5 см) – Дивизия к. 6, п. 3 [Subbotin, Dzigovskii 1990b, 6].

11. Стеклянные бусины различных цветов (зеленого, желтого, белого, синего) и форм (секционные (двойные и пятерные), катушкообразные, дисковидные, лепешковидные, шаровидные, плоские, прямоугольные), сердоликовые (плитчатые, со срезанными краями, 14-гранные и плитчатые 6-гранные) и несколько каплевидных перламутровых бусин – Криничное п. 6 [Fedorov 1969, 252].

12. Стеклянные бусины (прозрачная и черная), орнаментированная пересекающимися желтыми дугами) и бисеринки (голубого цвета) – Кубей к. 3, п. 1 [Subbotin, Dzigovskii 1990c, 17].

- 13.** Стеклянные бусины (двойная и две 14-гранные) – Кубей к. 8, п. 1 [Subbotin, Dzigovskii 1990c, 17].
- 14.** 14 янтарных бусин (одна – длиной 1,7 см, остальные – короткоцилиндрические) и две стеклянные бусинки (синяя биконическая и прозрачная овальная) (рис. 20,6,7) – Кубей к. 9, п. 1 [Subbotin, Dzigovskii 1990c, 20].
- 15.** Стеклянная черная бисеринка (диаметр – 0,25 см) – Кубей к. 15, п. 1 [Subbotin, Dzigovskii 1990c, 22].
- 16.** Халцедоновая бусина округлой формы (диаметр – 2 см) – Маяки к. 2, п. 3 [Patokova et al. 1982, 132].
- 17.** Несколько стеклянных бусин различного цвета и формы. А также пронизка-скрабей из египетского фаянса на пьедестале овальной формы – Маяки к. 3, п. 6 [Patokova et al. 1982, 134].
- 18.** Несколько синих стеклянных бусин – Маяки к. 5, п. 3 [Patokova et al. 1982, 134].
- 19.** Различные по форме, материалу и размерам бусы – Огородное к. 4, п. 1 [Subbotin et al. 1970, 149].
- 20.** Сердоликовые шаровидные бусы (диаметр – 0,6-1,5 см) – Приморское к. 1, п. 15 а [Dzigovskii 1980, 89].
- 21.** Белые пастовые кольцевидной формы бусы (диаметр – 0,3 см) – Приморское к. 1, п. 51 [Dzigovskii 1980, 90].
- 22.** Две плоские стеклянные бусины (диаметр – 2 см), украшенные белым спиралеобразным орнаментом на синем фоне; четыре стеклянные бусины: одна (диаметр – 1,2 см) синего цвета, опуклая, украшенная белыми точками, две цилиндрической формы, бурого цвета (диаметр – 0,8 и 0,7 см) и одна кольцевидная синего цвета (диаметр – 0,9 см) – Приморское к. 1, п. 52 [Dzigovskii 1980, 91].
- 23.** Стеклянная бусина бурого цвета, цилиндрической формы (диаметр – 1 см) – Приморское к. 1, п. 53 [Dzigovskii 1980, 91].
- 24.** Стеклянные бусы – Семеновка к. 14, п. 13 [Dzigovskii 1981, 117].
- 25.** Округло-ребристая бусина (высота – 1,5 см, диаметр – 1,7 см) и пронизка-скарабей на плоском овальном пьедестале – Семеновка к. 14, п. 20 [Dzigovskii 1981, 117].
- 26.** Стеклянные бусины шарообразной и продолговатой формы, уплощенные цилиндрические голубые и светло-зеленые бисеринки – Семеновка к. 19, п. 7 [Dzigovskii 1981, 120].
- 27.** Мелкие разноцветные (зеленые, желтые и др.) бусы и одна синяя стеклянная в форме параллелепипеда со скругленными углами, а также веточка коралла – Холмское п. 3 [Gudkova, Fokeev 1984, 8].
- 28.** Стеклянные: синие таблетковидные, крупная сегментовидная светлая; из перламутровой раковины: четыре таблетковидные, 12

Рис. 2. Процентное соотношение предметов импорта в позднесарматских памятниках Буджака.

Fig. 2. Percentage ratio of imported items in the Late Sarmatian monuments of Budzhak.

плоских прямоугольных с выемками по краям и неправильноокруглые; три янтарные кольцевидные; 10 коралловых; две сердоликовые: таблетковидная и плоская шестигранная – Холмское п. 8 [Gudkova, Fokeev 1984, 13].

29. Разнообразные по форме и цвету стеклянные: четыре многочастные; шесть буристых с металлической прокладкой; кольчевые; сегментовидные; бочонковидные; бисер. Также четыре сердоликовые бусины в форме четырнадцатигранников; две хрустальные такой же формы; пять янтарных неправильно округлой уплощенной формы; шесть из веточек розового коралла и три коралловые цилиндрические бусины, три кубические – из кристаллов пирита – Холмское п. 22 [Gudkova, Fokeev 1984, 19].

5.2. Перстни

Бронзовый пластинчатый римский перстень (рис. 1,15) (диаметр – 1,8 см) из комплекса Криничное п. 6 [Fedorov 1969, 252]. На его широкие несомкнутые концы, которые образуют ровную площадку, была напаяна бронзовая прямоугольная пластинка (1,2x1,7 см) с рельефным ободком и изображением женской головы в профиль с волосами, собранными на затылке в узел.

Таблица 1. Позднесарматские памятники Буджака.

Table 1. Late Sarmatian monuments of Budjak.

№ п/п	Название комплекса	Не грабленный	Ограбленный/разрушенный
1	Алияга п. 1		X
2	Алияга п. 2		X
3	Алияга п. 3		X
4	Алияга п. 5		X
5	Алкалия к. 5, п. 13	X	
6	Алкалия к. 6, п. 1		X
7	Алкалия к. 7, п. 1		X
8	Алкалия к. 11, п. 1		X
9	Алкалия к. 17, п. 2		X
10	Алкалия к. 19, п. 2	X	
11	Алкалия к. 20, п. 1		X
12	Алкалия к. 21, п. 1		X
13	Алкалия к. 22, п. 1		X
14	Алкалия к. 23, п. 1		X
15	Алкалия к. 24, п. 1	X	

5.3. Ожерелья

Золотое ожерелье из цепочки с 11 лепестковыми подвесками с сердоликовыми вставками из комплекса Кубей к. 3, п. 1 [Subbotin, Dzigovskii 1990c, 16].

Выводы

Обращает на себя внимание непропорциональность соотношения категорий предметов импорта в погребениях (рис. 2), расположенных в области непосредственного контакта с римскими провинциями и городами Северного Причерноморья. Так, амфоры были найдены в четырех погребениях (11% от общего количества исследуемых комплексов), краснолаковые сосуды – в девяти (25%), металлическая посуда – в одном (2,8%), стеклянная посуда – в трех (8,3%), фибулы – в одном (2,8%), украшения (перстень и ожерелье) – в двух (5,6%). Отдельно стоит выделить такую категорию украшений, как бусы, так как они были найдены в 29 комплексах, которые составляют 80,6% от общего количества. Таким образом, утверждение о массовости такой категории предметов импорта и погребального инвентаря находит свое отражение и в материалах позднесарматских погребений Буджака.

16	Алкалия к. 26, п. 1		X
17	Алкалия к. 27, п. 1		X
18	Алкалия к. 28, п. 1	X	
19	Алкалия к. 29, п. 1		X
20	Алкалия к. 30, п. 1		X
21	Алкалия к. 32, п. 1		X
22	Васильевский к. 1, п. 1	X	
23	Васильевский к. 1, п. 2		X
24	Васильевский к. 1, п. 3	X	
25	Васильевский к. 6, п. 4		X
26	Васильевский к. 6, п. 5		X
27	Васильевский к. 11, п. 1	X	
28	Васильевский к. 11, п. 2		X
29	Васильевский к. 14, п. 1	X	
30	Васильевский к. 14, п. 4	X	
31	Васильевский к. 14, п. 5		X
32	Васильевский к. 14, п. 6	X	
33	Васильевский к. 19, п. 2		X
34	Васильевский к. 20, п. 1	X	
35	Васильевский к. 21, п. 2	X	
36	Васильевский к. 23, п. 1	X	
37	Васильевский к. 24, п. 1	X	
38	Васильевский к. 25, п. 3	X	
39	Васильевский к. 26, п. 2	X	
40	Васильевский к. 27, п. 1	X	
41	Владычень п. 1		X
42	Владычень п. 2		X
43	Владычень п. 3		X
44	Владычень п. 4		X
45	Владичень п. 5		X
46	Владичень п. 6		X
47	Градешка к. 9	X	
48	Градешка к. 26	X	
49	Дивизия к. 2, п. 1	X	
50	Дивизия к. 6, п. 1		X
51	Дивизия к. 6, п. 3	X	
52	Дивизия к. 7, п. 1	X	
53	Дивизия к. 8, п. 1		X
54	Дивизия к. 9, п. 1		X
55	Дивизия к. 10, п. 1		X
56	Дивизия к. 11, п. 1		X
57	Дивизия к. 12, п. 1		X

58	Дивизия к. 13, п. 1	X	
59	Дивизия к. 17, п. 2		X
60	Дзинилор к. 4, п. 1		X
61	Дзинилор к. 5		X
62	Дзинилор к. 8		X
63	Каланчак к. 1, п. 3		X
64	Криничное п. 2		X
65	Криничное п. 4		X
66	Криничное п. 5		X
67	Криничное п. 6	X	
68	Криничное п. 7		X
69	Криничное п. 8		X
70	Кубей к. 3, п. 1	X	
71	Кубей к. 8, п. 1	X	
72	Кубей к. 9, п. 1	X	
73	Кубей к. 10, п. 1	X	
74	Кубей к. 14, п. 1	X	
75	Кубей к. 15, п. 1	X	
76	Кубей к. 16, п. 1		X
77	Кубей к. 17, п. 1	X	
78	Кубей к. 18, п. 1	X	
79	Кубей к. 20, п. 1		X
80	Маяки к. 2, п. 3	X	
81	Маяки к. 2, п. 4		X
82	Маяки к. 3, п. 6	X	
83	Маяки к. 5, п. 3	X	
84	Маяки п. 8		X
85	Нагорное к. 1, п. 1		X
86	Нагорное к. 2, п. 1		X
87	Нагорное к. 9, п. 1		X
88	Огородное к. 3		X
89	Огородное к. 4, п. 1	X	
90	Приморское к. 1, п. 15 а	X	
91	Приморское к. 1, п. 15 б	X	
92	Приморское к. 1, п. 17	X	
93	Приморское к. 1, п. 51	X	
94	Приморское к. 1, п. 52	X	
95	Приморское к. 1, п. 53	X	
96	Приморское к. 2, п. 2	X	
97	Семеновка к. 2, п. 4	X	
98	Семеновка к. 3, п. 1		X
99	Семеновка к. 4		X

100	Семеновка к. 11, п. 1	X	
101	Семеновка к. 14, п. 13	X	
102	Семеновка к. 14, п. 20	X	
103	Семеновка к. 19, п. 1	X	
104	Семеновка к. 19, п. 7	X	
105	Фрикацей к. 6		X
106	Фрикацей к. 8		X
107	Фрикацей к. 11		X
108	Хаджидер II к. 7, п. 1		X
109	Хаджидер II к. 8, п. 1		X
110	Хаджидер II к. 9, п. 1		X
111	Хаджидер II к. 10, п. 1		X
112	Хаджидер II к. 11, п. 1		X
113	Хаджидер II к. 12, п. 1		X
114	Холмское п. 3	X	
115	Холмское п. 6	X	
116	Холмское п. 7	X	
117	Холмское п. 8	X	
118	Холмское п. 9		X
119	Холмское п. 11		X
120	Холмское п. 13		X
121	Холмское п. 14		X
122	Холмское п. 15		X
123	Холмское п. 16	X	
124	Холмское п. 17	X	
125	Холмское п. 18		X
126	Холмское п. 19	X	
127	Холмское п. 20		X
128	Холмское п. 21		X
129	Холмское п. 22	X	
130	Холмское п. 23		X
131	Холмское п. 24		X
132	Чауш подбой		X
133	Чауш подбой		X
134	Чауш к. 21, п. 1		X
Всего:		57	77

Библиография

- Dzigovsk’ii 1980:** O.M. Dzigovsk’ii, Sarmats’ki pokhovannia pobлизу girla Dunaiu. Arkheologija 34, 1980, 86-92 // О.М. Дзиговський, Сарматські поховання поблизу гирла Дунаю. Археологія 34, 1980, 86-92.
- Dzigovskii 1981:** A.N. Dzigovskii, Sarmatskie pamiatniki II-III vv. v nizoviakh Dnestra. In: (red. G.G. Mezentseva) Drevnosti Severo-Zapadnogo Prichernomor’ja (Kiev 1981), 116-125 // А.Н. Дзиговский, Сарматские памятники II-III вв. в низовьях Днестра. В: (Отв. ред. Г.Г. Мезенцева) Древности Северо-Западного Причерноморья (Киев 1981), 116-125.
- Fedorov 1969:** G.B. Fedorov, Pozdnesarmatskii mogil’nik u s. Krinichnoe. MIA SSSR 169, 1969, 248-253 // Г.Б. Федоров, Позднесарматский могильник у с. Криничное. МИА СССР 169, 1969, 248-253.
- Gudkova, Fokeev 1984:** A.V. Gudkova, M.M. Fokeev, Zemledel’tsy i kochevники v nizov’iakh Dunaia I-IV vv. n.e. (Kiev 1984) // А.В. Гудкова, М.М. Фокеев, Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I-IV вв. н.э. (Киев 1984).
- Gudkova, Redina 1999:** A.V. Gudkova, E.F. Redina, Sarmatskii mogil’nik Gradeshka v nizoviakh Dunaia. Starozhitnosti Pivnichnogo Prichernomor’ja i Krimu VII, 1999, 177-191 // А.В. Гудкова, Е.Ф. Редина, Сарматский могильник Градешка в низовьях Дуная. Старожитності Північного Причорномор’я і Криму VII, 1999, 177-191.
- Patokova et al. 1982:** E.F. Patokova, A.N. Dzigovskii, K.V. Zin’kovskii, Sarmatskie pogrebeniia maiakskogo mogil’nika. In: (red. A.V. Gudkova) Pamiatniki rimskego i srednevekovogo vremeni v Severo-Zapadnom Prichernomor’ye (Kiev 1982), 131-136 // Э.Ф. Патокова, А.Н. Дзиговский, К.В. Зиньковский, Сарматские погребения маяцкого могильника. В: (ред. А.В. Гудкова) Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье (Киев 1982), 131-136.
- Simonenko 2011:** A.V. Simonenko, Rimskii import u sarmatov Severnogo Prichernomor’ja (Sankt-Petersburg 2011) // А.В. Симоненко, Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья (Санкт-Петербург 2011).
- Subbotin, Dzigovskii 1990a:** L.V. Subbotin, A.N. Dzigovskii, Sarmatskie drevnosti Dnistro-Dunaiskogo mezhdurech’ia. I. Kurgannye mogil’niki Alkalia i Khadzhider II (Kiev 1990) // Л.В. Субботин, А.Н. Дзиговский, Сарматские древности Днестро-Дунайского междуречья. I. Курганные могильники Алкалия и Хаджидер II (Киев 1990).
- Subbotin, Dzigovskii 1990b:** L.V. Subbotin, A.N. Dzigovskii, Sarmatskie drevnosti Dnistro-Dunaiskogo mezhdurech’ia. II. Kurgannye mogil’niki Diviziiskii i Belolesskii (Kiev 1990) // Л.В. Субботин, А.Н. Дзиговский, Сарматские древности Днестро-Дунайского междуречья. II. Курганные могильники Дивизийский и Белолесский (Киев 1990).
- Subbotin, Dzigovskii 1990c:** L.V. Subbotin, A.N. Dzigovskii, Sarmatskie drevnosti Dnistro-Dunaiskogo mezhdurech’ia. III. Kurgannye mogil’niki Vasil’evskii i Kubei (Kiev 1990) // Л.В. Субботин, А.Н. Дзиговский, Сарматские древности Днестро-Дунайского междуречья. III. Курганные могильники Васильевский и Кубей (Киев 1990).
- Subbotin et al. 1970:** L.V. Subbotin, A.G. Zaginailo, N.M. Shmaglii, Kurgany u sela Ogorodnoe. MASP 6, 1970, 130-155 // Л.В. Субботин, А.Г. Загинайло, Н.М. Шмаглий, Курганы у села Огородное. МАСП 6, 1970, 130-155.

Анна Кисленко, младший научный сотрудник Институт археологии НАН Украины, пр. Героев Сталинграда, 12, 04210, Киев, Украина, e-mail: aniaoleinyk@gmail.com

CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS

Роман Кройтор

О находке овцебыка *Ovibos moschatus* (Zimmermann, 1780) (Bovidae, Mammalia) из верхнепалеолитической стоянки Рашков 7

Key words: Upper Pleistocene, Eastern Europe, bovids, Ovibovini, talus, astragalus, comparative morphology.

Cuvinte cheie: Pleistocenul superior, Europa de Est, bovide, Ovibovini, talus, astragalus, morfologia comparativă.

Ключевые слова: верхний плеистоцен, восточная Европа, полорогие, Ovibovini, таранная кость, астрагал, сравнительная морфология.

Roman Croitor

On a discovery of musk ox *Ovibos moschatus* (Zimmermann, 1780) (Bovidae, Mammalia) from the Upper Paleolithic site of Rashkov 7

A well-preserved musk ox talus was discovered during the revision of the old archaeozoological collection from the Upper Paleolithic site of Rashkov 7. This is a first finding of this species on the territory of Moldova and the southernmost record of *Ovibos moschatus* remains in Eastern Europe. The musk ox talus is characterized by the same size and proportions as that of red deer *Cervus elaphus*, therefore the article presents a detailed comparative morphological study of musk ox and red deer tali. The finding of musk ox in the composition of the fauna from Rashkov 7 gives a stronger cold-adapted character to the fauna from this Paleolithic site and confirms the proposed earlier absolute age of 22-17 thousands years for the settlement of Rashkov 7.

Roman Croitor

Despre descoperirea boului moscat *Ovibos moschatus* (Zimmermann, 1780) (Bovidae, Mammalia) din situl Paleoliticului superior Rașcov 7

Un talus în stare bună de conservare al boului moscat a fost descoperit în timpul reviziei al colecției arheologice vechi din așezarea paleoliticului superior Rașcov 7. Această piesă este prima descoperire a boului moscat de pe teritoriul Moldovei și cea mai sudică descoperire a speciei *Ovibos moschatus* din Europa de Est. Talusul boului moscat se caracterizează prin aceeași dimensiuni și proporții ca și talusul cerbului comun *Cervus elaphus*, deci prin urmare în articol este prezentat un studiu morfologic comparativ detaliat al talusului de bou moscat și cel al cerbului comun. Prezența boului moscat în compoziția faunei din Rașcov 7 conferă faunei din acest sit paleolitic un caracter arctic mai accentuat și confirmă vîrsta absolută de 22-17 mii de ani propusă anterior pentru această stațiune.

Роман Кройтор

О находке овцебыка *Ovibos moschatus* (Zimmermann, 1780) (Bovidae, Mammalia) из верхнепалеолитической стоянки Рашков 7

Таранная кость хорошей сохранности овцебыка была обнаружена при пересмотре старых археозоологических сборов с верхнепалеолитической стоянки Рашков 7. Данная находка является первым свидетельством присутствия овцебыка на территории Молдовы и самой южной находкой вида *Ovibos moschatus* в восточной Европе. Таранная кость овцебыка характеризуется близкими к аналогичной кости благородного оленя размерами, поэтому в статье уделяется внимание сравнительному морфологическому описанию таранных костей этих двух видов. Нахodka овцебыка в археозоологическом материале из стоянки Рашков 7 придаёт рашковской фауне более выраженный арктический характер и подтверждает предложенный ранее для этого палеолитического памятника возраст в пределах 22-17 тысяч лет.

Введение

Археозоологический материал из поздне-палеолитической стоянки Рашков 7 (Рис. 1) был достаточно подробно описан Давидом [David 1980, 2007], который установил довольно смешанный характер рашковской фауны, включающей как типичные виды холодной тундросте-

пи (*Rangifer tarandus*, *Mammuthus primigenius*, *Coelodonta antiquitatis*, *Equus ferus caballus*, *Equus hydruntinus*, *Bison priscus*), так и виды, характерные для широколиственных лесов умеренного климата (*Capreolus capreolus*, *Alces alces*, *Cervus elaphus*, *Sus scrofa*). Пробы, взятые для пыльцевого анализа со стоянки Рашков 7 [Popova 2007],

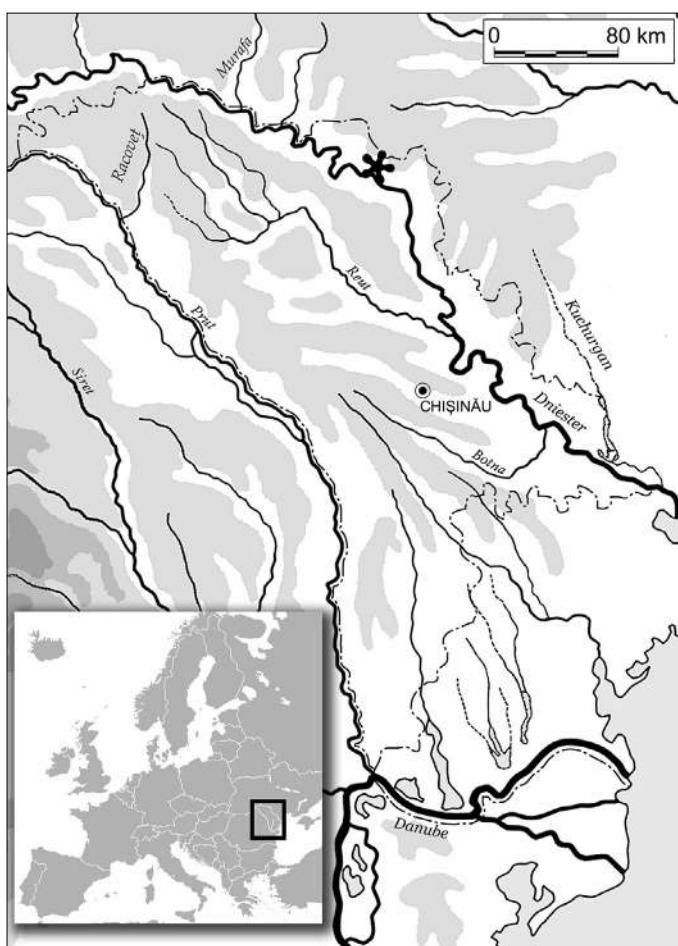

Рис. 1. Местонахождение верхнепалеолитической стоянки Рашков 7 (отмечено астериском).

Fig. 1. Geographical location of the Upper Paleolithic site Rashkov 7 (indicated with asterisk).

проливают свет на климатический сдвиг во время накопления археозоологического материала и объясняют «смешанный» характер рашковской фауны. Согласно результатам Поповой [Popova 2007], пыльцевой анализ указывает на формирование нижней части осадочных слоёв в Рашкове 7 (зоны А и В1) во время кратковременного интерстадиала, о чём можно судить по присутствию пыльцы термофильных родов *Tilia*, *Corylus* и *Alnus*. Верхняя часть отложений, согласно полученным палинологическим данным (отмечается подавляющее по количеству содержание пыльцы травянистых растений, а также сосны, берёзы, ели и пихты), формировалась в криоксеротическую стадию позднего вадлайского оледенения [Popova 2007].

Определение возраста палеолитической стоянки Рашков 7 сопряжено с противоречиями,

которые вызваны несоответствием абсолютного возраста $12\ 220 \pm 500$ лет, полученной ранее единственной радиоуглеродной датировкой для археологического материала, выделяющегося прежде всего своим эпиориньским обликом [Chetaru et al. 2007]. Кетрару с соавторами [Chetaru et al. 2007], исходя из археологических, археозоологических и палеоклиматических данных, рассматривают наиболее приемлемым возраст стоянки в пределах 22–17 тысяч лет. Этот вывод подтверждён результатами новых радиоуглеродных датировок, определяющих возраст костного материала из стоянки Рашков 7 как $19\ 100 \pm 300$ и $19\ 450 \pm 220$ лет [Sapozhnikov et al. 2007]. Нахodka овцебыка в археозоологическом материале из стоянки Рашков 7 позволяет уточнить климатические условия, в которых формировался данный археозоологический комплекс, и дополняет видовой состав фауны из вышеупомянутой позднепалеолитической стоянки типичным представителем периглациальной мамонтовой фауны с довольно специфичными экологическими требованиями. Особое внимание в статье уделяется морфологии таранной кости позднеплейстоценового овцебыка, поскольку в научной литературе соответствующая информация совершенно отсутствует.

Материал и метод исследования

Правая таранная кость овцебыка *Ovibos moschatus* с шифром «Р-VII-62 III-4/2-12» подвергнута детальному морфологическому исследованию. Поскольку таранные кости овцебыка очень близки по размерам к таранным костям благородного оленя *Cervus elaphus*, в данной работе предлагается их сравнительное описание. Экземпляр таранной кости овцебыка из Рашкова, а также таранные кости голоценового благородного оленя, вовлечённые в сравнительный морфологический анализ, хранятся в палеонтологической коллекции Института Зоологии Министерства образования, культуры и науки Республики Молдова. При определении и описании материала мы руководствовались терминологией и диагностическими признаками, приведёнными в работе Громовой [Gromova 1960].

Систематическое описание

Семейство BOVIDAE Gray, 1821

Подсемейство Caprinae Gray, 1821

Триба Ovibovini Simpson, 1945

Род *Ovis* Blainville, 1816

Ovibos moschatus (Zimmermann, 1780)

В целом морфология таранной кости овцебыка из Рашкова соответствует признакам, приведённым Громовой [Gromova 1960, рис. 60-Б], однако, имеются и некоторые отличия, которые, вероятно, следует отнести на счёт индивидуальной или групповой внутривидовой изменчивости. В отличие от таранной кости современного овцебыка, у рашковской формы бугорок внутреннего гребня очень слабо выражен (Рис. 2-1). Латеральный гребень верхнего суставного блока (Рис. 2-2) значительно выше медиального гребня (Рис. 2-3), что отличает данный экземпляр от таранной кости современного овцебыка, изображенного Громовой [Gromova 1960, рис. 60-Б], а также от благородного оленя (Рис. 2, II). Ещё одной характерной чертой рашковского овцебыка является вздутие (Рис. 2-4) суставной поверхности в желобе верхнего суставного блока (Рис. 2-5), которое придаёт выемке желоба несколько приострённую форму, в отличие от широкой округлой формы желоба у современного овцебыка, а также у благородного оленя (Рис. 2, II). Это вздутие суставной поверхности желоба верхнего блока, примыкающее к латеральному гребню блока, сближает рашковского овцебыка к некоторым горным полорогим, таким как аргали *Ovis ammon* [Gromova 1960, рис. 62-Б], и, вероятно, является архаичным признаком, который рашковский овцебык унаследовал от предковой формы, приспособленной к обитанию в горных условиях.

В целом размеры таранной кости овцебыка (Таблица 1) очень близки к таковым благо-

родного оленя восточной Европы, но таранная кость благородного оленя несколько более стройная. Кроме того, имеется ряд существенных морфологических отличий между овцебыком и благородным оленем:

- внутренняя поверхность таранной кости у овцебыка заметно заходит на заднюю сторону и хорошо видна сзади, в отличие от благородного оленя (Рис. 2-6);

- малеолярный выступ (Рис. 2-7) слабый, как и у благородного оленя, однако, в отличие от последнего, выемка под малеолярным выступом (Рис. 2-8) совершенно не выражена;

- ладьевидная ямка (Рис. 2-9), в отличие от благородного оленя, сильнее выражена, более глубокая и округлая;

- медиальный гребень верхнего суставного блока (Рис. 2A-3) у овцебыка имеет правильные округлые очертания, в то время как у благородного оленя радиус медиального гребня относительно больше;

- дистальный суставной блок (Рис. 2-10) у благородного оленя имеет асимметричный и более резкий профиль благодаря несколько оттянутой вниз латеральной части блока; у овцебыка нижний суставной блок более симметричный и округлый в очертаниях;

- вентральный конец медиального гребня верхнего суставного блока (Рис. 2A-11) у благородного оленя приострён и сильнее оттянут, тогда как у овцебыка он округлён.

Обсуждение

Найдка овцебыка в ахеозоологическом материале из Рашкова 7 является самой южной находкой этого вида в восточной Европе и первой находкой *Ovibos moschatus* на территории Республики Молдова. Несмотря на то, что большая часть территории пруюто-днестровского

Латеральная (максимальная) высота/lateral height	59.8
Медиальная высота/medial height	54.2
Проксимальная (верхняя) ширина/proximal breadth	40.8
Дистальная (нижняя) ширина/distal breadth	41.2
Медиальный диаметр нижнего суставного блока/medial diameter of the lower trochlea	27.4
Медиальный диаметр верхнего суставного блока/medial diameter of the upper trochlea	30.6

Таблица 1. Промеры (в миллиметрах) таранной кости овцебыка *Ovibos moschatus* из палеолитической стоянки Рашков 7.

Table 1. Measurements (in millimeters) of the talus of *Ovibos moschatus* from the Paleolithic site Rashkov 7.

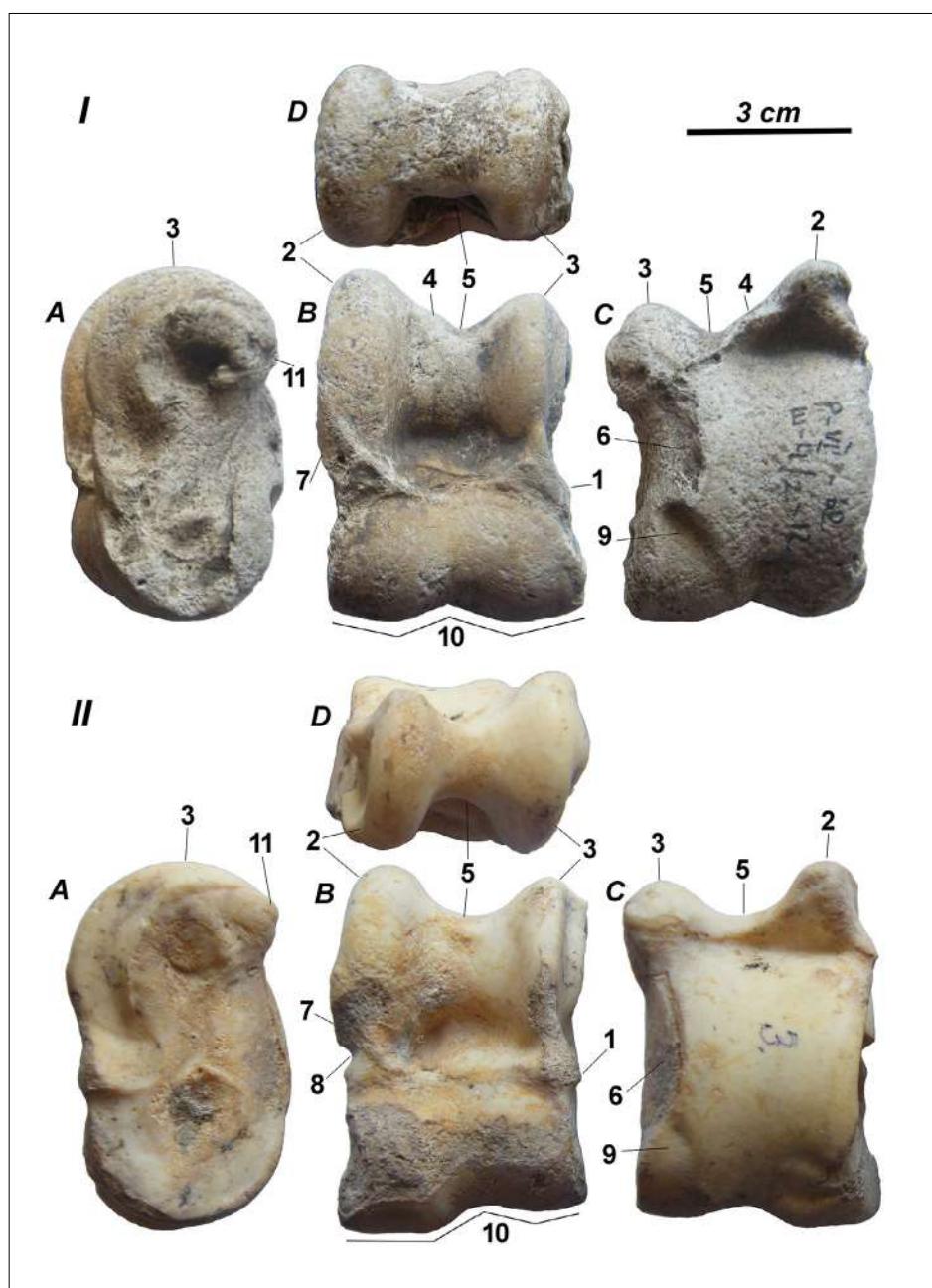

Рис. 2. Сравнение морфологии таранной кости (I) овцебыка (*Ovibos moschatus*) из верхнепалеолитической стоянки Рашков 7 с таранной костью (II) благородного оленя (*Cervus elaphus*) из раннего железного века Уч-Баша (Крым): А – вид с медиальной стороны; В – вид с дорсальной стороны; С – вид с плантарной стороны; Д – вид с проксимальной стороны; 1 – бугорок внутреннего гребня, 2 – латеральный гребень верхнего суставного блока, 3 – медиальный гребень верхнего суставного блока, 4 – вздутие суставной поверхности, 5 – желоб верхнего суставного блока, 6 – внутренняя поверхность таранной кости, ограниченная медиальным гребнем, 7 – малеолярный выступ, 8 – выемка под малеолярным выступом, 9 – ладьевидная ямка, 10 – дистальный суставной блок, 11 – вентральный конец медиального гребня верхнего суставного блока.

Fig. 2. Comparison of morphology of talus of (I) musk ox (*Ovibos moschatus*) from the Upper Paleolithic site Rashkov 7 with talus of (II) red deer (*Cervus elaphus*) from the Early Iron Age of Uch-Bash (Crimea): A, the medial view; B, the dorsal view; C, the plantar view; D, the proximal view; 1, the medial bulge at collum tali; 2, the lateral ridge of trochlea; 3, the medial ridge of trochlea; 4, the swelling of the articular surface; 5, the groove of trochlea; 6, the medial surface of talus delimited by the medial ridge; 7, the malleolar protrusion; 8, the notch below the malleolar protrusion; 9, the medial scala; 10, the distal trochlea; 11, ventral end of the medial ridge of trochlea.

региона была включена в гипотетический максимальный ареал распространения овцебыка в позднем плейстоцене [Krakhmalnaya, Kovalchuk 2018; Alvarez-Lao et al. 2020], подтверждённых находок из юго-восточной Европы до сих пор известно не было. Упоминания присутствия овцебыка в нижнем слое палеолитической стоянки Кормань IV и в среднем слое стоянки Молодова I на среднем Днестре не смогли найти своё подтверждение [Belan 1985]. Немногочисленные ископаемые остатки овцебыка найдены у села Збранки (Овручский район Житомирской области), под Киевом, на позднепалеолитической стоянке Добраничевка (Киевская область), на позднепалеолитической стоянке Бугорок у села Пушки Черниговской области Украины [Belan 1985], а также в Сумской области [Krakhmalnaya, Kovalchuk 2018]. Наиболее богатый остеологический материал овцебыка (188 костей не менее чем от 17 особей) был собран в позднепалеолитической стоянке Мезин Черниговской области Украины [Pidoplichko 1969]. Однако, по мнению Пидопличко [Pidoplichko 1969], в этом случае мы имеем дело с эпизодической встречей палеолитических охотников с небольшим стадом овцебыков, которое было полностью истреблено. Эта гипотеза подтверждается особенностями поведения современных овцебыков, которые не спасаются бегством от преследующих их хищников, а выстраиваютя в круг, обращая в сторону преследователей свои мощные рога [Krakhmalnaya 2009]. В целом же находки овцебыков в рассматриваемом регионе крайне редки и, по мнению ряда исследователей, *Ovibos moscatus* проникал в южные районы восточной Европы в наиболее холодные фазы оледенения [Gromova 1935; Pidoplichko 1969; Belan 1985; Alekseeva 1990; Krakhmalnaya, Kovalchuk 2018]. Наиболее южная находка овцебыка в западной Европе (абсолютный возраст: $34,9 \pm 0,4$ тысяч лет) была сделана в Кантабрийских горах на севере Иберийского полуострова, что вполне объясняет присутствие овцебыка в сочетании с другими представителями фауны эпохи ледниковья в этой части Европы [Alvarez-Lao et al. 2020]. В северо-восточной Европе овцебык присутствовал до эпохи позднего дриаса [Stefaniak et al. 2019]. Абсолютный возраст большей части датированных остатков овцебыка в центральной Европе попадают в приблизительный ин-

тервал времени между 18.75 и 15.75 тысячами лет [Stefaniak et al. 2019]. Вполне возможно, что находка овцебыка из Рашкова также происходит из этого интервала времени, довольно близкого к радиоуглеродными датировками костного материала из стоянки Рашков 7 ($19\ 100 \pm 300$ и $19\ 450 \pm 220$ лет) предложенными Сапожниковым с соавторами [Sapozhnikov et al. 2007] и соответствующего оценке Кетрару с соавторами [Chetaru et al. 2007] возраста стоянки Рашков 7 в 22-17 тысяч лет. Приблизительно 15 тысяч лет назад ареал распространения овцебыка в Евразии резко сократился [Stefaniak et al. 2019]. Следует полагать, что в первую очередь сокращение ареала этого приспособленного к суровым арктическим условиям животного имело место в его самой южной части. Таким образом, присутствие овцебыков в прую-днестровском регионе в более молодых отложениях эпохи последнего оледенения крайне маловероятно. Овцебык является индикатором довольно сухого, холодного и малоснежного климата [Stefaniak et al. 2019; Alvarez-Lao et al. 2020]; таким образом, находка этого вида даёт более точное представление об окружающей среде палеолитической стоянки Рашков 7.

Выводы

Единственная таранная кость овцебыка, обнаруженная в археозоологическом материале из палеолитической стоянки Рашков 7, является самой южной находкой этого вида в восточной Европе и первой находкой *Ovibos moscatus* на территории Республики Молдова. Таранная кость рашковского овцебыка характеризуется некоторыми морфологическими особенностями, в частности, вздутием суставной поверхности в желобе верхнего суставного блока, который может быть расценен как пример индивидуальной или групповой внутривидовой изменчивости или же представляет архаичный морфологический тип. Присутствие овцебыка в палеолитической стоянке Рашков 7 свидетельствует о довольно сухом, малоснежном и холодном климате.

Библиография

- Alekseeva 1990:** L.I. Alekseeva, Teriofauna verkhnego pleistotsena Vostochnoj Evropy. Trudy Geologicheskogo instituta 455, 1990, 1-110 // Л.И. Алексеева, Териофауна верхнего плейстоцена Восточной Европе. Труды Геологического института 455, 1990, 1-110.
- Álvarez-Lao et al. 2020:** D.J. Álvarez-Lao, D. Ballesteros, F. Rivals, A. Álvarez-Vena, P. Valenzuela, M. Jiménez-Sánchez, First occurrence of musk ox *Ovibos moschatus* in the Late Pleistocene (MIS 3) record from NW Iberia: Paleobiogeographic and paleoenvironmental implications. Quaternary Science Reviews 238, 2020, 106336.
- Belan 1985:** N.G. Belan, Ovtsebyk v pozdnem pleistotsene Ukrayny. Verstik zoologii 2, 1985, 31-34 // Н.Г. Белан, Овцебык в позднем плейстоцене Украины. Вестник зоологии 2, 1985, 31-34.
- Chetaru et al. 2007:** N.A. Chenraru, G.V. Grigorieva, S.I. Covalenco. Verkhnepaleoliticheskaya stoyanka Rashkov VII (Chișinău, 2007), 1-185 // Н.А. Кетрару, Г.В. Григорьева, С.И. Коваленко. Верхнепалеолитическая стоянка Рашков VII (Кишинёв 2007), 1-185.
- David 1980:** A.I. David, Teriofauna pleistotsena Moldavii (Chișinău, 1980), 1-185 // А.И. Давид, Териофауна плейстоцена Молдавии (Кишинёв 1980), 1-185.
- David 2007:** A.I. David, Prilozhenie 2. Kharakteristika kostnykh ostatkov iz raskopok paleoliticheskoi stoyanki Rashkov 7. In: (N.A. Chenraru, G.V. Grigorieva, S.I. Covalenco) Verkhnepaleoliticheskaya stoyanka Rashkov VII (Chișinău, 2007), 163-170 // А.И. Давид 2007, Приложение 2. Характеристика костных остатков из раскопок палеолитической стоянки Рашков 7. В кн.: (Н.А. Кетрару, Г.В. Григорьева, С.И. Коваленко), Верхнепалеолитическая стоянка Рашков VII (Кишинёв 2007), 163-170.
- Gromova 1935:** V. Gromova, Über die Verbreitung des Moschusochsen (*Ovibos moschatus* Zimm.) in Osteuropa und Nordasie. Bulletin de l'Académie des Sciences de l'URSS, Série VII, Classe des sciences mathématiques et naturelles 1, 1935, 101-114 // В. Громова, О распространении остатков овцебыка *Ovibos moschatus* Zimm. в Восточной Европе и Северной Азии, Известия Академии наук СССР. VII серия. Отделение математических и естественных наук 1, 1935, 101-114.
- Gromova 1960:** V. Gromova, Opredelitel' mlekopitayuschikh SSSR po kostyam skeleta. Vypusk 2. Trudy Komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda 16, 1960, 3-117 // В. Громова, Определитель млекопитающих СССР по костям скелета. Выпуск 2. Определитель по крупным костям заплюсны. Труды Комиссии по изучению четвертичного периода 16, 1960, 3-117.
- Krakhmalnaya 2009:** T.V. Krakhmalnaya, Mezinskaya stoyanka v ekspozitsii Paleontologicheskogo muzeya im. Akademika V.A. Topachevskogo. Pamyatky istorii i kul'tury 4, 2009, 49-55 // Т.В. Крахмальная, Мезинская стоянка в экспозиции Палеонтологического музея им. Академика В.А. Топачевского. Пам'ятки історії і культури 4, 2009, 49-55.
- Krakhmalnaya, Kovalchuk 2018:** T.V. Krakhmalnaya, O.M. Kovalchuk. Fossil *Ovibos moschatus* (Artiodactyla, Bovidae) from Buryn, with Reference to Muskox Dispersal in the Late Pleistocene of Ukraine. Vestnik Zoologii 52 (6), 2018, 463-470.
- Pidoplichko 1969:** I.G. Pidoplichko, Late Paleolithic Dwellings of Mammoth Bones in the Ukraine (Kyiv 1969) // И.Г. Пидопличко, Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине (Киев 1969).
- Popova 2007:** A.A. Popova, Prilozhenie 1. Sostav rastitel'nosti i klimaticheskie uslovia obitania cheloveka na stoyanke Rashkov 7. In: (N.A. Chenraru, G.V. Grigorieva, S.I. Covalenco) Verkhnepaleoliticheskaya stoyanka Rashkov VII (Chișinău, 2007), 158-162 // А.А. Попова, Приложение 1. Состав растительности и климатические условия обитания человека на стоянке Рашков 7. В кн.: (Н.А. Кетрару, Г.В. Григорьева, С.И. Коваленко) Верхнепалеолитическая стоянка Рашков VII (Кишинёв 2007), 158-162.
- Sapozhnikov et al. 2007:** I.V. Sapozhnikov, F. Djindjian, N.N. Kovaliukh, Prilozhenie 3. Absolutnye daty pozdnepaleoliticheskoi stoyanki Rashkov VII. In: (N.A. Chenraru, G.V. Grigorieva, S.I. Covalenco) Verkhnepaleoliticheskaya stoyanka Rashkov VII (Chișinău, 2007), 171-173 // И.В. Сапожников, Ф. Джинджан, Н.Н. Ковалюх. Приложение 3. Абсолютные даты позднепалеолитической стоянки Рашков VII. В кн.: (Н.А. Кетрару, Г.В. Григорьева, С.И. Коваленко), Верхнепалеолитическая стоянка Рашков VII (Кишинёв 2007), 171-173.
- Stefaniak et al. 2019:** K. Stefaniak, G. Lipecki, A. Nadachowski, A. Semba, U. Ratajczak, A. Kotowski, M. Roblíčková, P. Wojtal, A.V. Shpansky, D.G. Malikov and T.V. Krakhmalnaya 2019. Diversity of muskox *Ovibos moschatus* (Zimmerman, 1780) (Bovidae, Mammalia) in time and space based on cranial morphometry. Historical Biology, 2019, 1-16.

Роман Кройтор, доктор биологических наук, старший научный сотрудник Института Зоологии, Министерство культуры, образования и науки Республики Молдова, ул. Академiei 1, MD-2028, Кишинев, Молдова; ассоциированный научный исследователь, Université Aix-Marseille, CNRS, UMR 7269, Maison méditerranéenne des sciences de l'homme, BP674, 5 Rue Château de l'Horloge, 13090 Aix-en-Provence, France; e-mail: romancroitor@europe.com

Vitalie Sochircă, Sergiu Matveev, Andrei Corobcean, Vlad Vornic

Habitatul uman din mileniul I a. Chr. – prima jumătate a mileniului I p. Chr. în bazinul râului Cogâlnic*

Key words: the human habitat, the Iron Age, the Great Migration period, the Cogâlnic river.

Cuvinte cheie: habitat uman, epoca fierului, perioada marilor migrații, râul Cogâlnic.

Ключевые слова: среда обитания человека, железный век, период великого переселения, река Когыльник.

Vitalie Sochircă, Sergiu Matveev, Andrei Corobcean, Vlad Vornic

The human habitat from the 1st millennium BC - first half of the 1st millennium AD in the basin of the Cogâlnic river

The article represents a synthesis of scientific knowledge on the habitat in the basin of the Cogâlnic river and its archaeological component at the moment when we started an interdisciplinary project on research and scientific valorization of the archaeological heritage of the Iron Age in the basin of Cogâlnic river from the Republic of Moldova. Related to the way of life of human communities of the Iron Age are presented historical, geographical, geological peculiarities; also: relief, climate, vegetation, animals and soil of the researched micro-region, followed by a repertory of archaeological sites corresponding chronologically and geographically to the researched topic, accompanied by a history of their study with the identification of the main stages and the most involved researchers.

Vitalie Sochircă, Sergiu Matveev, Andrei Corobcean, Vlad Vornic

Habitatul uman din mileniul I a. Chr. – prima jumătate a mileniului I p. Chr. în bazinul râului Cogâlnic

Articolul prezintă rezultatele prospectării nivelului de cunoaștere privind habitatul bazinului râului Cogâlnic și siturile arheologice în momentul demarării unui proiect interdisciplinar privind cercetarea și valorificarea științifică a patrimoniului arheologic din epoca fierului din bazinul râului Cogâlnic de pe teritoriul Republicii Moldova. În legătură directă cu modul de viață a comunităților umane din această epocă sunt prezentate aspecte istorico-geografice, geologice, relieful, clima, vegetația, lumea animală și solul microregiunii cercetate, după care urmează un repertoriu al siturilor arheologice corespondente cronologic și geografic temei studiate, însotit de un istoric al studierii lor cu identificarea principalelor etape și a cercetătorilor implicați.

Виталие Сохиркэ, Сергиу Матвеев, Андрей Коробчан, Влад Ворник

Среда обитания человека I-го тысячелетия до н.э. – первой половины I-го тысячелетия н.э. в бассейне реки Когыльник

В статье представлен синтез научных знаний о среде обитания в бассейне реки Когыльник и ее нагрузке археологической составляющей в момент начала междисциплинарного проекта по исследованию и научному освоению археологического наследия железного века в бассейне р. Когыльник на территории Республики Молдова. В прямой связи с образом жизни человеческих сообществ этой эпохи представлены историко-географические и геологические аспекты, рельеф, климат, растительность, животный мир и почвы исследуемого микрорегиона. Далее следует свод археологических памятников, хронологически и географически соответствующих исследуемой теме, сопровождаемый историей их изучения с указанием основных этапов и наиболее вовлеченных исследователей.

* Cercetare realizată în cadrul proiectului 20.80009.1606.14 „Patrimoniu arheologic din epoca fierului în regiunea Nistrului Mijlociu și bazinul râului Cogâlnic: cercetare interdisciplinară și valorificare științifică”.

Teritoriul Republicii Moldova în epoca fierului, ca de altfel și în alte epoci istorice, prezintă un interes deosebit pentru cercetare prin intensitatea locuirii umane, varietatea culturii materiale și spirituale a comunităților ce-au viețuit aici, precum și a interacțiunii dintre om și cadrul natural la nivel de microregiuni. Una dintre astfel de microregiuni va deveni, pentru următorii ani, temă de cercetare a echipei interdisciplinare de specialiști din cadrul LCŞ „Tracologie” de la Universitatea de Stat din Moldova și de la alte instituții partenere. Este vor-

ba despre o regiune geografică clar delimitată, și anume bazinul râului Cogâlnic.

În sursele cartografice din diferite perioade și țări, râul Cogâlnic apare sub forma de Cunduc („Kunduk”); în cele întocmite de ingineri ruși „Когыльник”, iar cele ucrainene – „Когильник” [Arbore 1904, 70-71, 81-82]. Cogâlnicul face parte din grupul râurilor mici din bazinul Mării Negre din sudul Basarabiei. Hazardul schimbărilor de frontiere a făcut ca astăzi Cogâlnicul să traverseze teritoriul a două state: partea central-sudică a Re-

publicii Moldova și sud-vestul Regiunii Odesa din Ucraina. Potrivit părerii lui Anatol Eremia, hidronimul, după aspectul fonetic și vechimea sa, pare să fie de origine turcică, un nume topic păstrat încă de la pecenegi și cumani (sec. IX-XI), până la assimilarea turanicilor de către populația băștinășă. Nume de râuri identice sau asemănătoare au mai fost înregistrate în spațiul prouto-nistrean, un alt râu Cogâlnic, affluent de stânga al Răutului, în ținutul Orhei, dar și în bazinile râurilor Nipru și Don [Eremia 2012]. Etimologia este una controversată: (1) turc. *kagan-lyk* „cahanat”, „teritoriu stăpânit de un kahan/kagan (principe turanic)” [Strizhak 1963, 86]; (2) tăt. (nogai) *këgëlén* „iarbă” + suf. *lyk* [Nikonov 1966, 166], onimicul însemnând la origine „râul de pe valea ierboasă, bogată în pășuni”. Unele dintre hidronimele noastre fie că au fost transplantate de turani, fie că au fost create în aceste locuri după tipul celor din regiunile populate de ei anterior, păstrându-se astfel o tradiție toponomică mai veche, specifică popoarelor turanice migratoare [Eremia 2012].

Râul Cogâlnic își are izvoarele în Podișul Moldovei Centrale (Podișul Codrilor), la circa 2 km sud-est de satul Bursuc (r-nul Nisporeni), la altitudinea absolută de 235 m (dealul la poalele căruia se află izvoarele are o altitudine de 393,4 m) și debușează prin două brațe¹ (cel stâng mai bogat în apă), în partea de nord a lacului Sasâc/Sasyk² la 5 km sud-est de orașul Tatarbunar, la altitudinea absolută de 2 m. Râul traversează pe lungimea sa teritoriul mai multor localități, cum ar fi: Bursuc, Ciuciuleni, Drăgușeni, Bobeica, Dahnovici, Stolniceni, Logănești, Hâncești, Bozieni, Gura Galbeni, Valea Perjei, Gradiște, Ecaterinovca, Cimișlia, Bogdanovca Nouă, Bogdanovca Veche, Sadaclia, Carabetovca, Iordanovca, Abaclia, Basarabeasca (toate în Republica Moldova), dar și Serpneve (Leipzig/Leiptig³), Pidhirne (Kulm/Culmea), Belezine (Rotunda/Berezina), Krasne (Crasna), Veselij Kut (Paris), Sadove (Alt-Elft/Ferșampenuazul Mare), Teplytsea (Teplitz/Toplița), Arciz (Arzis),

1. Din a doua jumătate a secolului XX, după lucrările de canalizare a albiei râului, Cogâlnicul curge în Sasâc printr-un singur braț.

2. Lacul Sasâc în toponimica arhaică avea același nume cu râul – Cunduc (Kunduk) – ambele denumiri fiind utilizate și în prezent de populația locală.

3. Între paranteze sunt prezentate denumirile localităților aflate în uz oficial până în 1947 [Vidomosti 1947], păstrate, în unele cazuri, în limba vorbită a localnicilor până în prezent.

Pavlivka, Dolinivka (Gnadental), Novoselivka (Gura-Cilighider/Satu-Nou), Dolinka (Kunduk), Nova Oleksiivka (Kunduk/Alexandrovca Nouă), Tatarbunary (Tatarbunar), actualmente în Ucraina.

Datele hidrologice referitoare la râul Cogâlnic indică o lungime a cursului de apă de 243 km (după alte surse – 221 km [Cazac et al., 2007, 217-218]), dintre care 125 km pe teritoriul Republicii Moldova și 118 km pe teritoriul Ucrainei [SM RM 2005]. Bazinul de recepție are o suprafață de 3910 km², dintre care 1030 km² pe teritoriul Republicii Moldova – partea superioară a bazinului hidrografic, și 2880 km² pe teritoriul Ucrainei – partea de mijloc și cea inferioară a bazinului hidrografic). Parametrii principali ai bazinului râului Cogâlnic sunt următorii: lungimea bazinului este de 182 km, lățimea medie – 21 km, coeficientul de lățime – 0,1; bazinul de recepție este bine exprimat: lungimea cumpenei de apă este de 421 km, coeficientul de dezvoltare – 1. Valorile medii ale debitului anual de apă în perioada de observații analizată (1940-2002), pentru partea superioară a bazinului râului, sunt de 0,29 m³/s (maximul de viitoră înregistrat în or. Hâncești a fost de 21,7 m³/s în anul 1960; debitul minim înregistrat – 0,0006 m³/s în anul 1964). Căderea râului constituie 237 m, panta medie – 1,1‰, coeficientul de meandrare – 1,43 [Cazac et al. 2007, 217-222].

Regimul râului se caracterizează prin ape mari de primăvară, viituri scurte pluviale vara, etaj bine exprimat în perioada caldă a anului în cursul superior și chiar secare completă pe multe sectoare [Cazac et al. 2007, 221]. În anii secetoși, albia râului seacă pe unele sectoare din cursul de mijloc și inferior, situația fiind agravată de prezența multor iazuri în limitele bazinului de recepție (care rețin o parte din scurgerea de suprafață și contribuie la creșterea volumului de apă evaporată) și de faptul că apele râului Cogâlnic sunt folosite în irigații. Totuși, în perioadele de ploi abundente, în valea Cogâlnicului, mai ales în partea sa superioară, se pot produce inundații.

Pe lungimea râului, principali afluenți sunt de stânga și anume: Galbena (25 km lungime, cu vârsarea în apropiere de satul Gura Galbenei), Cosim/Kosym (34 km lungime, cu vârsarea în dreptul satului Iordanovca), Schinoasa (53 km lungime, cu vârsarea în apropiere de localitatea Serpneve (Leipzig/Leiptig)), Ceaga (116 km lungi-

me, cu vârsarea în dreptul orașului Arciz), Gealar (26 km lungime, cu vârsarea în aval de satul Dolinivka (Gnadental)) și Cilighider/Celighider (60 km lungime, cu vârsarea în amonte de satul Novoselivka (Gura-Cilighider/Satu-Nou)). În afara de acestea valea râului Cogâlnic acumulează apele a peste 130 de râulete și pâraie (afluenți și coafluenți), dintre care cele mai mari sunt: Schinăriile, Corlata, Valea Lacului, Valea Fânețului (Fânețul), Mitocul, Râtundul, Timircanul, Chilumul, Valea Albinei, Glădișul, Valea Merenilor, Geaparul, Valea Cișmelei, Hărtoapele/Hârtopol, Valea Pădurii, Bularga, Anciokrak (Bahmutka) (pe dreapta); Valea Conojenilor, Valea Podișului, Vișina (Ghișina), Valea Cailor, Irieștii, Fantalul, Valea Oii, Râpacul, Răzlogul, Groapa, Ruptura, Râșnița, Ilieșul, Adâncul, Ciobârca, Valea Turcului, Lata, Tăpoiul, Fundoaia, Schinoșica, Baraghina, Curugica, Saca, Colbărișul, Lunga (pe stânga) [Eremia, Stegărescu, Eremia 2016, 30].

Lacurile se întâlnesc mai rar în bazinul Cogâlnicului și ocupă doar 0,1% din suprafața totală. În lunca Cogâlnicului și cele ale unor afluenți mai mari sunt prezente lacuri naturale de luncă (numite și „starițe”) – formate în albiile vechi, părăsite, ale râurilor, îndeosebi în bazinul inferior și cel de mijloc. În schimb, mai frecvente sunt lacurile artificiale – iazurile și heleșteiele, majoritatea având baraje chiar pe albia râurilor. Cele mai mari iazuri sunt situate în proximitatea localităților Hâncești, Cimișlia și.a. Cel mai mare și mai important lac natural este Sasâc/Sasyk (Cunduc/Kunduk), de tipul liman maritim, format la gura de vârsare comună a râurilor Cogâlnic și Sărata. Lacul-liman este separat de Marea Neagră printr-un baraj natural cu lățimea medie de 0,5 km, care avea în trecut o portiță naturală, îndiguită, în mod neinspirat, în anul 1978. Bazinul lacului are o suprafață ce variază în jurul a 215 km² și o formă alungită, pe direcția Nord-Sud, de circa 35 km, cu lățimea maximă de 11 km. În partea de sud-vest, limanul a fost legat de fluviul Dunăre printr-un canal artificial, fiind alimentat sistematic cu apă dunăreană. Adâncimea medie a lacului este de aproximativ 2,5 m, cea maximă fiind de doar 3,3 m. Salinitatea apei lacului variază de la 0,7 la 3,0 g/litru, adică este de tip salmastră [GID 1987].

Izvoarele scrise din perioada medievală atestă râul Cogâlnic. Prima mențiune a unui râu Cogâlnic, aflat între Prut și Nistru, se găsește în actul din

11 martie 1502 emis la Vaslui, și este identificat cu Cogâlnicul din părțile Orheiului, affluent al Răutului [DIR I 1953, doc.14; DRH III 1980, doc. 270], opinie susținută și de lingvistul Anatol Eremia [Eremia 2012; Eremia, Stegărescu, Eremia 2016, 100], în ciuda faptului că în document mai sunt menționați Ulmi și Spiroasă, care ar putea fi satul Ulmi și Schinoasa – un affluent al Cogâlnicului/Cunduc. Cu certitudine, Cogâlnicul vizat de cercetarea noastră, este menționat în actul din 1 aprilie 1528 emis la Huși de cancelaria domnească în timpul lui Petru Rareș [DIR I 1953, doc. 257]. Prezența fântânilor și tumulilor în valea Cogâlnicului este atestată într-un act emis de cancelaria domnească în timpul lui Petru Șchiopul care datează din 1 iunie 1589: „...un loc de câșlă, de asemenea, pe același Cogâlnic, puțin mai jos, la Movila lui Bodei...” [DRH VIII 2014, doc. 336]. Dimitrie Cantemir (1673-1723) în „Descrierea Moldovei”, afirmă că râul „Cogâlnicul nu are nici măcar un izvor al lui și nu poate fi socotit râu decât abia după ce cad ploile de toamnă; în timpul verii seacă și arată ca o groapă, din care pricină vitele tătarilor din Bugeac pier foarte adesea de sete” [Cantemir 1981, 35]. Peste câteva decenii și istoricul german de origine suedeză Johann Erich Thunmann (1746-1778), referindu-se la zona Bugeacului, scria: „Țara aceasta (Bugeacul – n.a.) reprezintă o câmpie întinsă, fără munți și păduri, dar solul este deosebit de roditor și produce diferite cereale de calitate deosebită și în cantități mari. Iarba și aici e la fel de înaltă ca în Edisan⁴. În lunile calde, există un mare deficit de apă. Chiar și cel mai mare râu din această zonă, Cogâlnicul, seacă atunci, și din cauza lipsei de apă vitele tătarilor din Bugeac mor adesea de sete. Toamna, însă, când începe sezonul ploios, apar brusc nenumărate șuvoaie în toate zonele joase. Toate zonele mlăștinoase sunt acoperite atunci cu bălti. Pentru a depăși penuria de apă din vară, se găsesc fântâni foarte adânci care au fost săpate peste tot. Pentru tătari, ca și în est, săparea de fântâni a devenit un act religios și de onoare” [Thunmann 1991]. Moviele din valea Cogâlnicului sunt descrise de Z. Arbore astfel: „La sud de Gura-Galbenii Cogâlnicul trece printre „Mojilele Străjilor”, iar între satele Gradiștea și Blahodat trece prin Valul-lui-Traian” [Arbore 1904, 70] și „Valea dintre târgșorul Gura-Galbină și satul Gradiștea, precum și partea văii dinspre satul Bogdanăuca și satul Sadaclia, sunt presărate cu numeroase moviele” [Arbore 1904, 81].

4. Regiunea dintre râurile Bug și Nistru

Aspecte geologice și relieful

Bazinul de recepție al râului Cogâlnic este alungit de la nord-vest spre sud-est, cu o înclinație generală în aceeași direcție, și are o configurație asimetrică, fiind mai dezvoltat pe malul stâng. Suprafața întreagă a bazinului se încadreză în extemitatea sud-vestică a Câmpiei Europei de Est, în câteva subunități de relief mai mici. Partea superioară a bazinului este situată în Podișul Moldovei Centrale (Podișul Codrilor) și se caracterizează printr-un relief de dealuri înalte, cu altitudini absolute de 250-350 m și maxima care atinge 393,4 m (la circa 200 m spre vest de Mănăstirea Hâncu), cu interfluvii înguste și alungite, cu intense procese de modelare, îndeosebi eroziunea și alunecările de teren. Partea centrală aparține Câmpiei Moldovei de Sud și se caracterizează prin relief deluros, moderat fragmentat, cu altitudini absolute de 100-200 m, cu procese active de eroziune, iar partea inferioară – Câmpiei Mării Negre, numită de unii autori și Câmpia Bugeacului sau Câmpia Pontică [Porucic 1929], cu forme joase de relief (20-100 m), ondulate, cu procese de eroziune pe versanți și de acumulare – în sectoarele mai joase.

T. Porucic în cunoscuta lucrare „Relieful teritoriului dintre Prut și Nistru” menționează prezența pe culmile-platou din Câmpia (Platoul) Bugeacului, la care atribuie și bazinul râului Cogâlnic, a unor „farfurioare” – depresiuni mici circulare sau eliptice, numite și „dolii (doline)” sau „zapadine”. Aceste depresiuni se umplu cu apă primăvara și după ploi, transformându-se în lacuri mici, care repede se usucă. Unele dintre ele se transformă în sărături, în cazul unei infiltrări slabe a apei, iar altele (unde infiltrarea apei este mai lesnicioasă) – în areale cu vegetație de baltă, servind ca pășuni în perioadele aride, când stepa înconjurătoare este mai uscată [Porucic 1929, 58].

Din punct de vedere tectonic, bazinul de recepție al râului Cogâlnic aparține Platformei Est-Europene, reprezentată de unități structurale componente ierarhic inferioare, numite Placa/Platforma Moldovenească/Moldavă (care cuprinde partea nordică a bazinului râului), Depresiunea Mării Negre și Depresiunea Predobrogeană (care cuprind partea sudică a bazinului râului). Teritoriul dat este situat la granița dintre câteva unități structurale majore: extemitatea sud-vestică a Platformei Est-Europene, la limita cu Orogenul Carpathic, cu Platforma Meosică, Placa/Platforma

Scytică și.a. [Drumea, Neaga 2010, 16-25]. Aceasta determină o instabilitate structurală, marcată de mișcări tectonice intense, care provoacă și cutremure de pământ, având focarul principal în Munții Carpați (în județul Vrancea, România), dar și focare secundare în regiunile limitrofe. Bazinul Cogâlnicului se încadreză în zona seismică cu posibile cutremure puternice, cu o intensitate de până la 7-8 grade, conform scării de magnitudine Richter [Atlas 1978]. Seismele au un impact puternic nu doar asupra componentelor naturii din regiune (provoacă modificarea reliefului, a unor cursuri de râu etc.), ci și asupra societății umane (provoacă pierderi de vieți omenești, prejudicii materiale etc.).

Platforma Europei de Est în acest sector are un fundament din roci cristaline magmatice și metamorfice (granit, gnais, sisturi cristaline și.a.) cu o vârstă de circa 3,5-1,2 miliarde de ani, acoperit de o cuvertură sedimentară. Fundamentul platformei coboară de la nord-est spre sud-vest, iar grosimea cuverturii sedimentare crește de la nord spre sud [Drumea, Neaga 2010, 16-25]. Sectorul sudic al Platformei Europei de Est, care cuprinde integral și bazinul Cogâlnicului, este supus în era Neozoică (Cainozoică) unor frecvențe alternări ale transgresiunilor și regresiunilor marine, ceea ce a dus la modificarea radicală a condițiilor naturale (succedarea condițiilor marine cu cele continentale), ceea ce s-a repercutat și în specificul alcăturii geologice. Rocile sedimentare ale platformei sunt reprezentate de argile, nisipuri, gresii, calcare, marne, luturi și.a., care s-au acumulat în urma numeroaselor coborâri ale teritoriului sub apele mărilor (Badeniană, Sarmatiană/Sarmatică, Meotiană, Pontiană/Pontică) din perioadele geologice mai îndepărtate și ale Mării Negre – în perioada recentă [Mihailescu et. al. 2006, 30-59; Atlas 1978]. Aceste roci aflorează îndeosebi în văile râurilor, în ravene și pe alte sectoare supuse eroziunii, alunecărilor de teren, surpărilor etc. Pe terasele râurilor mari (Cogâlnic, Ceaga) și în luncile râurilor sunt prezente depozite aluviale (argile, nisipuri, pietriș, prundiș). În condiții continentale, în perioadele cu climă rece și uscată, însotită de vânturi puternice, s-au format depozite de loess – o rocă sedimentară detritică, prăfoasă, de culoare galbuie. Asemenea condiții climatice erau specifice perioadelor glaciare, când la nord de teritoriul actual al țării noastre se formau calote glaciare

imense [Bilinkis, Drumea, Dubinovskii 1978].

Important de reținut este faptul, că sectorul sudic al Platformei Europei de Est, implicit și bazinul Cogâlnicului, este supus în perioada Cuaternară (cea mai recentă perioadă, care continuă în prezent) unor mișcări epirogenice neotectonice în direcții opuse: teritoriul din bazinul superior, în limitele Podișului Moldovei Centrale (Codrilor) suferă mișcări de înălțare lentă, iar cel din bazinul de mijloc și cel inferior suferă mișcări de coborâre lentă. Chiar dacă valorile acestor mișcări oscilațorii sunt mici (cățiva centimetri pe an), totuși ele au anumite repercusiuni asupra reliefului și, respectiv, a altor elemente ale naturii (linia de țarm, rețeaua hidrografică etc.) [Bilinkis, Drumea, Dubinovskii 1978; Drumea, Neaga 2010, 16-25].

Rocile sedimentare din bazinul Cogâlnicului sunt utilizate de către om, din timpuri îndepărtate și până astăzi, ca materiale de construcție și în alte scopuri. Cea mai veche și largă utilizare o au argilele și luturile, folosite pentru chirpici (lampaci), cărămidă, țiglă (olane), pentru ceramică, ceamur, muruială, diverse liante ș.a. Nisipul, pietrișul și prundișul sunt folosite la obținerea lianților, la pavaj, la amenajarea drumurilor, iar mai recent la fabricarea betonului. Calcarul este utilizat ca piatră de construcție (calcarul tăiat), ca piatră spartă (pentru drumuri, terasamente etc.), pentru monumente (în acest areal sunt numeroase cruci și monumente funerare făcute din calcar), uneori ca pavaj, ca material de fațadă etc. De exemplu, din astfel de calcar au fost ridicate zidurile și alte construcții ale Cetății Albe (Akkerman). Gresiile se întâlnesc mai rar, de regulă în cadrul depozitelor de nisipuri și argile, și se folosesc ca material de construcție mai rezistent. Fragmentele de gresie de localnici sunt numite „piatră sălbatică” („дикий камень” în limbile bulgară, ucraineană, rusă).alte roci, precum loessul și marna, sunt folosite mai puțin, în special la obținerea lianților, a ceamurului, la muruire și tencuire.

În funcție de structura văii și a albiei, se evidențiază două sectoare ale cursului râului:

Sectorul I (în limitele Republicii Moldova, cu lungimea de circa 101 km): de la izvor până la confluența cu Schinoasa. Lățimea medie a văii este de 2,5-4,5 km, cea maximă – de 5 km (la periferia sudică a s. Bogdanovca Veche), iar cea minimă – de 1,5 km (s. Ciuciuleni). Versanții sunt concavi, abrupti și foarte abrupti, constituți din argile nisi-

poase, valorificate agricol (vii, livezi, arabil). Lunca este bilaterală, preponderent uscată, constituită din argile nisipoase și luturi, în aval de s. Bobeica fiind intersecțată de canale de drenare nu prea adânci, valorificate ca teren arabil sau pășune.

Sectorul II (în limitele Ucrainei, cu lungimea de circa 120 km): de la confluența cu Schinoasa până la gura de vărsare în lacul Sasâc/Sasyk (Cunduc/Kunduk). Valea râului este trapezoidală, cu lățimea de 3,0-3,5 km, maximă fiind de 5,5 km (la 1,5 km în amonte de orașul Tatarbunar). Valea este asimetrică [Porucic 1929, 83-84], cu versantul drept concav, intersecțat de ravene scurte, iar versantul stâng este puțin abrupt și slab intersecțat de vâlcele și ravene, sectoarele de versant fiind valorificate agricol, de regulă arabil. Lunca este bilaterală, plană, constituită din argile nisipoase cu mâluri și nisipuri argiloase, cu vegetație de stepă [Râul Cogâlnic; Cazac et al. 2007, 217-222].

Relieful bazinului de recepție al râului Cogâlnic este, în ansamblu, favorabil pentru traiul și activitatea omului, prin urmare contribuind la popularea timpurie, permanentă și intensă a acestui teritoriu. Astfel, altitudinea de 20-50 m în cursul inferior până la 250-350 m în cursul superior permite practicarea unei game largi de activități umane (din domeniile agricol, construcții, transport ș.a.) practic fără dificultăți, iar singurele restricții sunt generate de eroziune și de alunecările de teren frecvente. Omul, însă, s-a adaptat și la aceste condiții geomorfologice, populând chiar și formele de relief generate de alunecările de teren – hârtoapele, în care sunt situate numeroase așezări umane (îndeosebi în cursul superior și cel de mijloc al râului), de exemplu satele Fundul Galbenei, Buțeni din rn. Hâncești, Lipoveni din rn. Cimișlia ș.a.

Totuși, majoritatea așezărilor umane din bazinul Cogâlnicului sunt situate în lunca râului sau pe terasele inferioare ale acestuia. Drept exemplu servesc localitățile Hâncești, Bozieni, Cimișlia, Abaclia, Basarabeasca, Serpneve (Leipzig/Leiptig) (o parte a intravilanului acestora), Berezine (Rotunda/Berezina), Veselij Kut (Paris), Arciz (Arzis), Novoselivka (Gura-Cilighider/Satu-Nou) ș.a. În același timp, unele așezări umane mai vechi au fost permute de pe versant pe interfluvii (care sunt mai puțin afectate de procesele de modelare), iar alte așezări mai recente (în primul rând coloniile germane – create, preponderent, în prima jumătate a sec. al XIX-lea și satele întemeiate

după sec. al XIX-lea) au fost construite pe interfluvii și pe alte sectoare de teren mai protejate de factori de risc (în special de inundații): Pidhirne (Kulm/Culmea), Krasne (Crasna), Sadove (Alt-Elft/Ferșampenuazul Mare) și.a.

Clima

Bazinul râului Cogâlnic este situat în zona climatică temperată, având o climă temperat-continențală. Aceasta se caracterizează prin veri lungi și calde, ierni relativ scurte și blânde, iar primăvara și toamna sunt anotimpuri de tranziție, cu o durată și o stare a vremii instabilă. Acest tip de climă este destul de torid și arid, iar drept rezultat al cantității reduse de precipitații atmosferice și al evaporării intense în perioada caldă a anului volumul apelor de suprafață este relativ mic. Gradul de asigurare cu apă este, în ansamblu, insuficient, de aceea este necesară realizarea unor măsuri adecvate de protecție și de creștere a volumului resurselor de apă.

Temperatura medie anuală a aerului pe acest teritoriu este cuprinsă între 9-11°C [Atlas 1978]. Conform *Atlas of Global and Regional Climate Projections* a ultimului Raport de evaluare IPCC (AR5) privind schimbările climatice, în viitorii ani (2016-2035), în limitele sudului Republicii Moldova, temperatura medie anuală va crește la 11...12°C, față de media de referință de 10...11°C în perioada 1986-2005. Aceasta confirmă faptul, că ne aflăm în perioada unor schimbări climatice substanțiale în ritm accelerat și doar luarea unor măsuri de adaptare, ar putea contribui esențial la asigurarea dezvoltării durabile. Suma temperaturilor active ale aerului în perioada de vegetație – indicatorul principal al resurselor de căldură pentru creșterea și dezvoltarea culturilor agricole, variază în limitele acestei regiuni de la 3150-3200°C (în partea nordică a bazinului) până la 3400-3500°C (în partea sudică a bazinului) [Atlas 1978; Constantinov, Nedealcov 2010, 38].

Cantitatea anuală a precipitațiilor atmosferice, unul dintre indicatorii de bază ce caracterizează resursele de umiditate, variază în limitele bazinului de la 400-450 mm în partea sudică a bazinului și până la 550-600 mm în partea nordică a bazinului. De exemplu, valorile medii multianuale ale precipitațiilor atmosferice constituie 571 mm la stația Hâncești și 481 mm la stația Cimișlia [Constantinov, Nedealcov 2010, 33]. Valorile coeficientului hidrotermic cresc de la 0,5-0,7 în partea

sudică și de mijloc a bazinului până la 0,8-1,0 în partea nordică a bazinului, ceea ce reflectă o climă aridă subhumidă [Atlas 1978].

Dintre fenomenele climatice de risc mai frecvent se manifestă seceta, suhoveiul, temperaturile critice de vătămare a culturilor multianuale, înghețurile de primăvară și de toamnă, grindina, poliul, chiciura. Acestea influențează considerabil productivitatea culturilor agricole, starea sănătății oamenilor, gradul de aprovizionare cu resurse de apă potabilă și.a.

În ansamblu, condițiile climatice din bazinul râului Cogâlnic sunt favorabile pentru traiul și activitatea omului, fiind factorul natural principal al populației timpurii, permanente și relativ intense a acestui teritoriu.

Vegetația, lumea animală și solul

Revenind la textul semnat de Johann Erich Thunmann aflăm că, în secolul al XVIII-lea din cauza cantității reduse de lemn pe care îl aduc din regiunea Codrului, localnicii încălzesc locuințele cu tizic, pe care prealabil îl usucă la soare; aici se cultivă grâul, secara, dar mai ales meiul și orzul, ultimul având o rentabilitate de 1:100, creștinii din regiune cultivă și viața de vie; localnicii au cirezi mari de vite cornute mari și oi, se ocupă cu apicultura, prețuiesc foarte mult caii, care aici sunt mai mari și mai puternici decât cei din Crimeea; în special toamna organizează vânători a cailor sălbatici, cât și a altor sălbăticini: berbeci, boi, mai ales zimbri, dar și cerbi, capre, vulpi, râși, lupi și iepuri [Thunmann 1991].

În ansamblu pentru bazinul râului Cogâlnic, actualmente circa ¾ din suprafața totală sunt utilizate ca terenuri agricole, inclusiv 60-65% sunt terenuri arabile și 10-15% – pășuni, o suprafață neînsemnată (2-3%) fiind ocupată de păduri, restul revenind altor categorii de terenuri (ape, terenuri construite etc.). Pădurile sunt mai frecvente în cursul superior al râului, îndeosebi pe interfluviile mai înalte ale râurilor Botna, Cogâlnic, Lăpușna, în limitele raionului Hâncești. Pădurile sunt de tipul celor de foioase central-europene, având în calitate de edificatori stejarul pedunculat, frasinul, carpenul, teiul, în amestec cu alte specii, inclusiv subarboret (cornul, alunul, scumpia, cărpinița și.a.). Speciile de animale caracteristice sunt căpriorul, mistrețul, vulpea, bursucul, veverița și.a. În cursul de mijloc al râului este o zonă de tranziție

– de silvostepă – păduri rare în amestec cu stepă, care a fost în mare parte desfășurată, iar în cursul inferior al râului este zona tipică de stepă – numită „Stepa pontică”, cu denumirea locală de „Stepa Bugeacului”, ca parte a zonei de stepă eurasiană [Săvulescu 1927]. Înăuntrul la începutul secolului al XIX-lea, vegetația de stepă ocupa o parte considerabilă a acestui teritoriu, fiind renumită pentru păsunile sale pretabile unui păstorit intens încă din cele mai vechi timpuri, inclusiv transumanței practicate de păstorii din Munții Carpați. Însă, ulterior stepa a fost desfășurată, pentru extinderea terenurilor cultivate. Actualmente vegetația de stepă s-a păstrat sub formă de pâlcuri, pe versanții mai abrupti, pe terenuri puternic afectate de procese de modelare și pe alte terenuri neutilizabile în alte scopuri. Fauna scundă a stepei este reprezentată de iepurele-de-câmp, popândă și alte rozătoare, vulpe, potârniche, prepeliță etc. [Mihailescu et. al. 2006, 136-157].

Solurile din bazinul râului Cogâlnic sunt destul de omogene, fiind reprezentate preponderent de cernoziomuri, formate în condiții de stepă. Dintre subtipurile de cernoziom mai frecvente sunt cernoziomurile tipice slab humifere și cele sudice, carbonatice, care ocupă circa 70% din învelușul de sol și se formează sub vegetația de stepă mai aridă, xerofită, se caracterizează printr-un grad sporit al fertilității (bonitatea medie este de 70-75 puncte din 100) [Ursu 2006]. Prezența acestor soluri fertile, condițiile favorabile climatice și geomorfologice, a contribuit în trecut, și în prezent la dezvoltarea agriculturii, în special aceste condiții fiind pretabile pentru cultura cerealelor (orz, grâu, mei, sorg și.a.). De asemenea, aceste soluri sunt favorabile pentru viața-de-vie și pomii fructiferi. În bazinul superior al Cogâlnicului, în limitele Podișului Moldovei Centrale (Codrilor), pe interfluviu s-au format și soluri cenușii, sub păduri de foioase dominate de stejarul pedunculat, care au un grad înalt de fertilitate (bonitatea medie este de 78 puncte din 100), fiind pretabile pentru viața-de-vie, pomii fructiferi, tutun, porumb. În luncile râurilor, sub vegetație ierboasă de luncă, s-au format solurile aluviale, care sunt favorabile mai ales pentru legumicultură și culturile furajere. În acest sens, se remarcă îndeosebi lunca Cogâlnicului, în care se practică pe larg legumicultura. În bazinul de mijloc și cel inferior al Cogâlnicului apar insulare solurile halomorfe (solonțeac și solonet) – în sectoarele de stepă mai aridă, pe locu-

rile cu nivel ridicat al apelor freatici mineralizate și cu prezența argilelor saline. Acestea au o fertilitate redusă, o vegetație foarte scundă și practic nu sunt folosite, decât doar ca pășuni de calitate inferioară, preponderent pentru ovine și caprine. Solurile din bazinul Cogâlnicului sunt puternic afectate de eroziune, răvenare, alunecări de teren, precum și de impactul negativ al activității umane [Ursu 2011].

Comunitățile umane în perioada mileniului I a. Chr. – prima jumătate a mileniului I p. Chr.

În urma studierii publicațiilor de epocă și a materialelor de arhivă, a fost reconstituit istoricul cercetărilor arheologice și respectiv cel al locurii bazinului râului Cogâlnic în perioada mileniului I a. Chr. – prima jumătate a mileniului I p. Chr., în unele cazuri fiind recuperate și anumite pagini pierdute sau mai puțin cunoscute. Astfel, istoricul cercetării arheologice a siturilor din epoca fierului și perioada romană din bazinul râului Cogâlnic cuprinde cinci etape:

1. Anii 20-40 ai secolului XX – etapă despre care avem cunoștințe foarte sumare, și anume că au fost făcute cercetări topografice și arheologice pe *Valul lui Traian de Sus* (S. Panaitescu, K. Uhlig, Șt. Ciobanu, R. Vulpe) și pe alte situri (V. Adiasavici, P. Constantinescu-Iași, Șt. Ciobanu etc.), unele dintre materiale fiind trimise spre Cernăuți, ceea ce ar presupune implicarea în cercetări și a prof. Enric Ambrojevici.

2. 1945-începutul anilor 60 – etapă care demarează cu cercetarea primului tumul de pe valea Cogâlnicului la Ecaterinovca de către D. Berezoveț și T. Oboldueva și cele ale lui G. Smirnov la Stolniceni. Investigațiile realizate în acești ani au fost reduse ca suprafață, deseori purtând caracter de salvare și periegheze (G. Fedorov, E. Rikman, Ș. Fin, A. Uspenschii, N. Chetaru, I. Rafalovici).

3. Mijlocul anilor 60-sfârșitul anilor 80 – etapă de intensificare a cercetărilor perieghețice a zonei cu implicarea activă a unei noi generații de arheologi (V. Belelli, I. Niculiță, V. Dergacev, O. Levițchi, S. Agulnicov, S. Curceatov, V. Cavruc., I. Eremia, V. Haheu etc.), materializată prin publicarea seriei „Harta arheologică a RSS Moldovenești”, și săpături preventive sau de salvare la tumuli (V. Dergacev, E. Iarovoii), aşezări, necropole și *Valul lui Traian de Sus* (Gh. Cebotarenco, T. Șcerbacova, I. Vlasenco).

4. Anii 90-începutul deceniului II al sec. XXI – cuprinde mici săpături preventive pe *Valul lui*

Traian de Sus, realizate de A. Roșca, și cercetări perieghetică de verificare și completare a Hărții arheologice a bazinului Cogâlnicului în contextul proiectului de repertoriere a raioanelor Republicii Moldova desfășurate între anii 1991-1993 (S. Covalenco, S. Curceatov, A. Roșca, V. Vâlcu, I. Tentiuc). Apoi, cu mici excepții, reprezentate de investigațiile sistematice sau de salvare efectuate de T. Arnăut și V. Sârbu în microzona sitului de la Stolniceni, urmează o perioadă de suspendare aproape completă a cercetărilor arheologice în bazinul râului Cogâlnic.

5. Începutul deceniului II al secolului XXI – până în prezent, etapa este determinată de schimbarea politicilor statului privind patrimoniul cultural în Republica Moldova prin adoptarea unei Legi a protecției patrimoniului arheologic și formarea Agenției Naționale Arheologice, care a preluat organizarea cercetărilor perieghetică, preventive și de salvare, fiind organizate investigații la așezări și necropole plane (V. Vornic, S. Agulnicov, S. Matveev, A. Corobcean, I. Ciobanu, L. Ciobanu), tumuli (S. Popovici, I. Ciobanu, S. Agulnicov) și *Valul lui Traian de Sus* (V. Vornic, S. Matveev, S. Popovici, I. Ciobanu).

În cei circa 100 de ani de cercetări arheologice la siturile din epoca fierului și perioada romană din bazinul râului Cogâlnic rezultatele sunt relativ modeste, comparativ cu alte microzone ale spațiului prouto-nistrean. Despre realizările primei etape avem cunoștințe reduse, iar la cea de-a patra se con-

stată un impas mare al investigațiilor de teren.

Concluzii

Bazinul râului Cogâlnic este, în ansamblu, favorabil pentru traiul și activitatea omului, prin urmare contribuind la popularea timpurie, permanentă și intensă a acestui teritoriu, permitând practicarea unei game largi de activități umane practic fără dificultăți (în special, din domeniul agricol), iar singurele restricții sunt generate de eroziune și de alunecările de teren frecvente. Omul, însă, s-a adaptat și la aceste condiții geomorfologice, populând chiar și formele de relief generate de alunecările de teren, în care sunt situate numeroase așezări umane. Până la începutul secolului al XIX-lea, vegetația de stepă ocupă o parte considerabilă a acestui teritoriu, fiind renomată pentru păsunile sale pretabile unui păstorit intens încă din cele mai vechi timpuri. Dintre fenomenele climatice de risc mai frecvent se manifestă seceta, suhoveiul, temperaturile critice de vătămare a culturilor multianuale, înghețurile periculoase de primăvară și de toamnă, grindina, poleiul, chiciura. Acestea influențează considerabil productivitatea culturilor agricole, starea sănătății oamenilor, gradul de aprovizionare cu resurse de apă potabilă și.a. Solurile din bazinul râului Cogâlnic sunt destul de omogene, fiind reprezentate preponderent de cernoziomuri, formate în condiții de stepă, în același timp, sunt puternic afectate de eroziune, răvenare, alunecări de teren, precum și de impactul negativ al activității umane.

Anexa

Repertoriul siturilor arheologice din mileniul I a. Chr. – prima jumătate a mileniului I p. Chr. din bazinul râului Cogâlnic

Denumire sit	Raion	Note	Descoperit	Cercetat	Bibliografie
Abaclia II	Basarabeasca	Așezare, SM-C	1987, Agulnikov		REP-BS (2)
Abaclia	Basarabeasca	15 tumuli			REP-BS (3-14)
Basarabeasca II	Basarabeasca	Așezare, SM-C	1980, Cavruc		REP-BS (19)
Buțeni I	Hîncești	Așezare, sec. IV-III a. Chr.	1982, Beilecci		REP-HN (3); Matveev, Arnăut 2010
Buțeni II	Hîncești	Așezare, sec. IV-III a. Chr.	1987, Arnăut		Arnăut 2003 Matveev, Arnăut 2009 Matveev, Arnăut 2010

Buțeni III	Hîncești	Așezare, sec. IV-III a. Chr.	1987, Arnăut		Arnăut 2003
Buțeni IV	Hîncești	Așezare, sec. IV-III a. Chr.	2008, Arnăut, Matveev		Matveev, Arnăut 2010
Buțeni V	Hîncești	Așezare, sec. IV-III a. Chr.	2008, Arnăut, Matveev		Matveev, Arnăut 2010
Buțeni VI	Hîncești	Așezare, sec. IV-III a. Chr.	2008, Arnăut, Matveev		Matveev, Arnăut 2010
Buțeni VII	Hîncești	Așezare, sec. IV-III a. Chr.	2008, Arnăut, Matveev		Matveev, Arnăut 2010
Buțeni VIII	Hîncești	Așezare, sec. IV-III a. Chr.	2008, Arnăut, Matveev		Matveev, Arnăut 2010
Buțeni/ Fârlădeni I	Hîncești	Așezare, SM-C	1982, Beilecci		REP-HN (4)
Buțeni/ Fârlădeni II	Hîncești	Așezare, SM-C	1982, Beilecci		REP-HN (5)
Carabetovca I	Basarabeasca	Așezare, SM-C	1980, Agulnikov		REP-BS (19)
Carabetovca	Basarabeasca	7 tumuli, sarmați	1967, Dergacev	1967, Dergacev	Rikman 1975, 37/31 REP-BS (20- 25)
Chircaieștii Noi	Căușeni	5 tumuli cercetați		1983, Cebotarenco	Chebotarenko, Iarovoi, Tel'nov 1989; REP-CS (19- 23)
Cimișlia I	Cimișlia	Așezare, SM-C	1982, Beilecci		REP-CM (13)
Cimișlia	Cimișlia	necropolă, sarmați (Tum. 2(?))	1955, Fin	1955, Fin	Rikman 1975, 36/31
Cimișlia	Cimișlia	12 tumuli			REP-CM (14- 16, 18-22);
Cimișlia	Cimișlia	Tumul 5 și 6, sarmați		2019, Popovici	REP-CM (17); Popovici, Bubulici 2019
Cimișlia	Cimișlia	Tumul 8, sarmați		2015, Popovici	REP-CM (18); Popovici et al. 2016
Ciuciuleni II	Hîncești	Așezare, sec. IV-III a. Chr.	1977, Eremia		Eremia 2020
Ciuciuleni III	Hîncești	Așezare, sec. IV-III a. Chr.	1977, Eremia		Eremia 2020
Ciuciuleni IV	Hîncești	Așezare, sec. IV-III a. Chr.	1977, Eremia		Eremia 2020
Ciuciuleni VI	Hîncești	Așezare, SM-C	1977, Eremia		Eremia 2020
Ciuciuleni VII	Hîncești	Așezare, sec. IV-III a. Chr.	1977, Eremia		Eremia 2020
Codreni I	Cimișlia	Așezare, SM-C	1982, Beilecci		REP-CM (23)
Drăgușenii Noi	Hîncești	Așezare, sec. IV-III a. Chr.	1977, Eremia		Eremia 2020
Ecaterinovca I	Cimișlia	Așezare, SM-C	1967, Dergacev	1978, Şcerbakova, Vlasenko	REP-CM (26)
Ecaterinovca II	Cimișlia	Așezare, SM-C	1967, Dergacev		REP-CM (27)

Ecaterinovca-Ialpujeni-Valea Jeparului	Cimișlia	Așezare, SM-C	2016, Vornic, Matveev, Popovici, Bodean	2016, Vornic, Matveev, Ciobanu	Vornic, Ciobanu, Matveev 2018
Ecaterinovca	Cimișlia	10 tumuli, doi cercetați cu sarmați		Dergacev	Dergachev 1973; REP-CM (30-36)
Ecaterinovca, Coștangalia	Cimișlia	VTS		1982, Cebotarenco	REP-CM (38)
Fârlădeni	Hîncești	Așezare, SM-C	1982, Beiletti		REP-HN (32)
Fetița I	Cimișlia	Așezare, sec. IV-III a. Chr.	1959, Chetaru		Lapushnian, Nikulitse, Romanovskaia 1974; REP-CM (37)
Fundul Galbenei I	Hîncești	Așezare, SM-C	1963, Marchevici		REP-HN (33)
Fundul Galbenei II	Hîncești	Așezare, SM-C	1963, Marchevici		REP-HN (34)
Fundul Galbenei IV	Hîncești	Așezare, sec. IV-III a. Chr.	1993, Covalenco		REP-HN (36)
Fundul Galbenei V	Hîncești	Așezare, SM-C	1993, Covalenco		REP-HN (37)
Gradiște	Cimișlia	Așezare, SM-C	1954, Fedorov, azi locația neidentificată?		REP-CM (39)
Gradiște I	Cimișlia	Așezare, SM-C	1982, Curceatov	1982, Cebotarenco	REP-CM (40)
Gradiște III	Cimișlia	Așezare, sec. IV-III a. Chr.	1982, Beiletti, Curceatov		REP-CM (42)
Gradiște	Cimișlia	4 tumuli, sarmați	Interbelic, ?	1946, Oboldueva	Rikman 1975, 35/30; REP-CM (43-45)
Gradiște, Iurievca I	Cimișlia	Așezare, SM-C	1982, Beiletti, Curceatov		REP-CM (55)
Gradiște, Iurievca II	Cimișlia	Așezare, SM-C	1982, Beiletti, Curceatov		REP-CM (56)
Gradiște, Iurievca III	Cimișlia	Așezare, SM-C	1982, Beiletti, Curceatov		REP-CM (57)
Gradiște, Iurievca IV	Cimișlia	Așezare, SM-C	1982, Beiletti, Curceatov		REP-CM (58)
Gradiște, Iurievca I	Cimișlia	8 tumuli			REP-CM (59-62)
Gura Galbenei	Cimișlia	8 tumuli, sarmați		1968, Dergacev	REP-CM (48-54)
Hîncești I	Hîncești	Așezare, SM-C	1960, Uspenschii		Rikman 1975; REP-HN (38)

Hîncești II	Hîncești	Așezare, SM-C	1960, Uspenschii		Rikman 1975; REP-HN (39)
Iordanovca	Basarabeasca	2 tumuli			REP-BS (31- 32)
Iserlia	Basarabeasca	2 tumuli			REP-BS (34)
Ivanovca Nouă I	Cimișlia	Așezare, SM-C	1980, Agulnicov		REP-CM (89)
Lipoveni I	Cimișlia	Așezare, SM-C	1956, Chetraru, Rafalovici; 2020, Matveev, Vornic		Rikman 1975; REP-CM (70)
Lipoveni II	Cimișlia	Așezare din prima și a doua epocă a fierului. Așezare și necropolă, SM-C	1956, Chetraru 2013-2020 Matveev, Vornic		Lapushnian, Nikulitse, Romanovskaia 1974; Rikman 1975; REP-CM (71); Matveev, Vornic 2014b; Matveev, Vornic 2015; Matveev, Vornic 2016a Matveev, Vornic 2016b; Matveev, Vornic 2017a; Matveev, Vornic 2017b
Logănești I	Hîncești	Așezare pluristratigrafică, prima și a doua epocă a fierului, SM-C	1980, Il'in	2017, Corobcean, Vornic, Matveev	REP-HN (62); Corobcean, Vornic, Matveev 2018 Corobcean, Vornic, Matveev 2019
Logănești II	Hîncești	Așezare pluristratigrafică, SM-C	1980, Il'in		REP-HN (63)
Mihailovca	Cimișlia	7 tumuli			REP-CM (77- 79)
Porumbrei I	Cimișlia	Așezare, sec. IV-III a. Chr.	1982, Beiletti		REP-CM (63)
Porumbrei III	Cimișlia	Așezare, SM-C	1982, Beiletti		REP-CM (65)
Porumbrei/ Sagaidacul Nou	Cimișlia	Așezare, SM-C	2013, Bodean, Mistreanu, Cotruță	2013, Matveev, Vornic	Matveev, Vornic 2014a
Sadaclia I	Basarabeasca	Așezare, SM-C	1981, Levițchi		REP-BS (35)
Sadaclia	Basarabeasca	8 tumuli			REP-BS (36- 42)
Sagaidac II	Cimișlia	Așezare, „grup cultural Etulia”, SM-C	1982, Curceatov	2018, Vornic	REP-CM (82); Vornic 2018; Vornic et al. 2019

Sagайдac III	Cimişlia	Aşesare, SM-C	1982, Curceatov		REP-CM (83)
Sagайдac IV	Cimişlia	Aşesare, SM-C	1981, Haheu, Beilecci, Curceatov		REP-CM (84)
Sagайдac V	Cimişlia	Aşesare, SM-C	1982, Beilecci, Curceatov		REP-CM (85); Vornic 2018
Sagайдac	Cimişlia	1 tumul			REP-CM (86)
Satu Nou I	Cimişlia	Aşezare, SM-C	1993, Curceatov		REP-CM (80)
Sălcuţa	Căuşeni	15 tumuli			REP-CŞ (39- 53)
Stolniceni „Cetate”	Hînceşti	Incintă fortificată cu amenajări funerare, sec. IV-III a. Chr.	1929, 1932, Constantinescu-Iaşi, Ciobanu; 1946, Smirnov; 1950, Fiodorov; 1993-2011, Arnăut; 2012-2018, Ursu-Naniu, Corobcean		Constantinescu-Iaşi 1933; Smirnov 1949; Zlatkovskaja, Polevoi 1969; REP-HN (90); Sîrbu, Arnăut 1995; Arnăut, Ursu- Naniu 2008; Ursu-Naniu, Corobcean 2014; Ursu-Naniu, Corobcean 2016; Ursu- Naniu, Corobcean 2017; Ursu- Naniu, Corobcean 20169
Stolniceni I	Hînceşti	Aşezare, sec. IV-III a. Chr.	1993, Arnăut		Arnăut 2003
Solniceni II	Hînceşti	Aşezare, sec. IV-III a. Chr.	1993, Arnăut		Arnăut 2003
Suric I	Cimişlia	Aşezare, SM-C	1982, Beilecci		REP-CM (88)
Tocuz	Căuşeni	7 tumuli			REP-CŞ (54- 60)
Ucrainca I	Căuşeni	Aşezare, SM-C		1965, Niculiţă	REP-CŞ (61)
Ucrainca	Căuşeni	3 tumuli			REP-CŞ (62- 64)
Valul lui Traian de Sus	Cimişlia, Căuşeni		1982, Cebotarenco 1991, Roşca 2019, Matveev, Vornic 2020, Vornic		Cebotarenko, Subbotin 1991; Matveev, Balan 2016; Matveev 2017; Matveev, Vornic 2020

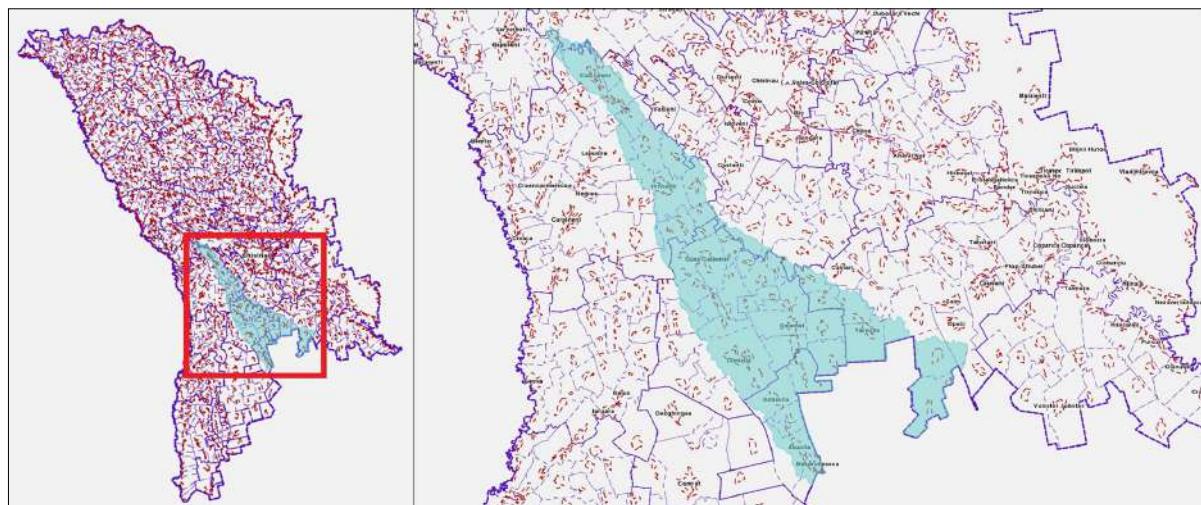

Fig. 1. Limitele bazinului Cogâlnicului pe teritoriul Republicii Moldova (după www.geoportal.md).

Fig. 1. The boundaries of the Cogalnic river basin on the territory of the Republic of Moldova (www.geoportal.md).

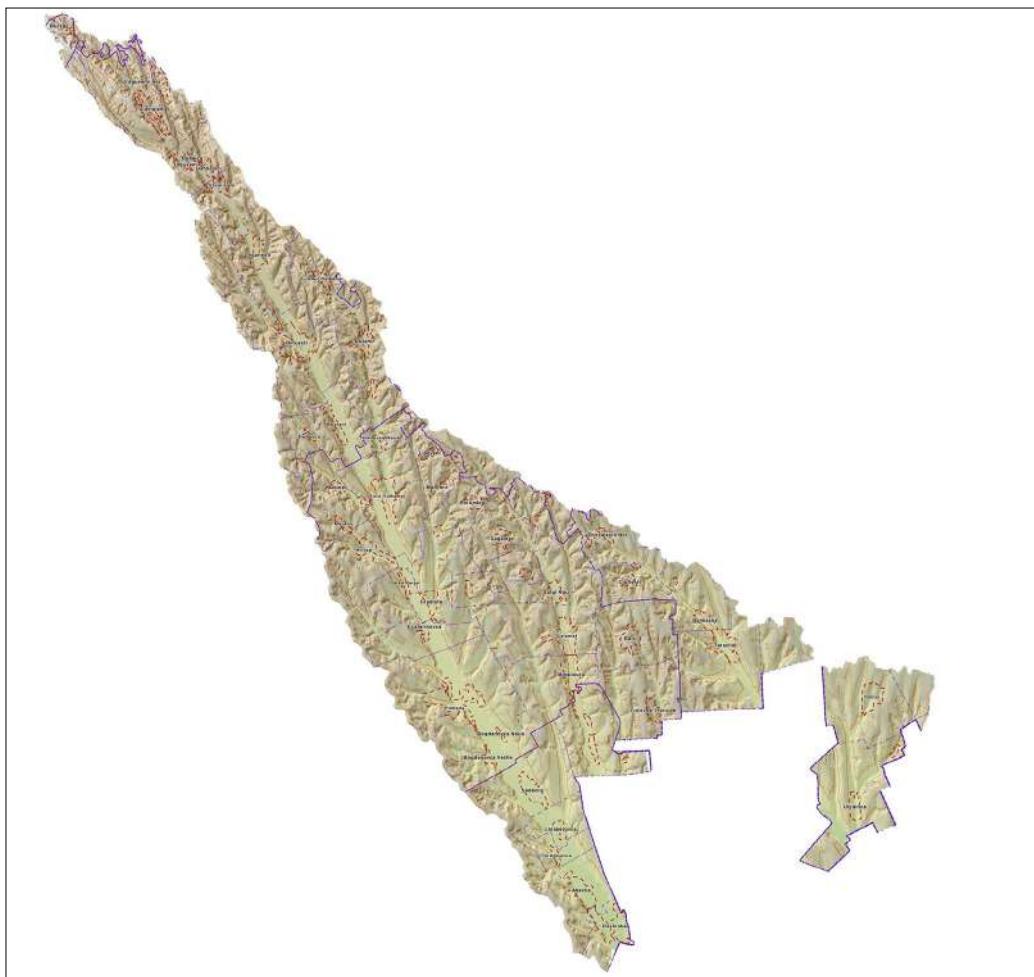

Fig. 2. Harta hipsografică a bazinului Cogâlnicului pe teritoriul Republicii Moldova (după www.geoportal.md).

Fig. 2. Hypsographic map of the Cogalnic basin on the territory of the Republic of Moldova (www.geoportal.md).

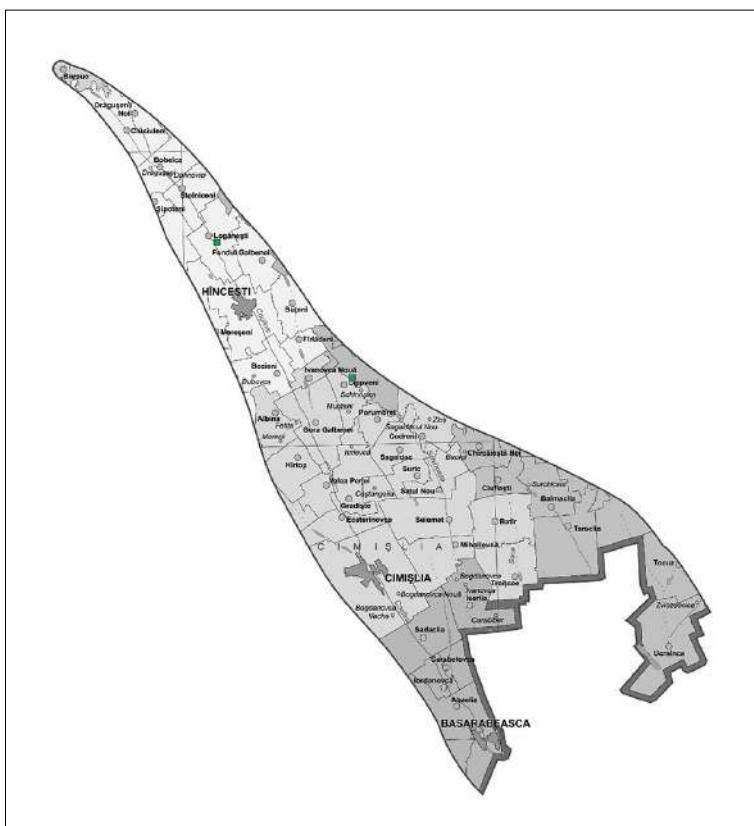

Fig. 3. Localizarea siturilor arheologice din prima epocă a fierului în bazinul Cogâlnicului pe teritoriul Republicii Moldova.

Fig. 3. Localization of the archeological sites from The First Iron Age in the basin of the Cogalnic river on the territory of the Republic of Moldova.

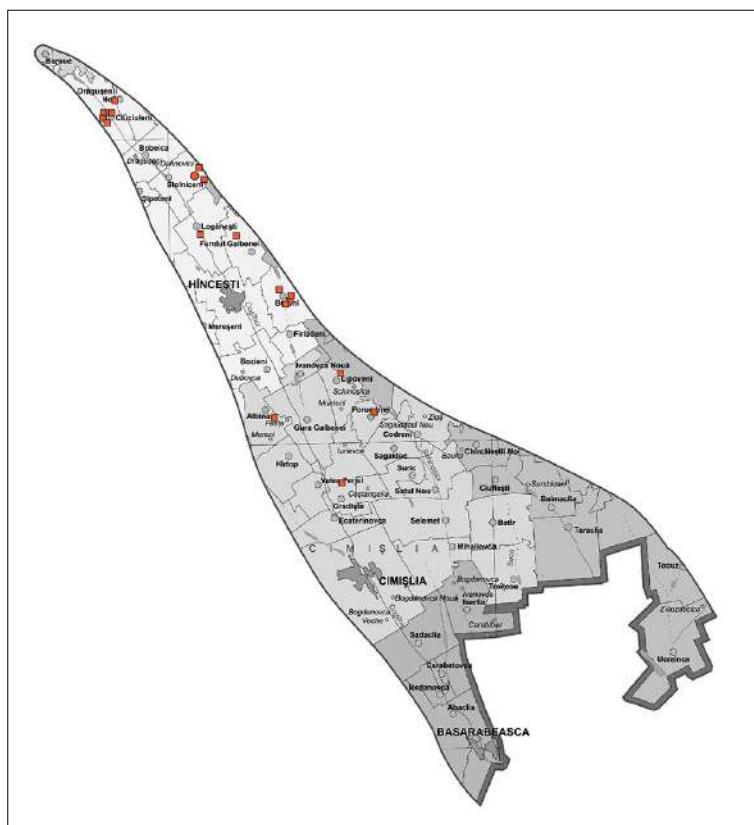

Fig. 4. Localizarea siturilor arheologice din a doua epocă a fierului în bazinul Cogâlnicului pe teritoriul Republicii Moldova.

Fig. 4. Localization of the archeological sites from The Second Iron Age in the basin of the Cogalnic river on the territory of the Republic of Moldova.

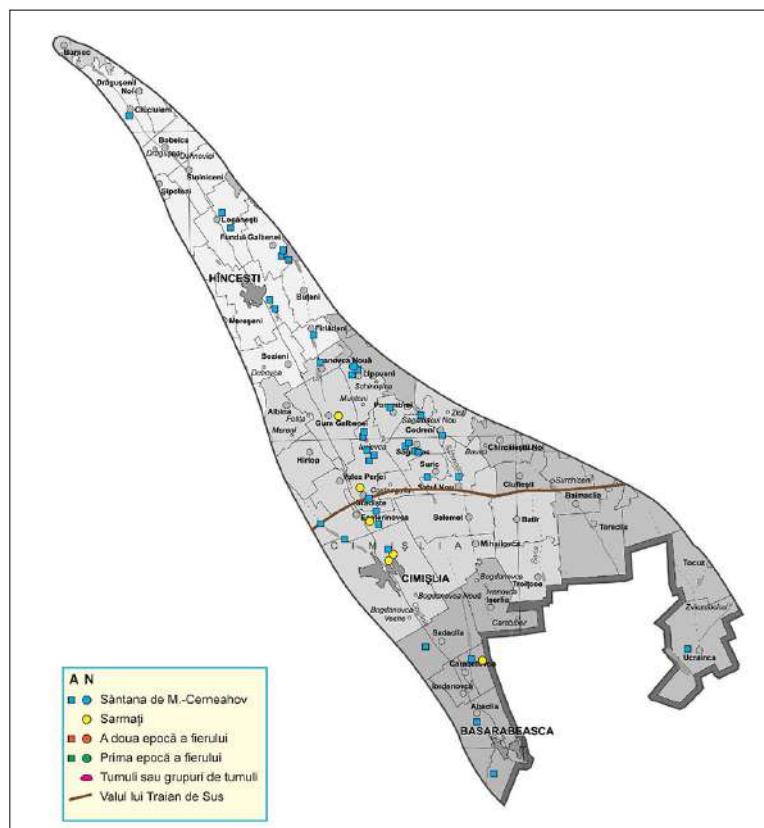

Fig. 5. Localizarea siturilor arheologice din prima jumătate a mileniului I p. Chr. în bazinul Cogâlnicului pe teritoriul Republicii Moldova.

Fig. 5. Localization of archeological sites from the first half of the 1st millennium AD in the Cogalnic basin on the territory of the Republic of Moldova.

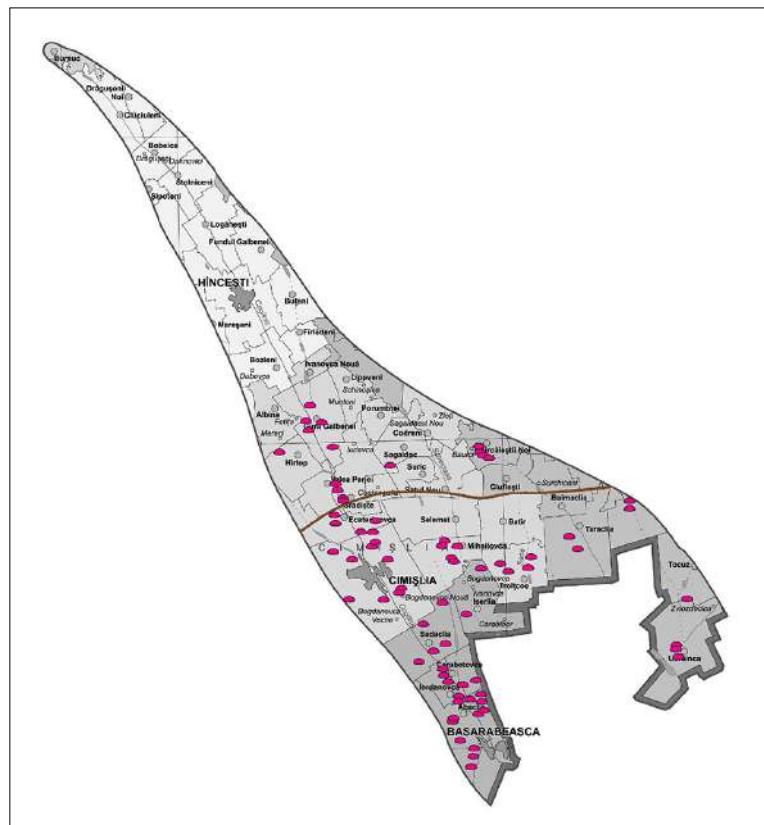

Fig. 6. Localizarea tumulilor și grupurilor de tumuli în bazinul Cogâlnicului pe teritoriul Republicii Moldova.

Fig. 6. Localization of burial mounds and groups of mounds in the Cogalnic basin on the territory of the Republic of Moldova.

Bibliografie

- Arbore 1904:** Z. Arbore, Dicționarul geografic al Basarabiei (București 1904).
- Arnăut 2003:** T. Arnăut, Vestigii ale sec. VII-III a. Chr. în spațiul de la răsărit de Carpați (Chișinău 2003).
- Arnăut, Ursu-Naniu 2008:** T. Arnăut, R. Ursu-Naniu, Stolniceni – a new aspect of the funeral ritual at the Getic populations. In: Funerary Practices in Central and Eastern Europe (10th c. BC - 3rd c. AD) (Brăila-Brașov 2008), 31-40.
- Atlas 1978:** Atlas Moldavskoi SSR (Moskva 1978) // Атлас Молдавской ССР (Москва 1978).
- Bilinkis, Drumea, Dubinovskii 1978:** G.M. Bilinkis, A.V. Drumea, V.L. Dubinovskii, Geomorfologija Moldavii (Kishinev 1978) // Г.М. Билинкис, А.В. Друмя, В.Л. Дубиновский, Геоморфология Молдавии (Кишинев 1978).
- Cantemir 1981:** D. Cantemir, Descrierea Moldovei (București 1981).
- Cazac et al. 2007:** V. Cazac, C. Mihailescu, Gh. Bejenaru, G. Gâlcă, Resursele acvatice ale Republicii Moldova (Chișinău 2007).
- Chebotarenko, Subbotin 1991:** G. Chebotarenko, L. Subbotin, Issledovaniia troianovykh valov v Dnistrovsko-Dunaiskom mezhdurech'e. In: Drevnosti Iugo-Zapada SSSR (Kishinev 1989), 124-145 // Г. Чеботаренко, Л. Субботин, Исследования трояновых валов в Днестровско-Дунайском междуречье. В: Древности Юго-Запада СССР (Кишинев 1989), 124-145.
- Chebotarenko, Iarovoi, Tel'nov 1989:** G. Chebotarenko, E. Iarovoi, N. Tel'nov, Kurgany Budzhakskoi stepi (Kishinev 1989) // Г. Чеботаренко, Е. Яровой, Н. Тельнов, Курганы Буджакской степи (Кишинев 1989).
- Constantinescu-Iași 1933:** P. Constantinesci-Iași, Basarabia arheologică și artistică (Chișinău 1933).
- Constantinov, Nedalcov 2010:** T. Constantinov, M. Nedalcov, Clima. Republica Moldova: ediție enciclopedică (Chișinău 2010).
- Corobcean, Vornic, Matveev 2018:** A. Corobcean, V. Vornic, S. Matveev, Sondaje arheologice de salvare în situl Logănești I (r-nul Hîncești). In: Cercetări arheologice în Republica Moldova. Campania 2017 (Chișinău 2018), 78-80.
- Corobcean, Vornic, Matveev 2018:** A. Corobcean, V. Vornic, S. Matveev, Sondaje arheologice de salvare în situl Logănești I (raionul Hîncești). In: Arheologia Preventivă în Republica Moldova IV, 2019, 197-206.
- Dergachev 1973:** V. Dergachev, Pamiatniki epokhi bronzy. AKM SSR 3, 1973 // В. Дергачев, Памятники эпохи бронзы. АКМ ССР 3, 1973.
- DIR I 1953:** Documente privind istoria României. A. Moldova, veacul XVI, I (1501-1550) (București 1953).
- DRH III 1980:** Documenta Romaniae Historica. A. Moldova, III (București 1980).
- DRH VIII 2014:** Documenta Romaniae Historica, A. Moldova, VIII (1585-1592) (București 2014).
- Drumea, Neaga 2010:** A. Drumea, V. Neaga, Structura geologică. In: Republica Moldova: ediție enciclopedică (Chișinău 2010).
- Eremia 2006:** A. Eremia, Dicționar explicativ și etimologic de termeni geografici (Chișinău 2006).
- Eremia 2012:** A. Eremia, Dicționar toponimic (V). Revista Limba Română, nr. 3-4, XXII, 2012, <http://limbaromana.md/index.php?go=articole&n=1398> (1.12.2020).
- Eremia 2020:** I. Eremia, Materialy k arkheologicheskoi karte Moldavskoi SSR. Studia Universitatis Moldaviae (Seria Științe Umanistice) 4 (134), 2020, 109-115 // И. Еремия, Материалы к археологической карте Молдавской ССР. Studia Universitatis Moldaviae (Серия Științe Umanistice) 4 (134), 2020, 109-115.
- Eremia, Stegărescu, Eremia 2016:** A. Eremia, L. Stegărescu, V. Eremia, Atlas hidronimic. Republica Moldova (Chișinău 2016).
- GID 1987:** Gidrobiologicheskie issledovaniia Dunaia i pridunaiskikh vodoemov. Sb. nauch. tr. (Kiev 1987) // Гидробиологические исследования Дуная и придунайских водоёмов. Сб. науч. тр. (Киев 1987).
- Lapushnian, Nikulitse, Romanovskaya 1974:** V.L. Lapushnian, I.T. Nikulitse, M.A. Romanovskaia, Pamiatniki rannego zheleznoego veka. AKM SSR 4, 1974 // В.Л. Лапушнян, И. Т. Никулицэ, М.А. Романовская, Памятники раннего железного века. АКМ ССР 4, 1974.
- Matveev 2017:** S. Matveev, Cercetarea Valului lui Traian de Sus. Recuperarea materialelor campaniei anului 1991. In: Conferință științifică internațională „Patrimoniul cultural: cercetare, valorificare, promovare”, ediția a IX-a, 30-31 mai 2017. Rezumatele comunicărilor (Chișinău 2017), 35-36.
- Matveev, Arnăut 2009:** S. Matveev, T. Arnăut, Pieze de armament descoperite în apropierea comunei Buțeni (r-nul Hîncești). In: Studia archeologia et historiae antiquae (Chișinău 2009), 187-190.
- Matveev, Arnăut 2010:** S. Matveev, T. Arnăut, Rezultatele perigezelor arheologice în apropierea comunei Buțeni, raionul Hîncești. In: Arheologia și istoria între politică și economia de piată (Chișinău 2010), 85-98.
- Matveev, Balan 2016:** S. Matveev, A. Balan, Der Obere Trajanswall und Archäologische Kulturdenkmäler aus dem ersten Jahrhunderten n. Chr. im Pruth-Dnestr Raum. Archäologisch-räumliche Beziehungen. In: Die Barbaren

- Roms. Inklusion, Exklusion und Identität im Römischen Reich und im Barbaricum (1. - 3. Jahrhundert n. Chr.) (Konstanz 2016), 141-148.
- Matveev, Vornic 2014a:** S. Matveev, V. Vornic, Date preliminare despre cupoarele de olărie din epoca romană târzie de la Sagaidacul Nou (com. Porumbrei, r-nul Cimișlia). Arheologia preventivă în Republica Moldova 1, 1-2, 2014, 93-106.
- Matveev, Vornic 2014b:** S. Matveev, V. Vornic, Cercetări de salvare la Lipoveni (r-nul Cimișlia) efectuate în anul 2013. Date preliminare. Arheologia preventivă în Republica Moldova I, 1-2, 2014, 65-78.
- Matveev, Vornic 2015:** S. Matveev, V. Vornic, Date preliminare privind cercetările de salvare efectuate la Lipoveni (r-nul Cimișlia) în anul 2014. Arheologia preventivă în Republica Moldova II, 2015, 21-32.
- Matveev, Vornic 2016a:** S. Matveev, V. Vornic, Vase ceramice descoperite în necropola de tip Sântana de Mureş-Černjachov de la Lipoveni (r-nul Cimișlia). In: Istorie, cultură și cercetare, vol. I (Târgoviște 2016), 39-55.
- Matveev, Vornic 2016b:** S. Matveev, V. Vornic, Cercetările arheologice de salvare de la Lipoveni (r-nul Cimișlia) din anul 2015. Date preliminare. Arheologia preventivă în Republica Moldova III, 2016, 61-74.
- Matveev, Vornic 2017a:** S. Matveev, V. Vornic, Instalații de foc din situl cu mai multe nivele de locuire Lipoveni II (r-nul Cimișlia, Republica Moldova). Acta Musei Tutovensis. Istorie veche și arheologie XIII, 2017, 202-220.
- Matveev, Vornic 2017b:** S. Matveev, V. Vornic, Archaeological research at Lipoveni II – La Nispărie site (2013-2016). Plural V, 2, 2017, 124-163.
- Matveev, Vornic 2020:** S. Matveev, V. Vornic, Cercetări arheologice preventive la Valul lui Traian de Sus (Gradiste-Costangalia, r-nul Cimișlia) în anul 2019. In: Cercetări arheologice în Republica Moldova. Campania 2019 (Chișinău 2020), 72-74.
- Mihailescu C. et al. 2006:** C. Mihailescu, V. Sochircă, T. Constantinov, Mediul geografic al Republicii Moldova, I: Resursele naturale (Chișinău 2006).
- Nikonov 1966:** B.A. Nikonov, Kratkii toponimicheskii slovar' (Moskva 1966) // В.А. Никонов, Краткий топонимический словарь (Москва 1966).
- Popovici et al. 2016:** S. Popovici, I. Ciobanu, S. Agulnikov, I. Noroc, Tumulul 8 de la Cimișlia. Considerații preliminare. Arheologia preventivă în Repoublica Moldova III 2016, 19-28.
- Popovici, Bubulici 2019:** S. Popovici, V. Bubulici, Tumulii 5 și 6 de la Cimișlia. Cercetări preventive din anul 2019. In: Conferință științifică a Muzeului Național de Istorie a Moldovei (ediția a 29-a), 17-18 octombrie 2019. Program. Rezumatele comunicărilor (Chișinău 2019), 12-13.
- Porucic 1929:** T. Porucic, Relieful teritoriului dintre Prut și Nistru (Chișinău 1929).
- Răul Cogălnic:** // <http://apelemoldovei.gov.md/libview.php?l=ro&id=210&idc=153> (13.12.2020)
- REP-BS:** S. Curceatov, Repertoriul monumentelor arheologice din Republica Moldova. Raionul Basarabeasca (Arhiva Agenției Naționale Arheologice).
- REP-CM:** S. Curceatov, Repertoriul monumentelor arheologice din Republica Moldova. Raionul Cimișlia (Arhiva Agenției Naționale Arheologice).
- REP-CS:** A. Roșca, V. Vâlcu, Repertoriul monumentelor arheologice din Republica Moldova. Raionul Căușeni (Arhiva Agenției Naționale Arheologice).
- REP-HN:** S. Covalenco, Repertoriul monumentelor arheologice din Republica Moldova. Raionul Hîncești (Arhiva Agenției Naționale Arheologice).
- Rikman 1975:** E. Rikman, Pamiatniki sarmatov i plemen Cherniakhovskoi kul'tury. AKM SSR 5, 1975 // Э. Рикман, Памятники сарматов и племён Черняховской культуры. AKM 5, 1975.
- Săvulescu 1927:** T. Săvulescu, Die Vegetation von Bessarabien mit besonderer berücksichtigung der steppe (București 1927).
- Sârbu, Arnăut 1995:** V. Sârbu, T. Arnăut, Incinta fortificată de la Stolniceni. In: Cercetări arheologice în aria nord-tracă I (București 1995), 378-400.
- SM RM 2005:** Starea mediului în Republica Moldova în anul 2004 (raport național) (Chișinău 2005). http://old.mediul.gov.md/images/documente/starea_mediului/rapoarte/nationale/p13_Raport_2004MD.pdf (20.12.2020).
- Smirnov 1949:** G. Smirnov, Itogi arkheologicheskikh isledovanii v Moldavii v 1946 g. In: Uchenye zapiski IIIaiL MF AN SSSR, II (Kishinev 1949) // Г. Смирнов, Итоги археологических исследований в Молдавии в 1946 г. В: Ученые записки ИИЯиЛ МФ АН СССР, II (Кишинёв 1949).
- Strizhak 1963:** O.S. Strizhak, Nazvi richok Poltavshchini (Kiev 1963) // О.С. Стрижак, Назви річок Полтавщини (Кiev 1963).
- Thunmann 1991:** J. Thunmann, Krymskoe Khanstvo (Simferopol 1991) – <http://www.vostlit.info/Texts/rus5/Tunmann/frametext.htm> (05.06.2020).

- Ursu 2006:** A. Ursu, Raioanele pedogeografice și particularitățile regionale de utilizare și protejare a solurilor (Chișinău 2006).
- Ursu 2011:** A. Ursu, Solurile Moldovei (Chișinău 2011).
- Ursu-Naniu, Corobcean 2014:** R. Ursu-Naniu, A. Corobcean, Les métamorphoses de l'existence: vie et mort dans l'enceinte géétique de Stolniceni (le raion de Hîncești, République de Moldavie). Mousaios XIX, 2014, 381-404.
- Ursu-Naniu, Corobcean 2016:** R. Ursu-Naniu, A. Corobcean, Incinta fortificată de la Stolniceni (raionul Hîncești, Republica Moldova): o istorie a cercetării arheologice. In: Istorie, cultură și civilizație, I (Targoviște 2016) 25-38.
- Ursu-Naniu, Corobcean 2017:** R. Ursu-Naniu, A. Corobcean, Problema funcționalității incintei fortificate de la Stolniceni (Hîncești, Republica Moldova). In: Fortificațiile din epoca fierului din spațiul tiso-nistrean: materialele Colloquium-ului de vară de la Saharna, 14-17 iulie 2016 (Brăila 2017), 113-130.
- Ursu-Naniu, Corobcean 2019:** R. Ursu-Naniu, A. Corobcean, Problema atribuirii funcționale a unor structuri arheologice din incinta fortificată de la Stolniceni, raionul Hîncești. In: Structuri arheologice din așezările epocii fierului în spațiul tiso-nistrean. Materiale Colloquium-ului de vară de la Saharna, 12-15 iulie 2018 (Cluj Napoca 2019), 87-104.
- Vidomosti 1947:** Vidomosti Verkhovnoi Radi Ukraïns'koi PCP, 3-4 (Kиїв), 11-17 // Відомості Верховної Ради Української PCP, 3-4 (Київ), 11-17.
- Vornic 2018:** V. Vornic, Un cuptor menajer din sec. III p.Chr. descoperit la Sagaidac, r-nul Cimișlia. In: Viața cotidiană în spațiul est-european din cele mai vechi timpuri până în prezent: abordări interdisciplinare (Chișinău 2018), 77-78.
- Vornic et al. 2019:** V. Vornic, I. Ciobanu, S. Popovici, N. Pașenciu, A. Iorga, D. Avram, Cercetările arheologice preventive din anul 2018 în situl arheologic Sagaidac II (s. Sagaidac, r-nul Cimișlia). In: Cercetări arheologice în Republica Moldova. Campania 2018 (Chișinău 2019), 76-78.
- Vornic, Ciobanu, Matveev 2018:** V. Vornic, L. Ciobanu, S. Matveev, Cercetările arheologice din anul 2016 din așezarea de tip Sântana de Mureș-Cherniakhov de la Ecaterinovca-Ialpugeni-Valea Jeparului. RA XIV, 2, 2018, 96-107.
- Zlatkovskaia, Polevoi 1969:** T.D. Zlatkovskaia, L.L. Polevoi, Gorodishcha Prutsko-Dnestrovskogo mezhdurech'ia IV-III vv. do n.e. i voprosy politicheskoi istorii getov. In: (red. T.D. Zlatkovskaia, A.I. Meliukova) Drevnie frakiitsy v Severnom Prichernomor'e (Moskva 1969), 35-60 // Т.Д. Златковская, Л.Л. Полевой, Городища Прутско-Днестровского междуречья IV-III вв. до н.э. и вопросы политической истории гетов. В: (ред. Т.Д. Златковская, А.И. Мелиукова) Древние фракийцы в Северном Причерноморье (Москва 1969), 35-60.

Vitalie Sochircă, dr. conf. univ., Facultatea de Biologie și Pedologie, Universitatea de Stat din Moldova, str. Al. Mateevici 60, MD-2009, Chișinău, Republica Moldova, e-mail: sochirca1970@gmail.com

Sergiu Matveev, dr. conf. univ., LCŞ „Tracologie”, Universitatea de Stat din Moldova, str. Al. Mateevici 60, MD-2009, Chișinău, Republica Moldova, e-mail: sssmatveev@yahoo.com

Andrei Corobcean, dr. lector univ., LCŞ „Tracologie”, Universitatea de Stat din Moldova, str. Al. Mateevici 60, MD-2009, Chișinău, Republica Moldova, e-mail: andrei.corobcean@gmail.com

Vlad Vornic, dr. conf. cerc., Agenția Națională Arheologică, str. M. Eminescu 50, MD-2012, Chișinău, Republica Moldova, e-mail: vornic.vlad@yahoo.com

Mariana Gugeanu

Investigații și tratamente de conservare aplicate textilelor liturgice arheologice de la Mănăstirea Căpriana

Keywords: archaeological textiles, biological investigations, conservation, Bănulescu-Bodoni, Căpriana Monastery.

Cuvinte cheie: textile arheologice, investigații biologice, conservare, Bănulescu-Bodoni, Mănăstirea Căpriana.

Ключевые слова: археологический текстиль, биологические исследования, консервация, Бэнулеску-Бодони, Каприянский монастырь.

Mariana Gugeanu

Investigations and conservation treatments applied to archaeological liturgical textiles from Căpriana Monastery

The subject of this paper is the investigations and the active conservation treatments applied in the case of the liturgical textile artefacts originating from the crypt of Metropolitan Gavriil Bănulescu-Bodoni in Căpriana Monastery, for the purpose of stopping the biological attack, as a first step in the complex process of research, conservation and restoration.

Saving the archaeological artefacts by applying conservation-restoration treatments is an essential activity for allowing these artefacts to constitute, for present and future generations, important historical documents, referring also to the types of materials and the techniques implied in their production. The interdisciplinary collaboration of archaeologists, historians, biologists, chemists, conservators and restorers makes possible the cultural heritage's preservation and interpretation, as the heritage item is re-valorised as a historical document [Gugeanu et al. 2017, 277].

The paper presents the results of the researches undertaken in the case of three textile objects originating from the inventory of the Metropolitan Gavriil Bănulescu-Bodoni's crypt, for which microbiological analyses have been carried out in order to determine the existence or inexistence of a biological attack. As regards the stopping of the biological attack, there followed the analysis of the effect in the case of two types of biocides and of several active conservation treatments, commonly used in the conservation of cultural heritage originating from archaeological environment.

Mariana Gugeanu

Investigații și tratamente de conservare aplicate textilelor liturgice arheologice de la Mănăstirea Căpriana

Subiectul acestei lucrări îl constituie investigațiile și tratamentele de conservare activă aplicate artefactelor textile liturgice care provin din cripta mitropolitului Gavriil Bănulescu-Bodoni, de la Mănăstirea Căpriana, în vederea stopării atacului biologic, ca primă etapă a complexului proces de cercetare și conservare-restaurare.

Salvarea artefactelor arheologice prin aplicarea tratamentelor de conservare-restaurare, reprezintă o activitate esențială pentru ca aceste artefakte să poată constitui, pentru generațiile prezente și viitoare, documente istorice importante referitoare, inclusiv, la tipurile de materiale și la tehnica de realizare a acestora. Colaborarea interdisciplinară între arheologi, istorici, biologi, chimici, conservatori, restauratori face posibilă prezentarea și interpretarea moștenirii culturale, obiectul de patrimoniu fiind revalorizat ca document istoric [Gugeanu et al. 2017, 277].

În lucrare sunt prezentate rezultatele cercetărilor efectuate în cazul a trei piese textile din inventarul criptei mitropolitului Gavriil Bănulescu-Bodoni, pentru care au fost realizate analize de microbiologie în vederea determinării existenței sau inexistenței unui atac biologic. Ulterior, în ceea ce privește stoparea atacului biologic, a fost analizat atât efectul acțiunii a două tipuri de biocid, cât și efectul unor tratamente de conservare activă, utilizate în mod curent în conservarea patrimoniului cultural mobil provenit din mediul arheologic.

Марияна Гуджеану

Исследования и процедура сохранения археологического литургического текстиля из Каприянского монастыря

Предметом этой работы являются исследования и методы активной консервации, применяемые к литургическим текстильным артефактам, которые были найдены в склепе митрополита Гавриила Бэнулеску-Бодони из Кэприянского монастыря, чтобы остановить биологическую атаку, как первую стадию комплексного исследования и процесса консервации и реставрации.

Спасение археологических артефактов путем применения консервационно-реставрационных обработок является важным видом деятельности, так что эти артефакты могут представлять для нынешнего и будущих поколений важные исторические документы, касающиеся, в том числе, типов материалов и техники их реализации. Междисциплинарное сотрудничество между археологами, историками, биологами, химиками, консерваторами, реставраторами позволяет сохранять и интерпретировать культурное наследие, объект наследия переоценивается как исторический документ [Gugeanu et al. 2017, 277].

В статье представлены результаты исследований, проведенных на трех текстильных предметах из инвентаря склепа митрополита Гавриила Бэнуеску-Бодони, для которых были проведены микробиологические анализы с целью определения наличия или отсутствия биологической атаки. Впоследствии, с точки зрения прекращения биологической атаки, был проанализирован эффект воздействия двух типов биоцидов, а также эффект активных консервирующих обработок, которые в настоящее время используются при сохранении мобильного культурного наследия из археологической среды.

Introducere

Cercetările arheologice aduc la lumină obiecte de patrimoniu de o valoare inestimabilă însă, doar descoperirea acestui tezaur nu este de ajuns, valorificarea tezaurului arheologic, pentru generațiile de azi și viitoare, necesitând ample lucrări de cercetare și conservare-restaurare. Conservarea-restaurarea patrimoniului cultural mobil este în primul rând o problemă de cercetare științifică, completată în mod obligatoriu de intervenția pe obiect prin metode de execuție tehnică de înaltă calificare profesională. Activitatea în domeniul conservării și restaurării obiectelor de patrimoniu reprezintă un aspect de cercetare cu o istorie relativ recentă, dar care a mobilizat la nivel european cele mai moderne cunoștințe și tehnici de investigare și de realizare. Prevenirea, dar mai ales încetinirea/stoparea procesului accelerat de degradare, în timpul cercetării arheologice *in situ*, revine restauratorului, prin tehnici și/sau metode specifice aplicate la fața locului. Cunoașterea unor metode optime de prelevare, ca primă etapă a procesului de conservare, se impune de la sine. Metodele și/sau tehnici de prelevare constituie doar o etapă în cadrul unui amplu și complex proces al conservării artefactelor provenite din situl arheologic, care presupune nu doar o serioasă pregătire profesională și experiență practică, dar și un necesar de materiale (instrumentar și substanțe) bine ales. Intervenția rapidă asupra obiectelor aflate în stare de conservare precară constituie una dintre prioritățile restauratorului atât în timpul derulării cercetărilor arheologice, prin măsurile de prelevare, conservare preventivă și transport, cât și ulterior, în cadrul laboratoarelor de restaurare-conservare, de profil [Gugeanu, Anăstăsoaei 2017, 117].

Cercetarea arheologică, desfășurată în august 2016, în cripta mitropolitului Gavriil Bănulescu-Bodoni, de la mănăstirea Căpriana, a fost realizată în contextul canonizării înaltului ierarh. Piese de textile liturgice aparțin mitropolitului Gavriil Bănulescu Bodoni, înhumat în anul 1821 la Mănăstirea Căpriana și canonizat în anul 2016. Inventarul arheologic al criptei a fost bogat, cuprinzând

și veșminte clericale: *Stihar, fragmente Mâne cu ștefanii, Brâu, Epitrahil, Omoforul Mare, Sacos, Bederniță, Mitră cu medalioane pictate, Învelitoare de cap*.

Cercetarea arheologică și primele intervenții de conservare

Temperatura și umiditatea aerului măsurate în momentul deschiderii criptei aveau valorile de 15° , respectiv 80%-85%. Pentru a evita influența negativă a schimbării bruse a parametrilor de mediu asupra stării de conservare a artefactelor descoperite, primele măsuri luate au avut în vedere asigurarea unor condiții de mediu ambiental cât mai apropiate cu cele ale mediului arheologic. Primele artefakte prelevate din criptă au fost introduse în pungi închise ermetice, așezate în cutii și transferate imediat în încăperea amenajată anterior, cu lumina naturală filtrată, o bună circulație a aerului și unde parametrii de mediu aveau valorile de $T=17^{\circ}$ și $UR=65\%-70\%$. După ritualul eclezastic, racla în care a fost transferat conținutul criptei, pregătită anterior, a fost dusă în interiorul bisericii „Adormirea Maicii Domnului”, unde parametrii de mediu – temperatură și umiditatea relativă (T și UR) prezintau valorile $T=17^{\circ}$ și $UR=70\%$. În interiorul bisericii s-a realizat prelevarea artefactelor arheologice de către specialiștii în conservare-restaurare, iar a osemintelor de către antropolog împreună cu membrii comisiei de canonizare din cadrul Bisericii Ortodoxe din Moldova.

Ulterior prelevării artefactelor arheologice, la parterul uneia dintre clădirile din incinta mănăstirii, pentru fiecare piesă textilă, atât cât piesa a permis, au fost efectuate deplieri și curățiri prin periere a depunerilor de pământ și a celor provenite din mediu arheologic, slab aderente la piesa textilă. Prin grija și implicarea părintelui stareț arhimandrit FILARET, acest spațiu a fost pregătit anterior și monitorizat astfel încât să respecte parametrii de mediu (temperatură și umiditate în limitele admise). Totodată a fost realizată documentația foto și identificarea fiecărei piese. După efectuarea primului tratament de conservare *in situ*, a

urmat dezinfecția/aseptizarea întregului material arheologic prelevat din criptă. Dezinfecția s-a realizat în colaborare cu specialistul în investigații biologice de la Centrul Mitropolitan T.A.B.O.R. Iași și a constat în pulverizare cu soluție Timol concentrație 5% în alcool etilic. Au fost realizate două tratamente, la interval de 24 ore.

A urmat etapa de pregătire a cutiilor necesare pentru transportul materialului arheologic extras la Centrul de Cercetare și Conservare Restaurare a Patrimoniului Cultural din cadrul Complexului Muzeal Național „Moldova”, Iași. Cutiile, de diferite dimensiuni, au fost realizate din lemn, astfel încât să corespundă cerințelor de ambalare și transport, conform normelor de conservare în vigoare. Au fost căptușite cu mai multe straturi: folie de aluminiu, folie polistiren, hârtie de filtru și țesătură de bumbac. Piezele au fost așezate în aceste cutii, între straturi de hârtie de filtru și țesătură din bumbac, urmând a fi transportate la Iași.

Încă din momentul extragerii și identificării fiecărei piese textile, s-a constatat că piezele au avut, în mediul de înhumare, un atac biologic (mucegai). Din această cauză a fost luată atât măsura tratamentului de aseptizare cu Timol 5%, cât și protejarea fiecărei piese textile înainte de ambalare.

Din cauza formalităților vamale, desfășurate pe o perioadă foarte mare, după trei săptămâni de la prelevare, specialistul în conservare-restaurare textile s-a deplasat la mănăstirea Căpriana pentru a verifica starea de conservare a pieselor. Fiecare

cutie a fost deschisă și fiecare piesă a fost verificată constatăndu-se, în cazul unora dintre piesele textile, reactivarea atacului biologic (fig. 1; 2).

Prima măsură a fost cea de îndepărțare a straturilor de hârtie de filtru și a țesăturii de bumbac, afectate de atacul biologic. S-a aplicat un nou tratament de aseptizare cu Timol concentrație 10% în alcool etilic. Piezele au fost ambalate din nou, utilizând straturi de hârtie de filtru și țesătură de bumbac, special aduse de la Iași.

După alte două săptămâni, piezele au ajuns la Centrul de Cercetare și Conservare Restaurare a Patrimoniului Cultural, Iași. Aici a fost amenajată o cameră de carantină unde piezele au fost depozitate. Camera a fost dotată cu două lămpi bactericide: una dintre ele, model LBA-E Economic, cu lumină ultravioletă UV-C, este destinată pentru dezinfecția aerului, acționând asupra microorganismelor, cum sunt: bacterii, virusuri, spori de mucegai. Ce-a de două lampă bactericidă LBAG, cu grile și montată pe perete, este special concepută pentru a fi folosită în prezența omului, fiind dotată cu dispozitive ajustabile (grile cu fante) ce direcționează fluxul luminii UV-C în plan orizontal, paralel cu tavanul. Eficiența acestei lămpi, cu timp de acțiune 24 h/7 zile, constă în distrugerea microorganismelor, cum sunt: bacterii, virusuri, spori de mucegai și.a.

În momentul recepției pieselor de către specialiștii Centrului, cu privire la starea de conservare a artefactelor, menționăm: prezența urmelor

Fig. 1. Țesătură bumbac de la piesa *Stihar* – urme atac mucegai. Detaliu.

Fig. 1. Cotton fabric used to pack the object *Sticharion* – traces of mould attack. Detail.

Fig. 2. Țesătură bumbac de la piesa *Sacos* – urme atac mucegai. Detaliu.

Fig. 2. Cotton fabric used to pack the object *Sakkos* – traces of mould attack. Detail.

unui atac de mucegai (cauzat de valoarea ridicată a umidității din mediul de înhumare), remarcându-se efectul negativ al acestui atac, în sensul influenței, alături de ceilalți factori de degradare, asupra fragilizării excesive a materialului textil. De asemenea, se remarcă prezența depunerilor aderente de săruri și particule de pământ care, asociate produșilor de descompunere organică și produșilor de coroziune a metalului, au determinat rigidizarea materialelor textile; prezența cutelor accentuate și a șifonărilor produse în mod aleatoriu, a rupturilor cu/fără lacune de material, în proporție mare, a petelor de natură necunoscută și a produșilor de coroziune a accesoriilor metalice care au migrat și pe materialul textil.

Conservarea textilelor provenite din săpături arheologice ridică întotdeauna probleme dificil de rezolvat și aceasta deoarece, date fiind condițiile în care au stat în pământ, materialele textile suferă modificări structurale importante.

Partea experimentală

După preluarea pieselor de către specialiștii în conservare-restaurare textile, primele etape au fost cele de realizare a documentației foto-video și prelevarea de probe pentru realizarea analizelor microbiologice și cele de identificare a naturii materialelor componente. În ceea ce privește analizele biologice, acestea au fost realizate în cadrul unui laborator specializat din afara instituției.

În lucrare sunt prezentate investigațiile și tratamentele aplicate pentru trei probe (corespunzătoare a trei piese textile liturgice arheologice), selectate din totalul de douăsprezece piese textile și anume: *Stihar 2* (Proba 2), *Sacos* (Proba 4) și *fragmente catifea* de la piesa *Pernă* (Proba 5). Această cercetare a fost impusă ca urmare a prezenței atacului biologic în mediul de înhumare, dar și după ce tratamentele de aseptizare realizate *post situ*, nu au condus la stoparea atacului fungic. Experiența practică anterioară, în ceea ce privește conservarea-restaurarea textilelor provenite din mediul arheologic care au prezentat atac biologic, ne-a determinat să investigăm și să testăm eficiența tratamentelor aplicate textilelor arheologice astfel încât să stopăm atacul biologic.

În cazul celor trei probe textile din mătase naturală s-a semnalat, după 24 ore de incubare (fig. 3), prezența următoarelor specii de fungi: Proba 2 (*Stihar 2*) – *Aspergillus spp.*; Proba 4 (*Sacos*) – *Aspergillus spp.*; Proba 5 (*fragment catifea* de la *Pernă*) – *Aspergillus spp.*, *Penicillium spp.*

După șapte zile de la incubare (fig. 4) au fost identificate și alți fungi, respectiv, în cazul Probei 2 (*Stihar 2*) – *Penicillium spp.*, *Rhodotorula spp.* și în cazul Probei 4 (*Sacos*) – *Penicillium spp.*.

Fiecare probă analizată a fost supusă la diferite tratamente pentru a evalua eficiența acestora, urmând a decide ce tratamente se vor aplica pentru toate pieele textile liturgice arheologice provenite din cripta mitropolitului Gavril Bănulescu-Bodoni.

Proba 2 (*Stihar 2*) a fost tratată cu alcool etilic 99,6% p.a., prin pulverizare. După uscare, proba a fost supusă unui tratament de conservare

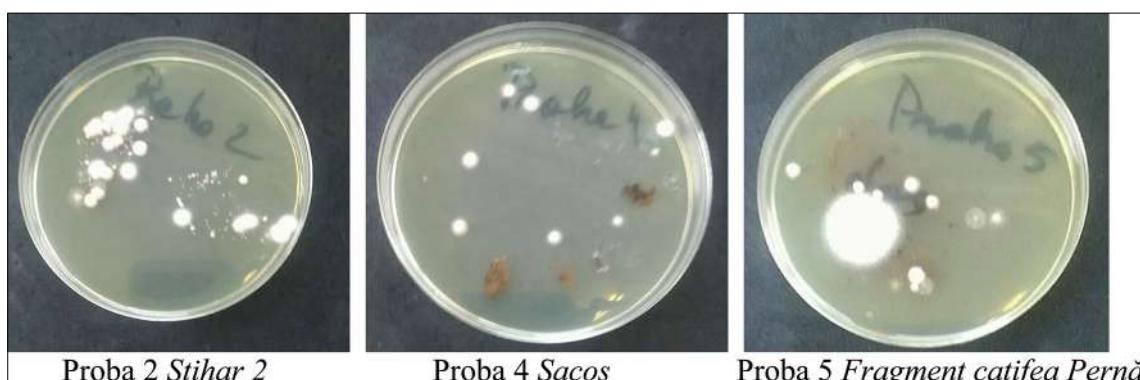

Fig. 3. Probele după 24 ore de la incubare.

Fig. 3. Samples after 24-hour incubation.

Fig. 4. Probele după 7 zile de la incubare.

Fig. 4. Samples after 7-day incubation.

activă prin imersie în baie de apă distilată, alcool, glicerină și detergent neutru. Timpul de imersie a fost de 2 ore, urmând clătiri repetitive până la neutralizare completă. Uscarea s-a făcut controlat, pe pat absorant de hârtie de filtru. După uscarea completă, proba a fost introdusă într-o cutie cu închidere ermetică, pentru a fi retrimisă laboratorului de investigații biologice.

Proba 4 (Sacos) a fost supusă unui tratament prin imersie, timp de 4 ore, în baie de Timol 10% în alcool etilic, urmat de operația de uscare controlată. După uscare, proba a fost supusă unui tratament de conservare activă prin imersie în baie de apă distilată, alcool, glicerină și detergent neutru. Timpul de imersie a fost de 2 ore. Au urmat clătiri repetitive până la neutralizare completă. Uscarea s-a făcut controlat, pe pat absorant de hârtie de filtru. După uscarea completă și în acest caz, proba a fost introdusă într-o cutie cu închidere ermetică pentru a fi retrimisă laboratorului de investigații biologice.

Proba 5 (fragment catifea de la Pernă) a fost supusă unui tratament cu soluție apoasă de for-

maldehidă 37%, în spațiu închis. Timpul de expunere a piesei în vaporii de formaldehidă a fost de 72 ore, urmat de aerisire timp de 48 ore. Își această probă a fost supusă tratamentului de conservare activă prin imersie, la fel ca și în cazul celor două probe prezentate anterior.

Probele au fost trimise și pregătite pentru a fi analizate, din nou, în cadrul laboratorului de investigații biologice și, după 4 zile de la incubare (după tratamentele aplicate), rezultatele au fost (fig. 5): Proba 2 (Stihar 2) – *Rhodotorula spp.*; Proba 4 (Sacos) – *Aspergillus spp.*, *Penicillium spp.*; Proba 5 (fragment catifea de la Pernă) – inactivă.

Rezultate și discuții

În urma acestor analize, rezultatele au fost concluzioane. Proba 5 (fragment catifea de la Pernă) supusă tratamentului cu formaldehidă a dat cele mai bune rezultate. Este cunoscut faptul că formaldehida este nocivă pentru sănătate și din acest motiv s-a avut în vedere luarea tuturor măsurilor de protecție.

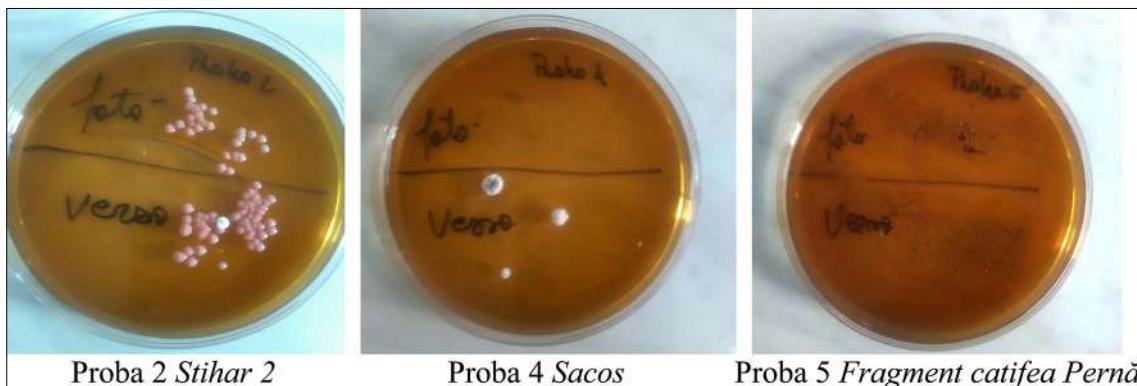

Fig. 5. Probele după 4 zile de la incubare – după tratamentele de aseptizare aplicate.

Fig. 5. Samples after 4-day incubation – following the sterilization treatment.

Tratamentul de aseptizare a pieselor textile liturgice arheologice s-a efectuat în spațiu închis, într-o etuvă de mari dimensiuni, din cadrul compartimentului de investigații biologice al Centrului de Cercetare și Conservare Restaurare a Patrimoniului Cultural, Iași, timp de 72 ore, în atmosferă de formaldehidă 37%. Pentru a evita deshidratarea pieselor textile, în etuvă au fost plasate vase cu apă distilată. După cele 72 de ore de tratament, piesele au fost scoase și depozitate în camera de carantină a laboratorului de investigații biologice, cu fereastra deschisă, pentru a se evapora formaldehida.

După acest tratament de formolizare, piesele au fost transferate în camera de carantină a laboratorului de conservare-restaurare textile. Fiecare piesă a fost supusă și investigațiilor *non invazive* sau *minim invazive*, privind natura materialelor componente, pentru a se stabili diagnosticul și tratamentul. Investigațiile și tratamentele aplicate acestor artefacte au contribuit la salvarea și restaurarea pieselor textile liturgice, astfel încât să fie redat patrimoniului cultural universal un tezaur unic și inestimabil.

Cunoașterea acestor etape de investigare și tratamente, atât de către investigatori, restauratori, conservatori, cât și de către arheologi, cei care aduc la suprafață patrimoniul arheologic, pot contribui, pe viitor, la acțiuni de salvare și prezervare a patrimoniului cultural arheologic textil.

În prezent, pentru un număr de nouă piese textile arheologice liturgice procesul de conservare-restaurare este finalizat, iar în plin proces de conservare-restaurare mai sunt trei piese.

Mulțumiri

Domnului prof. dr. hab. Gh. Postică – Universitatea de Stat din Moldova, Chișinău pentru încredere acordată în restaurarea pieselor; doamnei doctor D. Daniela – laborator investigații de microbiologie pentru analizele efectuate; doamnei dr. M. Geba, doamnei ing. D. Anăstăsoaei și doamnei biolog M. Brăilean, CMNM „Moldova”, Iași; părintelui stareț Arhim. FILARET Cuzmin pentru suportul acordat echipei pe parcursul cercetării arheologice desfășurată la Mănăstirea Căpriana.

Bibliografie

- Gugeanu, Anăstăsoaei 2017:** M. Gugeanu, D. Anăstăsoaei, Conservarea in situ a textilelor arheologice de la Mănăstirea Căpriana, Republica Moldova. RESTITUTIO 11 (Muzeul Satului, București 2017), 113-123.
Gugeanu et al. 2017: M. Gugeanu, D. Anăstăsoaei, N. Vornicu, Gh. Postică, Arhim. FILARET Cuzmin, Credință, arheologie, conservare. Mănăstirea Căpriana, Republica Moldova. Tyrageta XI, 2, 2017, 275-286.

Mariana Gugeanu, expert restaurator textile, IA, Centrul de Cercetare și Conservare Restaurare a Patrimoniului Cultural, Complexul Muzeal Național „Moldova” Iași, România, e-mail: m_gugeanu@yahoo.com

RECENZII ȘI PREZENTĂRI DE CARTE –
РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PAPER AND BOOK REVIEW

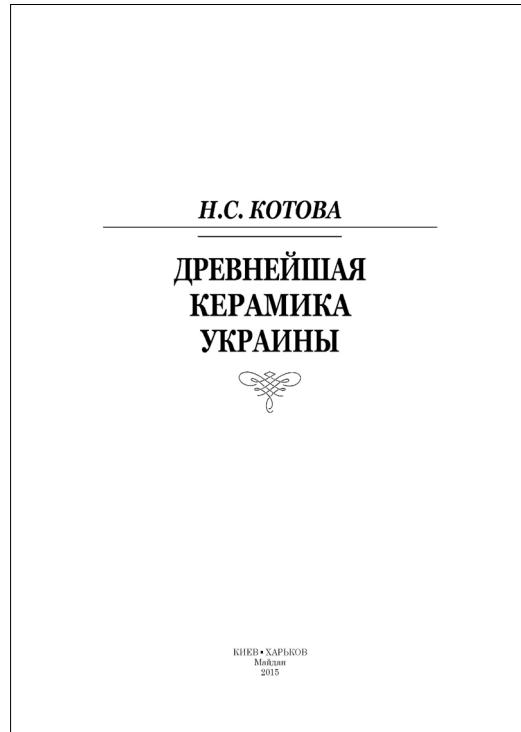
Котова Н.С., Древнейшая керамика Украины.

Киев, Харьков: Майдан, 2015, 154 с., 69 илл., ISBN 978-966-372-564-2.

Монография Н. Котовой посвящена изучению вопросов происхождения и развития керамических традиций на территории Украины в эпоху неолита. Эта книга достаточно тесно связана с более ранней работой автора «Неолитизация Украины» [Kotova 2003], в которой указанные выше проблемы уже рассматривались. При изложении материала она описывается на ранее разработанную периодизацию и хронологию. В большинстве случаев использует тот же иллюстративный материал, только иначе скомпонованный и дополненный рядом фотографий. В этом нет ничего удивительного, поскольку источниковая база с того времени изменилась незначительно. Новизна исследования в основном связана с использованием иной методологии анализа керамики и переосмыслением автором ранее сделанных выводов.

Монография состоит из шести глав, заключения и альбома иллюстраций. В первой главе дается физико-географическая характеристика изучаемого региона. Появление этой главы обусловлено тем фактом, что появление и распространение керамических традиций рассматривается по трем основным зонам: степь, лесостепь и полесье. Их краткое описание, содержащееся всего на 5 неполных страницах, на наш взгляд, не стоило выделять в отдельную главу, а следовало поместить во введение. Это бы выглядело логичней, поскольку самим автором признается, что появление и распространение керамики в Украине определялось культурными связями населения и в меньшей мере зависело от природного окружения.

Во второй главе рассматривается история изучения неолитической керамики, изложение которой она начинает с исследований В. Даниленко конца 1960-х гг. В этой главе автором, по сути, не рассматривается весь комплекс проблем, связанных с изучением керамики. В ней подробно освещены только вопросы происхождения и распространений древнейшей по-

суды. При этом особое место уделено критике концепции Д. Гаскевича о путях и истоках появления керамики в Украине. Осталось не совсем понятно по каким основаниям в вопросе о месте памятников типа Струмель-Гастятина автор встает на позицию Д. Телегина. Насколько известно, стратиграфических или радиоуглеродных данных по этому вопросу так и не появилось. Именно в этой главе было бы уместно выразить авторскую позицию о периодизационной принадлежности азово-днепровской и нижнедонской культур. Это связано с точкой зрения ряда исследователей (И. Васильев, А. Синюк, Н. Моргунова) об их энеолитическом характере. И если носители азово-днепровской культуры взаимодействуют с сурской культуры на втором этапе своего развития, то можно ли относить ее к раннему неолиту?

Третья главы монографии посвящена классификации неолитической керамики, здесь же

дается объяснение основным терминам. Данная часть работы представляется нам наиболее спорной, как по методологии, так и по использованной автором терминологии. Орнаментацию неолитической посуды Н. Котова делит на два вида: графический и выступающий. При этом к графическим относятся все узоры, углубленные в стенку сосуда, которые, по-видимому, составляют не менее 99%, поскольку налепной и выдавленный орнамент используется на единичных сосудах. Подобное разделение не соответствует принципу соразмерности типов классификации. Неудачен сам термин – графический, поскольку графика, в подавляющем большинстве случаев, не предполагает деформацию орнаментальной поверхности. В таблице 3 указано: «Горло с желобком на внешней стороне», но изображен сосуд с плавно отогнутым венчиком. Нет в таблице форм венчиков с воротничком. Видимо, это можно объяснить тем, что они появляются не на древнейшей керамике. Но, в тоже время, профиль горла с желобком внутри сосуда столь сложен, что отыскать аналогичные формы на древнейшей посуде не удалось. Вместо привычного термина поддон, заимствованный археологами из этнографических названий частей посуды, Н. Котова употребляет – пьедестал, который производителями керамики не применяется и имеет иную смысловую нагрузку. В названии, выделенных типов посуды используется наименование памятника, на котором найден наиболее полно сохранившийся сосуд, демонстрирующий все присущие данному типу признаки. Это нарушает устоявшиеся принципы классификации, согласно которым тип предмета, как правило, получает название по тому памятнику, для которого он наиболее характерен. Подобное наименование типов не дает ничего, кроме неоправданных ассоциаций, невольно возникающих у читателя.

В основу классификации керамики Н. Котовой положено соотношение высоты к диаметру сосуда, в результате чего выделено четыре типа сосудов: миски, чаши, горшки и банки. Непрофилированные сосуды у которых высота превышает диаметр венчика отнесены к банкам, а профилированные – к горшкам. Сосуды, у которых диаметр венчика превышает их высоту в два и более раза отнесены к мискам, а те у которых высота менее диаметра венчика, но не более чем в два раза – к чашам. Однако среди

всего массива рассмотренных в монографии сосудов достоверные параметры известны только у 12 сосудов, еще у 23 сосудов они восстанавливаются на основе графической реконструкции. Все остальные сосуды отнесены к тому или иному типу только по их верхним «частям», т. е. не на основе измерений, а интуитивно. Еще один критерий – это место нахождения максимального расширения диаметра на теле сосуда. Но если сосуд реконструирован только по венчику, то место максимального диаметра меняется в зависимости от того с каким наклоном этот венчик нарисован. В итоге в работе фигурирует множество выделенных типов сосудов, которых в реальности не существовало. Между тем в дальнейших разделах монографии сопоставление керамических материалов производится именно по этим, субъективно выделенным Н. Котовой типам, а не по культурным традициям. Согласно её представлениям, эти типы сосудов конвергентно развиваются у населения различных культур.

В четвертой главе анализируются процессы развития керамики в степной зоне у населения трех археологических культур: сурской, азово-днепровской и нижнедонской. Н. Котова переосмысливает свою периодизацию сурской культуры, и выделяет в первый этап материалы стоянок, имеющих наиболее ранние радиоуглеродные даты, которые ранее относились ею ко второму этапу. Теперь ко второму периоду ею отнесены материалы нижнего слоя поселения Раздольное, которые ранее она считала принадлежащими к нижнедонской культуре. К третьему этапу она причисляет теперь материалы ряда надпорожских могильников (Вильнянский, Вовнигский 3, ранние погребения Ясиноватского 1), которые ранее считались днепро-донецкими. Принадлежность данных могильников к сурской культуре аргументируется единичностью находок днепро-донецкой керамики в Надпорожье, где преобладают памятники сурской и азово-днепровской культур. А также тем фактом, что радиоуглеродные даты предшествующих и близких им по материалам могильников: Марьевского и Васильевского значительно древнее хронологии днепро-донецких памятников. Вероятную принадлежность Надпорожских могильников к сурской культуре, а материалов

поселения Раздольное – к азово-днепровской, конечно, нельзя исключать, однако, она нуждается в более аргументированном обосновании. Вызывает вопросы и датировка третьего периода развития сурской керамики, исключительно по материалам могильников, на которых этой керамики нет. Если принять новые хронологические рамки сурской культуры, то они выходят за границы раннего неолита.

Частичная перегруппировка культурных комплексов произведена Н. Котовой и для памятников азово-днепровской культуры. К первому периоду данной культуры ею теперь относится часть материалов нижнего слоя стоянки Семеновка 1, культурная принадлежность которых ранее определялась в качестве сурской. Не связано ли это с механическим смешением разнокультурных комплексов? Обращает на себя внимание, что для самого раннего этапа комплексы единичны и невыразительны. Его хронология определяется Н. Котовой временем около 6050-5750 лет до н.э. Однако судя по калиброванным датам из таблицы 10, нижняя хронологическая граница не выходит за пределы 5980 лет до н.э., а значение одной из верхних дат доходит до 5683. Это даже с учетом того, если ориентироваться только на даты стоянки Чапаевка, которые Н. Котова считает более надежными.

Относительно радиоуглеродной хронологии следует также отметить, что Н. Котова как и в работе 2003 года, не использует даты, полученные по керамике, считая их недостаточно надежными. Однако за прошедшие годы вышло немало работ, которые показали, что с поправкой на резервуарный эффект они достаточно успешно вписываются в контекст радиоуглеродных дат, полученных по другим материалам, таким как: нагар, кость и уголь. Кроме того, стало ясно, что поправку на резервуарный эффект следует учитывать при датировании костей человека, который употреблял рыбную пищу. Датировка азово-днепровских памятников второго периода в монографии основана на радиоуглеродных датах костей человека и животного. Резервуарный эффект при их датировании Н. Котовой не учитывается и получается, что даты по кости животного синхронны или древнее, дат по кости человека. Т. е. с учетом резервуарного эффекта, сле-

дует иметь ввиду, что поздние даты существования азово-днепровских могильников могут быть скорректированы на 200-300 лет.

Периодизация и хронология нижнедонской культуры не претерпевает существенных изменений в сравнении с монографией 2003 года [Kotova 2003]. Причем второй период существования этой культуры по-прежнему характеризуется радиоуглеродными датами из нижнего слоя поселения Раздольное (Ki 8000, 8001, 8002), которые уже были отнесены в рецензируемой монографии ко второму периоду сурской культуры (Таблица 10)? Наиболее валидные даты укладываются в интервал 6440-6300 лет ВР, что в большей степени соотносится с хроноинтервалом 2 этапа азово-днепровской культуры.

В пятой главе рассматривается керамика с памятников лесостепной и лесной зоны: буго-днестровской, киево-черкасской, донецкой и лисогубовской культур.

Хронология первого периода буго-днестровской культуры определяется в монографии интервалом 6400-5900 лет до н. э. Однако она не учитывает дату поселения Гард 2007 – 7640±90, нижнее калиброванное значение которой соответствует – 6584 лет до н.э. Второй период буго-днестровской культуры датируется в монографии 5900-5300 лет до н. э. Однако верхнее калиброванное значение даты с поселения Миколина Бряка соответствует 5403 лет до н.э., а с поселения Пугач 2 – 5410 лет до н.э. (Таблица 12). Таким образом, возраст буго-днестровской культуры омолаживается Н. Котовой на сотню лет. Если отказ от древнейшей даты объясняется в монографии её единичностью и возможностью присутствия на поселении Гард 2007 мезолитических материалов, то неиспользование двух поздних дат оставлено без комментариев.

В периодизацию и хронологию киево-черкасской, донецкой и лисогубовской культур Н. Котовой каких-либо значимых изменений в сравнении с монографией «Неолитизация Украины» внесено не было.

В шестой главе рассматривается происхождение и развитие неолитической керамики на территории Украины. Первоначальное появление керамики в Северном Приазовье Н. Котова связывает с проникновением небольших групп населения из Восточной Анатолии. По её мне-

нию, об этом свидетельствуют ряд аналогий в материалах памятников Нижнего Дона: прямоугольные дома с глиняной обмазкой пола, плоскодонная керамика, шлифованные каменные орудия, животноводство с разведением крупного и мелкого рогатого скота, свиньи, без лошади, земледельческие орудия труда (зернотерки, терочники), украшения в виде каменных подвесок. Однако перечисленные аналогии имеют самый общий характер и не содержат конкретного указания на непосредственный источник заимствования керамики. Что касается животноводства и земледелия, то эти компоненты имеют большую степень дискуссионности. По справедливому замечанию Н. Котовой, наиболее близкие аналогии керамика сурской культуры находится в посуде поселения Маслидере из Восточной Фракии. Однако данная керамика выглядит там весьма инородно, к тому же отсутствуют данные по её хронологии. М. Озdoganом было выдвинуто предположение, что данная посуда относится либо ко времени предшествующему формированию 5-го слоя поселения Ярымбургаз, либо к последующему [Özdogan 1989, 204]. Однако данное предположение нуждается в дополнительном обосновании. Нельзя исключать, что материалы поселения Маслидере иллюстрируют инфильтрацию группы северного населения.

В связи с появившимися новыми радиоуглеродными датами Н. Котова пересматривает свою точку зрения на происхождение буго-днестровской культуры, которое она ранее связывала с культурой протокриш. Теперь ближайшие аналогии буго-днестровской керамике видятся ей среди керамики памятников монохромного горизонта в Болгарии. Однако приводимые ею аналогии носят достаточно избирательный характер и поэтому не очень убедительны. Сходство буго-днестровской керамики с посудой монохромного горизонта примерно того же рода, что и с керамикой про-

токриш. Ранее оно представлялось Н. Котовой весьма существенным, а сейчас не рассматривается даже в качестве возможного влияния на протокришскую посуду со стороны населения буго-днестровской культуры.

На наш взгляд, поиски конкретного источника заимствования древнейшей керамики населением Северного Причерноморья на теперешнем этапе исследования обречены на неудачу. Судя по комплексу факторов, заимствование навыков изготовления посуды на данной территории носило опосредованный характер. Масштабные миграции неолитического населения линейно-ленточной керамики, тесно связанные с внедрением производящего хозяйства, широко распространившиеся на территорию Западной и Юго-Западной Европы, не достигли Северного Причерноморья. В ходе спорадических контактов местным населением были восприняты только отдельные элементы неолитического пакета. В их числе оказалась и керамика, облик которой существенно трансформировался в новой среде, что существенно осложнило поиск конкретных источников её происхождения. Настоящая неолитизация территории современной Украины началась только с распространением трипольской культуры. Источник и последствия данных событий ни у кого не вызывают вопросов и сомнений, поскольку относятся к категории очевидного знания. Все что происходило ранее можно отнести только к предыстории данного процесса, одним из эпизодов которого стало распространение древнейшей керамики.

Все вышеизложенное подтверждает, что монографическая работа Н. Котовой является актуальной и научно значимой для разработки проблем неолитизации. Ее содержание вызвало значительный интерес, а многие из положений, высказанные в рецензии, направлены на продолжение дискуссии.

Библиография

- Kotova 2003:** Kotova N.S. Neolithization in Ukraine. BAR. International Series 1109, Oxford 2003.
Özdogan 1898: Özdogan M. Neolithic Cultures of Northwest Turkey. Neolithic of Southeastern Europe and its near Eastern connections. Budapest 1989, pp. 201-215.

Александр Выборнов
Владимир Ставицкий

IN MEMORIAM

Stanislav Țerna. O pierdere greu de acceptat (1984-2020)

Este foarte greu de scris un astfel de text...dar, totuși!

Anul 2020 a fost unul complicat, cu situații care au dat multe peste cap, care au schimbat modul de găndire și abordare a vieții, care au demonstrat că de multe ori nu punem prioritățile corect. A fost un an cu multe încercări și pierderi. Și de parcă nu ar fi fost de ajuns, sfârșitul anului 2020, a venit cu o veste foarte tristă pentru comunitatea arheologică din Republica Moldova, a plecat la cele veșnice bunul prieten și Tânără speranță a cercetării preistoriei est-carpatiche, Stanislav Țerna.

Este greu de acceptat faptul că despre Stas, aşa cum ne-am deprins noi să-l numim, vom începe să vorbim numai la trecut. A fost un prieten de nădejde, care știa cum să ajute, să inspire, să dea sfaturi, dar la fel nu se sfia nici să le ceară.

Născut pe 9 septembrie 1984 în satul Abaclia, r-nul Basarabeasca. Studiile primare le urmează la gimnaziul nr. 8 din Chișinău, care mai apoi a fost reorganizat în Liceul „Ștefan cel Mare”. În 2003 este înmatriculat la studii superioare la Universitatea Școala Superioară de Antropologie, pe care

o absolvește în 2007. Pe parcursul studiilor l-a avut ca coordonator pe Igor Manzura, specialist de vază în preistoria Sud-Est Europeană, care i-a și trezit interesul pentru una din cele mai enigmatice culturi arheologice din preistoria est-carpatică, și anume cultura Cucuteni-Tripolie. Mai exact, interesul lui Stas fiind axat pe deslușirea fenomenului legat de rolul figurinelor antropomorfe în viața culturală a comunităților cucuteniene. Tot această problematică va deveni temă de cercetare pentru lucrarea de master și ulterior, cea de doctorat, pe care cu regret nu a reușit să o finalizeze.

Devotamentul și munca sărguincioasă l-au ajut pe Stas să obțină rezultate remarcabile, lucru care i-a permis să beneficieze de o bursă de cercetare oferită de fundația DAAD (2010-2011), cu scopul de documentare la biblioteca Institutului German de Arheologie din Berlin. Au mai urmat și alte stagieri la instituții de profil din alte țări europene.

Începând cu anul 2009 am fost colegi la Centrul de Arheologie din cadrul Institutului Patri-

Cealic, r-nul Taraclia, 2012

moniului Cultural, colaborare care din varii motive, a durat puțin timp. Toate aceasta însă nu au fost un impediment în a lega o relație de prietenie, care mai apoi a pus bazele unei colaborări frumoase. Multe planuri de viitor, multe vise, dar care toate din păcate au fost curmăte și au rămas doar pe hârtie sau în memoria celor care l-au cunoscut.

În anul 2015, în calitate de coordonatorul grupului din Republicii Moldova, a format o echipă frumoasă în ambițiosul proiect *Enciclopedia culturii Cucuteni-Tripolie*, la care au mai participat și colegi din România și Ucraina.

Stas, cel mai mult iubea lucrul pe șantierele arheologie. Având o bogată experiență acumulată atât l-a șantierele din țară, cât și de peste hotare, a devenit unul dintre cei mai buni manageri de săpătură din rândurile tinerei generații de la noi din țară. Munca asiduă și dăruirea de sine, au făcut ca Tânărul cercetător să fie recunoscut la nivel european. Înaltul profesionalism fiind susținut și de reușitele sale încercări de a îmbina metodele traditionale de cercetare în teren cu cele interdisciplinare. Avea și o capacitate incomensurabilă de a gândi, analiza și pune pe hârtie. Cum a și fost remarcat de multe ori, rapoartele întocmite de Stas merită a fi date ca exemplu de cum trebuie prezentată informația obținută pe durata unei campanii de săpătură arheologică.

Interesul tot mai sporit pentru cunoașterea trecutului spațiului Prut-Nistru, precum și setea de

a verifica siturile deja cunoscute, dar și posibilitatea de a depista altele noi, Stas a contribuit enorm de mult la completarea repertoriului arheologic al siturilor arheologice din Republica Moldova.

Nu putem trece cu vederea unul din cele mai mari succese ale lui Stas în plan profesional și anume, redescoperirea sitului eneolic Stolniceni I (la hotarul dintre două raioane Rîșcani și Edineț). Cu suportul specialiștilor de la Comisiunea Romano-Germanică a Institutului Arheologic German (Frankfurt pe Main, Germania), această aşezare a fost supusă unui amplu program de cercetări interdisciplinare. În rezultatul investigațiilor non-invazive a fost obținută imaginea magnetometrică integrală a sitului, fapt ce a trezit un interes sporit din partea specialiștilor din străinătate. Cele remarcate din planurile magnetometrice și combinate cu cercetările de teren i-au permis lui Stas să concluzioneze că fenomenul siturilor de dimensiuni mari din etapa Cucuteni B-Tripolie CI, nu este caracteristică doar interfluviului Bug-Nipru, dar se regăsește și în spațiul dintre râurile Prut-Nistru.

Munca asiduă în teren îmbinată cu lucrul din birou s-au materializat sub forma multor articole și studii, apreciate la cel mai înalt nivel de specialiști cointeresați de tematica neo-eneoliticului est-carpațic. Una din reușitele cele mai frumoase este lucrarea monografică *Figurinele antropomorfe din etapa Cucuteni A din interfluviul pruto-nistrean (în baza colecțiilor Muzeului Național de Istorie a*

Baia, jud. Suceava, România, 2014

Moldovei), scrisă împreună cu Mariana Vasilache și apărută în anul 2019 în seria *Tyragetia*. În perioada anilor 2013-2017, a fost redactor adjunct al nr. 2 al revistei *Stratum plus*, o funcție care implică multă responsabilitate și efort în coordonarea multiplelor studii și materiale expediate de autori din diferite țări.

Pe plan personal Stas a reușit să-și întemeieze o familie frumoasă. Soția Andrea, arheolog de profesie și ea, i-a fost mereu alături și l-a susținut în tot ceea ce a făcut. Un cuplu armonios, deschis și visător. Este prea nedrept că s-a încheiat atât de repede și subit frumoasa lor poveste.

Cât de greu, regretabil și inadmisibil ar părea, dar Dumnezeu are planurile sale! Cu timpul, vom începe să ne obișnuim cu lipsa lui Stas în această lume, dar vom păstra veșnic vie amintirea despre el. Cu plecarea lui Stas, nu am pierdut doar o Tânără speranță a cercetării arheologice, un bun organizator al procesului de cercetare, dar mai ales un prieten adevărat.

ODIHNEȘTETE ÎN LINIȘTE PRIETENE...

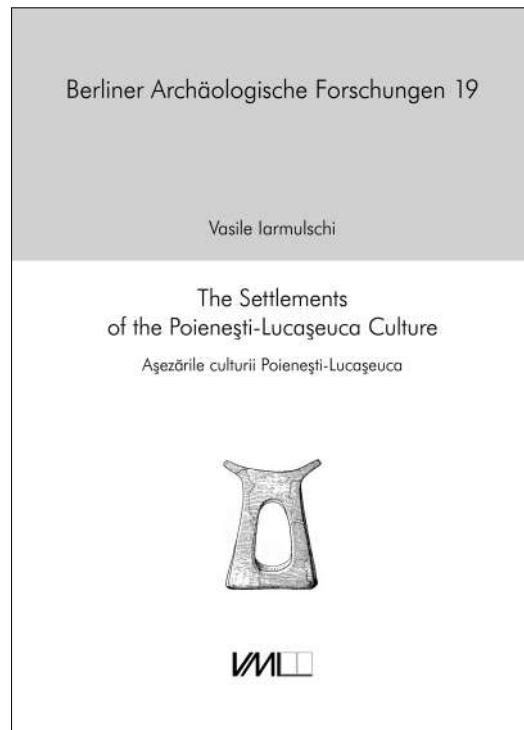
Ghenadie Sîrbu,
Livia Sîrbu

Vasile Iarmulschi, *The Settlements of the Poienești-Lucașeuca Culture. Archaeological study of settlements in the Carpathian-Dniester region from the end of the 3rd to the 1st century BC.*
BAF, 19, Rahden/Westf. 2020, ISBN 978-389646-529-0

Finalul zăbumatului an 2020 a venit cu noutăți editoriale foarte îmburătoare pentru mediul arheologic de la Chișinău, compensând, într-un fel, multitudinea confuziilor ce au planat de-a lungul perioadei pandemice. O multașteptată monografie semnată de colegul Vasile Iarmulschi a văzut lumina tiparului în prestigioasa colecție BAF (Berliner Archäologische Forschungen 19), reprezentând o foarte importantă realizare a autorului, dar și a întregii bresle arheologice din Moldova.

Vasile Iarmulschi, după susținerea tezei de doctorat (2014), a avut ambiția și perspicacitatea să obțină un grant de cercetare postdoctorală de la extrem de prestigioasa Fundație Alexander von Humboldt. Puțini sunt arheologii din Republica Moldova, de altfel ca și cercetătorii din alte domenii, care au reușit să convingă exigentele comisiei de experți de la Fundație, de aceea am urmărit cu atenție evoluția profesională a mai tânărului meu coleg și trebuie să recunosc că acesta nu a dezamăgit. Anul curent s-a dovedit a fi unul foarte eficient pentru colegul Vasile Iarmulschi, încununând substanțiale eforturi depuse de-a lungul ultimilor ani. Evident, printre realizările majore să menționă, în primul rând, publicarea a două monografii importante pentru valorificare patrimonialui arheologic ce caracterizează ultimele secole ale erei pre-creștine. Prima dintre ele – "Așezarea și necropola de tip Poienești-Lucașeuca de la Borosești" – constituie rezultatul studiilor doctorale, fiind semnată împreună cu reputatul profesorul bucureștean Mircea Babeș, apărută în seria Tyrageta, nr. XXXII, Chișinău. Cea de a doua monografie este rodul studiilor post-doctorale, realizate în cadrul proiectului Alexander von Humboldt la Freie Universität Berlin: monografia "The Settlements of the Poienești-Lucașeuca Culture. Archaeological study of settlements in the Carpathian-Dniester region from the end of the 3rd to the 1st century BC". Asupra celei din urmă ne vom opri în rândurile de mai jos.

Monografie este dedicată transformărilor ce au avut loc în silvostepa carpato-nistreană în ultimele trei secole ale erei pre-creștine. Mai exact,

este vorba de o abordare monografică a siturilor de habitat ce definesc cultura Poienești-Lucașeuca, care, în ciuda investigațiilor de aproape trei sferturi de veac, rămân a fi insuficient cunoscute și valorificate. De fapt, până în acest moment nu a existat nici o monografie dedicată subiectului. O astfel de situație a avut repercusiuni asupra înțelegerii și receptării întregii culturi arheologice, respectiv asupra definirii fenomenelor și proceselor ce o definesc. Acoperirea acestui gol istoriografic constituie o foarte importantă contribuție a autorului, iar în contextul acestei contribuții de o importanță majoră este întocmirea unui catalog exhaustiv pentru siturile de habitat de tip Poienești-Lucașeuca, care devine un important instrument pentru oricine va fi interesat de subiect.

Structura definită pentru realizarea scopului a fost una optimă, care permite cititorului să urmărească în mod logic un tablou de ansamblu foarte bine conturat. Așa cum este judicios pentru oricare dintre demersurile științifice bine organizate, un prim pas a fost făcut spre deslușirea unei

situării cât mai obiective ce se conturase în rezultatul cercetării predecesorilor, până la declanșarea investigației proprii. În acest sens, subiectul a fost împărțit în două: un prim aspect a vizat istoricul cercetărilor de teren, după care a urmat o analiză istoriografică a subiectului cercetat. Un astfel de demers, după cum menționase chiar autorul, urmă să-i permită, pe de o parte, delimitarea se-
tului de probleme nesoluționate sau a celor care încă nu sunt suficient elucidate, iar pe de altă parte – să delimitizeze șirul de situații interpretate diferit sau chiar contradictorii. Istoricul cercetărilor de teren a fost prezentat în ordine cronologică, urmărind etapă după etapă evoluția interesului pe care mediul academic l-a manifestat pentru situa-
rile culturii Poienești-Lucaleuca. De luat în seamă că au fost trecute în revistă nu doar cercetările așezărilor, care evident rămâneau în epicentrul atenției, dar și rezultatele obținute în siturile fu-
nerare. A fost fixat acel apogeu al cercetărilor, care a restrâns la maxim cercul de interes pentru desco-
peririle bastarne și care, voi adăuga eu, a cunoscut, din acel moment, o decadență continuă. Ma-
rii cercetători ai epocii, atât di România, cât și din Ucraina, s-au retras treptat din câmpul bătăliilor academice, fără să lase discipoli care să fi dus mai departe torța înaintașilor. Se părea că în domeniul studiilor ce definesc ultimele secole pre-creștine se va constitui un gol care nu va mai ajunge să fie completat. Spre bucuria tuturor, însă, procesele nu au fost ireversibile, Chișinăul preluând ștafeta investigațiilor culturii Poienești-Lucaleuca, iar Vasile Iarmulschi devenind un pilon important în edificarea actualelor construcții științifice privind sfârșitul celei de a doua epoci în spațiul est-carpa-
tic. Istoriografia a fost prezentată prin prisma a două probleme fundamentale, care rămân a fi parțial soluționate – cronologia/periodizarea și geneza culturii Poienești-Lucaleuca, iar pentru a desprinde evoluția ipotezelor ce s-au conturat de-a lungul cercetărilor asupra acestor aspecte, s-a recurs la expunerea lor în ordine cronologică.

Capitolul 2 este dedicat nemijlocit așezărilor culturii Poienești-Lucaleuca care au fost prezente inițial prin prisma caracteristicilor topografice și dimensionale. Si dacă stabilirea principalelor parametri topografici a fost o misiune abordabilă, atunci aprecierea dimensiunii siturilor a constituie o adevărată provocare ce nu prea ne oferă astăzi certitudini. Are perfectă dreptate autorul

când constată că doar în baza perieghezelor și a cercetărilor limitate de teren nu îți poți forma o viziune obiectivă, iar în acest sens nici chiar prospecțiunile geomagnetice (aproape inexistente în cazul nostru) nu sunt o soluție, mai ales în cazul siturilor cu mai multe orizonturi. Unica posibilitate pentru a stabili situații certe este cea a săpăturilor tradiționale, care rămân a fi deocamdată doar un deziderat. În lipsa lor, autorul a sistematizat toate datele disponibile, oferind o imagine ipotetică a variațiilor dimensionale.

După analiza parametrilor topografici și di-
mensionali a urmat examinarea așezărilor prin prisma tipologiei structurilor ce-i sunt caracte-
ristice. Pornind de la tipurile locuințelor, s-a mers spre diferențele dependințe, gropi, construcții cu caracter de cult, cu caracter economic și chiar funerar (în siturile de habitat sunt cunoscute și astfel de structuri). Atenționăm asupra faptului că numărul siturilor cercetate este foarte redus, iar a celor care au beneficiat de investigații pe suprafețe mari – e și mai restrâns. Acest fapt, pe de o parte a facilitat evidența materialului desco-
perit, însă, pe de altă parte, nu a oferit un număr satisfăcător de structuri pentru a o sistematizare sigură și temeinică a acestora. Totuși, prelucrarea minuțioasă a tuturor datelor disponibile la acest compartiment, chiar dacă sunt relativ puține și foarte dispersate, constituie un merit incontestabil al autorului pentru a observa și delimita tendințele existente. Atenționăm asupra observațiilor care ar sugera o posibilă organizare internă a așezărilor. În acest sens, constatăriile făcute în baza datelor de la Botoșana și Lozna Hlibicioc par a fi pertinen-
te. Acestea sugerează organizarea locuințelor în cuiburi, iar amplasarea spațiilor locative în linie dreaptă, la distanțe mici una de alta, ar fi rezul-
tatul trasării unor ulicioare. Evident, aceste concluzii necesită argumentări suplimentare, trasând vectorul unor investigații de viitor.

Cel mai consistent capitol a fost dedicat pre-
zentării materialului arheologic descoperit în așezări, iar în cadrul acestuia cea mai mare atenție a fost acordată, evident, ceramicii. Autorul a reușit să ofere o clară imagine de ansamblu a respectivului grup de artefacte, propunând o tipologie pentru fie-
care categorie de vase ceramice delimitată în cadrul așezărilor, însotindu-le de lista siturilor în care au fost depistate și de o convingătoare ilustrare a ace-
stora. Foarte importantă a fost analiza importurilor

grecești și elaborarea hărții de distribuire a acestora, în special având în vedere valențele cronologice ale amforelor stampilate, dar și importanța acestor vestigii pentru stabilirea caracterului relațiilor cu lumea elenistică. De aceeași manieră s-a procedat și cu alte categorii de descoperiri. Astfel, hărți de distribuire au fost întocmite pentru ceramica celtică, pentru lingurile de lut, căteii de vatră, fibule și colierele în formă de coroană. Cartarea ultimelor tipuri de descoperiri sunt deosebit de importante pentru a urmări nu doar reperele cronologice, dar și distribuirea teritorială a acestora și a stabili originea populațiilor ce au adus cu sine respectivele tipuri de artefacte. În acest sens, autorul a demonstrat fără săgădă conexiunile directe cu mediul culturilor din nordul Europei Centrale – Jastorf de pe teritoriul Germaniei, Przeworsk și Oksywie de pe teritoriul Poloniei. Considerăm important să menționăm că în compartimentul prezentării materialului arheologic descoperit în așezări, autorul a venit cu o importantă contribuție în limpezirea tabloului general prin prezentarea grafică a descoperirilor pentru fiecare structură luată aparte. În acest fel, monografia pune la dispoziția cercetătorilor un important instrument de lucru care lipsea până la acest moment. Odată fiind prezentat materialul sistematizat, a fost creată baza necesară pentru compartimentul analitic, în cadrul căruia s-a pedalat pe două aspecte cheie ale culturii: cronologia așezărilor și originea descoperirilor.

Problema cronologiei culturii Poienești-Lucașeuca rămâne a fi una dintre cele mai discutate în istoriografie, fără să fi fost desprinsă vreo finalitate convingătoare. Acest subiect a fost permanent în centrul atenției colegului Vasile Iarmulschi, care, de-a lungul anilor a publicat mai multe studii dedicate acestei probleme. În monografia pe care o prezentăm, observăm conturarea unei poziții clare, cu contribuții pertinente ce au la bază metode verificate. Pentru a preciza situațiile destul de incerte care s-au conturat până în acest moment cu privire la cronologia culturii, dar și cu privire la problemele ce delimitizează periodizarea evoluției siturilor de habitat, au fost utilizate, într-o primă etapă, materialele ceramice din așezări. Acestea, fiind constituite din 31 tipuri de ceramica, au fost supuse unei analize de corespondență, pentru realizarea obiectivului fiind utilizat programul PAST (PAleotological STatistics, elaborat de Ö. Hammer, D. Harper și P. Ryan), prin care

s-au luat în calcul aspectele morfologice ale recipientelor din lut. Este adevărat că insuficiența numărului de structuri (doar 99 din 20 de situri) nu a permis să fie utilizată analiza de corespondență caracterizată prin abundență/frecvență, ci doar una de absentă/prezență. Cu toate acestea, autorul a reușit să obțină o diagramă ce i-a oferit trei faze de evoluție a siturilor de habitat. Pornind de la această situație, în procesul analitic au fost antrenate datele oferite de piesele cu relevanță cronologică (material amforistic, podoabe, piese de vestimentație etc.), care au fost corelate cu fiecare dintre grupurile delimitate. În rezultat, s-a obținut următorul tablou conform sistemului cronologic propus de Waldhauser în anul 1987 și Reckhoff 1995: fază I – LT C1b-sfârșitul LT C2; fază II – LT D1-LT D2a(parțial); LT D2a (sfârșitul) – mijlocul LT D2b. În date absolute, conform autorului, cultura Poienești-Lucașeuca ar începe la sfârșitul secolului III a. Chr. și s-ar încheia prin anii 30-20 ai secolului I a. Chr. În linii mari aceste date pot fi acceptate, având, totuși, o remarcă privind racordarea la cronologia absolută. Afirmațiile tranșante pentru ancorearea începutului culturii la final de secol III a. Chr., deși este foarte probabilă (în special în contextul informațiilor ce vin din sursele scrise), ar mai avea nevoie de argumente sigure. În viziunea mea, din numărul restrâns de așezări ce au oferit, până la acest moment, materiale cu valență cronologică, un sir întreg nu mai pot fi considerate certe. Spre exemplu, siturile de la Kruglik, Borniș și Roșiori, după o examinare mai atentă, decad din lista celor care ar putea servi drept argumente privind faza incipientă a culturii, cea din urmă așezare oferind, totuși, repere cu privire la etapa finală. Așezarea de la Lunca Ciurii ne lasă o mulțime de rezerve din cauza unui posibil orizont getic, iar situl de la Satul Nou poate furniza doar deduceri indirecte, lăsând suficiente rezerve până la noi clarificări. Cele câteva așezări care mai rămân au semnele lor de întrebare. La Goroșova, spre exemplu, descoperirile pot fi greu atribuite culturii Poienești-Lucașeuca, chiar dacă este clar că este o așezare care trebuie pusă în legătură cu avansarea populațiilor din nordul Europei. Așezarea de la Dănești la Meri este practic necunoscută, cu un număr foarte mic de materiale, iar la Ivancea cercetarea se află într-o fază cvasi-timpurie și este prematur să ne pronunțăm cu certitudine.

În cadrul ultimului compartiment, Vasile Iarmulschi a stăruit asupra problemelor ce vizează geneza culturii Poienești-Lucașeuca. Pornind de la cele trei ipoteze cristalizate de-a lungul timpului în istoriografie, autorul le-a verificat valabilitatea prin delimitarea riguroasă a analogiilor pentru cele mai expresive grupuri de descoperiri, care, în mod explicit se raportau la două grupuri bine distincte. Un grup destul de larg de artefacte, care nu au analogii în mediile locale, s-au regăsit în mod constant pe teritoriile din nordul Europei Centrale, în peninsula Jutlanda cu insulele din apropiere, dar și în teritoriile din sudul Scandinaviei. Or, este vorba de arealul de răspândire a culturilor Jastorf, Przeworsk și Oksywie care sunt sincrone cu cultura Poienești-Lucașeuca. În acest sens a fost urmărită cu acuratețe circulația diferitelor tipuri de ceramică (în special a celor din categoria vaselor fine), dar și a artefactelor care sunt caracteristice doar regiunilor nordice: a unor tipuri de fibule, a căștelor de vatră, a colonilor în formă de coroană, a lingurilor de lut etc., demonstrând în mod convingător că formarea noii culturi în spațiul silvostepiei carpato-nistrene a avut la bază o importantă componentă eterogenă ce s-a deplasat

spre Pontul Euxin din diferite regiuni nordice ale Europei Centrale, dar și în diferite segmente cronologice. Totodată, constatănd perpetuarea unor elemente ce sunt specifice culturii getice, autorul înclină să vadă în procesul de constituire a culturii Poienești-Lucașeuca un fenomen sincretic, rezultat din tradițiile populației locale și a nou-veniților din nordul Europei Centrale.

Totalizând cele expuse, constatăm elaborarea unei monografii bine închegate, cu o structură clasică pentru lucrările de acest gen, care înciude caracterul limitat al cercetărilor și materialului recuperat, ne pune la dispoziție o imagine de ansamblu suficient de inteligibilă, dar, care, în același timp, vine cu delimitarea problemelor care urmează a fi soluționate. În acest sens, monografia elaborată de colegul Vasile Iarmulschi, cu siguranță va fi una de referință, care, prin sistematizarea și analiza materialului acumulat, va reprezenta nu doar un tablou general al culturii, dar va constitui și un instrument comod de lucru pentru toți cei care vor continua să dezlege încă destul de încurcatul ghem al fenomenelor și proceselor care caracterizează ultimele secole pre-creștine în Europa Centrală.

Octavian Munteanu

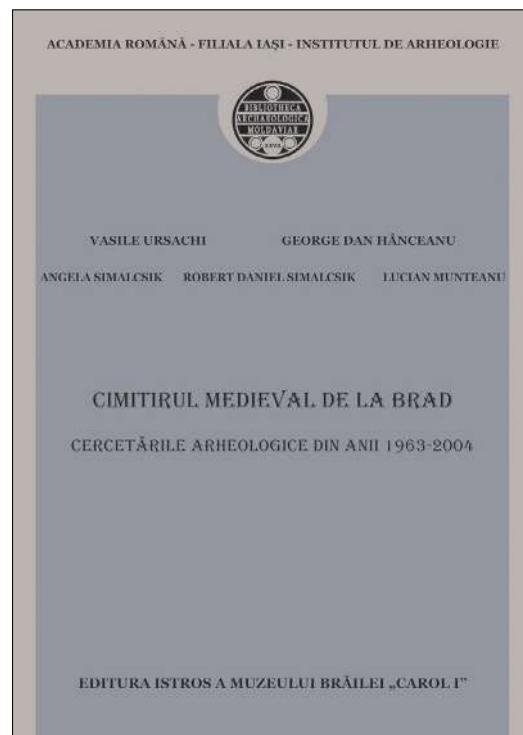
**Vasile Ursachi, George Dan Hânceanu, Angela Simalcsik,
Robert Daniel Simalcsik, Lucian Munteanu, Ana Boldureanu, Silviu Oța,
Cimitirul medieval de la Brad: cercetările arheologice din anii 1963-2004, Brăila,
Editura Istros a Muzeului Brăilei „Carol I”, 2020, 710 p. ISBN 978-606-654-371-2**

Apariția unei noi lucrări în domeniul arheologiei medievale din Moldova reprezintă un prilej de bucurie pentru cei interesați, deoarece presupune completarea bazei de date arheologice și noi oportunități în interpretarea sau reconsiderarea unor aspecte ale istoriei acestui spațiu în perioada evului mediu.

Un volum apărut recent la Editura Istros a Muzeului Brăilei „Carol I”, în condiții grafice bune, cuprinde rezultatele analizei descoperirilor arheologice din perimetrul cimitirului medieval de la Brad (comuna Negri, județul Bacău) efectuate în intervalul anilor 1963-2004 sub coordonarea arheologului dr. Vasile Ursachi, în ultima etapă a cercetărilor luând parte și colegul dr. George Dan Hânceanu. Menționăm că Vasile Ursachi este cunoscut ca întemeietor al Muzeului de Istorie din Roman și director timp de câteva decenii (1957-2005) al acestei instituții, conducător al numeroaselor șantiere arheologice (circa 25) de la Gabăra-Moldoveni, Văleni, Aldești, cetatea medievală a Romanului, ansamblul arhitectural al Episcopiei Romanului și.a. Pentru studierea cât mai completă a materialelor arheologice recuperate din aria sitului de la Brad au fost cooptați și alți cunoșcuți specialiști arheologi, numismati și antropologi de la câteva instituții muzeale și centre academice din România și Republica Moldova.

Cartea cuprinde o introducere, zece capitole, bibliografie, un rezumat în limba franceză și trei anexe, cuprindând ilustrația, un tabel al obiectelor din inventarul funerar al mormintelor cimitirului de la Brad și un repertoriu al cimitirelor medievale cercetate arheologic pe teritoriul Moldovei.

În *Introducere* (p. 11-13), semnată de Vasile Ursachi și George Dan Hânceanu, găsim date generale referitoare la situl arheologic de la Brad, amplasat pe cursul râului Siret, sit pluristratificat cu locuri din preistorie și antichitate, suprapuse de nivelul medieval și modern. Potrivit arheologilor, în cele aproape 40 de campanii arheologice, desfășurate cu întreruperi, sub egida Muzeului de Istorie din Roman, au fost scoase la lumina zilei

vestigii importante pentru reconstituirea unei imagini ample în ceea ce privește activitățile cotidiene și viața spirituală, în special riturile și ritualurile funerare, a comunităților umane care au locuit terasa Siretelui din epociile neo-eneolitică, bronz și perioada antică și medievală. De asemenea, aflăm că rezultatele cercetărilor arheologice din anii 1963-1983, cu excepția celor referitoare la necropola medievală, au fost publicate în anul 1995 într-un volum apărut în cunoscuta colecție *Bibliotheca Thracologica* a Institutului Român de Tracologie de la București. Astfel, volumul de față a fost consacrat cimitirului medieval cu cele 962 de morminte, istoriei bisericii de lemn a satului și casei marelui agronom român Ion Ionescu.

Capitolul I, *Istoricul cercetărilor* (p. 15-18), a fost întocmit, de asemenea, de Vasile Ursachi și George Dan Hânceanu, cărora se datorează și următoarele șapte capituloare ale cărții. Din acest prim capitol, aflăm despre importanța sitului de la Brad și despre participarea arheologilor de la București

și Roman începând cu anul 1962 în studierea fortificației de pe terasa stângă a Siretului, identificată cu Zargidava antică, și necropola medievală în cele 37 de campanii arheologice desfășurate până în anul 2004.

Cel de-al doilea capitol, *Metoda de cercetare. Stratigrafia sitului* (p. 10-27) cuprinde descrierea secțiunilor cercetate și explicații legate de numerotarea mormintelor descoperite, deficiențele în ceea ce privește documentarea complexelor funerare medievale și date despre stratigrafia sitului. În capitolul următor (p. 29-41), găsim descrierea mormintelor, care au aparținut unor defuncți creștini, majoritatea fiind adulți (bărbați și femei). Potrivit autorilor, nu s-a efectuat o numerotare a mormintelor în ordine crescătoare de la o campanie la alta, recurgându-se astfel la o descriere comună, grupată pe secțiuni. Spre exemplu, în unele cazuri descrierea a fost făcută pentru grupuri cuprinzând circa 100 de morminte, cum ar fi cele descoperite în secțiunea I în anii 1963-1964 (p. 29-30).

Capitolul IV, *Inventarul funerar. Analiză și interpretări* (p. 43-77) cuprinde descrierea și rezultatele analizei pieselor descoperite pe suprafața cimitirului și a celor din umplutura complexelor funerare. Autorii au considerat potrivit să prezinte înainte de toate tipologia ceramică medievală și moderne, „întrucât predomină cantitativ”, cum ar fi vasele de bucătărie (oale borcan, străchini, căni, ulcioare, pahare, capace), sfeșnicele, cahlele și pipele. De asemenea, găsim descriere obiectele din fier (piese de harnășament, unelte), bronz și argint descoperite pe suprafața necropolei. În continuare, autorii prezintă obiectele care alcătuiesc inventarul funerar, compus din obiecte de cult, piese de podoabă și vestimentație, îndeosebi cercei, inele, pandantive, diademe, nasturi ș.a., pentru care au fost aduse analogii de pe teritoriul României. Aici au fost prezentate și cărămizile cu diverse inscripții cu mențiunea că astfel de cărămizi au mai fost descoperite în necropolele din proximitatea bisericilor și mănăstirilor din Moldova și din restul spațiului românesc, indicând, de fapt, mormintele de călugări. Autorii relevă faptul că mormintele erau concentrate în zona centrală a promontoriului din preajma bisericii de lemn cu hramul Tăierea Capului Sf. Ioan Botezătorul, defuncții fiind depuși simplu în groapă sau într-un sicriu din lemn. În aria necropolei au fost

identificate morminte duble, morminte suprapuse și reînhumări. Dintre cele 962 de morminte, 145 de morminte conțineau 157 de monede, analiza acestora facilitând stabilirea limitelor cronologice a necropolei de la Brad între sfârșitul secolului al XIV-lea/începutul celui de-al XV-lea și primele decenii ale secolului al XIX-lea.

Capitolul V, *Satul Brad și biserică de lemn cu hramul „Tăierea Capului Sfântului Ioan Botezătorul”* (p. 79-87) reprezintă o încercare a autorilor de a reconstituîi cât mai cuprinzător istoria așezării medievale și moderne de la Brad și a vieții spirituale a comunității creștine de acolo, utilizând diferite categorii de surse documentare avute la îndemâna. Totodată, capitolul următor a fost consacrat personalității agronomului Ion Ionescu de la Brad, urmărindu-se descendența, moștenirea și contribuția sale în domeniul științelor agricole. În timpul cercetărilor arheologice de pe platoul de la Brad, din punctul *La Stâncă*, au fost dezvelite un beci și fundațiile casei familiei Ionescu, urmării cunoscutului neam de boieri Isăcescu. Vestigiile găsite cu prilejul săpăturilor în perimetrul fundațiilor ne dezvăluie importante aspecte ale vieții cotidiene a unor reprezentanți ai boierimii din Moldova în secolul al XIX-lea. Astfel, un capitol a fost dedicat prezentării „recipientelor din colecția „Ion Ionescu” și obiectelor din gospodăria familiei” (p. 95-107).

Un vast capitol, *Osteo-biografia populației înhumate în cimitirul medieval de la Brad*, a fost semnat de specialiștii antropologi dr. Angela Simalcsik și dr. Robert Daniel Simalcsik, cercetători în cadrul Centrului de Cercetări Antropologice „Olga Necrasov” al Academiei Române, Filiala Iași. În acest capitol, autorii au urmărit creionarea unei imagini osteo-biografice asupra unui segment populațional, relevând caracteristicile paleodemografice, biomorfometrice, tipologice și paleopatologice ale eșantionului studiat. Astfel, sunt prezentate rezultatele unei foarte bune analize comparative a datelor paleodemografice axată pe a găsi răspunsuri la o serie de întrebări referitoare la structura populației de la Brad, la cât trăiau și cum arătau membrii comunității și cât de mare era, ce anomalii „purtau”, de ce boli suferău și ce preocupări cotidiene aveau. Un spațiu important din economia capitolului a fost dedicat rezultatelor corelării datelor seriei scheletice de la Brad cu analizele eșantioanelor descoperite la

Hangu (secolul XIX), Buhalnița (secolele XVII-XIX), Secu (secolele XIX), Gherăești (secolele XVI-XVIII), Schitisor (secolele XVI/XVII-XIX), Palatul Cnejilor (secolele XVII-XIX) și.a., care, privite în ansamblu, constituie un tablou, în mare parte, comun pentru zona submontană a Moldovei. Autorii conchid, însă, că în ceea ce privește analiza paleopatologică, populația de la Brad poate fi comparată doar cu populațiile sincrone de la Berindești-Săbăoani, Piatra Neamț-Dărmănești și Piatra Neamț-Curtea Domnească, fiind identificate aceleași boli și anomalii la nivel dental și osos și traumatisme frecvent întâlnite la populația din epoca medievală, precum și o serie de trăsături epigenetice.

Potrivit autorilor, numărul scheletelor scoase la lumină în cimitirul medieval de la Brad (secolele XIV-XIX) a fost mult mai mare, „supozitie făcută atât pe baza frecvenței mormintelor duble sau triple înregistrate, cât și a informațiilor legate de un mormânt colectiv de pe aria cimitirului (în care au fost reînhumate osemintele a câteva sute de schelete provenite din morminte distruse în perioada modernă)”. De asemenea, se arată că cea mai mare parte din scheletele descoperite în perimetru necropolei medievale de la Brad au fost reînhumate într-o groapă comună, fără să beneficieze de analiză antropologică. Astfel, antropologii ieșeni analizează un eșantion format din 222 schelete provenite din 202 de morminte din cele 962 de complexe funerare semnalate, din care 79 sunt adulți de sex masculin (*adultus, maturus și senilis*), 41 sunt de sex feminin (*adultus, maturus și senilis*) și 102 sunt sub-adulți.

Ultimul capitol al cărții, *Determinări numismatice și tipologii ale pieselor de port funerare*, este structurat în două părți. Prima parte, *Descoperiri monetare în cimitirul de la Brad, județul Bacău*, a fost elaborată de cunoșcuții cercetători în domeniul numismaticii dr. Lucian Munteanu de la Institutul de Arheologie din Iași și dr. Ana Boldureanu de la Muzeul Național de Istorie a Moldovei din Chișinău. Potrivit autorilor, lotul de monede analizate este unul extrem de eterogen, fiind compus dintr-o varietate de nominaluri, care aparțin unor emitenți diverși și se datează într-un interval cronologic foarte generos, de-a lungul întregii perioade medievale și moderne. Cele 158 de monede descoperite au fost găsite în umplutura a 146 de morminte. Se arată că majoritatea complexelor funerare

conțin câte o singură piesă (133). Totodată, în câteva situații apar câte două monede (10) și, într-un singur caz, excepțional, au fost depuse trei monede (M 2/1973), iar într-un mormânt dublu (M 30-31/1974) a fost găsită o singură piesă. Cele mai vechi monede au fost emise în Moldova de Petru I Mușat (1375-1391). În morminte au fost depuse parale turcești, nominaluri mărunte imperiale, din argint (denarii târzii și duarii) și cele austriece din bronz, dar și emisiuni poloneze. Se atrage atenția asupra menținerii îndelungate în circulație a unor monede timpurii, precum denarii emisi de Matei II al Ungariei sau selagii și poltoracii de la Sigismund III al Poloniei (1587-1632), astfel de piese fiind semnalate împreună cu paralele turcești, unele dintre ele bătute la distanță de aproape două veacuri. Un alt aspect abordat în acest capitol se referă la rolul perforațiilor intenționate a monedelor din mormintele de la Brad. De asemenea, se constată că monedele găsite în această necropolă au fost extrase din circulația monetară a vremii și reprezintă un eșantion din numerarul mărunt, disponibil pe piața locală, în diferite momente, pe parcursul secolelor XIV-XIX.

Cea de-a doua parte a ultimului capitol, *Podoabe, accesorii vestimentare și piese de mobilier funerar descoperite în necropola medievală de la Brad, județul Bacău*, a fost elaborată de dr. Silviu Oța de la Muzeul Național de Istorie a României din București. Autorul scoate în evidență diversitatea lotului de piese medievale și premoderne (plăcuțe de diademă, cercei, verigi de păr, mărgele, inele, verighete, aplici, nasturi, paete, copci, ace, catarame, mânerile de la sicrii, monede), descoperite în complexele funerare de la Brad. După cum arată autorul, în analiza inventarului funerar, a urmărit caracteristicile tehnice ale pieselor descoperite, cum ar fi modul de execuție, decorul, dimensiunile, dar și cele stilistice (combinații ale decorurilor, motivele ornamentale), toate aceste detalii constituind baza stabilirii cronologiei pieselor prin analogie cu altele similare sau asemănătoare, descoperite în răsăritul Europei. Un alt aspect studiat de către Silviu Oța se referă la răspândirea teritorială și cronologică a artefactelor recuperate în necropola de la Brad. Cu certitudine, analiza acestor categorii de piese este importantă pentru reconstituirea practicilor funerare, dar mai ales pentru stabilirea preferințele locuitorilor din această zonă în materie de podoabe și accesorii

vestimentare și, nu în ultimul rând, al nivelului de trai al comunității de-a lungul secolelor.

În concluzie, volumul publicat este foarte util pentru creionarea unei istorii a arheologiei medievale românești, dar, mai ales, pentru o mai bună

înțelegere a dinamicii demografice și a stării de sănătate a populației din Moldova secolelor XIV-XIX, precum și a practicilor funerare, a circulației monetare și a nivelului de trai în perioada medievală și modernă a acestui spațiu.

Ludmila Bacumenco-Pîrnău